

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://karamzinnikolai.ru/> Приятного чтения!

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский

Царствование Феодора Борисовича Годунова. 1605 г
Еще россияне погребли Бориса с честью во храме Св. Михаила, между памятниками своих венценосцев варяжского племени; еще духовенство льстило ему и в могиле: святители в окружных грамотах к монастырям писали о беспорочной и праведной душе его, мирно отшедшей к Богу! Еще все, от патриарха и синклита до мещан и земледельцев, с видом усердия присягнули «царице Марии и детям ее, царю Феодору и Ксении, обязываясь страшными клятвами не изменять им, не умышлять на их жизнь и не хотеть на государство московское ни бывшего великого князя тверского, слепца Симеона, ни злодея, именующего себя Димитрием; не избегать царской службы и не бояться в ней ни трудов, ни смерти». Достигнув венца злодейством, Годунов был однако ж царем законным: сын естественно наследовал права его, утвержденные двукратною присягою, и как бы давал им новую силу прелестию своей невинной юности, красоты мужественной, души равно твердой и кроткой; он соединял в себе ум отца с добродетелию матери и шестнадцати лет удивлял вельмож даром слова и сведениями необыкновенными в тогдашнее время: первым счастливым плодом европейского воспитания в России; рано узнал и науку правления, отроком заседал в Думе; узнал и сладость благодеяния, всегда употребляемый родителем в посредники между законом и милостию. Чего нельзя было ожидать государству от такого венценосца? Но тень Борисова с ужасными воспоминаниями омрачала престол Феодоров: ненависть к отцу препятствовала любви к сыну. Россияне ждали только бедствий от злого племени, в их глазах опального пред Богом, и страшась быть жертвою Небесной казни за Годунова, не утрастились подвергнуться сей казни за преступление собственное: за вероломство, осуждаемое уставом Божественным и человеческим.

Еще Феодор, столь юный, имел нужду в советниках: мать его блистала единственно скромными добродетелями своего пола. Немедленно велели трем знатнейшим боярам, князьям Мстиславскому, Василию и Дмитрию Шуйским, оставить войско и быть в Москву, чтобы правительствовать в синклите; возвратили свободу, честь и достояние славному Вольскому, чтобы также пользоваться его умом и сведениями в Думе. Но всего важнее было избрание главного воеводы: искали уже не старейшего, а способнейшего, и выбрали – Басманова, ибо не могли сомневаться ни в его воинских дарованиях, ни в верности, доказанной делами блестящими. Юный Феодор в присутствии матери сказал ему с умилением: «служи нам, как ты служил отцу моему», – и сей честолюбец, пылая (так казалось) чувством усердия, клялся умереть за царя и царицу! Басманову дали в товарищи одного из знатнейших бояр, князя Михаила Катырева-Ростовского, доброго и слабодушного. Послали с ними и митрополита новгородского, Исидора, чтобы войско в его присутствии целовало крест на имя Феодора.

В.П. Верещагин. Царь Федор Борисович Годунов. 1605 г. «История государства Российского в изображении державных его правителей с кратким пояснительным текстом». 1896 г.

Несколько дней прошло в тишине для столицы. Двор и народ торжественно молились о душе царя усопшего; гораздо искреннее молились истинные друзья отечества о спасении государства, предвидя бурю. С нетерпением ждали вестей из кромского стана – и первые донесения новых воевод казались еще благоприятными.

Невидимо держа в руке судьбу отечества, Басманов 17 апреля прибыл в стан и не нашел там уже ни Мстиславского, ни Шуйских; созвал всех, чиновников и рядовых, под знамена; известил их о воцарении Феодора и прочитал им грамоты его, весьма милостивые: юный монарх обещал верному, усердному войску беспримерные награды после сорочин Борисовых. Сильное внутреннее движение обнаружилось на лицах: некоторые плакали о царе усопшем, боясь за Россию; другие не таили злой радости. Но войско, подобно Москве, присягнуло Феодору с сим известием митрополит Исидор возвратился в столицу: сам Басманов доносил о том... а через несколько дней узнали его измену!

Удивив современников, дело Басманова удивляет и потомство. Сей человек имел душу, как увидим в роковой час его жизни; не верил Самозванцу; столь ревностно обличал его и столь мужественно разил его под стенами Новгорода Северского; был

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru осыпан милостями Бориса, удостоен всей доверенности Феодора, избран в спасители царя и царства, с правом на их благодарность беспредельную, с надеждою оставить блестящее имя в летописях – и пал к ногам расстриги в виде гнусного предателя! Изъясним ли такое непонятное действие худым расположением войска? Скажем ли, что Басманов, предвидя неминуемое торжество Самозванца, хотел ускорением измены спасти себя от уничтожения: хотел лучше отдать и войско и царство обманщику, нежели быть выданным ему мятежниками? Но полки еще клялись именем Божиим в верности Феодору: какою новою ревностию мог бы одушевить их воевода, силою своего духа и закона обуздав зломысленников? Нет, верим сказанию летописца, что не общая измена увлекла Басманова, но Басманов произвел общую измену войска.

Сей честолюбец без правил чести, жадный к наслаждениям временщика, думал, вероятно, что гордые, завистливые родственники Феодоровы никогда не уступят его ближайшего места к престолу, и что Самозванец безродный, им (Басмановым) возведенный на царство, естественно будет привязан благодарностию и собственною пользою к главному виновнику своего счастья: судьба их делалась нераздельною – и кто мог затмить Басманова достоинствами личными? Он знал других бояр и себя: не знал только, что сильные духом падают как младенцы на пути беззакония! Басманов, вероятно, не дерзнул бы изменить Борису, который действовал на воображение и долговременным повелительством и блеском великого ума государственного: Феодор, слабый юностию лет и новостью державства, вселял смелость в предателя, вооруженного суемудрием для успокоения сердца: он мог думать, что изменою спасает Россию от ненавистной олигархии Годуновых, вручая скипетр хотя и Самозванцу, хотя и человеку низкого происхождения, но смелому, умному, другу знаменитого венценосца польского, и как бы избранному Судьбою для совершения достойной мести над родом святоубийцы; мог думать, что направит Лжедмитрия на путь добра и милости: обманет Россию, но загладит сей обман – ее счастьем!

Может быть, Басманов выехал из столицы еще в нерешимости, готовый действовать по обстоятельствам, для выгод своего честолюбия; может быть, он решился на измену единственно тогда, как увидел преклонность и воевод и войска к обманщику. Все целовали крест Феодору (ибо никто не дерзнул быть первым мятежником), но большею частию с нехотением или унынием. И те, которые дотоле не верили мнимому Дмитрию, стали верить ему, будучи поражены незапною смертию Годунова и находя в ней новое доказательство, что не Самозванец, а действительно наследник Иоаннов требует своего законного достояния: ибо всевышний – как они думали – несомненно благоволит о нем и ведет его, чрез могилу хищника, на царство.

Медаль «Царь Федор Борисович Годунов». Серебро. Конец XVIII – начало XIX века

Заметили также, что в присяге Феодоровой Самозванец не был именован Отрепьевым: слагали ее, вероятно, без умысла, написали единственно: клянемся не приставать к тому, кто именуется Димитрием. «Следственно, – говорили многие, – сказка о беглом диаконе чудовском уже торжественно объявляется вымыслом. Кто же сей Димитрий, если не истинный?» Самые верные имели печальную мысль, что Феодору не удалось удержаться на престоле. Такое расположение умов и сердец обещало легкий успех измене: Басманов наблюдал, решился и, готовя Россию в дар обманщику, без сомнения удостоверился, посредством тайных сношений, в его благодарности.

Оставленный на свободе в Путивле, Лжедмитрий в течение трех месяцев укреплял свои города и вооружал людей; писал к Мнишку, что надеется на счастье более, нежели когда-нибудь; посылал дары к хану, желая заключить с ним союз; ждал новых сподвижников из Галиции и был усилен дружиною всадников, приведенных к нему Михаилом Ратомским, который уверял его, что вслед за ним будет и воевода сендомирский с королевскими полками. Но только смерть Борисова, только измена воевод царских могла исполнить дерзкую надежду расстриги: о первой сведал он в конце апреля от беглеца дворянина Бахметева; о второй в начале мая, вероятно, от самого Басманова – и с того времени знал все, что происходило в стане кромском.

Отдав честь мужа думного и славу знаменитого витязя за прелесть исключительного вельможства под скиптром бродяги, Басманов, уверенный в сей награде, уверил в ней и других низких самолюбцев: боярина князя Василия Васильевича Голицына, брата его, князя Ивана, и Михаила Глебовича Салтыкова, которые также не имели ни совести, ни стыда и также хотели быть временщиками нового царствования в воздаяние за гнусное злодейство. Но и злодеи ищут благовидных предлогов в своих

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
ковах: обманывая друг друга, лицемеры находили в Лжедмитрии все признаки истинного, добродетели царские и свойства души высокой; дивились чудесной судьбе его, ознаменованной Перстом Божиим; злословили царство Годуновых, снисканное лукавством и беззаконием; оплакивали бедствие войны междоусобной и кровопролитной, необходимой для удержания короны на слабой главе Феодоровой, и в торжестве расстриги видели пользу, тишину, счастье России. Они условились в предательстве и спешили действовать.

Еще несколько дней коварствовали втайне, умножая число надежных единомышленников (между коими отличались ревностью боярские дети городов Рязани, Тулы, Коширы, Алексина); успокаивали совесть людей малоумных, недальновидных, твердя и повторяя, что для россиян одна присяга законная: данная ими Иоанну и детям его; что новейшие, взятые с них на имя Бориса и Феодора, суть плод обмана и недействительны, когда сын Иоаннов не умирал и здравствует в Путивле.

Наконец, 7 мая, заговор открылся: ударили тревогу; Басманов сел на коня и громогласно объявил Дмитрия царем московским. Тысячи воскликнули, и рязанцы первые: «Да здравствует же отец наш, государь Дмитрий Иоаннович!» Другие еще безмолвствовали в изумлении. Тогда единственно проснулись воеводы верные, обманутые коварством Басманова: князя Михаила Катырев-Ростовский, Андрей Телятевский, Иван Иванович Годунов; но поздно! Видя малое число усердных к Феодору, они бежали в Москву, вместе с некоторыми чиновниками и воинами, россиянами и чужеземцами: их гнали, били; настигли Ивана Годунова и связанного привели в стан, где войско в несчастном заблуждении торжествовало измену как светлый праздник отечества. Никто не смел изъявить сомнения, когда знаменитейший противник Самозванца, Герой Новгорода-Северского, уже признал в нем сына Иоаннова – и радость, видеть снова на троне древнее племя царское, заглушала упреки совести для оболыщенных вероломцев!.. В сей памятный беззаконием день первенствовал Басманов дерзким злодейством, а другой изменник подлым лукавством: князь Василий Голицын велел связать себя, желая на всякий случай уверить Россию, что предается обманщику неволью!

Нарушив клятву, войско с знаками живейшего усердия обязалось другою: изменив Феодору, быть верным мнимому Дмитрию, и дало знать атаману Кореле, что они служат уже одному государю. Война прекратилась: кромские защитники выползли из своих нор и братски обнимались с бывшими неприятелями на валу крепости; а князь Иван Голицын спешил в Путивль, уже не к царевичу, а к царю, с повинною от имени войска и с узником Иваном Годуновым в залог верности. Лжедмитрий имел нужду в необыкновенной душевной силе, чтобы скрыть свою чрезмерную радость: важно, величаво сидел на троне, когда Голицын, провождаемый множеством сановников и дворян, смиренно бил ему челом, и с видом благоговения говорил так: «Сын Иоаннов! Войско вручает тебе державу России и ждет твоего милосердия. Оболыщенные Борисом, мы долго противились нашему царю законному: ныне же, узнав истину, все единодушно тебе присягнули. Иди на престол родительский; царствуй счастливо и многие лета! Враги твои, клеветы Борисовы, в узах. Если Москва дерзнет быть строптивою, то смирим ее. Иди с нами в столицу, венчаться на царство!..»

В сей самый час, по известию летописца, некоторые дворяне московские, смотря на Лжедмитрия, узнали в нем диакона Отрепьева: содрогнулись, но уже не смели говорить и плакали тайно. Хитро представляя лицо монарха великодушного, тронутого раскаянием виновных подданных, счастливый обманщик не благодарил, а только простил войско; велел ему идти к Орлу и сам выступил туда 19 мая из Путивля с 600 ляхов, с донцами и своими россиянами, старейшими других в измене; хотел видеть развалины Кром, прославленные мужеством их защитников, и там, оглядев пепелище, вал, землянки козаков и необозримый, укрепленный стан, где в течение шести недель более восьмидесяти тысяч добрых воинов за семидесятью огромными пушками укрывались в бездействии, изъявил удивление и хвалился чудом Небесной к нему милости. Далее на пути встретили расстригу воеводы Михаила Салтыков, князь Василий Голицын, Шереметев и глава предательства Басманов... сей последний с искреннею клятвою умереть за того, кому он жертвовал совестью и бедным отечеством! Единодушно принятый войском как царь благодатный, Лжедмитрий распустил часть его на месяц для отдохновения, другую послал к Москве, а сам с двумя или тремя тысячами надежнейших сподвижников шел тихо вслед за нею.

Везде народ и люди воинские встречали его с дарами; крепости, города сдавались: из самой отдаленной Астрахани привезли к нему в цепях воеводу Михаила Сабурова, ближнего родственника Феодорова. Только в Орле горсть великодушных не хотела изменить закону: сих достойных россиян, к сожалению, не известных для истории, свергнул и в темницу. Все другие ревностно преклоняли колена, славили Бога и Димитрия, как некогда Героя Донского или завоевателя Казани! На улицах, на дорогах теснились к его коню, чтобы лобызать ноги Самозванца! Все было в волнении, не ужаса, но радости. Исчез оплот стыда и страха для измены: она бурною рекою стремилась к Москве, неся с собою гибель царю и народной чести. Там первыми вестниками злополучия были беглецы добросовестные, воеводы Катырев-Ростовский и Телятевский с их дружинами. Феодор, еще пользуясь царскою властью, изъявил им благодарность отечества торжественными наградами – и как бы спокойно ждал своего жребия на бедственном троне, видя вокруг себя уже не многих друзей искренних, отчаяние, недоумение, притворство, а в народе еще тишину, но грозную: готовность к великой перемене, тайно желаемой сердцами.

Может быть, зломыслие и лукавство некоторых думных советников, благоприятствуя Самозванцу, усыпляли жертву накануне ее заклания: обманывали Феодора, его мать и ближних, уменьшая опасность или предлагая меры недействительные для спасения. Власть верховная дремала в палатах Кремлевских, когда Отрепьев шел к столице, – когда имя Димитрия уже гремело на берегах Оки, – когда на самой Красной площади толпился народ, с жадностию слушая вести о его успехах. Еще были воеводы и воины верные: юный стратиг державный в виде Ангела красоты и невинности, еще мог бы смело идти с ними на сонмы ослепленных клятвопреступников и на подлого расстригу: в деле законном есть сила особенная, непонятная и страшная для беззакония. Но если не коварство, то чудное оцепенение умов предавало Москву в мирную добычу злодейству. Звук оружия и движения ратные могли бы дать бодрость унылым и страх изменникам; но спокойствие, ложное, смертоносное, господствовало в столице и служило для козней вождельным досугом.

Деятельность правительства оказывалась единственно в том, что ловили гонцов с грамотами от войска и Самозванца к московским жителям: грамоты жгли, гонцов сажали в темницу; наконец не устерегли – и в один час все совершилось!

Лжедимитрий, угадывая, что его письма не доходят до Москвы, избрал двух сановников смелых, расторопных, Плещеева и Пушкина: дал им грамоту и велел ехать в Красное село, чтобы возмутить тамошних жителей, а чрез них и столицу. Сделалось, как он думал. Купцы и ремесленники красносельские, плененные доверенностию мнимого Димитрия, присягнули ему с ревностию и торжественно ввели гонцов его (1 июня) в Москву, открытую, безоружную: ибо воины, высланные царем для усмирения сих мятежников, бежали назад, не обнажив меча; а красносельцы, слава Димитрия, нашли множество единомышленников в столице, мещан и людей служивых; других силою увлекли за собою; некоторые пристали к ним только из любопытства. Сей шумный сонм стремился к лобному месту, где, по данному знаку, все умолкло, чтобы слушать грамоту Лжедимитриеву к синклиту, к большим дворянам, сановникам, людям приказным, воинским, торговым, средним и черным.

«Вы клялись отцу моему, – писал расстрига, – не изменять его детям и потомству во веки веков, но взяли Годунова в цари. Не упрекаю вас: вы думали, что Борис умертвил меня в летах младенческих; не знали его лукавства и не смели противиться человеку, который уже самовластвовал и в царствование Феодора Иоанновича, – жаловал и казнил, кого хотел. Им обольщенные, вы не верили, что я, спасенный Богом, иду к вам с любовью и кротостию. Драгоценная кровь лилася... Но жалею о том без гнева: неведение и страх извиняют вас. Уже судьба решилась: города и войско мои. Дерзните ли на брань междоусобную в угодность Марии Годуновой и сыну ее? Им не жаль России: они не своим, а чужим владеют; упитали кровию землю Северскую и хотят разорения Москвы. Вспомните, что было от Годунова вам, бояре, воеводы и все люди знаменитые: сколько опал и бесчестия несносного? А вы, дворяне и дети боярские, чего не претерпели в тягостных службах и в ссылках? А вы, купцы и гости, сколько утеснений имели в торговле и какими неумеренными пошлинами отягощались? Мы же хотим вас жаловать беспримерно: бояр и всех мужей сановитых честию и новыми отчинами, дворян и людей приказных милостию, гостей и купцов льготою в непрерывное течение дней мирных и тихих. Дерзните ли быть непреклонными? Но от нашей царской руки не избудете: иду и сяду на престоле отца моего; иду с сильным войском, своим и литовским: ибо не только россияне, но и чужеземцы охотно жертвуют мне жизнь. Самые неверные ногаи хотели

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
следовать за мною: я велел им остаться в степях, щадя Россию. Страшиться гибели, временной и вечной; страшиться ответа в день суда Божия: смиритесь, и немедленно пришлите митрополитов, архиепископов, мужей думных, больших дворян и дьяков, людей воинских и торговых бить нам челом, как вашему царю законному». Народ московский слушал с благоговением и рассуждал так: «Войско и бояре поддались без сомнения не ложному Димитрию. Он приближается к Москве: с кем стоять нам против его силы? с горстью ли беглецов кромских? с нашими ли старцами, женами и младенцами? и за кого? за ненавистных Годуновых, похитителей державной власти? Для их спасения предадим ли Москву пламени и разорению? Но не спасем ни их, ни себя сопротивлением бесполезным. Следственно не о чем думать: должно прибегнуть к милосердию Димитрия!»

И в то время, когда сие незаконное вече располагало царством, главные советники престола трепетали в Кремле от ужаса. Патриарх молил бояр действовать, а сам, в смятении духа, не мыслил явиться на лобном месте в ризах святительских, с крестом в деснице, с благословением для верных, с клятвой для изменников: он только плакал! Знатнейшие бояре Мстиславский и Василий Шуйский, Бельский и другие думные советники вышли из Кремля к гражданам, сказали им несколько слов в увещание и хотели схватить гонцов Лжедимитриевых: народ не дал их и завопил: «Время Годуновых миновалось! Мы были с ним во тьме кромешной: солнце восходит для России! Да здравствует царь Димитрий! клятва Борисовой памяти! Гибель племени Годуновых!» С сим воплем толпы ринулись в Кремль. Стража и телохранители исчезли вместе с подданными для Феодора: действовали одни буйные мятежники; вломились во дворец и дерзостною рукою коснулись того, кому недавно присягали: стащили юного царя с престола, где он искал безопасности! Мать злосчастная упала к ногам неистовых и слезно молила не о царстве, а только о жизни милого сына!

Но мятежники еще страшились быть извергами: безвредно вывели Феодора, его мать и сестру из дворца в Кремлевский собственный дом Борисов и там приставили к ним стражу; всех родственников царских, Годуновых, Сабуровых, Вельяминовых, заключили, имение их расхитили, дома сломали; не оставили ничего целого и в жилище иноземных медиков, любимцев Борисовых; хотели грабить и погребать казенные, но удержались, когда Вольский напомнил им, что все казенное уже есть Димитриево. Сей пестун меньшого Иоаннова сына явился тогда вдруг главным советником народа, как злейший враг Годуновых, и вместе с другими боярами, малодушными или коварными, старался утишить мятеж именем царя нового. Все дали присягу Димитрию, и (3 июня) вельможи, князя Иван Михайлович Воротынский, Андрей Телятевский, Петр Шереметев, думный дьяк Власьев и другие знатнейшие чиновники, дворяне, граждане выехали из столицы с повинною к Самозванцу в Тулу. Уже вестник Плещеева и Пушкина предупредил их; уже расстрига знал все, что сделалось в Москве, и еще не был спокоен: послал туда князя Василья Голицына Мосальского и дьяка Сутупова с тайным наказом, а Петра Басманова с воинскою дружиною, чтобы мерзостным злодейством увенчать торжество беззакония.

К.Е. Маковский. Агенты Дмитрия Самозванца убивают сына Бориса Годунова. 1862 г.

Сии достойные слуги Лжедимитриевы, принятые в Москве как полновластные исполнители царской воли, начали дело свое с патриарха. Слабодушным участием в кознях Борисовых лишив себя доверенности народной, не имея мужества умереть за истину и за Феодора, онемев от страха и даже, как уверяют, вместе с другими святителями бив челом Самозванцу, надеялся ли Иов снискать в нем срамную милость? Но Лжедимитрий не верил его бесстыдству; не верил, чтобы он мог с видом благоговения возложить царский венец на своего беглого диакона – и для того послы Самозванцевы объявили народу московскому, что раб Годуновых не должен остаться первосвященником. Свергнув царя, народ во дни беззакония не усомнился свергнуть и патриарха. Иов совершал литургию в храме Успения: вдруг мятежники неистовые, вооруженные копьями и дреколем, вбегают в церковь; не слушают божественного пения; стремятся в алтарь, хватают и влекут патриарха; рвут с него одежду святительскую... Тут несчастный Иов изъявил и смирение и твердость: сняв с себя панагию и положив ее к образу Владимирской Богоматери, сказал громко: «Здесь, пред сею святою иконою, я был удостоен сана архиерейского и девятнадцать лет хранил целостность веры: ныне вижу бедствие церкви, торжество обмана и ереси. Мать Божия! спаси православие!» Его одели в черную ризу, таскали, позорили в храме, на площади и вывели в телеге из города, чтобы заключить в монастыре Старицком. – Удалив важнейшего свидетеля истины, противного Самозванцу, решили

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
судьбу Годуновых, Сабуровых и Вельяминовых: отправили их скованных в темницы городов дальних, низовых и сибирских (ненавистного Семена Годунова задавили в Переславле). Немедленно решили и судьбу державного семейства.

Юный Феодор, Мария и Ксения, сидя под стражею в том доме, откуда властолюбие Борисово извлекло их на феатр гибельного величия, угадывали свой жребий. Народ еще уважал в них святость царского сана, – может быть, и святость непорочности; может быть, в самом неистовстве бунта желал, чтобы мнимый Димитрий оказал великодушие и, взяв себе корону, оставил жизнь несчастным хотя в уединении какого-нибудь монастыря пустынного. Но великодушие в сем случае казалось расстриге несогласным с политикою: чем более достоинств личных имел сверженный, законный царь, тем более он мог страшить лжецаря, возводимого на престол злодейством некоторых и заблуждением многих; успех измены всегда готовит другую – и никакая пустыня не скрыла бы державного юношу от умиления россиян. Так, вероятно, думал и Басманов; однако ж не хотел явно участвовать в деле ужасном: зло и добро имеют степени! Другие были смелее: князя Голицын и Мосальский, чиновники Молчанов и Шереметевы, взяв с собою трех зверовидных стрельцов, 10 июня пришли в дом Борисов: увидели Феодора и Ксению сидящих спокойно подле матери в ожидании воли Божией; вырвали нежных детей из объятий царицы, развели их по особым комнатам и велели стрельцам действовать: они в ту же минуту удавили царицу Марию; но юный Феодор, наделенный от природы силою необыкновенною, долго боролся с четырьмя убийцами, которые едва могли одолеть и задушить его.

Н.П. Шаховской. Последние минуты семьи Годуновых. Конец XIX века

Ксения была несчастнее матери и брата: осталась жива: гнусный сластолюбец расстрига слышал о ее прелестях и велел князю Мосальскому взять ее к себе в дом. Москве объявили, что Феодор и Мария сами лишили себя жизни ядом; но трупы их, дерзостно выставленные на позор, имели несомнительные признаки удавления. Народ толпился у бедных гробов, где лежали две венценосные жертвы, супруга и сын властолюбца, который обожал – и погубил их, дав им престол на ужас и смерть лютейшую! «Святая кровь Димитриева, – говорят летописцы, – требовала крови чистой, и невинные пали за виновного, да страшатся преступники и за своих ближних!» Многие смотрели только с любопытством, но многие и с умилением; жалели о Марии, которая, быв дочерью гнуснейшего из палачей Иоанновых и женою святоубийцы, жила единственно благодеяниями, и коей Борис не смел никогда открывать своих злых намерений; еще более жалели о Феодоре, который цвел добродетелию и надеждою: столько имел и столько обещал прекрасного для счастья России, если бы оно угодно было Провидению! – Нарушили и спокойствие могил: выкопали тело Борисово, вложили в раку деревянную, перенесли из церкви Св. Михаила в девичий монастырь Св. Варсонофия на Сретенке и погребли там уединенно вместе с телами Феодора и Марии!

Так совершилась казнь Божия над убийцею Димитрия истинного, и началась новая над Россиею под скиптром ложного!

Царствование Лжедимитрия. 1605–1606 гг

Нелепою дерзостью и неслыханным счастьем достигнув цели – каким-то обаянием прельстив умы и сердца вопреки здравому смыслу – сделав, чему нет примера в истории: из беглого монаха, козака-разбойника и слуги пана литовского в три года став царем великой державы. Самозванец казался хладнокровным, спокойным, не удивленным среди блеска и величия, которые окружали его в сие время заблуждения, срама и бесстыдства. Тула имела вид шумной столицы, исполненной торжества и ликования: там собралось более ста тысяч людей воинских и чиновных, множество купцов и народа из всех ближних городов и селений.

Вслед за князьями Воротынским и Телятевским, избранными бить челом расстриге от имени Москвы, спешили туда и знатнейшие думные мужи: Мстиславский, Шуйские и другие, чтобы достойно вкушать плод своего малодушия: презрение от того, кому они всем жертвовали, кроме сана и богатства, бесчестного в таких обстоятельствах. Вместе с ними были в тульском дворце у Лжедимитрия козаки, новые донские выходцы (Смага Чертенский с товарищами): он дал руку им первым, и с ласкою; а боярам уже после, и с гневом за их долговременную строптивость. Пишут, что подлые козаки в присутствии Самозванца нагло ругали сих вельмож уничиженных, особенно князя Андрея Телятевского, долее других верно закону.

Вельможи представили Лжедмитрию печать государственную, ключи от казны Кремлевской, одежды, доспехи царские и сонм царедворцев для услуг его. Уже началось державство расстриги, который, по внушению ли собственного ума или советников, немедленно занялся правительством, действуя свободно, решительно, как бы человек рожденный на престоле, и с навыком власти: 11 июня [1605 г.], еще не имея вести о Феодоровом убиении, писал во все города и в самую дальнюю Сибирь, что он, укрытый невидимую силою от злодея Бориса и дозрев до мужества, правом наследия сел на государстве Московском; что духовенство, синклит, все чины и народ целовали ему крест с усердием; что воеводы городские должны немедленно взять со всех людей такую же присягу на имя царицы-матери, инокини Марфы Феодоровны, и его, царя Димитрия, с обязательством служить им верно и не давать отравы, не сноситься ни с женою, ни с сыном Борисовым, Федькою, ни с кем из Годуновых; не мстить никому, не убивать никого без указа государева, жить в тишине и мире, а на службе прямить и мужествовать неизменно. Уже Самозванец занимался и делами внешними: велел догнать посла английского, Смита, еще не выехавшего из России; взять у него Борисовы письма к королю и сказать ему, что новый царь, в знак особенного дружества к Англии, даст ее купцам новые выгоды в торговле и немедленно после своего венчания отправит из Москвы знатного сановника в Лондон, следуя европейскому обычаю и движению истинной любви к Иакову.

Лжедмитрий I. Иллюстрация из альбома Д.А. Ровинского «Достоверные портреты московских государей Ивана III, Василия Ивановича и Ивана IV Грозного и посольств их времени»

Узнав, что воля его исполнилась: патриарх свержен, Феодор и Мария в могиле, их ближние изгнаны, Москва спокойна и с нетерпением ждет воскресшего Димитрия, – Самозванец выступил из Тулы и 16 июня расположился станом на лугах Москвы-реки, у села Коломенского, где все чиновники и знатнейшие граждане поднесли ему хлеб-соль, золотые кубки и соболей, а бояре великолепнейшую утварь царскую и говорили с видом единодушного усердия: «Иди и владей достоянием твоих предков. Святыя храмы, Москва и чертоги Иоанновы ожидают тебя. Уже нет злодеев: земля поглотила их. Настало время мира, любви и веселия».

Лжедмитрий отвечал, что забывает вины детей и будет не грозным владыкою, а ласковым отцом России. Тут же явились и немцы с челобитною: быв до конца верны Борису, оказав мужество в двух битвах, не хотев участвовать и в измене воевод под Кромами, они молили Самозванца не вменять им дела добросовестного в преступление и писали: «мы честно исполнили долг присяги и как служили Борису, так готовы служить и тебе, уже царю законному». Лжедмитрий принял их начальников весьма милостиво и сказал: «Будьте для меня то же, что вы были для Годунова: я верю вам более, нежели своим русским!» Он хотел видеть немецкого чиновника, державшего знамя в Добрынской битве, и, положив ему руку на грудь, славил его неустранимостью: чего не могли слушать россияне с удовольствием; но они должны были изъявлять радость!

20 июня, в прекрасный летний день, Самозванец вступил в Москву, торжественно и пышно. Впереди поляки, литаврщики, трубачи, дружина всадников с копьями, пищальники, колесницы, заложенные шестернями и верховые лошади царские, богато украшенные; далее барабанщики и полки россиян, духовенство с крестами и Лжедмитрий на белом коне, в одежде великолепной, в блестящем ожерелье, ценою в 150 тысяч червонных: вокруг его шестьдесят бояр и князей; за ними дружина литовская, немцы, козаки и стрельцы. Звонили во все колокола московские. Улицы были наполнены бесчисленным множеством людей; кровли домов и церквей, башни и стены также усыпаны зрителями. Видя Лжедмитрия, народ падал ниц с восклицанием: «Здравствуй отец наш, государь и великий князь Димитрий Иоаннович, спасенный Богом для нашего благоденствия! Сияй и красуйся, о солнце России!»

Лжедмитрий всех громко приветствовал и называл своими добрыми подданными, веля им встать и молиться за него Богу. Невзирая на то, он еще не верил москвитянам: ближние чиновники его скакали из улицы в улицу и непрестанно доносили ему о всех движениях народных: все было тихо и радостно.

Но вдруг, когда Лжедмитрий чрез живой мост и ворота Москворецкие выехал на

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
площадь, сделался страшный вихрь: всадники едва могли усидеть на конях; пыль взвилась столбом и заслепила им глаза, так что царское шествие остановилось. Сей случай естественный поразил воинов и граждан; они крестились в ужасе, говоря друг другу: «Спаси нас, Господи, от беды! Это худое предзнаменование для России и Димитрия!»

Тут же люди благочестивые были встревожены соблазном: когда расстрига, встреченный святителями и всем клиром московским на лобном месте, сошел с коня, чтобы приложиться к образам, литовские музыканты играли на трубах и били в бубны, заглушая пение молебна. Увидели и другую непристойность: вступив за духовенством в Кремль и в соборную церковь Успения, Лжедимитрий ввел туда и многих иноверцев, ляхов, венгров: чего никогда не бывало и что казалось народу осквернением храма. Так расстрига на самом первом шагу изумил столицу легкомысленным неуважением к святыне!.. Оттуда спешил он в церковь архистратига Михаила, где с видом благоговения преклонился на гроб Иоаннов, лил слезы и сказал: «О, родитель любезный! Ты оставил меня в сиротстве и гонении; но святыми твоими молитвами я цел и державствую!» Сие искусное лицедейство было не бесполезно: народ плакал и говорил: «то истинный Димитрий!» Наконец расстрига в чертогах Иоанновых сел на престол государей московских.

В сей час многие вельможи вышли из дворца на Красную площадь к народу и с ними Богдан Вольский, который стал на лобное место, снял с груди своей образ Св. Николая, поцеловал его и клялся московским гражданам, что новый государь есть действительно сын Иоаннов, сохраненный и данный им Николаем Чудотворцем; убеждал россиян любить того, кто возлюблен Богом, и служить ему верно. Народ отвечив единогласно: «Многие лета государю нашему Димитрию! Да погибнут враги его!» Торжество казалось искренним, общим. Самозванец с вельможами и духовенством пировал во дворце, граждане на площадях и дома; пили и веселились до глубокой ночи. «Но плач был недалеко от радости, – говорит летописец, – и вино лилось в Москве пред кровию».

Объявили милости: Лжедимитрий возвратил свободу, чины и достояние не только Нагим, мнимым своим родственникам, но и всем опальным Борисова времени: страдальца Михаила Нагого пожаловал в сан великого конюшего, брата его и трех племянников, Ивана Никитича Романова, двух Шереметевых, двух князей Голицыных, Долгорукого, Татеева, Куракина и Кашина в бояре; многих в окольные чины, и между ими знаменитого Василья Щелкалова, удаленного от дел Борисом; князя Василья Голицына назвал великим дворецким, Бельского великим оружничим, князя Михаила Скопина-Шуйского великим мечником, князя Лыкова-Оболенского великим крайчим, Пушкина великим сокольничим, дьяка Сутупова великим секретарем и печатником, а Власьева также секретарем великим и надворным подскарбием, или казначеем, – то есть, кроме новых чинов, первый ввел в России наименования иноязычные, заимствованные от ляхов.

Лжедимитрий вызвал и невольного, опального инока Филарета из Сийской пустыни, чтобы дать ему сан митрополита Ростовского; сей добродетельный муж, некогда главный из вельмож и ближних царских, имел наконец сладостное утешение видеть тех, о коих и в жизни отшельника тосковало его сердце: бывшую супругу свою и сына. С того времени инокиня Марфа и юный Михаил, отданный ей на воспитание, жили в епархии Филаретовой близ Костромы в монастыре Св. Ипатия, где все напоминало непрочную знаменитость и разительное падение их личных злодеев: ибо сей монастырь в XIV веке был основан предком Годуновых мурзою Четом и богато украшен ими.

А.П. Боголюбов. Ипатьевский монастырь близ Костромы. 1861 г.

Странное пугалище воображения Борисова, мнимый царь и великий князь Иоаннова времени Симеон Бекбулатович, ослепленный, как уверяют, и сосланный Годуновым, также удостоился Лжедимитриева благоволения в память Иоанну: ему велели быть ко двору, оказали великую честь и дозволили снова именоваться царем. Сняли опалу с родственников Борисовых и дали им места воевод в Сибири и в других областях дальних. Не забыли и мертвых: тела Нагих и Романовых, усопших в бедствии, вынули из могил пустынных, перевезли в Москву и схоронили с честью там, где лежали их предки и ближние.

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru

Угодив всей России милостями к невинным жертвам Борисова тиранства, Лжедмитрий старался угодить ей и благодеяниями общими: удвоил жалованье сановникам и войску; велел заплатить все долги казенные Иоаннова царствования, отменил многие торговые и судные пошлины; строго запретил всякое мздоимство и наказал многих судей бессовестных; обнародовал, что в каждую среду и субботу будет сам принимать челобитные от жалобщиков на Красном крыльце.

Он издал также достопамятный закон о крестьянах и холопах: указал всех беглых возвратить их отчинникам и помещикам, кроме тех, которые ушли во время голода, бывшего в Борисово царствование, не имея нужного пропитания; объявил свободными слуг, лишенных воли насильем, без крепостей внесенных в государственные книги. Чтобы оказать доверенность к подданным, Лжедмитрий отпустил своих иноземных телохранителей и всех ляхов, дав каждому из них в награду за верную службу по сороку золотых, деньгами и мехами, но тем не удовлетворив их корыстолюбие: они хотели более, не выезжали из Москвы, жаловались и пировали!

Плененный обычаями той земли, где началась его жизнь пышная и где все казалось ему блестящим, превосходным в сравнении с Россиею, Лжедмитрий не удовольствовался введением новых чинов и наименований: он спешил, в духе сего подражания, изменить состав нашей древней Государственной думы: указал заседать в ней, сверх патриарха (что в важных случаях и дотоле бывало), четверем митрополитам, семи архиепископам и трем епископам, надеясь, может быть, обольстить тем мирское честолюбие духовенства, а более всего желая следовать уставу Королевства Польского; назвал всех мужей думных сенаторами, умножил число их до семидесяти, сам ежедневно там присутствовал, слушал и решал дела, как уверяют, с необыкновенною легкостью.

Пишут, что он, имея дар красноречия, блистал им в совете, говорил много и складно, любил уподобления, часто ссылаясь на историю, рассказывал, что сам видел в иных землях, то есть в Литве и в Польше; изъявлял особенное уважение к королю французскому, Генрику IV; хвалился, подобно Борису, милосердием, кротостью, великодушием и твердил людям ближним: «Я могу двумя способами удержаться на престоле: тиранством и милостью; хочу испытать милость и верно исполнить обет, данный мною Богу: не проливать крови». Так говорил убийца непорочного Феодора и благодетельной Марии!..

Расстригу славили: московский Благовещенский протоиерей Терентий сочинил ему похвальное слово, как венценосцу доблестному носящему на языке милость, а патриарх Иерусалимский униженною грамотою известил его, что вся Палестина ликует о спасении Иоаннова сына, предвидя в нем будущего своего избавителя, и что три лампы денно и ночью пылают над гробом Христовым во имя царя Димитрия.

Ближние люди Самозванца советовали ему, для утверждения своей власти, немедленно венчаться на царство: ибо многие думали, что и злосчастный Феодор не столь легко сделался бы жертвою измены, если бы успел освятить себя в глазах народа саном помазанника. Сей обряд торжественный надлежало совершить патриарху: не доверяя российскому духовенству, Лжедмитрий на место сверженного Иова выбрал чужеземца, грека Игнатия, архиепископа Кипрского, который, быв изгнан из отечества турками, жил несколько времени в Риме, приехал к нам в царствование Феодора Иоанновича, угодил Борису и с 1603 года правил епархию рязанскую. Он снискал милость Самозванца, встретив его еще в Туле; не имел ни чистой веры, ни любви к России, ни стыда нравственного и казался ему надежнейшим орудием для всех замыслаемых им соблазнов. Наспех поставили Игнатия в патриархи и наспех готовились к царскому венчанию; а Лжедмитрий готовил между тем иное торжественное явление, необходимое для полного удостоверения и Москвы и России, что венец Мономахов возлагается на главу Иоаннова сына.

Войско, синклит, все чины государственные признали обманщика Димитрием, все, кроме матери, которой свидетельство было столь важно и естественно, что народ без сомнения ожидал его с нетерпением. Уже Самозванец около месяца властвовал в Москве, а народ еще не видал царицы-инокини, хотя она жила только в пятистах верстах оттуда: ибо Лжедмитрий не мог быть уверен в ее согласии на обман, столь противный святому званию инокини и материнскому сердцу.

Тайные сношения требовали времени: с одной стороны, представили ей жизнь царскую, а с другой, муки и смерть; в случае упрямства, страшного для обманщика, могли задушить несчастную – сказать, что она умерла от болезни или радости, и великолепными похоронами мнимой государевой матери успокоить народ легковерный.

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru

Вдовствующая супруга Иоаннова, еще не старая летами, помнила удовольствия света, двора и пышности; тринадцать лет плакала в унижении, страдала за себя, за своих ближних – и не усомнилась в выборе. Тогда Лжедмитрий уже гласно послал к ней в Выксинскую пустыню великого мечника князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского и других людей знатных с убедительным челобитьем нежного сына благословить его на царство – и сам, 18 июля, выехал встретить ее в селе Тайнинском.

Двор и народ были свидетелями любопытного зрелища, в коем лицемерное искусство имело вид искренности и природы. Близ дороги расставили богатый шатер, куда ввели царицу и где Лжедмитрий говорил с нею наедине – не знали, о чем; но увидели следствие: мнимые сын и мать вышли из шатра, изъявляя радость и любовь; нежно обнимали друг друга и произвели в сердцах многих зрителей восторг умиления. Добродушный народ обливался слезами, видя их в глазах царицы, которая могла плакать и нелицемерно, вспоминая об истинном Димитрии и чувствуя свой грех пред ним, пред совестью и Россиею!

Лжедмитрий посадил Марфу в великолепную колесницу; а сам с открытою головою шел несколько верст пешком, окруженный всеми боярами; наконец сел на коня, ускакал вперед и принял царицу в Иоанновых палатах, где она жила до того времени, как изготовили ей прекрасные комнаты в Вознесенском девичьем монастыре с особенною царскою услугою.

Там Самозванец, в лице почтительного и нежного сына, ежедневно виделся с нею; был доволен искусным ее притворством, но удалял от нее всех людей сомнительных, чтобы она не имела случая изменить ему в важной тайне, от нескромности или раскаяния.

21 июля совершилось венчание с известными обрядами; но россияне изумились, когда, после сего священного действия, выступил иезуит Николай Черниковский, чтобы приветствовать нововенчанного монарха непонятною для них речью на языке латинском. Как обыкновенно, все знатнейшее духовенство, вельможи и чиновники пировали в сей день у царя, силясь наперерыв оказывать ему усердие и радость – но уже многие лицемерно, ибо общее заблуждение не продолжилось!

Первым врагом Лжедмитрия был сам он, легкомысленный и вспыльчивый от природы, грубый от худого воспитания, – надменный, безрассудный и неосторожный от счастья. Удивляя бояр острою и живостию ума в делах государственных, державный проходец часто забывался: оскорблял их своими насмешками, упрекал невежеством, дразнил хвалою иноземцев и твердил, что россияне должны быть их учениками, ездить в чужие земли, видеть, наблюдать, образоваться и заслужить имя людей. Польша не сходила у него с языка.

Он распустил своих иностранных телохранителей, но исключительно ласкал поляков, только им давал всегда свободный к себе доступ, с ними обходился дружески и советовался как с ближними; взял даже в тайные царские секретари двух ляхов Бучинских. Российские вельможи, изменив закону и чести, лишились права на уважение, но хотели его от того, кому они пожертвовали законом и честью: самолюбие не безмолвствует и в стыде и в молчании совести.

Питер де Йоде. Лжедмитрий. Подпись под портретом «Дмитрий Великий Князь Московский». Надпись на портрете «Действительный портрет Великого Князя Московии, убитого своими же подданными 18 мая 1606 года». Амстердам. 1606 г.

Только один россиянин от начала до конца пользовался доверенностью и дружбою Самозванца: всех виновнейший Басманов; но и сей несчастный ошибся: видел себя единственно любимцем, а не руководителем Лжедмитрия, который не для того искал престола, чтобы сидеть на нем введшим учеником Басманова: иногда спрашивался, иногда слушал его, но чаще действовал вопреки наставнику, по собственному уму или безумию. Грубостию огорчая бояр, Самозванец допускал их однако ж в разговорах с ним до вольности необыкновенной и несогласной с мыслями россиян о высоте царского сана, так что бояре, им не уважаемые, и сами уважали его менее прежних государей.

Самозванец скоро охладил к себе и любовь народную своим явным неблагоразумием.

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru

Снискав некоторые познания в школе и в обхождении с знатными ляхами, он считал себя мудрецом, смеялся над мнимым суевением набожных россиян и, к великому их соблазну, не хотел креститься пред иконами; не велел также благословлять и кропить Святою водою царской трапезы, садясь за обед не с молитвою, а с музыкою. Не менее соблазнялись россияне и благоволением его к иезуитам, коим он в священной ограде Кремлевской дал лучший дом и позволил служить латинскую Обедню.

Страстный к обычаям иноземным, ветреный Лжедмитрий не думал следовать русским: желал во всем уподобляться ляху, в одежде и в прическе, в походке и в телодвижениях; ел телятину, которая считалась у нас заповедным, грешным яством; не мог терпеть бани и никогда не ложился спать после обеда (как издревле делали все россияне от венценосца до мещанина), но любил в сие время гулять: украдкою выходил из дворца, один или сам-друг; бегал из места в место, к художникам, золотарям, аптекарям; а царедворцы, не зная, где царь, везде искали его с беспокойством и спрашивали о нем на улицах: чему дивились москвитяне, дотоле видав государей только в пышности, окруженных на каждом шагу толпою знатных сановников.

Все забавы и склонности Лжедмитриево казались странными: он любил ездить верхом на диких бешеных жеребцах и собственною рукою, в присутствии двора и народа, бить медведей; сам испытывал новые пушки и стрелял из них в цель с редкою меткостью; сам учил воинов, строил, брал приступом земляные крепости, кидался в свалку и терпел, что иногда толкали его небрежно, сшибали с ног, давили – то есть хвалился искусством всадника, зверолова, пушкаря, бойца, забывая достоинство монарха. Он не помнил сего достоинства и в действиях своего нрава вспылчивого: за малейшую вину, ошибку, неловкость выходил из себя и бивал палкою знатнейших воинских чиновников – а низость в государе противнее самой жестокости для народа.

Осуждали еще в Самозванце непомерную расточительность: он сыпал деньгами и награждал без ума; давал иноземным музыкантам жалованье, какого не имели и первые государственные люди; любя роскошь и великолепие, непрестанно покупал, заказывал всякие драгоценные вещи и месяца в три издержал более семи миллионов рублей – а народ не любит расточительности в государях, ибо страшится налогов.

Описывая тогдашний блеск московского двора, иноземцы с удивлением говорят о Лжедмитриевом престоле, вылитом из чистого золота, обвешенном кистями алмазными и жемчужными, утвержденном внизу на двух серебряных львах и покрытом крестообразно четырьмя богатыми щитами, над коими сиял золотой шар и прекрасный орел из того же металла. Хотя расстрига ездил всегда верхом, даже в церковь, но имел множество колесниц и саней, окованных серебром, обитых бархатом и соболями; на гордых азиатских его конях седла, узды, стремена блистали золотом, изумрудами и яхонтами; возницы, конюхи царские одевались как вельможи. Не любя голых стен в палатах Кремлевских, находя их печальными и сломав деревянный дворец Борисов как памятник ненавистный, Самозванец построил для себя, ближе к Москве-реке, новый дворец, также деревянный, украсил стены шелковыми персидскими тканями, цветные изразцовые печи серебряными решетками, замки у дверей яркою позолотою, и в удивление москвитянам пред сим любимым своим жилищем поставил изваянный образ адского стража, медного огромного Цербера, коего три челюсти от легкого прикосновения разверзались и бряцали: «чем Лжедмитрий, – как сказано в летописи, – предвестил себе жилище в вечности: ад и тьму кромешную!»

Действуя вопреки нашим обычаям и благоразумию, Лжедмитрий презирал и святейшие законы нравственности: не хотел обуздывать вожделий грубых и, пылая сластолюбием, явно нарушал уставы целомудрия и пристойности, как бы с намерением уподобиться тем мнимому своему родителю; бесчестил жен и девиц, двор, семейства и святые обители дерзостию разврата и не устыдился дела гнуснейшего из всех его преступлений: убив мать и брата Ксении, взял ее себе в наложницы. Красота сей несчастной царевны могла увянуть от горести; но самое отчаяние жертвы, самое злодейство неистовое казалось прелестию для изверга, который сим одним мерзостным бесстыдством заслужил свою казнь, почти сопредельную с торжеством его... Чрез несколько месяцев Ксению постригли, назвали Ольгою и заключили в пустыне на Белеозере, близ монастыря Кириллова.

Но Самозванец под личиною Димитрия, вероятно, мог бы еще долго безумствовать и злодействовать в венце Мономаховом, если бы сия, как бы волшебная личина не спала с него в глазах народа: столь велико было усердие россиян к древнему племени державному! Заблуждение возвысило бродягу: истина долженствовала

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
низвергнуть обманщика. Не один удаленный Иов знал беглеца чудовского в Москве: надеялся ли расстрига казаться другим человеком, стараясь казаться полуляхом и черную ризу инока пременив на царскую? Или, ослепленный счастьем, уже не видал для себя опасности, имея в руках своих власть с грозой и считая россиян стадом овец бессловесных? Или дерзостию мыслил уменьшить сию опасность, поколебать удостоверение, сомкнуть уста робкой истине?

Он не думал скрываться и смело смотрел в глаза всякому любопытному на улицах; не ходил только в святую обитель Чудовскую, место неприятных для него знакомств и воспоминаний. Итак, не удивительно, что в самом начале нового царствования, когда Москва еще гремела хвалою Димитрия, уже многие люди шептали между собою о действительном сходстве его с диаконом Григорием; хвала умолкала от безрассудности и худых дел царя, а шепот становился внятнее – и скоро взволновал столицу. Первый уличителем и первою жертвою был инок, который сказал всенародно, что мнимый Димитрий известен ему с детских лет под именем Отрепьева, учился у него грамоте и жил с ним в одном монастыре: инока тайно умертвили в темнице.

Н.В. Неврев. Ксения Борисовна Годунова, приведенная к Самозванцу. 1882 г.

Нашелся и другой, опаснейший свидетель истины – тот, кому судьба вручала месть праведную, но коего час еще не наступил: князь Василий Шуйский. В смятении ужаса признав бродягу царем, вместе с иными боярами, он менее всех мог извиняться заблуждением, ибо собственными глазами видел Иоаннова сына во гробе. Терзаясь ли горестию и стыдом или имея уже дальновидные тайные замыслы властолюбия, Шуйский недолго безмолвствовал в столице: сказал ближним, друзьям, приятелям, что Россия у ног обманщика; внушал и народу, чрез своих поверенных, купца Федора Конева и других, что Годунов и святитель Иов объявляли совершенную правду о Самозванце, еретике, орудии ляхов и папистов.

Еще Лжедимитрий имел многих ревностных слуг: Басманов узнал и донес ему о Семкове, опасном знатностию виновника. Взяли Шуйского с братьями под стражу и велели судить, как дотоле еще никого не судили в России: Собором, избранным людям всех чинов и званий. Летописец уверяет, что князь Василий в сем единственном случае жизни своей явил себя Героем: не отрицался: смело, великодушно говорил истину, к искреннему и лицемерному ужасу судей, которые хотели заглушить ее воплем, проклиная такие хулы на венценосца. Шуйского пытали: он молчал; не назвал никого из соумышленников и был один приговорен к смертной казни: братьев его лишали только свободы.

В глубокой тишине народ теснился вокруг лобного места, где стоял осужденный боярин (как бывало в Иоанново время!) подле секиры и плахи, между дружинами воинов, стрельцов и казаков; на стенах и башнях Кремлевских также блистало оружие для устрашения москвитян, и Петр Басманов, держа бумагу, читал народу от имени царского: «Великий боярин, князь Василий Иванович Шуйский, изменил мне, законному государю вашему, Димитрию Иоанновичу всея России; коварствовал, злословил, ссорил меня с вами, добрыми подданными: называл лжецарем; хотел свергнуть с престола. Для того осужден на казнь: да умрет за измену и вероломство!»

Народ безмолвствовал в горести, издавна любя Шуйских, и пролил слезы, когда несчастный князь Василий, уже обнажаемый палачом, громко воскликнул к зрителям: «Братья! Умираю за истину, за Веру христианскую и за вас!» Уже голова осужденного лежала на плахе... Вдруг слышат крик: стой! и видят царского чиновника, скачущего из Кремля к лобному месту, с указом в руке: объявляют помилование Шуйскому!

Тут вся площадь закипела в неопisanном движении радости: славили царя, как в первый день его торжественного вступления в Москву; радовались и верные приверженники Самозванца, думая, что такое милосердие дает ему новое право на любовь общую; негодовали только дальновиднейшие из них, и не ошиблись: мог ли забыть Шуйский пытки и плаху? Узнали, что не ветреный Лжедимитрий вздумал тронуть сердца сим неожиданным действием великодушия, но что царица-инокиня слезным молением убедила мнимого сына не казнить врага, который искал головы его!..

Совесть, вероятно, терзала сию несчастную пособницу обмана: спасая мученика истины, Марфа надеялась уменьшить грех свой пред людьми и Богом. Вместе с нею ходатайствовали за осужденного и некоторые ляхи, видя, сколь живое участие принимали москвитяне в судьбе его и желая снискать тем их благодарность. Всех трех Шуйских, князя Василия, Дмитрия, Ивана, сослали в пригороды галицкие; имение их описали, дома опустошили.

Тогда же разгласилось в Москве и свидетельство многих галичан, единоплеменцев и самых ближних Григория Отрепьева: дяди, брата и даже матери, добросовестной вдовы Варвары: они видели его, узнали и не хотели молчать. Их заключили; а дядю, Смирного-Отрепьева (в 1604 году ездившего к Сигизмунду для уличения племянника), сослали в Сибирь.

А.Е. Земцов. Помилование князя Василия Шуйского перед казнью

Схватили еще дворянина Петра Тургенева и мещанина Федора, которые явно возмущали народ против лжецаря. Самозванец велел казнить обоих торжественно и с удовольствием видел, что народ, благодарный ему за помилование Шуйского, не изъявил чувствительности к великодушию сих двух страдальцев; оба шли на смерть без ужаса и раскаяния, громогласно именуя Лжедмитрия Антихристом и любимцем Сатаны, жалея о России и предсказывая ей бедствие; чернь ругалась над ними, восклицая: «умираете за дело!»

С сего времени не умолкали доносы, справедливые и ложные, как в Борисово царствование: ибо Самозванец, дотоле желав хвалиться милосердием, уже следовал иным правилам: хотел грозою унять дерзость и для того благоприятствовал изветам. Пытали, казнили, душили в темницах, лишали имения, ссылали за слово о расстриге. По таким ли доносам, или единственно опасаясь нескромности своих старых приятелей, Лжедмитрий велел удалить многих чудовских иноков в другие, пустынные обители, хотя (что достойно замечания) оставил в покое Крутицкого митрополита Пафнутия, который с первого взгляда узнал в нем диакона Григория, быв в его время архимандритом сего монастыря, но, как вероятно, лицемерным или бессовестным изъятием усердия к Самозванцу спас себя от гонения.

Молчали и другие в боязни, так что столица казалась тихой. Но расстрига сделался осторожнее и, явно не доверяя москвитянам, снова окружил себя иноплемениками: выбрал триста немцев в свои телохранители, разделил их на три особенные дружины под начальством капитанов: француза Маржерета, ливонца Кнутсена и шотландца Вандемана; одел весьма богато в камку и бархат; вооружил алебардами и протазанами, секирами и бердышами с золотыми орлами на древках, с кистями золотыми и серебряными; дал каждому воину, сверх поместья, от сорока до семидесяти рублей денежного жалованья – и с того времени уже никуда не ездил и не ходил один, всюду провождаемый сими грозными телохранителями, за коими только вдали следовали бояре и царедворцы. Мера достойная бродяги, игрою Судьбы вознесенного на степень державства: триста иноземных секир и копий должны были спасать его от предполагаемой измены целого народа и полумиллиона воинов, бесполезно раздражаемых знаками недоверия обидного!

Между тем Лжедмитрий хотел веселья: музыка, пляска и зернь были ежедневно забавою двора. Угождая вкусу царя к пышности, все знатные и незнатные старались блистать одеждою богатою. Всякий день казался праздником. «Многие плакали в домах, а на улицах казались веселыми и нарядными женихами», – говорит летописец. Смирный вид и смиренная одежда для людей небогих считались знаком худого усердия к царю веселому и роскошному, который сим призраком благосостояния желал уверить Россию в ее златом веке под державою обманщика.

Утишив, как он думал, Москву, Лжедмитрий спешил исполнить обет, данный его благодарностию, сердцем или политикою: предложить руку и венец Марине, которая любовь и доверенностию к бродяге заслуживала честь сидеть с ним на троне. Сношения между воеводою Сендомирским и нареченным его зятем не прерывались: Самозванец уведомлял Мнишка о всех своих успехах, называл всегда отцом и другом; писал к нему из Путивля, Тулы, Москвы; а воевода писал не только к Самозванцу, но и к боярам московским, требуя их признательности такими словами: «Способствовал счастью Димитрия, я готов стараться, чтобы оно было и счастьем России, побуждаемый к сему моею всегдашнею к ней любовью и надеждою на вашу

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
благодарность, когда вы увидите мое ревностное о вас ходатайство пред троном, и будете иметь новые выгоды, новые важные права, неизвестные доньше в Московском государстве».

Наконец (в сентябре месяце) Лжедмитрий послал великого секретаря и казначея Афанасия Власьева в Краков для торжественного сватовства, дав ему грамоту к Сигизмунду и другую от царицы-инокини Марфы к отцу невестину. Могли ли россияне одобрить сей брак с иноверкою, хотя и знатного, но не державного племени, – с удовольствием видеть спесивого пана тестем царским, ждаты к себе толпу его ближних, не менее спесивых, и раболепно чтить в них свойство с венценосцем, который избранием чужеземной невесты оказывал презрение ко всем благородным россиянкам? Самозванец, вопреки обычаю, даже и не известил бояр о сем важном деле: говорил, советовался единственно с ляхами. Но, легкомысленно досаждая россиянам, он в то же время не вполне удовлетворял и желаниям своих друзей иноземных.

Никто ревностнее нунция папского, Рангони, не служил обманщику: пышною грамотою приветствуя Лжедмитрия на троне, Рангони славил Бога и восклицал: мы победили! льстил ему хвалами неумеренными и надеялся, что соединение церквей будет первым из его дел бессмертных; писал: «Изображение лица твоего уже в руках Св. Отца, исполненного к тебе любви и дружества. Не медли изъявить свою благодарность Главе верных... и прими от меня дары духовные: образ сильного Воеводы, коего содействием ты победил и царствуешь; четки молитвенные и Библию латинскую, да услаждаешься ее чтением, и да будешь вторым Давидом».

Скоро прибыл в Москву и чиновник римский, граф Александр Рангони (племянник нунция) с апостольским благословением и с поздравительною грамотою от преемника Климентова, нетерпеливого в желании видеть себя главою нашей церкви; но Самозванец в учтивом ответе, хваляся чудесною к нему благостию Божиею, истребившего злодея, отцеубийцу его, не сказал ни слова о соединении церквей: говорил только о великодушном своем намерении жить не в праздности, но вместе с императором идти на султана, чтобы стереть державу неверных с лица земли, убеждая Павла V не допускать Рудольфа до мира с турками: для чего хотел отправить в Австрию и собственного посла. Лжедмитрий писал и вторично к папе, обещая доставить безопасность его миссионариям на пути их и России в Персию и быть верным в исполнении данного ему слова; посылал и сам иезуита Андрея Лавицкого в Рим, но, кажется, более для государственного, нежели церковного дела: для переговоров о войне Турецкой, которую он действительно замыслил, пленяясь в воображении ее славою и пользою. Надменный счастьем, рожденный смелым и с любовью к опасностям, Самозванец в кружении легкой головы своей уже не был доволен государством Московским: хотел завоеваний и держав новых! Сия ревность еще сильнее воспыкала в нем от донесения воевод терских, что их стрельцы и козаки одержали верх в сшибке с турками и что некоторые данники султанские в Дагестане присягнули России. Издавна проповедуя в Европе необходимость всеобщего восстания держав христианских на Оттоманскую, мог ли Рим не одобрить намерения Лжедмитриева?

Папа славил Царя-Героя, советуя ему только начать с ближайшего: с Тавриды, чтобы истреблением гнезда злодейского, столь бедоносного для России и Польши, отрезать крылья и правую руку у султана в войне с императором; однако ж имел причину не доверять ревности Самозванца к латинской церкви, видя, как он в письмах своих избегает всякого ясного слова о Законе. Кажется, что Самозванец охладел в усердии сделать россиян папистами: ибо, невзирая на свойственную ему безрассудность, усмотрел опасность сего нелепого замысла и едва ли бы решился приступить к исполнению одного, если бы и долее царствовал.

Скоро увидел и главный благодетель Лжедмитриев, Сигизмунд лукавый, что счастье и престол изменили того, кто еще недавно в восторге лобызал его руку, безмолвствовал и вздыхал пред ним, как раб униженный. Быв непосредственным виновником успехов Самозванца – оказав бродяге честь сына царского, дав ему деньги, воинов и тем склонив народ северский верить обману, – Сигизмунд весьма естественно ждал благодарности и, чрез секретаря своего, Госевского, приветствуя нового царя, нескромно требовал, чтобы Лжедмитрий выдал ему шведских послов, если они будут в Москву от мятежника Карла. Госевский, беседа с царем наедине, объявил за тайну, что король встревожен молвою удивительною. «Недавно (говорил сей чиновник) выехал к нам из России один приказный, который уверяет, что Борис жив: устранный твоими победами и следуя наставлению волхвов, он уступил державу сыну юному Феодору притворился мертвым и велел торжественно, вместо

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
себя, схоронить другого человека, опоенного ядом; а сам, взяв множество золота, с ведома одной царицы и Семена Годунова бежал в Англию, называясь купцом. Поручив надежным людям разведать в Лондоне, действительно ли укрывается там опасный злодей твой, Сигизмунд, как истинный друг, счел за нужное предостеречь тебя и, думая, что верность россиян еще сомнительна, дал указ нашим литовским воеводам быть в готовности для твоей защиты».

Сия сказка не испугала Лжедмитрия: он благодарил короля, но ответственал, что «в смерти Борисовой не сомневается; что готов быть недругом мятежнику шведскому, но прежде хочет удостовериться в искренней дружбе Сигизмунда, который, вопреки ласковым словам, уменьшает данное ему Богом достоинство» – ибо Сигизмунд в письме своем назвал его господарем и великим князем, а не царем: Самозванец же хотел не только сего титула, но и нового, пышнейшего: вздумал именовать себя цесарем и даже непобедимым, мечтая о своих будущих победах!

Узнав о таком гордом требовании, Сигизмунд изъявил досаду, и вельможные паны упрекали недавнего бродягу смешным высокоумием, злою неблагодарностью; а Лжедмитрий писал в Варшаву, что он не забыл добрых услуг Сигизмундовых, чтит его как брата, как отца; желает утвердить с ним союз, но не престанет требовать царского титула, хотя и не мыслит грозить ему за то войною. Люди благоразумные, особенно Мнишек и нунций папский, тщетно доказывали Самозванцу, что король называет его так, как государи польские всегда называли государей московских, и что Сигизмунду нельзя переменить сего обыкновения без согласия чинов республики. Другие же, не менее благоразумные люди думали, что республика не должна ссориться за пустое имя с хвастливым другом, который может быть ей орудием для усмирения шведов; но паны не хотели слышать о новом титуле, и воевода познанский сказал в гневе одному чиновнику российскому: «Бог не любит гордых, и непобедимому царю вашему не усидеть на троне».

Сей жаркий спор не мешал однако ж успеху в деле сватовства.

1 ноября великий посол царский, Афанасий Власьев, со многочисленною благородною дружиною приехал в Краков и был представлен Сигизмунду: говорил сперва о счастливом воцарении Иоаннова сына, о славе низвергнуть державу Оттоманскую, завоевать Грецию, Иерусалим, Вифлеем и Вифанию, а после о намерении Димитрия разделить престол с Мариною, из благодарности за важные услуги, оказанные ему, во дни его несгоды и печали, знаменитым ее родителем.

12 ноября, в присутствии Сигизмунда, сына его Владислава и сестры, шведской королевны Анны, совершилось торжественное обручение (воспетое в стихах пиндарических иезуитом Гроховским). Марина, с короною на голове, в белой одежде, унизанной камнями драгоценными, блистала равно и красотою и пышностию. Именем Мнишка сказав Власьеву (который заступал место жениха), что отец благословляет дочь на брак и царство, литовский канцлер Сапега говорил длинную речь, также и пан Ленчицкий и кардинал, епископ Краковский, славя «достоинства, воспитание и знатный род Марины, вольной дворянки государства вольного, – честность Димитрия в исполнении данного им обета, счастье России иметь законного, отечественного венценосца, вместо иноземного или похитителя, и видеть искреннюю дружбу между Сигизмундом и царем, который без сомнения не будет примером неблагодарности, зная, чем обязан королю и королевству Польскому».

Заочное обручение Марины Мнишек с Лжедмитрием I в Кракове 12 ноября 1605 года. Картина неизвестного художника XVII века

Кардинал и знатнейшие духовные сановники пели молитву: Veni, Creator: все преклонили колена; но Власьев стоял и едва не произвел смеха, на вопрос епископа: «не обручен ли Димитрий с другою невестою?» ответствуя: а мне как знать? того у меня нет в наказе. Меняясь перстнями, он вынул царский из ящика, с одним большим алмазом, и вручил кардиналу; а сам не хотел голою рукою взять невестина перстня. По совершении священных обрядов был великолепный стол у воеводы Сендомирского, и Марина сидела подле короля, принимая от российских чиновников дары своего жениха: богатый образ Св. Троицы, благословение царицы-инокини Марфы; перо из рубинов; чашу гиацинтовую; золотой корабль, осыпанный многими драгоценными камнями; золотого быка, пеликана и павлина; какие-то удивительные часы с флейтами и трубами; с лишком три пуда жемчугу,

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinniko1ai.ru
шестьсот сорок редких соболей, кипы бархатов, парчей, штофов, атласов, и проч. и проч. Между тем Власьев, желая быть почтительным, не хотел садиться за стол с Мариною, ни пить, ни есть и, худо разумея, что он представляет лицо Димитрия, бил челом в землю, когда Сигизмунд и семейство его пили за здоровье царя и царицы: уже так именовали невесту обрученную. После обеда король, Владислав и шведская принцесса Анна танцевали с Мариною; а Власьев уклонился от сей чести, говоря: «дерзну ли коснуться ее величества!»

Наконец, прощаясь с Сигизмундом, Марина упала к ногам его и плакала от умиления, к неудовольствию посла, который видел в том унижение для будущей супруги московского венценосца; но ему ответствовали, что Сигизмунд государь ее, ибо она еще в Кракове. Подняв Марину с ласкою, король сказал ей: «Чудесно возвышенная Богом, не забудь, чем ты обязана стране своего рождения и воспитания, – стране, где оставляешь ближних и где нашло тебя счастье необыкновенное. Питай в супруге дружество к нам и благодарность за сделанное для него мною и твоим отцом. Имей страх Божий в сердце, чтить родителей и не изменяй обычаям польским». Сняв с себя шапку, он перекрестил Марину, собственными руками отдал послу и дозволил воеводе Сендомирскому ехать с нею в Россию; а Власьев, немедленно отправив к Самозванцу перстень невесты и живописное изображение лица ее, жил еще несколько дней в Кракове, чтобы праздновать Сигизмундово бракосочетание с австрийскою эрцгерцогинею, и (8 декабря) выехал в Слоним, ожидать там Мнишка и Марины на пути их в Россию; но ждал долго.

Пожертвовав Самозванцу знатную часть своего богатства, воевода Сендомирский не был доволен одними дарами: требовал от него денег, чтобы расплатиться с займодавцами, и не хотел без того выехать из Кракова; скучал, досадовал и тревожился худую молвою о будущем зяте.

В Кракове знали, что делалось в Москве; знали о негодовании россиян, и многие не верили ни царскому происхождению Лжедмитрия, ни долговременности его счастья; говорили о том всенародно, предостерегали короля и Мнишка. Сама царица-инокиня Марфа, как уверяют, тайно велела чрез одного шведа объявить Сигизмунду, что мнимый Димитрий не есть сын ее. Даже и чиновники российские, присылаемые гонцами в Польшу, шептали на ухо любопытным о царе беззаконном и предсказывали неминуемый скорый ему конец. Но Сигизмунд и Мнишек не верили таким речам или показывали, что не верят, желая приписывать их единственно внушениям тайных злодеев царя, друзей Годунова и Шуйского. Во всяком случае уже не время было думать о разрыве с тем, кто звал на престол Марину и честно вознаграждал отца ее за все его убытки: ибо, наконец (в январе 1606), секретарь Ян Бучинский привез из Москвы двести тысяч золотых Мнишку, сверх ста тысяч, отданных Лжедмитрием Сигизмунду в уплату суммы, которую занял у него воевода Сендомирский на ополчение 1604 года. Расстрига изъявлял нетерпение видеть невесту; но отец ее, занимаясь пышными сборами, еще долго жил в Галиции и выехал, с толпою своих ближних, уже в распутицу, так что некоторые из них от худой дороги возвратились, – к их счастью: ибо в Москве уже все изготовилось к страшному действию народной мести.

Оградив себя иноземными телохранителями и видя тишину в столице, уклончивость, низость при дворе, Лжедмитрий совершенно успокоился; верил какому-то предсказанию, что ему властвовать тридцать четыре года, и пировал с боярами на их свадьбах, дозволив им свободно выбирать себе невест и жениться: чего не было в царствование Годунова и чем воспользовался, хотя уже и не в молодых годах, знатнейший вельможа князь Мстиславский, за коего Самозванец выдал двоюродную сестру царицы-инокини Марфы. Казалось, что и Москва искренно веселилась с царем: никогда не бывало в ней столько пиров и шума; никогда не видали столько денег в обращении: ибо немцы, ляхи, козаки, сподвижники Лжедмитрия, от щедрот его сыпали золотом, к немалой выгоде московского купечества, и хвастаясь богатством, по словам летописца, не только ели, пили, но и в банях мылись из серебряных сосудов.

В сии веселые дни Самозванец, расположенный к действиям милости, простил Шуйских, чрез шесть месяцев ссылки: возвратил им богатство и знатность, в удовольствие их многочисленных друзей, которые умели хитро ослепить его прелестью такого великодушия, и, вероятно, уже не без намерения, губительного для лжецаря. Всеми уважаемый как первостепенный муж государственный и потомок Юриков, Василий Шуйский был тогда идолом народа, прославив себя неустрашимую твердостью в обличении Самозванца: пытки и плаха дали ему, в глазах россиян, блистательный венец Героя-мученика, и никто из бояр не мог, в случае народного

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru движения, иметь столько власти над умами, как сей князь, равно честолюбивый, лукавый и смелый. Дав на себя письменное обязательство в верности Лжедмитрию, он возвратился в столицу, по-видимому, иным человеком: казался усерднейшим его слугою и снискал в нем особенную доверенность, вопреки мнению некоторых ближних людей Самозванца, которые говорили, что можно из милосердия, иногда одобряемого политикою, не казнить изменника и клятвопреступника, но безрассудно верить его новой клятве; что Шуйский, не выдав от Дмитрия ничего, кроме благоволения, замышлял его гибель, а претерпев от него бесчестие, муки, ужас смерти, конечно не исполнился любви к своему карателю хотя и правосудному: исполнился, вероятнее, злобы и мести, скрываемых под личиною раскаяния.

Они говорили истину: Шуйский возвратился с тем, чтобы погибнуть или погубить Лжедмитрия. Но легкоумный, гордый Самозванец, хвалясь еще не столько благостию, сколько бесстрашием, отвечивал, что находя искреннее удовольствие в милости, любит прощать совершенно, не вполнину, и без греха не может чего-нибудь страшиться, быв от самой колыбели чудесно и явно храним Богом. Он хотел, чтобы князь Василий, подобно Мстиславскому, избрал себе знатную невесту: Шуйский выбрал княжну Буйносову-Ростовскую, свойственницу Нагих, и должен был жениться чрез несколько дней после царской свадьбы – одним словом, быв угодником Иоанновым и Борисовым, обворожил расстригу нехитрого, сделался его советником, и не для того, чтобы советовать ему доброе!

Лжедмитрий действовал, как и прежде: ветрено и безрассудно; то желал снискать любовь россиян, то умышленно оскорблял их. Современники рассказывают следующее происшествие: «Он велел сделать зимою ледяную крепость, близ Вязёмы, верстах в тридцати от Москвы, и поехал туда со своими телохранителями, с конною дружиною ляхов, с боярами и лучшим воинским дворянством. Россиянам надлежало защищать городок, а немцам взять его приступом: тем и другим, вместо оружия, дали снежные комы. Начался бой, и Самозванец, предводительствуя немцами, первый ворвался в крепость; торжествовал победу; говорил: так возьму Азов – и хотел нового приступа. Но многие из россиян обливались кровию: ибо немцы во время схватки, бросая в них снегом, бросали и каменями. Сия худая шутка, оставленная царем без наказания и даже без выговора, столь озлобила россиян, что Лжедмитрий, опасаясь действительной сечи между ими, телохранителями и ляхами, спешил развести их и возвратиться в Москву».

Ненависть к иноземцам, падая и на пристрастного к ним царя, ежедневно усиливалась в народе от их дерзости: например, с дозволения Лжедмитриева имея свободный вход в наши церкви, они бесчинно гремели там оружием, как бы готовясь к битве; опирались, ложились на гробы Святых. Не менее жаловались москвитяне и на козаков, сподвижников расстригиных: величавясь своею службою, сии люди грубые оказывали к ним презрение и называли их в ругательство жидами; суда не было.

Ф.Г. Солнцев. Образок, крест и золотая бляха Дмитрия Самозванца. Альбом «Древности Российского государства»

Но самым злейшим врагом Лжедмитрия сделалось духовенство. Как бы желая унижить сан монашества, он срамил иноков в случае их гражданских преступлений бесчестною торговою казнию, занимал деньги в богатых обителях и не думал платить сих долгов значительных; наконец велел представить себе опись имению и всем доходам монастырей, изъявив мысль оставить им только необходимое для умеренного содержания старцев, а все прочее взять на жалованье войску: то есть смелый бродяга, бурю кинутый на престол шаткий и новою бурю угрожаемый, хотел прямо, необиновенно совершить дело, на которое не отважились государи законные, Иоанны III и IV, в тишине бесспорного властвования и повиновения неограниченного! – Дело менее важное, но не менее безрассудное также возбудило негодование белого московского духовенства: Лжедмитрий выгнал всех арбатских и Чертольских священников из их домов, чтобы поместить там своих иноземных телохранителей, которые жили большею частию в слободе Немецкой, слишком далеко от Кремля. Пастыри душ, в храмах торжественно молясь за мнимого Дмитрия, тайно кляли в нем врага своего и шептали прихожанам о Самозванце, гонителе церкви и благоприятеле всех ересей: ибо он, дозволив иезуитам служить латинскую Обедню в Кремле, дозволил и лютеранским пасторам говорить там проповеди, чтобы его телохранители не имели труда ездить для моления в отдаленную Немецкую слободу.

В сие время явление нового Самозванца также повредило расстриге в общем мнении. Завидуя успеху и чести донцов, их братья, козак волжские и терские, назвали одного из своих товарищей, молодого козака Илейку, сыном государя Феодора Иоанновича, Петром, и выдумали сказку, что Ирина в 1592 году разрешилась от бремени сим царевичем, коего властолюбивый Борис умел скрыть и подменил девочкою (Феодосиею). Их собралось четыре тысячи, к ужасу путешественников, особенно людей торговых: ибо сии мятежники, сказывая, что идут в Москву с царем, грабили всех купцов на Волге, между Астраханью и Казанью, так что добычу их ценили в триста тысяч рублей; а Лжедмитрий не мешал им злодействовать и писал к мнимому Петру – вероятно, желая заманить его в сети – что если он истинный сын Феодоров, то спешил бы в столицу, где будет принят с честью. Никто не верил новому обманщику; но многие еще более уверились в самозванстве расстриги, изъясняя одну басню другою; многие даже думали, что оба Самозванца в тайном согласии; что Лжепетр есть орудие Лжедмитрия; что последний велит козакам грабить купцов для обогащения казны своей и ждет их в Москву, как новых ревностных союзников для безопаснейшего тиранства над россиянами, ему ненавистными. Илейка действительно, как пишут, хотел воспользоваться ласковым приглашением расстриги и шел к Москве, но узнал в Свияжске, что мнимого дяди его уже не стало.

По всем известиям, возвращение князя Василия Шуйского было началом великого заговора и решило судьбу Лжедмитрия, который изготовил легкий успех оного, досаждая боярам, духовенству и народу, презирая Веру и добродетель. Может быть, следуя иным, лучшим правилам, он удержался бы на троне и вопреки явным уликам в самозванстве; может быть, осторожнейшие из бояр не захотели бы свергнуть властителя хотя и незаконного, но благоразумного, чтобы не предать отечества в жертву безначалию. Так, вероятно, думали многие в первые дни расстригина царствования: ведая, кто он, надеялись по крайней мере, что сей человек удивительный, одаренный некоторыми блестящими свойствами, заслужит счастье делами достохвальными; увидели безумие – и восстали на обманщика: ибо Москва, как пишут, уже не сомневалась тогда в единстве Отрепьева и Лжедмитрия. Любопытно знать, что самые ближние люди расстригины не скрывали истины друг от друга; сам несчастный Басманов в беседе искренней с двумя немцами, преданными Лжедмитрию, сказал им: «Вы имеете в нем отца и благоденствуете в России: молитесь о здравии его вместе со мною. Хотя он и не сын Иоаннов, но государь наш: ибо мы присягали ему, и лучшего найти не можем». Так Басманов оправдывал свое усердие к Самозванцу.

Другие же судили, что присяга, данная в заблуждении или в страхе, не есть истинная: сию мысль еще недавно внушали народу друзья Лжедмитриевы, склоняя его изменить юному Феодору; сею же мыслию успокоивал и Шуйский россиян добросовестных, чтобы низвергнуть бродягу. Надлежало открыться множеству людей разного звания, иметь сообщников в синклите, духовенстве, войске, гражданстве. Шуйский уже испытал опасность ковов, лежав на плахе от нескромности своих клеветов; но с того времени общая ненависть ко Лжедмитрию созрела и ручалась за вернейшее хранение тайны. По крайней мере не нашлось предателей-изветников – и Шуйский умел, в глазах Самозванца, ежедневно с ним веселясь и пируя, составить заговор, коего нить шла от царской Думы чрез все степени государственные до народа московского, так что и многие из ближних людей Отрепьева, выведенные из терпения его упрямством в неблагоприятии, пристали к сему кову Распускали слухи зловредные для Самозванца, истинные и ложные: говорили, что он, пылая жаждою кровопролития безумного, в одно время грозит войною Европе и Азии.

Лжедмитрий несомненно думал воевать с султаном, назначил для того посольство к шаху Аббасу, чтобы приобрести в нем важного сподвижника, и велел дружинам детей боярских идти в Елец, отправив туда множество пушек; грозил и Швеции; написал к Карлу: «Всех соседственных государей уведомив о своем воцарении, уведомляю тебя единственно о моем дружестве с законным королем шведским Сигизмундом, требуя, чтобы ты возвратил ему державную власть, похищенную тобою вероломно, вопреки уставу Божественному, естественному и народному праву – или вооружишь на себя могущественную Россию. Усовестись и размысли о печальном жребии Бориса Годунова: так Всевышний казнит похитителей – казнит и тебя».

Уверяли еще, что Лжедмитрий вызывает хана опустошать южные владения России и, желая привести его в бешенство, послал к нему в дар шубу из свиных кож: басня, опровергаемая современными государственными бумагами, в коих упоминается о мирных, дружественных сношениях Лжедмитрия с Казы-Гиреем и дарах обыкновенных. Говорили справедливее о намерении или обещании Самозванца предать нашу церковь папе и знатную часть России Литве: о чем сказывал боярам дворянин

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinniko1ai.ru
Золотой-Квашнин, беглец Иоаннова времени, который долго жил в Польше.

Говорили, что расстрига ждет только воеводы Сендомирского с новыми шайками ляхов для исполнения своих умыслов, губительных для отечества. Уже начальники заговора хотели было приступить к делу; но отложили удар до свадьбы Лжедмитриевой для того ли, как пишут, чтобы с невестой и с ее ближними возвратились в Москву древние царские сокровища, раздаренные им щедростию Самозванца, или для того, чтобы он имел время и способ еще более озлобить россиян новыми беззакониями, предвиденными Шуйским и друзьями его?

Между тем два или три случая, не будучи в связи с заговором, могли потревожить Самозванца. Ему донесли, что некоторые стрельцы всенародно злословят его, как врага веры: он призвал всех московских стрельцов с головою Григорием Микулиным, объявил им дерзость их товарищей и требовал, чтобы верные воины судили изменников: Микулин обнажил меч, и хулители лжецаря, не изъявляя ни раскаяния, ни страха, были иссечены в куски своими братьями: за что Самозванец пожаловал Микулина, как усердного слугу, в дворяне думные, а народ возненавидел как убийцу великодушных страдальцев. Таким же мучеником хотел быть и дьяк Тимофей Осипов: пылая ревностию изобличить расстригу, он несколько дней говел дома, приобщился Святых Тайн и торжественно, в палатах царских, пред всеми боярами, назвал его Гришкою Отрепьевым, рабом греха, еретиком. Все изумились, и сам Лжедмитрий безмолвствовал в смятении: опомнился и велел умертвить сего в истории незабвенного мужа, который своею кровию, вместе с немногими другими, искупал россиян от стыда повиноваться бродяге.

Пишут, что и стрельцы и дьяк Осипов, прежде их убийства, были допрашиваемы Басмановым, но никого не оговорили в единомыслии с ними. Не менее бесстрашным оказал себя и знаменитый слепец, так называемый царь Симеон: будучи ревностным христианином и слыша, что Лжедмитрий склоняется к латинской вере, он презрел его милость и ласки, всенародно изъявлял негодование, убеждал истинных сынов церкви умереть за ее святые уставы: Симеона, обвиняемого в неблагодарности, удалили в монастырь Соловецкий и постригли. Тогда же чиновник известный способностями ума и гибкости нрава, быв в равной доверенности у Бориса и Самозванца, думный дворянин Михаило Татищев, вдруг заслужил опалу смелостию, в нем совсем необыкновенною. Однажды, за столом царским, князь Василий Шуйский, видя блюдо телятины, в первый раз сказал Лжедмитрию, что не должно подчивать россиян яствами, для них гнусными; а Татищев, пристав к Шуйскому, начал говорить столь невежливо и дерзко, что его вывели из дворца и хотели сослать на Вятку; но Басманов чрез две недели исходатайствовал ему прощение (себе на гибель, как увидим).

Дмитрий I. Гравюра. 1859 г.

Сей случай возбудил подозрение в некоторых ближних людях Отрепьева и в нем самом: думали, что Шуйский завел сей разговор с умыслом и что Татищев не даром изменил своему навыку; что они, зная вспыльчивость Лжедмитрия, хотели вырвать из него какое-нибудь слово нескромное и во вред ему разгласить о том в городе; что у них должно быть намерение дальновидное и злое. К счастью, Лжедмитрий, по нраву и правилам неопасливый, скоро оставил сию беспокойную мысль, видя вокруг себя лица веселые, все знаки усердия и преданности, особенно в Шуйском, и всего более думая тогда о великолепном приеме Марины.

Но воевода Сендомирский как долго не трогался с места, так медленно и путешествовал; везде останавливался, пировал, к досаде своего провожатого, Афанасия Власьева, и еще из Минска писал в Москву, что ему нельзя выехать из литовских владений, пока царь не заплатит королю всего долга; что грубость излишно ревностного слуги Власьева, нудящего их не ехать, а лететь в Россию, неосновна для него, ветхого старца, и для нежной Марины. Самозванец не жалел денег: обязался удовлетворить всем требованиям Сигизмундовым, прислал пять тысяч червонцев в дар невесте и сверх того 5000 рублей и 13 000 талеров на ее путешествие до пределов России; но изъявил неудовольствие. «Вижу, – писал он к Мнишку, – что вы едва ли и весною достигнете нашей столицы, где можете не найти меня: ибо я намерен встретить лето в стане моего войска и буду в поле до зимы. Бояре, высланные ждать вас на рубеж, истратили в сей голодной стране все свои запасы и должны будут возвратиться, к стыду и поношению царского имени».

Мнишек в досаде хотел ехать назад; однако ж, извинив колкие выражения будущего зятя нетерпением его страстной любви, 8 апреля въехал в Россию.

Пишут, что Марина, оставляя навеки отечество, неутешно плакала в горестных предчувствиях и что Власьев не мог успокоить ее велеречивым изображением ее славы. Воевода Сендомирский желал блеснуть пышностью: с ним было родственников, приятелей и слуг не менее двух тысяч и столько же лошадей. Марина ехала между рядами конницы и пехоты. Мнишек, брат и сын его, князь Вишневецкий и каждый из знатных панов имел свою дружину воинскую. На границе приветствовали невесту царедворцы московские, а за местечком Красным бояре, Михаило Нагой (мнимый дядя Лжедмитриев) и князь Василий Мосальский, который сказал отцу ее, что знаменитейшие государи европейские хотели бы выдать дочерей своих за Дмитрия, но что Дмитрий предпочитает им его дочь, умея любить и быть благодарным. Оттуда повезли Марину на двенадцати белых конях, в санях великолепных, украшенных серебряным орлом; возницы были в парчовой одежде, в черных лисьих шапках; впереди ехало двенадцать знатных всадников, которые служили путеводителями и кричали возницам, где видели камень или яму.

Несмотря на весеннюю распутицу, везде исправили дорогу, везде построили новые мосты и дома для ночлегов. В каждом селении жители встречали невесту с хлебом и солью, священники с иконами. Граждане в Смоленске, Дорогобуже, Вязме подносили ей многоценные дары от себя, а сановники вручали письма от жениха с дарами еще богатейшими. Все старались угождать не только будущей царице, но и спутникам ее, надменным ляхам, которые вели себя нескромно, грубили россиянам, притворно смиренным, и, достигнув берегов Угры, вспомнили, что тут была древняя граница Литвы – надеялись, что и будет снова: ибо Мнишек вез с собою владенную грамоту, данную ему Самозванцем, на княжение Смоленское!.. Оставив Марину в Вязме, Сендомирский воевода с сыном и князем Вишневецким спешили в Москву для некоторых предварительных условий с царем относительно к браку.

25 апреля, имев пышный въезд в столицу, Мнишек с восторгом увидел будущего зятя на великолепном троне, окруженном боярами и духовенством: патриарх и епископы сидели на правой стороне, вельможи на левой. Мнишек целовал руку Лжедмитриеву; говорил речь и не находил слов для выражения своего счастья.

«Не знаю (сказал он), какое чувство господствует теперь в душе моей: удивление ли чрезмерное или радость неописанная? Мы проливали некогда слезы умиления, слушая повесть о жалостной, мнимой кончине Дмитрия – и видим его воскресшего! Давно ли, с горестию иного рода, с участием искренним и нежным, я жал руку изгнанника, моего гостя печального – и сию руку, ныне державную, лобызаю с благоговением!.. О счастье! как ты играешь смертными! Но что говорю? Не слепому счастью, а Провидению дивимся в судьбе твоей: Оно спасло тебя и возвысило, к утешению России и всего христианства. Уже известны мне твои блестящие свойства: я видел тебя в пылу битвы неустрашимого, в трудах воинских неутомимого, к хладу зимнему нечувствительного... ты бодрствовал в поле, когда и звери севера в своих норах таились. История и стихотворство прославят тебя за мужество и за многие иные добродетели, которые спеши открыть в себе миру; но я особенно должен славить твою высокую ко мне милость, щедрую награду за мое к тебе раннее дружество, которое предупредило честь и славу твою в свете: ты делишь свое величие с моей дочерью, умея ценить ее нравственное воспитание и выгоды, данные ей рождением в государстве свободном, где дворянство столь важно и сильно, – а всего более зная, что одна добродетель есть истинное украшение человека».

Лжедмитрий слушал с видом чувствительности, непрестанно утирая себе глаза платком, но не сказал ни слова: вместо царя отвечал Афанасий Власьев. Началось роскошное угощение. Мнишек обедал у Лжедмитрия в новом дворце, где поляки хвалили и богатство и вкус украшений. Честя гостя, Самозванец не хотел однако ж сидеть с ним рядом: сидел один за серебряною трапезою и в знак уважения велел только подавать ему, сыну его и князю Вишневецкому золотые тарелки. Во время обеда привели двадцать лопарей, бывших тогда в Москве с данию, и рассказывали любопытным иноземцам, что сии странные дикари живут на краю света, близ Индии и Ледовитого моря, не зная ни домов, ни теплой пищи, ни законов, ни веры: Лжедмитрий хвалился неизмеримостию России и чудным разнообразием ее народов.

Ввечеру играли во дворце польские музыканты; сын воеводы Сендомирского и князь Вишневецкий танцевали, а Лжедмитрий забавлялся переодеванием, ежечасно являясь

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
то русским щеголем, то венгерским гусаром. Пять или шесть дней угощали Мнишка изобильными, бесконечными обедами, ужинами, звериной ловлею, в коей Лжедмитрий, как обыкновенно, блистал искусством и смелостию: бил медведей рогатиною, отсекал им голову саблею и веселился громкими восклицаниями бояр: «Слава царю!»

В сие время занимались и делом.

Лжедмитрий писал еще в Краков к воеводе Сендомирскому, что Марина, как царица российская, должна по крайней мере наружно чтить Веру греческую и следовать обрядам; должна также наблюдать обычаи московские и не убирать волос: но легат папский Рангони с досадою отвечал на первое требование, что государь самодержавный не обязан угождать бессмысленному народному суеверию; что Закон не воспрещает брака между христианами греческой и римской церкви и не велит супругам жертвовать друг другу совестью; что самые предки Димитриевы, когда хотели жениться на княжнах польских, всегда оставляли им свободу в Вере. Сие затруднение было, кажется, решено в беседах Лжедмитрия с воеводою Сендомирским и с нашим духовенством: условились, чтобы Марина ходила в греческие церкви, приобщалась Святых Тайн от патриарха и постилась еженедельно не в субботу, а в среду, имея однако ж свою латинскую церковь и наблюдая все иные уставы римской веры. Патриарх Игнатий был доволен; другие святители молчали, все, кроме митрополита казанского Ермогена и коломенского епископа Иосифа, сосланных расстригою за их смелость: ибо они утверждали, что невесту должно крестить, или женитьба царя будет беззаконием. Гордясь хитрою политикою – удовольствовав, как он думал, и Рим и Москву, – устроив все для торжественного бракосочетания и принятия невесты, Лжедмитрий дал ей знать, что ждет ее с нежным чувством любовника и с великолепием царским.

Марина дня четыре жила в Вязёме, бывшем селе Годунова, где находился его дворец, окруженный валом, и где в каменном храме, донныне целом, видны еще многие польские надписи Мнишковых спутников.

Храм Спаса Преображения в усадьбе Вязёмы. XVI в.

1 мая, верст за пятнадцать от Москвы, встретили будущую царицу купцы и мещане с дарами – 2 мая, близ городской заставы, дворянство и войско: дети боярские, стрельцы, козаки (все в красных суконных кафтанах, с белою перевязью на груди), немцы, поляки, числом до ста тысяч. Сам Лжедмитрий был тайно в простой одежде между ими, вместе с Басмановым расставил их по обеим сторонам дороги и возвратился в Кремль. Не въезжая в город, на берегу Москвы-реки, Марина вышла из кареты и вступила в великолепный шатер, где находились бояре: князь Мстиславский говорил ей приветственную речь; все другие кланялись до земли. У шатра стояли двенадцать прекрасных верховых коней в дар невесте, и богатая колесница, украшенная серебряными орлами царского герба и запряженная десятью пегими лошадьми: в сей колеснице Марина въехала в Москву, будучи сопровождаема своими ближними, боярами, чиновниками и тремя дружинами царских телохранителей; впереди шли триста гайдуков с музыкантами, а позади ехали тринадцать карет и множество всадников.

Звонили в колокола, стреляли из пушек, били в барабаны, играли на трубах – а народ безмолвствовал; смотрел с любопытством, но изъявлял более печали, нежели радости, и заметил вторично бедственное предзнаменование: уверяют, что в сей день свирепствовала буря, так же, как и во время расстригина вступления в Москву. Пред воротами Кремлевскими, на возвышенном месте площади (где встретило бы невесту царскую духовенство с крестами, если бы сия невеста была православная), встретили Марину новые толпы литаврщиков, производя несносный для слуха шум и гром. При въезде ее в Спасские ворота музыканты польские играли свою народную песню: навеки в счастье и несчастье; колесница остановилась в Кремле у Девичьего монастыря: там невеста была принята царицею-инокинею; там увидела и жениха – и жила до свадьбы, отложенной на шесть дней еще для некоторых приготовлений.

Между тем Москва волновалась. Поместив воеводу Сендомирского в Кремлевском доме Борисовом (вертепе цареубийства!), взяли для его спутников все лучшие дворы в Китае, в Белом городе и выгнали хозяев, не только купцов, дворян, дьяков, людей духовного сана, но и первых вельмож, даже мнимых родственников царских, Нагих:

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
сделался крик и вопль.

С другой стороны, видя тысячи гостей незваных, с ног до головы вооруженных, – видя, как они еще из телег своих вынимали запасные сабли, копья, пистолеты, москвитяне спрашивали у немцев, ездят ли в их землях на свадьбу, как на битву? И говорили друг другу, что поляки хотят овладеть столицей. В один день с Мариною въехали в Москву великие послы Сигизмундовы, паны Олесницкий и Госевский, также с воинскою многочисленною дружиною и также к беспокойству народа, который думал, что они приехали за веном Марины [городами Псковом и Новгородом] и что царь уступает Литве все земли от границы до Можайска – мнение несправедливое, как доказывают бумаги сего посольства: Олесницкий и Госевский должны были только вместо короля присутствовать на свадьбе Лжедмитрия, утвердить Сигизмундову с ним дружбу и союз с Россиею, не требуя ничего более. Самозванец, по сказанию летописца, зная молву народную о грамоте, данной им Мнишку на Смоленск и Северскую область, говорил боярам, что не уступит ни пяди Российской ляхам – и, может быть, говорил искренно: может быть, обманывая папу, обманул бы и тестя и жену свою; но бояре, по крайней мере Шуйский с друзьями, не старались переменить худых мыслей народа о Лжедмитрии, который новыми соблазнами еще усилил общее негодование.

Доброжелатели сего безрассудного хотели уверить благочестивых россиян, что Марина в уединенных, недоступных келиях учится нашему Закону и постится, готовясь к крещению: в первый день она действительно казалась постницею, ибо ничего не ела, гнушаясь русскими яствами; но жених, узнав о том, прислал к ней в монастырь поваров отца ее, коим отдали ключи от царских запасов и которые начали готовить там обеды, ужины, совсем не монастырские. Марина имела при себе одну служанку, никуда не выходила из келий, не ездила даже и к отцу; но ежедневно видела страстного Лжедмитрия, сидела с ним наедине или была увеселяема музыкою, пляскою и песнями не духовными. Расстрига вводил скоморохов в обитель тишины и набожности, как бы ругаясь над святым местом и саном инокинь непорочных. Москва свела о том с омерзением.

Соблазн иного рода, плод ветрености Лжедмитриевой, изумил царедворцев.

3 мая расстрига торжественно принимал в золотой палате знатных ляхов, родственников Мнишковых и послов королевских. Гофмейстер Марины, Стадницкий, именем всех ее ближних говоря речь, сказал ему: «Если кто-нибудь удивится твоему союзу с Домом Мнишка, первого из вельмож королевских, то пусть заглянет в историю государства Московского: прадед твой, думаю, был женат на дочери Витовта, а дед на Глинской – и Россия жаловалась ли на соединение царской крови с литовскою? Ни мало. Сим браком утверждаешь ты связь между двумя народами, которые сходят в языке и в обычаях, равны в силе и доблести, но доньше не знали мира искреннего и своею законселою враждою тешили неверных; ныне же готовы, как истинные братья, действовать единодушно, чтобы низвергнуть Луну ненавистную... и слава твоя, как солнце, воссияет в странах Севера».

За родственниками воеводы Сендомирского, важно и величаво, шли послы. Лжедмитрий сидел на престоле: сказав царю приветствие, Олесницкий вручил Сигизмундову грамоту Афанасию Власьеву, который тихо прочитал Самозванцу ее надпись и возвратил бумагу послам, говоря, что она писана к какому-то князю Димитрию, а монарх российский есть цесарь; что послы должны ехать с нею обратно к своему государю. Изумленный пан Олесницкий, взяв грамоту сказал Лжедмитрию: «Принимаю с благоговением; но что делается? оскорбление беспримерное для короля, – для всех знаменитых ляхов, стоящих здесь пред тобою, – для всего нашего отечества, где мы еще недавно видели тебя, осыпаемого ласками и благодеяниями! Ты с презрением отвергаешь письмо его величества на сем троне, на коем сидишь по милости Божией, государя моего и народа польского!..»

Такое нескромное слово оскорбляло всех россиян не менее царя; но Лжедмитрий не мыслил выгнать дерзкого пана и как бы обрадовался случаю блистать своим красноречием; велел снять с себя корону и сам ответствовал следующее: «Необыкновенное, неслыханное дело, чтобы венценосцы, сидя на престоле, спорили с иноземными послами; но король упрямством выводит меня из терпения. Ему изъяснено и доказано, что я не только князь, не только государь и царь, но и великий император в своих неизмеримых владениях. Сей титул дан мне Богом и не есть одно пустое слово, как титулы иных королей; ни ассирийские, ни мидийские, ниже римские цесари не имели действительнейшего права так именоваться. Могу ли быть доволен названием князя и государя, когда мне служат не только господари и

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru князя, но и цари? Не вижу себе равного в странах полуночных; надо мною один Бог. И не все ли монархи европейские называют меня императором? Для чего же Сигизмунд того не хочет? Пан Олесницкий! Спрашиваю: мог ли бы ты принять на свое имя письмо, если бы в его надписи не было означено твое шляхетское достоинство?.. Сигизмунд имел во мне друга и брата, какого еще не имела республика Польская; а теперь вижу в нем своего зложелателя».

Извиняясь в худом витийстве неспособностью говорить без приготовления, а в смелости навыком человека свободного, Олесницкий с жаром и грубостью упрекал Лжедмитрия неблагодарностью, забвением милостей королевских, безрассудностью в требовании титула нового, без всякого права; указывая на бояр, ставил их в свидетели, что венценосцы российские никогда не думали именоваться цесарями; предавал Самозванца суду Божию за кровопролитие, вероятное следствие такого неумеренного честолюбия. Самозванец возражал; наконец смягчился и звал Олесницкого к руке не в виде посла, а в виде своего доброго знакомца; но разгоряченный пан сказал: «Или я посол, или не могу целовать руки твоей» – и сею твердостью принудил расстригу уступить: «Для того (сказал Власьев), что царь, готовясь к брачному веселию, расположен к снисходительности и к мирным чувствам».

Грамоту Сигизмундову взяли, послам указали места, и Лжедмитрий спросил о здоровье короля, но сидя: Олесницкий хотел, чтоб он для сего вопроса, в знак уважения к королю, привстал, и расстрига исполнил его желание – одним словом, унизил, остыдил себя в глазах двора явлением непристойным, досадив вместе и ляхам и россиянам. С честью отпустив послов в их дом, Лжедмитрий велел дьяку Грамотину сказать им, что они могут жить, как им угодно, без всякого надзора и принуждения: видеться и говорить, с кем хотят; что обычаи переменялись в России, и спокойная любовь к свободе заступила место недоверчивого тиранства; что гостеприимная Москва ликует, в первый раз видя такое множество ляхов, а царь готов удивить Европу и Азию дружбою своею к королю, если он признает его императором из благодарности за титул шведского, отнятый Борисом у Сигизмунда, но возвращаемый ему Димитрием.

Делом государственного союза хотели заняться после свадьбы царской: ибо Лжедмитрий не имел времени мыслить о делах, занимаясь единственно невестою и гостями.

В монастыре веселились, во дворце пировали. Жених ежедневно дарил невесту и родных ее, покупая лучшие товары у купцов иноземных, коих множество наехало в Москву из Литвы, Италии и Германии. За два дня до свадьбы принесли Марине шкатулку с узорочьями, ценою в пятьдесят тысяч рублей, а Мнишку выдали еще сто тысяч злотых для уплаты остальных долгов его, так что казна издержала в сие время на одни дары 800 000 (нынешних серебряных 4 000 000) рублей, кроме миллионов, издержанных на путешествие или угощение Марины с ее ближними. Лжедмитрий хотел царскою роскошью затмить польскую: ибо воевода Сендомирский и другие знатные ляхи также не жалели ничего для внешнего блеска, имели богатые кареты и прекрасных коней, рядили слуг в бархат и готовились жить пышно в Москве (куда Мнишек привез тридцать бочек одного вина венгерского). Но самая роскошь гостей озлобляла народ: видя их великолепие, москвитяне думали, что оно есть плод расхищения казны царской; что достояние отечества, собранное умом и трудами наших государей, идет в руки вечных неприятелей России.

7 мая, ночью, невеста вышла из монастыря и при свете двухсот факелов, в колеснице, окруженной телохранителями и детьми боярскими, переехала во дворец, где в следующее утро совершилось обручение по уставу нашей церкви и древнему обычаю; но, вопреки сему уставу и сему обычаю, в тот же день, накануне пятницы и Святого праздника, совершился и брак: ибо Самозванец не хотел ни одним днем своего счастья жертвовать, как он думал, народному предрассудку. Невесту для обручения ввели в столовую палату княгиня Мстиславская и воевода Сендомирский. Тут присутствовали только ближайшие родственники Мнишковы и чиновники свадебные: тысяцкий князь Василий Шуйский, дружки (брат его и Григорий Нагой), свахи и весьма немногие из бояр. Марина, усыпанная алмазами, яхонтами, жемчугом, была в русском, красном бархатном платье с широкими рукавами и в сафьянных сапогах; на голове ее сиял венец. В таком же платье был и Самозванец, также с головы до ног блистая алмазами и всякими камнями драгоценными.

Духовник царский, благовещенский протоиерей, читал молитвы; дружки резали караваи с сырами и разносили ширинки. Оттуда пошли в Грановитую палату, где

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru находились все бояре и сановники двора, знатные ляхи и послы Сигизмундовы.

Там увидели россияне важную новость: два престола, один для Самозванца, другой для Марины – и князь Василий Шуйский сказал ей: «Наияснейшая великая государыня, цесарева Мария Юриевна! Волею Божиею и непобедимого самодержца, цесаря и великого князя всея России, ты избрана быть его супругою: вступи же на свой цесарский маестат и властвуй вместе с государем над нами!»

Шимон Богуш. Венчание Марины Мнишек с Лжедмитрием в Успенском соборе Московского Кремля. Около 1613 года

Она села. Вельможа Михаиле Нагой держал пред нею корону Мономахову и диадему. Велели Марине поцеловать их и духовнику царскому нести в храм Успения, где уже все изготовили к торжественному обряду, и куда, по разостланным сукнам и бархатам, вел жениха воевода Сендомирский, а невесту княгиня Мстиславская; впереди шли, сквозь ряды телохранителей и стрельцов, стольники, стряпчие, все знатные ляхи, чиновники свадебные, князь Василий Голицын с жезлом или скиптром, Басманов с державою; позади бояре, люди думные, дворяне и дьяки. Народа было множество.

В церкви Марина приложилась к образам – и началось священнодействие, дотоле беспримерное в России: царское венчание невесты, коим Лжедмитрий хотел удовлетворить ее честолюбию, возвысить ее в глазах россиян и, может быть, дать ей, в случае своей смерти и неимения детей, право на державство. Среди храма, на возвышенном, так называемом чертожном месте сидели жених, невеста и патриарх: первый на золотом троне персидском, вторая на серебряном. Лжедмитрий говорил речь: патриарх ему ответствовал и с молитвою возложил животворящий Крест на Марину, бармы, диадему и корону (для чего свахи сняли головной убор или венец невесты). Лики пели многолетие государю и благоверной цесареве Марии, которую патриарх на Литургии украсил цепию Мономаховою, помазал и причастил.

Таким образом, дочь Мнишкова, еще не будучи супругою царя, уже была венчанною царицею (не имела только державы и скиптра). Духовенство и бояре целовали ее руку с обетом верности. Наконец выслали всех людей, кроме знатнейших, из церкви, и протопоп благовещенский обвинил расстригу с Мариною. Держа друг друга за руку, оба в коронах, и царь и царица (последняя опираясь на князя Василия Шуйского) вышли из храма уже в час вечера и были громко приветствуемы звуком труб и литавр, выстрелами пушечными и колокольным звоном, но тихо и невнятно народными восклицаниями.

Князь Мстиславский, в дверях осыпав новобрачных золотыми деньгами из богатой мисы, кинул толпам граждан все остальные в ней червонцы и медали (с изображением орла двуглавого). Воевода Сендомирский и немногие бояре обедали с Лжедмитрием в столовой палате; но сидели недолго: встали и проводили его до спальни, а Мнишек и князь Василий Шуйский до постели. Все утихло во дворце. Москва казалась спокойною: праздновали и шумели одни ляхи, в ожидании брачных пиров царских, новых даров и почестей. Не праздновали и не дремали клеветы Шуйского: время действовать наступало.

Сей день, радостный для Самозванца и столь блестящий для Марины, еще усилил народное негодование. Невзирая на все безрассудные дела расстриги, москвитяне думали, что он не дерзнет дать сана российской царице иноверке и что Марина примет Закон наш; ждали того до последнего дня и часа: увидели ее в короне, в венце брачном и не слышали отречения от латинства. Хотя Марина целовала наши святые иконы, вкусила тело и кровь Христову из рук патриарха, была помазана елеем и торжественно возглашена благоверною царицею; но сие явное действие лжи казалось народу новою дерзостью беззакония, равно как и царское венчание польской шляхетки, удостоенной величия, не слыханного и не доступного для самых цариц, истинно благоверных и добродетельных: для Анастасии, Ирины и Марии Годуновой. Корона Мономахова на главе иноземки, племени ненавистного для тогдашних россиян, вопияла к их сердцам о мести за осквернение святыни. Так мыслил народ, или такие мысли внушали ему еще невидимые вожди его в сие грозное будущим время.

Ничто не укрывалось от наблюдателей строгих. Только немногим из ляхов расстрига

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
дозволил быть в церкви свидетелями его бракосочетания, но и сии немногие своим бесчинством возбудили общее внимание: шутили, смеялись или дремали в час Литургии, прислонясь спиною к иконам. Послы Сигизмундовы непременно хотели сидеть, требовали кресел и едва успокоились, когда Лжедмитрий велел сказать им, что и сам он сидит в церкви, на троне, единственно по случаю коронования Марины. Замечая, как бояре служили царю – как Шуйские и другие ставили ему и царице скамьи под ноги, кичливые паны дивились вслух такой низости и благодарили Бога, что живут в республике, где король не смеет требовать столь презрительных услуг от последнего из людей вольных... Россияне видели, слышали и не прощали.

В следующее утро, на рассвете, барабаны и трубы возвестили начало свадебного праздника: сия шумная музыка не умолкала до самого полудня. Во дворце готовился пир для россиян и ляхов; но Лжедмитрий, желая веселиться, имел досаду: новую ссору с королевскими послами. Он звал их обедать, учтиво и ласково; послы также учтиво благодарили, хотели однако ж непременно сидеть с царем за одним столом, как Власьев на свадьбе у короля сидел за столом королевским.

Лжедмитрий для объяснения прислал к ним Власьева; сей важный чиновник сказал Олесницкому: «Вы требуете неслыханного: у нас никому нет места за особенною царскою трапезою; король же угостил меня наравне с послами императорским и римским: следственно не сделал ничего чрезвычайного, ибо государь наш не менее ни императора, ни римского владыки – нет, великий цесарь Димитрий более их: что у вас папа, то у него попы».

Так изъяснялся первый делец государственный и верный слуга расстригин, в душе своей не благоприятствуя ляхам и желая, может быть, сею непристойною насмешкою доказать, что Лжедмитрий не есть папист. Олесницкий снес грубость, но решился не ехать во дворец. Все иные знатные ляхи обедали с Самозванцем в Грановитой палате, кроме воеводы Сендомирского: он находил требование послов справедливым, тщетно умолял зятя исполнить оное, проводил его и Марину до столовой комнаты и в неудовольствии уехал домой.

Сия размолвка не мешала блеску пиршества. Новобрачные обедали на троне; за ними стояли телохранители с секирами; бояре им служили. Играла музыка – и ляхи удивлялись несметному богатству, видя пред собою горы золота и серебра. Россияне же с негодованием видели царя в гусарском платье, а царицу в польском: ибо оно более нравилось мужу ее, который и накануне едва согласился, чтобы Марина, хотя для венчания, оделась россиянкою.

Вечеру ближние Мнишковы веселились во внутренних царских комнатах; а в следующий день (10 мая) Лжедмитрий принимал дары от патриарха, духовенства, вельмож, всех знатных людей, всех купцов чужестранных и снова пировал с ними в Грановитой палате, сидя лицом к иноземцам, спиною к русским. В золотой палате обедало 150 ляхов, простых воинов, но избранных, угощаемых думными дворянами: налив чашу вина. Лжедмитрий громогласно желал славных успехов оружию польскому и выпил ее до самого дна.

Наконец 11 мая обедали во дворце и послы Сигизмундовы с ревностным миротворцем воеводою Сендомирским, который, убедив зятя дать Олесницкому первое место возле стола царского, уговорил и сего пана не требовать ничего более и не жертвовать спору о суетной чести выгодами союза с Россиею. Хотя Лжедмитрий едва было не возобновил прения, сказав Олесницкому: «Я не звал короля к себе на свадьбу: следственно ты здесь не в лице его, а только в качестве посла»; но Мнишек благоразумными представлениями утишил зятя, и все кончилось дружелюбно. Сей третий пир казался еще пышнее.

Царь и царица были в коронах и в польском великолепном наряде. Тут обедали и женщины: княгиня Мстиславская, Шуйская и родственницы воеводы Сендомирского, который, забыв свою дряхлость, не хотел сидеть: держа шапку в руках, стоял пред царицею и служил ей не как отец, а как подданный, к удивлению всех. Лжедмитрий пил здоровье короля; вообще пили много, особенно иноземные гости, хваля царские вина, но жалуясь на яства русские, для них невкусные. После стола откланялись царю сановники, коим надлежало ехать к шаху персидскому с письмами: они целовали руку у Лжедмитрия и Марины.

12 мая царица в своих комнатах угощала одних ляхов, пригласив только двух россиян: Власьева и князя Василия Мосальского. Услуга и кушанья были польские, так что паны, изъявляя живейшее удовольствие, говорили: «Мы пируем не в Москве и

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinniko1ai.ru не у царя, а в Варшаве или в Кракове у короля нашего». Пили и плясали до ночи. Лжедмитрий в гусарской одежде танцевал с женою и с тестем. – Но царица оказала милость и россиянам: 14 мая обедали у нее бояре и люди чиновные. В сей день она казалась русскою, верно соблюдая наши обычаи; старалась быть и любезною, всех приветствуя и лаская... Но приветствия уже не трогали сердца ожесточенных!

Между тем не умолкала в столице музыка: барабаны, литавры, трубы с утра до вечера оглушали жителей. Ежедневно гремели и пушки в знак веселия царского; не щадили порошу и в пять или в шесть дней истратили его более, нежели в войну Годунова с Самозванцем. Ляхи также в забаву стреляли из ружей в своих домах и на улицах, днем и ночью, трезвые и пьяные.

Утомленный празднествами, Лжедмитрий хотел заняться делами, и пятнадцатого мая, в час утра, послы Сигизмундовы нашли его в новом дворце сидящего на креслах, в прекрасной голубой одежде, без короны, в высокой шапке, с жезлом в руке, среди множества царедворцев: он велел послам идти к боярам в другую комнату, чтобы объяснить им предложения Сигизмундовы. Князь Дмитрий Шуйский, Татищев, Власьев и дьяк Грамотин беседовали с ними. Олесницкий, в речи плодовой, Ветхим и Новым Заветом доказывал обязанность христианских монархов жить в союзе и противиться неверным; оплакивал падение Константинополя и несчастье Иерусалима; хвалил великодушное намерение царя освободить их от бедственного ига и заключил тем, что Сигизмунд, пылая усердием разделить с братом своим, Димитрием, славу такого предприятия, желает знать, когда и с какими силами он думает идти на султана?

Татищев отвечал: «Король хочет знать: верим; но хочет ли действительно помогать непобедимому цесарю в войне с турками? Сомневаемся. Желание все выведать, с намерением ничего не делать, кажется нам только обманом и лукавством». Удивляясь дерзости Татищева (который говорил невежливо, ибо уже знал о скорой перемене обстоятельств), послы свидетельствовались Власьевым, что не Сигизмунд Димитрию, а Димитрий Сигизмунду предложил воевать Оттоманскую державу: следственно и должен объявить ему свои мысли о способах успеха.

Тут российские чиновники оставили послов, ходили к Лжедмитрию, возвратились и, сказав: «Сам цесарь будет говорить с вами в присутствии бояр», отпустили их домой; но мнимый цесарь уже не мог сдержать слова!

Еще Лжедмитрий готовил потехи новые; велел строить деревянную крепость с земляною осypью вне города, за Сретенскими воротами, и вывести туда множество пушек из Кремля, чтобы 18 мая представить ляхам и россиянам любопытное зрелище приступа, если не кровопролитного, то громозвучного, коему надлежало заключиться пиршеством общенародным. Марина также замышляла особенное увеселение для царя и людей ближних во внутренних комнатах дворца: думала со своими польками плясать в личинах. Но россияне уже не хотели ждать ни той, ни другой потехи.

Если Шуйский отложил удар до свадьбы Отрепьева с намерением дать ему время еще более возмутить сердца своим легкомыслием, то сие предвидение исполнилось: новые соблазны для церкви, двора и народа умножили ненависть и презрение к Самозванцу, а наглость ляхов все довершила, так что им обязанный счастьем, он их же содействием и погибнул! Сии гости и друзья его услуживали хитрому Шуйскому, истощая терпение россиян, столь мало ими уважаемых (как мы видели), что Мнишек нескромно обещал боярам свою милость, и посол королевский дерзнул торжественно назвать Лжедмитрия творением Сигизмундовым.

На самых пирах свадебных, во дворце, разгоряченные вином ляхи укоряли воевод наших трусостию и малодушием, хваляся: «Мы дали вам царя!» Но россияне, сколь ни униженные, сколь ни виновные пред отечеством и добродетелию, еще имели гордость народную; кипели злобою, но удерживались и шептали друг другу: «Час мести недалеко!» Сего мало: воины польские и даже чиновнейшие ляхи, нетрезвые возвращаясь из дворца с обнаженными саблями, на улицах рубили москвитян, бесчестили жен и девиц, самых благородных, силою извлекая их из колесниц или вламываясь в дома; мужья, матери вопили, требовали суда. Одного ляха-преступника хотели казнить, но товарищи освободили его, умертвив палача и не страшась закона.

Так было – и на беззаконие восстало беззаконие. Мы удивлялись легкому торжеству Самозванца: теперь удивимся его легкому падению. В то время, как он беспечно тешился и плясал с своими ляхами – когда головы кружились от веселия и мысли затмевались парами вина, Шуйский, неусыпно наблюдая, решился уже не медлить и в

тишине ночи призвал к себе не только сообщников (из коих главными именуется князь Василий Голицын и боярин Иван Куракин) – не только друзей, клеветников, но и многих людей сторонних: дворян царских, чиновников военных и градских, сотников, пятидесятников, которые еще не были в заговоре, благоприятствуя оному единственно в тайне мыслей. Шуйский смело открыл им свою душу; сказал, что отечество и вера гибнут от Лжедмитрия; извинял заблуждение россиян; извинял и тех, которые знали истину, но приняли обманщика, желая низвергнуть ненавистных Годуновых, и в надежде, что сей юный витязь, хотя и расстрига, будет добрым властителем. «Заблуждение скоро исчезло, – продолжал он, – и вы знаете, кто первый дерзнул обличать Самозванца; но голова моя лежала на плахе, а злодей спокойно величался на престоле: Москва не тронулась!»

Шуйский извинял и сие бездействие: ибо многие еще не имели тогда полного удостоверения в обмане и в злодействе мнимого Димитрия. Представив все улики и доказательства его самозванства, все его дела неистовые, измену Вере, государству и нашим обычаям, нравственность гнусную, осквернение храмов и святых обителей, расхищение древней казны царской, незаконное супружество и возложение венца Мономахова на польку некрещеную – изобразив сетование Москвы, как бы плененной сонмами ляхов, – их дерзость и насилия – Шуйский спрашивал, хотят ли россияне, сложив руки, ждаты гибели неминуемой: видеть костелы римские на месте церковей православных, границу литовскую под стенами Москвы, и в самых стенах ее злое господство иноземцев? или хотят дружным восстанием спасти Россию и церковь, для коих он снова готов идти на смерть без ужаса?

Не было ни разгласия, ни безмолвия сомнительного: кто не принадлежал, тот пристал к заговору в сем сборище многолюдном, но единодушном силою ненависти к Самозванцу. Положили избыть расстригу и ляхов, не боясь ни клятвопреступления, ни безначалия: ибо Шуйский и друзья его, овладев умами, смело брали на свою душу, именем отечества, веры, духовенства, все затруднения людей совестных и смело обещали России царя лучшего. Условились в главных мерах. Градские сотники и пятидесятники ответствовали за народ, воинские чиновники за воинов, господа за слуг усердных. Богатые Шуйские имели в своем распоряжении несколько тысяч надежных людей, призванных ими в Москву из их собственных владений, будто бы для того, чтобы они видели пышность царской свадьбы. Назначили день и час; ждали, готовились – и хотя не было прямых доносов (ибо доносчики страшились, кажется, быть жертвою народной злобы): но какая скромность могла утаить движения заговора, столь многолюдного?

12 мая говорили торжественно, на площадях, что мнимый Димитрий есть царь поганый: не чтит святых икон, не любит набожности, питается гнусными яствами, ходит в церковь нечистый, прямо с ложа скверного, и еще ни однажды не мылся в бане с своею поганою царицею; что он без сомнения еретик и не крови царской. Лжедмитриево телохранители схватили одного из таких поносителей и привели во дворец: расстрига велел боярам допросить его; но бояре сказали, что сей человек пьян и бредит; что царю не должно уважать речей безумных и слушать немцев-наушников. Самозванец успокоился. В следующие три дня приметно было сильное движение в народе: разглашали, что Лжедмитрий для своей безопасности мыслит изгубить бояр, знатнейших чиновников и граждан; что 18 мая, в час мнимой воинской потехи вне Москвы, на лугу сретенском, их всех перестреляют из пушек; что столица российская будет добычею ляхов, коим Самозванец отдаст не только все дома боярские, дворянские и купеческие, но и святые обители, выгнав оттуда иноков и женив их на инокинях.

Москвитяне верили; толпились на улицах днем и ночью; советовались друг с другом и не давали подслушивать себя иноземцам, отгоняя их как лазутчиков, грозя им словами и взорами. Были и драки: уже не спуская гостям буйным, народ прибил людей князя Вишневецкого и едва не вломился в его дом, изъявляя особенную ненависть к сему пану, старшему из друзей расстригиных. Немцы остерегали Лжедмитрия и ляхов; остерегал первого и Басманов, один из россиян! Но Самозванец, желая более всего казаться неустрашимым и твердым на троне в глазах поляков, шутил, смеялся, искренно или притворно, и сказал испуганному воеводе Сендомирскому: «Как вы, ляхи, малодушны!», а послам Сигизмундовым: «Я держу в руке Москву и государство; ничто не смеет двинуться без моей воли».

В полночь, с 15 на 16 мая, схватили в Кремле шесть человек подозрительных: пытали их как лазутчиков, ничего не свести, и Лжедмитрий не считал за нужное усилить стражу во дворце, где находилось обыкновенно пятьдесят телохранителей; он велел другим быть дома в готовности на всякий случай; велел еще расставить

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinniko1ai.ru
стрельцов по улицам для охранения ляхов, чтобы успокоить тестя, докучавшего ему и Марине своею боязнию.

16 мая иноземцы уже не могли купить в гостином дворе ни фунта пороху и никакого оружия: все лавки были для них заперты. Ночью, накануне решительного дня, вкралось в Москву с разных сторон до восемнадцати тысяч воинов, которые стояли в поле, верстах в шести от города, и должны были идти в Елец, но присоединились к заговорщикам. Уже дружины Шуйского в сию ночь овладели двенадцатью воротами московскими, никого не пуская в столицу, ни из столицы; а Лжедмитрий еще ничего не знал, увеселяясь в своих комнатах музыкою. Самые поляки, хотя и не чуждые опасения, мирно спали в домах, уже ознаменованных для кровавой мести: россияне скрытно поставили знаки на оных, в цель удара.

Некоторые из панов имели собственную стражу, другие надеялись на царскую: но стрельцы, их хранители, или сами были в заговоре или не думали кровию русскою спасать иноплеменников противных. Ночь миновалась без сна для большей части москвитян: ибо градские чиновники ходили по дворам с тайным приказом, чтобы все жители были готовы стать грудью за церковь и царство, ополчились и ждали набата. Многие знали, многие и не знали, чему быть надлежало, но угадывали и с ревностью вооружались, чем могли, для великого и святого подвига, как им сказали. Сильнее, может быть, всего действовала в народе ненависть к ляхам; действовал и стыд иметь царем бродягу, и страх быть жертвою его безумия, и, наконец, самая прелесть бурного мятежа для страстей необузданных.

17 мая, в четвертом часу дня, прекраснейшего из весенних, восходящее солнце осветило ужасную тревогу столицы: ударили в колокол сперва у Св. Илии, близ двора гостиного, и в одно время загредел набат в целой Москве, и жители устремились из домов на Красную площадь с копьями, мечами, самопалами, дворяне, дети боярские, стрельцы, люди приказные и торговые, граждане и чернь. Там, близ лобного места, сидели бояре на конях, окруженные сонмом князей и воевод, в шлемах и латах, в полных доспехах, и представляя в лице своем отечество, ждали народа.

Стеклося бесчисленное множество людей, и ворота Спасские растворились: князь Василий Шуйский, держа в одной руке меч, в другой распятие, въехал в Кремль, сошел с коня, в храме Успения приложился к святой иконе Владимирской и, воскликнув к тысячам: «Во имя Божие идите на злого еретика!», указал им дворец, куда с грозным шумом и криком уже неслись толпы, но где еще царствовала глубокая тишина!

Пробужденный звуком набата, Лжедмитрий в удивлении встает с ложа, спешит одеться, спрашивает о причине тревоги: ему отвечают, что, вероятно, горит Москва; но он слышит свирепый вопль народа, видит в окно лес копий и блистание мечей; зовут Басманова, ночевавшего во дворце, и велит ему узнать предлог мятежа. Сей боярин, духа твердого, мог быть предателем, но только однажды: изменив государю законному, уже стыдился изменить Самозванцу и, тщетно желав образумить, спасти легкомысленного, желал по крайней мере не разлучаться с ним в опасности.

Басманов встретил толпу уже в сенях: на вопрос его, куда она стремится? В несколько голосов кричат: «Веди нас к Самозванцу! Выдай нам своего бродягу!» Басманов кинулся назад, захлопнул двери, велел телохранителям не пускать мятежников и, в отчаянии прибежав к расстриге, сказал ему: «Все кончилось! Москва бунтует; хотят головы твоей: спасайся! Ты мне не верил!»

Вслед за ним ворвался в царские покои один дворянин безоружный, с голыми руками, требуя, чтобы мнимый сын Иоаннов шел к народу, дать отчет в своих беззакониях: Басманов рассек ему голову мечом. Сам Лжедмитрий, изъявляя смелость, выхватил бердыш у телохранителя Шварцгофа, растворил дверь в сени и, грозя народу, кричал: «Я вам не Годунов!» Ответом были выстрелы, и немцы снова заперли дверь; но их было только пятьдесят человек, и еще, во внутренних комнатах дворца, двадцать или тридцать поляков, слуг и музыкантов: иных защитников, в сей грозный час, не имел тот, кому накануне повиновались миллионы!

К.Б. Венинг. Последние минуты Дмитрия Самозванца. 1879 г.

Но Лжедмитрий имел еще друга: не находя возможности противиться силе силою, в ту минуту, когда народ отбивал двери, Басманов вторично вышел к нему – увидел бояр в толпе, и между ими самых ближних людей расстригиных: князей Голицыных, Михаила Салтыкова, старых и новых изменников; хотел их усостыжить; говорил об ужасе бунта, вероломства, безначалия; убеждал их одуматься; ручался за милость царя.

Но ему не дали говорить много: Михаиле Татищев, им спасенный от ссылки, завопил: «Злодей! Иди в ад вместе с твоим царем!» – и ножом ударил его в сердце. Басманов испустил дух и мертвый был сброшен с крыльца... Судьба, достойная изменника и ревностного слуги злодейства, но жалостная для человека, который мог и не захотел быть честью России!

Уже народ вломился во дворец, обезоружил телохранителей, искал расстриги и не находил: дотоле смелый и неустрашимый, Самозванец, в смятении ужаса кинув свой меч, бегал из комнаты в комнату, рвал на себе волосы и, не видя иного спасения, выскочил из палат в окно на житный двор – вывихнул себе ногу, разбил грудь, голову и лежал в крови. Тут узнали его стрельцы, которые в сем месте были на страже и не участвовали в заговоре: они взяли расстригу, посадили на фундамент сломанного дворца Годуновского, отливали водою, изъявляли жалость.

Самозванец, омывая теплою кровию развалины Борисовых чертогов (где жило некогда счастье, и также изменило своему любимцу), пришел в себя: молил стрельцов быть ему верными, обещал им богатство и чины. Уже стеклося вокруг их множество людей: хотели взять расстригу; но стрельцы не выдавали его и требовали свидетельства царицы-инокини, говоря: «Если он сын ее, то мы умрем за него, а если царица скажет, что он Лжедмитрий, то волен в нем Бог». Сие условие было принято.

Мнимая мать Самозванцева, вызванная боярами из келий, торжественно объявила народу, что истинный Димитрий скончался на руках ее в Угличе; что она, как жена слабая, действием угроз и лести была вовлечена в грех бессостынной лжи: неизвестного ей человека назвала сыном, раскаялась и молчала от страха, но тайно открывала истину многим людям. Призвали и родственников ее, Нагих: они сказали то же, вместе с нею виняся пред Богом и Россиею. Чтобы еще более удостоверить народ, Марфа показала ему изображение младенческого лица Димитриева, которое у нее хранилось и нимало не сходствовало с чертами лица расстригина.

Тогда стрельцы выдали обманщика, и бояре велели нести его во дворец, где он увидел своих телохранителей под стражею: заплакал и протянул к ним руку, как бы благодаря их за верность. Один из сих немцев, ливонский дворянин Фирстенберг, теснился сквозь толпу к Самозванцу и был жертвою озлобления россиян: его умертвили; хотели умертвить и других телохранителей, но бояре не велели трогать сих честных слуг – и в комнате, наполненной людьми вооруженными, стали допрашивать Лжедмитрия, покрытого бедным рубищем: ибо народ уже сорвал с него одежду царскую.

Шум и крик заглушали речи, слышали только, как уверяют, что расстрига на вопрос «Кто ты, злодей?» отвечал: «Вы знаете: я – Димитрий» – и ссылался на царицу-инокиню. Слышали, что князь Иван Голицын возразил ему: «Ее свидетельство уже нам известно: она предает тебя казни». Слышали еще, что Самозванец говорил: «Несите меня на лобное место: там объявлю истину всем людям».

Нетерпеливый народ ломился в дверь, спрашивая, винится ли злодей? Ему сказали, что винится – и два выстрела прекратили допрос вместе с жизнью Отрепьева. (Его убили дворяне Иван Воейков и Григорий Волуев.) Толпа бросилась терзать мертвого; секли мечами, кололи труп бездушный и кинули с крыльца на тело Басманова, восклицая: «Будьте неразлучны и в аде! Вы здесь любили друг друга!»

Яростная чернь схватила, извлекла сии нагие трупы из Кремля и положила близ лобного места: расстригу на столе, с маскою, дудкою и волынкою, в знак любви его к скоморошеству и музыке; а Басманова на скамье, у ног расстригиных.

М.О. Микешин. Пленение Марины Мнишек. 1860 г.

Совершив главное дело, истребив Лжедмитрия, бояре спасли Марину. Изумленная тревогою и шумом – не имев времени одеться, спрашивая, что делается и где царь? Слыша наконец о смерти мужа, она в беспамятстве выбежала в сени: народ встретил ее, не узнал и столкнул с лестницы. Марина возвратилась в свои комнаты, где была ее польская гофмейстерина с шляхетками и где усердный слуга (именем Осмульский) стоял в дверях с обнаженною саблею: воины и граждане вломились, умертвили его, и Марина лишилась бы жизни или чести, если бы не приспели бояре, которые выгнали неистовых и, взяв, опечатав все достояние бывшей царицы, дали ей стражу для безопасности; не могли однако ж или не хотели унять кровопролития: убийства только начинались!

Еще при первом звуке набата воины окружили дома ляхов, заградили улицы рогатками, завалили ворота; а паны беспечно и крепко спали, так что слуги едва могли разбудить их – и самого воеводу Сендомирского, который лучше многих видел опасность и предостерегал зятя. Мнишек, сын его, князь Вишневецкий, послы Сигизмундовы, угадывая вину и цель мятежа, спешили вооружить людей своих; иные прятались или в оцепенении ждали, что будет с ними, и скоро слышали вопль: «Смерть ляхам!»

Пылая злобою, умертвив в Кремле музыкантов расстригиных, опустошив дом иезуитов, истерзав духовника Маринина, служившего Обедню, народ устремился в Китай и Белый город, где жили поляки, и несколько часов плавал в крови их, алчно наслаждаясь ужасною местию, противною великодушию, если и заслуженною. Сила карала слабость, без жалости и без мужества: сто нападало на одного! Ни оборона, ни бегство, ни моления трогательные не спасали: поляки не могли соединиться, будучи истребляемы в запертых домах или на улицах, прегражденных рогатками и копьями. Сии несчастные, накануне гордые, лбызали ноги россиян, требовали милосердия именем Божиим, именем своих невинных жен и детей; отдавали все, что имели – клялись прислать и более из отечества: их не слушали и рубили. Иссеченные, обезображенные, полумертвые еще молили о бедных остатках жизни: напрасно!

В числе самых жестоких карателей находились священники и монахи переодетые; они вопили: «губите ненавистников нашей веры!» Лилася и кровь россиян: отчаяние вооружало убиваемых, и губители падали вместе с жертвами. Не тронув жилища послов Сигизмундовых, народ приступал к домам Мнишковых и князя Вишневецкого, коих люди защищались и стреляли в толпы из окон: уже москвитяне везли пушки, чтобы разбить сии дома в щепы и не оставить в них ни одного человека живого; но тут явились бояре и велели прекратить убийства. Мстиславский, Шуйские скакали из улицы в улицу обуздывая, усмиряя народ и всюду рассылая стрельцов для спасения ляхов, обезоруженных честным словом боярским, что жизнь их уже в безопасности. Сам князь Василий Шуйский успокоил и спас Вишневецкого, другие Мнишка.

Именем Государственной думы сказали послам Сигизмундовым, что Лжедмитрий, обманув Литву и Россию, но скоро изобличив себя делами неистовыми, казнен Богом и народом, который в самом беспорядке и смятении уважил священный сан мужей, представляющих лицо своего монарха, и мстил единственно их наглым единоплеменникам, приехавшим злодействовать в Россию. Сказали воеводе Сендомирскому: «Судьба царств зависит от Всевышнего, и ничто не бывает без его определения: так и в сей день совершилась воля Божия: кончилось царство бродяги, и добыча исторгнута из рук хищника! Ты, его опекун и наставник – ты, который привел обманщика к нам, чтобы возмутить Россию мирную – не достоин ли такой же казни? Но хвалися счастьем: ты жив и будешь цел; дочь твоя спасена – благодари Небо!»

К.Е. Маковский. Смутное время на Руси. Убийство Лжедмитрия

Ему позволили видаться с Мариною во дворце, и без свидетелей: не нужно было знать, что они могли сказать друг другу в своем злополучии! Воевода Сендомирский шел к ней и назад сквозь ряды мечей и копий, обагренных кровию его соотечественников; но москвитяне смотрели на него уже более с любопытством, нежели с яростию: победа укротила злобу.

Еще смятение продолжалось несколько времени; еще из слобод городских и ближних деревень стремилось множество людей с дрекольем в Москву на звук колоколов; еще грабили имение литовское, но уже без кровопролития. Бояре не сходили с коней и повелевали с твердостью; дружины воинские разгоняли чернь, везде охраняя ляхов

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinniko1ai.ru как пленников.

Наконец, в 11 часов утра, все затихло. Велели народу смириться, и народ, утомленный мятежом, спешил домой отдыхать и говорить в семействах о чрезвычайных происшествиях сего дня, незабвенного для тех, которые были свидетелями его ужасов: «В течение семи часов, пишут они, мы не слышали ничего, кроме набата, стрельбы, стука мечей и крика: секи, руби злодеев! Не видали ничего, кроме волнения, бегания, скакания, смертоубийства и мятежа».

Число жертв простиралось за тысячу, кроме избитых и раненых; но знатнейшие ляхи остались живы, многие в рубашках и на соломе. Чернь ошибкою умертвила и некоторых россиян, носивших одежду польскую в угодность Самозванцу. Немцев щадили; ограбили только купцов аугсбургских, вместе с миланскими и другими, которые жили в одной улице с ляхами. Сей для человечества горестный день был еще несравненно ужаснее, по сказанию очевидцев, если бы ляхи остереглись, успели соединиться для отчаянной битвы и зажгли город, к несчастью Москвы и собственному: ибо никто из них уже не избавился бы тогда от мести россиян; следственно беспечность ляхов уменьшила бедствие.

До самого вечера москвитяне ликовали в домах или мирно сходились на улицах поздравлять друг друга с избавлением России от Самозванца и поляков, хвалились своею доблестью и «не думали» (говорит летописец) «благодарить Всевышнего: храмы были затворены!» Радуюсь настоящему, не тревожились о будущем – и после такого бурного дня настала ночь совершенно тихая: казалось, что Москва вдруг опустела; нигде не слышно было голоса человеческого: одни любопытные иноземцы выходили из домов, чтобы удивляться сей мертвой тишине города многолюдного, где за несколько часов пред тем все кипело яростным бунтом. Еще улицы дымились кровию, и тела лежали грудями; а народ покоился как бы среди глубокого мира и непрерывного благоденствия – не имея царя, не зная наследника – опятнав себя двукратною изменою и будущему венценосцу угрожая третьей!

Но в сем безмолвии бодрствовало властолюбие с своими обольщениями и кознями, устремляя алчный взор на добычу мятежа и смертоубийства: на венец и скипетр, обогранные кровию двух последних царей. Легко было предвидеть, кто возьмет сию добычу, силою и правом. Смелейший обличитель Самозванца, чудесно спасенный от казни и еще бесстрашный в новом усилении низвергнуть его; виновник, герой, глава народного воесзания, князь от племени Рюрика, Св. Владимира, Мономаха, Александра Невского; второй боярин местом в Думе, первый любовью москвитян и достоинствами личными, Василий Шуйский мог ли еще остаться простым царедворцем и после такой отваги, с такою знаменитостию, начать новую службу лести пред каким-нибудь новым Годуновым?

Но Годунова не было между тогдашними вельможами. Старейший из них, князь Федор Мстиславский, отличаясь добродушием, честностию, мужеством, еще более отличался смирением или благоразумием; не хотел слышать о державном сане и говорил друзьям: «Если меня изберут в цари, то немедленно пойду в монахи». Сказание некоторых чужеземных историков, что боярин князь Иван Голицын, имея многих знатных родственников и величаясь своим происхождением от Гедимины литовского, вместе с Шуйским искал короны, едва ли достойно вероятия, будучи несогласно с известиями очевидцев. Сообщник Басманова, коего обнаженное тело в сии часы лежало на площади, загладил ли измену изменою, предав юного Феодора, предав и Лжедмитрия? Не равняясь ни сановитостию, ни заслугами, мог ли равняться и числом усердных клеветов с тем, кто без имени царя уже начальствовал в день решительный для отечества, вел Москву и победил с нею?

Имея силу, имея право, Шуйский употребил и всевозможные хитрости: дал наставления друзьям и приверженникам, что говорить в синклите и на лобном месте, как действовать и править умами; сам изготовился, и в следующее утро, собрав Думу, произнес, как уверяют, речь весьма умную и лукавую: славил милость Божию к России, возвеличенной самодержцами варяжского племени; славил особенно разум и завоевания Иоанна IV, хотя и жестокого; хвалился своею блестящею службою и важною государственною опытностию, приобретенною им в сие деятельное царствование; изобразил слабость Иоаннова наследника, злое властолюбие Годунова, все бедствия его времени и ненависть народную к святоубийце, которая была виною успехов Лжедмитрия и принудила бояр следовать общему движению.

«Но мы, – говорил Шуйский, – загладили сию слабость, когда настал час умереть или спасти Россию. Жалею, что я, предупредив других в смелости, обязан жизнью

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru

Самозванцу: он не имел права, но мог умертвить меня, и помиловал, как разбойник милует иногда странника. Признаюсь, что я колебался, боясь упрека в неблагодарности; но глас совести, веры, отечества, вооружил мою руку, когда я увидел в вас ревность к великому подвигу. Дело наше есть правое, необходимое, святое; оно, к несчастью, требовало крови: но Бог благословил нас успехом – следственно оно ему угодно!.. Теперь, избыв злодея, еретика, чернокнижника, должны мы думать об избрании достойного властителя. Уже нет племени царского, но есть Россия: в ней можем снова найти угасшее на престоле. Мы должны искать мужа знаменитого родом, усердного к вере и к нашим древним обычаям, добродетельного, опытного, следственно уже не юного – человека, который, прияв венец и скипетр, любил бы не роскошь и пышность, но умеренность и правду, ограждал бы себя не копьями и крепостями, но любовью подданных; не умножал бы золота в казне своей, но избыток и довольствие народа считал бы собственным богатством. Вы скажете, что такого человека найти трудно: знаю; но добрый гражданин обязан желать совершенства, по крайней мере возможного, в государе!»

Все знали, видели, чего хотел Шуйский: никто не дерзал явно противиться его желанию; однако ж многие мыслили и говорили, что без Великой Земской думы нельзя приступить к делу столь важному; что должно собрать в Москве чины государственные из всех областей российских, как было при избрании Годунова, и с ними решить, кому отдать царство. Сие мнение было основательно и справедливо: вероятно, что и вся Россия избрала бы Шуйского; но он не имел терпения, и друзья его возражали, что время дорого; что правительство без царя как без души, а столица в смятении; что надобно предупредить и всеобщее смятение России немедленным вручением скипетра достойнейшему из вельмож; что где Москва, там и государство; что нет нужды в Совете, когда все глаза обращены на одного, когда у всех на языке одно имя...

Сим именем огласилась вдруг и Дума и Красная площадь. Не все избирали, но никто не отвергал избираемого – и 19 мая, во втором часу дня, звук литавр, труб и колоколов возвестил нового монарха столице. Бояре и знатнейшее дворянство вывели князя Василия Шуйского из Кремля на лобное место, где люди воинские и граждане, гости и купцы, особенно к нему усердные, приветствовали его уже как отца России... там, где еще недавно лежала голова Шуйского на плахе и где в сей час лежало окровавленное тело расстригино! Подобно Годунову изъясняя скромность, он хотел, чтобы синклит и духовенство прежде всего избрали архипастыря для церкви, на место лжесвятителя Игнатия. Толпы восклицали: «Государь нужнее патриарха для отечества!» и проводили Шуйского в храм Успения, в коем митрополиты и епископы ожидали и благословили его на царство. Все сделалось так скоро и спешно, что не только россияне иных областей, но и многие именитые москвитяне не участвовали в сем избрании – обстоятельство несчастное: ибо оно служило предлогом для измен и смятений, которые ожидали Шуйского на престоле, к новому стыду и бедствию отечества!

В день государственного торжества едва успели очистить столицу от крови и трупов: вывезли, схоронили их за городом. Труп Басманова отдали родственникам для погребения у церкви Николы Мокрого, где лежал его сын, умерший в юности. Тело Самозванца, быв три дня предметом любопытства и ругательств на площади, было также вывезено и схоронено в убогом доме, за Серпуховскими воротами, близ большой дороги. Но Судьба не дала ему мирного убежища и в недрах земли.

В.П. Верещагин. Царь Василий Иоаннович Шуйский. 1606–1610 гг. «История государства Российского в изображении державных его правителей с кратким пояснительным текстом». 1896 г.

С 18 до 25 мая были тогда жестокие морозы, вредные для садов и полей: суеверие приписывало такую чрезвычайность волшебству расстриги и видело какие-то ужасные явления над его могилою: чтобы пресечь сию молву тело мнимого кародея вынули из земли, сожгли на Котлах и, смешав пепел с порохом, выстрелили им из пушки в ту сторону, откуда Самозванец пришел в Москву с великолепием! Ветер развеял бранные остатки злодея; но пример остался: увидим следствия!

Описав историю сего первого Лжедмитрия, должны ли мы еще уверять внимательных читателей в его обмане? Не явна ли для них истина сама собою в изображении случаев и деяний? Только пристрастные иноземцы, ревностно служив обманщику,

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru ненавидя его истребителей и желая очернить их, писали, что в Москве убит действительный сын Иоаннов, не бродяга, а царь законный, – хотя россияне, казнив и бродягу, не могли хвалиться своим делом, соединенным с нарушением присяги: ибо святость ее нужна для целостности гражданских обществ, и вероломство есть всегда преступление.

Недовольные укоризною справедливою, зложелатели России выдумали басню, украсили ее любопытными обстоятельствами, подкрепили доводами благовидными, в пищу умам наклонным к историческому вольнодумству, к сомнению в несомнительном, так что и в наше время есть люди, для коих важный вопрос о Самозванце остается еще нерешенным. Может быть, представив все главные черты истины в связи, мы дадим им более силы, если не для совершенного убеждения всех читателей, то по крайней мере для нашего собственного оправдания, чтобы они не укоряли нас слепую верою к принятому в России мнению, основанному будто бы на доказательствах слабых.

Выслушаем защитников Лжедмитриевой памяти. Они рассказывают следующее:

«Годунов, предприяв умертвить Димитрия, за тайну объявил свое намерение царевичу медику, старому немцу, именем Симону, который, притворно дав слово участвовать в сем злодействе, спросил у девятилетнего Димитрия, имеет ли он столько душевной силы, чтобы снести изгнание, бедствие и нищету, если Богу угодно будет искусить оными твердость его? Царевич отвечив: имею; а медик сказал: в сию ночь хотят тебя умертвить. Ложась спать, обменяйся бельем с юным слугою, твоим ровесником; положи его к себе на ложе и скройся за печь: что бы ни случилось в комнате, сиди безмолвно и жди меня. Димитрий исполнил предписание. В полночь отворилась дверь: вошли два человека, зарезали слугу вместо царевича и бежали. На рассвете увидели кровь и мертвого: думали, что убит царевич, и сказали о том матери. Сделалась тревога. Царица кинулась на труп и в отчаянии не узнала, что сей мертвый отрок не сын ее. Дворец наполнился людьми: искали убийц; резали виновных и невинных; отнесли тело в церковь, и все разошлись. Дворец опустел, и медик в сумерки вывел оттуда Димитрия, чтобы спастись бегством в Украину, к князю Ивану Мстиславскому, который жил там в ссылке еще со времен Иоанновых. Чрез несколько лет доктор и Мстиславский умерли, дав совет Димитрию искать безопасности в Литве. Сей юноша пристал к странствующим инокам; был с ними в Москве, в земле Волошской, и наконец явился в доме князя Вишневецкого».

Известно, что и сам расстрига приписывал свое чудесное спасение доктору; но сочинители сей басни не знали, что князь Иван Мстиславский умер иноком Кирилловской обители еще в 1586 году и что Иоанн никогда не ссылал его в Украину. Другие изобретатели называют медика-спасителя Августинном, прибавляя, что он был из числа многих людей ученых, которые жили тогда в Угличе, и бежал с царевичем к Ледовитому морю, в пустынную обитель. Еще другие пишут, что сама царица, угадывая злое намерение Борисово, с помощью своего иноземного дворецкого (родом из Кельна), тайно удалила Димитрия и в его место взяла иерейского сына.

Исаак Масса. Убийство царевича Дмитрия в Угличе. Около 1611 года

Все такие сказки основаны на предположении, что убийство совершилось ночью, когда злодеи могли не распознать жертвы: и в сем случае вероятно ли, чтобы слуги царицыны (не говорим о ней самой) и жители Углича, нередко видав Димитрия в церкви, обманулись в убитом, коего тело пять дней лежало пред их глазами? Но царевич убит в полдень: кем? Злодеями, которые жили во дворце и не спускали глаз с несчастного младенца.. И кто предал его на убиение? Мамка: от колыбели до могилы Димитрий был в руках у Годунова. Сии обстоятельства ясно, несомнительно утверждены свидетельством летописцев и допросами целого Углича, сохраненными в нашем государственном архиве.

Если расстрига не был самозванец, то для чего же он, сев на престоле, не удовлетворил народному любопытству знать все подробности его судьбы чрезвычайной? для чего не объявил России о местах своего убежища, о своих воспитателях и хранителях в течение двенадцати или тринадцати лет, чтобы разрешить всякое сомнение? Никакою беспечностию невозможно изъяснить столь важного упущения. Манифесты, или грамоты, Лжедмитриевы внесены в летописи, и даже подлинники их целы в архивах: следственно нельзя с вероятностию предположить, чтобы именно любопытнейшую из сих бумаг истребило время. Бродяга

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru молчал, ибо не имел свидетельств истинных и думал, что, признанный царем, безопасно может не трудить себя вымыслом ложных. В Литве говорил он, что в спасении его участвовали некоторые вельможи и дьяки Щелкаловы: сии вельможи остались без известной награды и неизвестными для России; а Василий Щелкалов, вместе с другими опальными Борисова царствования, хотя и снова явился у двора, однако ж не в числе ближних и первых людей. Расстригу окружали не старые, верные слуги его юности, а только новые изменники: от чего и пал он с такую легкостью!

«Но царица-инокиня Марфа признала сына в том, кто назывался Димитрием?» Она же признала его и самозванцем: первым свидетельством, безмолвным, неоткровенным, выраженным для народа только слезами умиления и ласками к расстриге, невольная монахиня возвращала себе достоинство царицы; вторым, торжественным, клятвенным, в случае лжи мать предавала сына злой смерти: которое же из двух достовернее? И что понятнее, обыкновенная ли слабость человеческая или действие ужасное, столь неестественное для горячности родительской? Геройство знаменитой жены лигурийской, которая, скрыв сына от ярости неприятелей, на вопрос: где он? сказала: здесь, в моей утробе, и погибла в муках, не объявив его убежища – сие геройство, прославленное римским историком, трогает, но не изумляет нас: видим мать! Не удивились бы мы также, если бы и царица-инокиня, спасая истинного Димитрия, кинулась на копья москвитян с восклицанием: он сын мой! И ей не грозили смертью за правду: грозили единственно судом Божиим за ложь.

Слово царицы решило жребий того, кто чтит ее как истинную мать и делился с нею величием. Осуждая Лжедимитрия на смерть, Марфа осуждала и себя на стыд вечный, как участницу обмана – и не усомнилась: ибо имела еще совесть и терзалась раскаянием. Сколько людей слабых не впало бы в искушение зла, если бы они могли предвидеть, чего стоит всякое беззаконие для сердца!

Заметим еще обстоятельство, достойное внимания: Шуйский искал гибели Лжедимитрия и был спасен от казни неотступным молением царицы-инокини, с явную опасностью для ее мнимого сына, изобличаемого им в самозванстве: клеветник, изменник мог ли бы иметь право на такое ревностное заступление? Но спасение Героя истины умирало совесть виновной Марфы. К сему прибавим вероятное сказание одного писателя иноземного (находившегося тогда в Москве), что расстрига велел было извергнуть тело Димитриево из углицкого Соборного храма и погребсти в другом месте, как тело мнимого иерейского сына, но что царица-инокиня не дозволила ему сделать того, ужасаясь мысли отнять у мертвого, истинного ее сына царскую могилу.

Возражают еще: «Король Сигизмунд не взял бы столь живого участия в судьбе обманщика, и вельможа Мнишек не выдал бы дочери за бродягу»; но король и Мнишек могли быть легковверны в случае обольстительном для их страстей: Сигизмунд надеялся дать россиянам царя-католика, взысканного его милостию, а воевода Сендомирский видеть дочь на престоле московском. И кто знает, что они действительно не сомневались в высоком роде беглеца? Удача была для них важнее правды.

Король не дерзнул торжественно признать Лжедимитрия истинным до его решительного успеха, и воевода Сендомирский, сделав только опыт, пожертвовав частью своего богатства надежде величия, оставил будущего зятя, когда увидел сопротивление россиян. Сигизмунд и Мнишек обманулись, может быть, не во мнении о правах, но единственно во мнении о счастье или благоразумии Самозванца, думав, что он удержит на голове венец, данный ему изменою и заблуждением: для того король спешил громогласно объявить себя виновником расстригина державства, и пан вельможный быть тестем царя, хотя бы и племени Отрепьевых. Похитителями в их силе и благоденствии гнушаются не страсти мирские, но только чистая совесть и добродетель уединенная.

Убедительнее ли и суждение тех друзей Лжедимитрия, которые говорят: «Войско, бояре, Москва не приняли бы его в цари без сильных доказательств, что он сын Иоаннов?» Но войско, бояре, Москва и свергнули его как уличенного самозванца: для чего верить им в первом случае и не верить в последнем? В обоих, конечно, действовало удостоверение, основанное на доказательствах; но люди и народы всегда могли ошибаться, как свидетельствует история... и самого Лжедимитрия!

Напомним читателям, что знаменитейший из клеветов и единственный верный друг расстриги в беседах искренних не скрывал его самозванства: такое важное признание слышал и сообщил потомству немецкий пастор Вер, который любил, усердно славил Лжедимитрия и клял россиян за убиение царя, хотя и не сына Иоаннова. Сей

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru же очевидец тогдашних деяний предал нам следующие, не менее достопамятные свидетельства истины:

«1) Голландский аптекарь Аренд Клаузенд, быв сорок лет в России, служив Иоанну, Феодору, Годунову, Самозванцу и лично зная, ежедневно выдав Димитрия во младенчестве, сказывал мне утвердительно, что мнимый царь Димитрий есть совсем другой человек и не походит на истинного, имевшего смуглое лицо и все черты матери, с которою Самозванец нимало не сходил.»

2) В том же уверяла меня ливонская пленница, дворянка Тизенгаузен, освобожденная в 1611 году, быв повивальною бабкою царицы Марии, служив ей днем и ночью, не только в Москве, но и в Угличе – непрестанно выдав Димитрия живого, видел и мертвого.

3) Скоро по убиении Лжедмитрия выехал я из Москвы в Углич и, разговаривая там с одним маститым старцем, бывшим слугою при дворе Марии, заклинал его объявить мне истину о царе убитом. Он встал, перекрестился и так отвечал: москвитяне клялись ему в верности и нарушили клятву: не хвалю их. Убит человек разумный и храбрый, но не сын Иоаннов, действительно зарезанный в Угличе: я видел его мертвого, лежащего на том месте, где он всегда игрывал. Бог судия князьям и боярам нашим: время покажет, будем ли счастливее».

В заключение упомянем о свидетельстве известного шведа Петрея, который был посланником в Москве от Карла IX и Густава Адольфа, лично знал Самозванца и пишет, что он казался человеком лет за тридцать; а Димитрий родился в 1582 году и следственно имел бы тогда не более двадцати четырех лет от рождения.

Одним словом, несомнительные исторические и нравственные доказательства убеждают нас в истине, что мнимый Димитрий был самозванец. Но представляется другой вопрос: кто же именно? Действительно ли расстрига Отрепьев? Многие иноземцы-современники не хотели верить, чтобы беглый инок Чудовской обители мог сделаться вдруг мужественным витязем, неустранимым бойцом, искусным всадником, и многие считали его поляком или трансильванцем, незаконным сыном Героя Батория, воспитанником иезуитов, утверждаясь на мнении некоторых знатных ляхов, и прибавляя, что он нечисто говорил языком русским: мнение явно несправедливое, когда современные донесения иезуитов к их начальству свидетельствуют, что они узнали его в Литве уже под именем Димитрия, и не католиком, а сыном греческой церкви.

Никто из россиян не упрекал Самозванца худым знанием языка нашего, коим он владел совершенно, говорил правильно, писал с легкостью и не уступал никакому дьяку тогдашнего времени в красивом изображении букв. Имея несколько подписей Самозванцевых, видим в латинских слабую, неверную руку ученика, а в русских твердую, мастерскую, кудрявый почерк грамотея приказного, каков был Отрепьев, книжник патриарший. Возражение, что келии не производят витязей, уничтожается историею его юности: одеваясь иноком, не вел ли он жизни смелого дикаря, скитаясь из пустыни в пустыню, учась бесстрашию, не боясь в дремучих лесах ни зверей, ни разбойников, и наконец быв сам разбойником под хоругвию козаков днепровских? Если некоторые из людей, ослепленных личным к нему пристрастием, находили в Лжедмитрии какое-то величие, необыкновенное для человека, рожденного в низком состоянии, то другие хладнокровнейшие наблюдатели видели в нем все признаки закоснелой подлости, не изглаженные ни обхождением с знатными ляхами, ни счастьем нравиться Мнишковой дочери.

С умом естественным, легким, живым и быстрым, даром слова, знаниями школьника и грамотея соединяя редкую дерзость, силу души и воли, Самозванец был однако ж худым лицедеем на престоле, не только без основательных сведений в государственной науке, но и без всякой сановитости благородной: сквозь великолепие державства проглядывал в царе бродяга. Так судили о нем и поляки беспристрастные.

Доселе мы могли затрудняться одним важным свидетельством: известный в Европе капитан Маржерет, усердно служив Борису и Самозванцу, видел людей и происшествия собственными глазами, уверял Генрика IV, знаменитого историка де-Ту и читателей своей книги о Московской державе, что Григорий Отрепьев был не Лжедмитрий, а совсем другой человек, который с ним (Самозванцем) ушел в Литву и с ним же возвратился в Россию, вел себя непристойно, пьянствовал, употреблял во зло благосклонность его, и сосланный им за то в Ярославль, дожил там до воцарения

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinniko1ai.ru Шуйского.

Ныне, отыскав новые современные предания исторические, изъясняем Маржеретово сказание обманом монаха Леонида, который назвался именем Отрепьева для уверения россиян, что Самозванец не Отрепьев. Царь Годунов имел способы открыть истину: тысячи лазутчиков ревностно служили ему не только в России, но и в Литве, когда он разведывал о происхождении обманщика. Вероятно ли, чтобы в случае столь важном Борис легкомысленно, без удостоверения, объявил Лжедмитрия беглецом чудовским, коего многие люди знали в столице и в других местах, следственно узнали бы и неправду при первом взоре на Самозванца? Наконец москвитяне видели Лжедмитрия, живого, мертвого, и все еще утвердительно признавали диаконом Григорием; ни один голос сомнения не раздался в потомстве до нашего времени.

Сего довольно. Приступаем к описанию дальнейших бедствий России, не менее чрезвычайных, не менее оскорбительных для ее чести, но уже подобных мрачному сновидению, – уже только любовных для народа, коему Небо судило временным уничтожением достигнуть величия и который достиг оно, загладив память слабости великодушным напряжением сил и память стыда необыкновенною славою.

Царствование Василия Иоанновича Шуйского. 1606–1608 гг
Василий Иоаннович Шуйский, происходя в осьмом колене от Дмитрия Суздальского, спорившего с Донским о великом княжестве, был внуком ненавистного олигарха Андрея Шуйского, казненного во время Иоанновой юности, и сыном боярина-воеводы, убитого шведами в 1573 году под стенами Лоды.

Если всякого венценосца избранного судят с большею строгостию, нежели венценосца наследственного; если от первого требуют обыкновенно качеств редких, чтобы повиноваться ему охотно, с усердием и без зависти: то какие достоинства, для царствования мирного и непрекословного, надлежало иметь новому самодержцу России, возведенному на трон более сонмом клеветов, нежели отечеством единомушным, вследствие измен, злодейств, буйности и разврата?

Василий, лстивый царедворец Иоаннов, сперва явный неприятель, а после бессовестный угодник и все еще тайный зложелатель Борисов, достигнув венца успехом кова, мог быть только вторым Годуновым: лицемером, а не Героем добродетели, которая бывает главною силою и властителей и народов в опасностях чрезвычайных. Борис, воцаряясь, имел выгоду: Россия уже давно и счастливо ему повиновалась, еще не зная примеров в крамольстве.

Но Василий имел другую выгоду: не был святоубийцею; обагренный единственно кровию ненавистною и заслужив удивление россиян делом блестящим, оказав в низложении Самозванца и хитрость и неустрашимость, всегда пленительную для народа. Чья судьба в истории равняется с судьбою Шуйского? Кто с места казни восходил на трон и знаки жестокой пытки прикрывал на себе хламидою царскою? Сие воспоминание не вредило, но способствовало общему благорасположению к Василию: он страдал за отечество и веру!

Без сомнения уступая Борису в великих дарованиях государственных, Шуйский славился однако ж разумом мужа думного и сведениями книжными, столь удивительными для тогдашних суеверов, что его считали волхвом; с наружностью невыгодною (будучи роста малого, толст, несановит и лицом смугл; имея взор суровый, глаза красноватые и подслепые, рот широкий), даже с качествами вообще нелюбезными, с холодным сердцем и чрезмерною скупостию, умел, как вельможа, снискать любовь граждан, честною жизнью, ревностным наблюдением старых обычаев, доступностию, ласковым обхождением. Престол явил для современников слабость в Шуйском: зависимость от внушений, склонность и к легковерию, коего желает зломыслие, и к недоверчивости, которая охлаждает усердие. Но престол же явил для потомства и чрезвычайную твердость души Василиевой в борении с неодолимым Роком: вкусив всю горечь державства несчастного, уловленного властолюбием, и сведав, что венец бывает иногда не наградою, а казнию, Шуйский пал с величием в развалинах государства!

Царь Василий Иванович Шуйский

Он хотел добра отечеству, и без сомнения искренно: еще более хотел угождать

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru россиянам. Видев столько злоупотреблений неограниченной державной власти, Шуйский думал устранить их и пленить Россию новостью важной. В час своего воцарения, когда вельможи, сановники и граждане клялись ему в верности, сам нареченный венценосец, к общему изумлению, дал присягу, дотоле не слыханную: 1) не казнить смертью никого без суда боярского, истинного, законного; 2) преступников не лишать имения, но оставлять его в наследие женам и детям невинным; 3) в изветах требовать прямых явных улик с очей на очи и наказывать клеветников тем же, чему они подвергали виновных ими несправедливо.

«Мы желаем (говорил Василий), чтобы православное христианство наслаждалось миром и тишиною под нашу царскую хранительную власть» – и, велел читать грамоту, которая содержала в себе означенный устав, целовал крест в удостоверение, что исполнит его добросовестно. Сим священным обетом мыслил новый царь избавить россиян от двух ужасных зол своего века: от ложных доносов и беззаконных опал, соединенных с разорением целых семейств в пользу алчной казны; мыслил, в годину смутений и бедствий, дать гражданам то благо, коего не знали ни деда, ни отцы наши до человеколюбивого царствования Екатерины Второй. Но вместо признательности многие люди, знатные и незнатные, изъявили негодование и напомнили Василию правило, уставленное Иоанном III, что не государь народу, а только народ государю дает клятву.

Сии россияне были искренние друзья отечества, не рабы и не льстецы низкие: имея в свежей памяти грозы тиранства, еще помнили и бурные дни Иоаннова младенчества, когда власть царская в пеленах дремала: боялись ее стеснения, вредного для государства, как они думали, и предпочитали свободную милость закону. Царь не внял их убеждениям, действуя или по собственному изволению или в угодность некоторым боярам, склонным к аристократии, и чтобы блеснуть великодушием, торжественно обещал забыть всякую личную вражду, все досады, претерпенные им в Борисово время: ему верили, но недолго.

Отменив новости, введенные Лжедмитрием, и восстановив древнюю Государственную думу, как она была до его времени, Василий спешил известить всю Россию о своем воцарении и не оставить в умах ни малейшего сомнения о Самозванце: послали всюду чиновников знатных приводить народ к крестному целованию с обетом, не делать, не говорить и не мыслить ничего злого против царя, будущей супруги и детей его; велели, как обыкновенно, три дни звонить в колокола, от Москвы до Астрахани и Чернигова, до Тары и Колы, – молиться о здравии государя и мире отечества. Читали в церквах грамоты от бояр, царицы-инокини Марфы и Василия (именованного в сих бумагах потомком Кесаря Римского).

Описав дерзость, злодейства, собственное в том признание и гибель Самозванца, бояре величали род и заслугу Шуйского, спасителя церкви и государства. Марфа свидетельствовалась Богом, что ее сердце успокоено казнию обманщика; а Василий уверял россиян в своей любви и милости беспримерной.

Обнародовали найденную во внутренних комнатах дворца переписку Лжедмитрия с римским двором и духовенством о введении у нас латинской веры, запись, данную воеводе Сендомирскому на Смоленск и Северскую землю, также допросы Мнишка и Бучинских, Яна и Станислава: Мнишек винился в заблуждении, сказывая, что он и сам уже не мог считать мнимого Дмитрия истинным, приметив в нем ненависть к России, и для того часто впадал в болезнь от горести. Бучинские объявляли, что расстрига действительно хотел с помощью ляхов умертвить 18 мая, на лугу Сретенском, двадцать главных бояр и всех лучших москвитян; что пану Ратомскому надлежало убить князя Мстиславского, Тарлу и Стадницким Шуйских; что ляхи должны были занять все места в Думе, править войском и государством: свидетельство едва ли достойное уважения, и если не вымышленное, то вынужденное страхом из двух малодушных слуг, которые, желая спасти себя от мести россиян, не боялись клеветать на пепел своего милостивца, развеянный ветром! Современники верили; но трудно убедить потомство, чтобы Лжедмитрий, хотя и нерассудительный, мог дерзнуть на дело ужасное и безумное: ибо легко было предвидеть, что бояре и москвитяне не дали бы резать себя как агнцев, и что кровопролитие заключилось бы гибелью ляхов вместе с их главою.

Июня 1 совершилось царское венчание в храме Успения, с наблюдением всех торжественных обрядов, но без всякой расточительной пышности: корону Мономахову возложил на Василия митрополит новгородский. Синклит и народ славил венценосца с усердием; гости и купцы отличались щедростию в дарах, ему поднесенных.

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinniko1ai.ru
Являлось однако ж какое-то уныние в столице. Не было ни милостей, ни пиров; были опалы. Сменили дворецкого, князя Рубца-Мосальского, одного из первых клятвопреступников Борисова времени, и велели ему ехать воеводою в Корелу, или Кексгольм; Михайлу Нагому запретили именоваться конюшим, желая ли навеки уничтожить сей знаменитый сан, чрезмерно возвышенный Годуновым, или единственно в знак неблаговоления к злопамятному страдальцу Василиева криводушия в деле о Димитриевом убиении; великого секретаря и подскарбия, Афанасия Власьева, сослали на воеводство в Уфу как ненавистного приверженника расстригина; двух важных бояр, Михаила Салтыкова и Бельского, удалили, дав первому начальство в Иване-городе, второму в Казани; многих иных сановников и дворян, не угодных царю, тоже выслали на службу в дальние города; у многих взяли поместья.

Василий, говорит летописец, нарушил обет свой не мстить никому лично, без вины и суда. Оказалось неудовольствие; слышали ропот. Василий, как опытный наблюдатель тридцатилетнего гнусного тиранства, не хотел ужасом произвести безмолвия, которое бывает знаком тайной, всегда опасной ненависти к жестоким властителям; хотел равняться в государственной мудрости с Борисом и превзойти Лжедмитрия в свободолюбии, отличать слово от умысла, искать в нескромной искренности только указаний для правительства и грозить мечом закона единственно крамольникам. Следствием была удивительная вольность в суждениях о царе, особенная величавость в боярах, особенная смелость во всех людях чиновных; казалось, что они имели уже не государя самовластного, а полуцаря.

Никто не дерзнул спорить о короне с Шуйским, но многие дерзали ему завидовать и порочить его избрание как незаконное. Самые усердные клеветы Василия изъясляли негодование: ибо он, доказывая свою умеренность, беспристрастие и желание царствовать не для клеветов, а для блага России, не дал им никаких наград блестящих в удовлетворении их суетности и корыстолюбия. Заметили еще необыкновенное своеволие в народе и шатость в умах: ибо частые перемены государственной власти рожают недоверие к ее твердости и любовь к переменам: Россия же в течение года имела четвертого самодержца, праздновала два царубийства и не видала нужного общего согласия на последнее избрание. Старость Василия, уже почти шестидесятилетнего, его одиночество, неизвестность наследия также производили уныние и беспокойство. Одним словом, самые первые дни нового царствования, всегда благоприятнейшие для ревности народной, более омрачили, нежели утешили сердца истинных друзей отечества.

Между тем, как бы еще не полагаясь на удостоверение россиян в самозванстве расстриги, Василий дерзнул явлением торжественным напомнить им о своих лжесвидетельствах, коими он, в угодность Борису, затмил обстоятельства Димитриевой гибели: царь велел святителям, Филарету Ростовскому и Феодосию Астраханскому с боярами князем Воротынским, Петром Шереметевым, Андреем и Григорием Нагими, перевезти в Москву тело Димитрия из Углича, где оно, в господствовании Самозванца, лежало уединенно в опальной могиле, никем не посещаемой: иереи не смели служить панихид над нею; граждане боялись приблизиться к сему месту, которое безмолвно уличало мнимого Димитрия в обмане.

Перенесение мощей царевича Дмитрия из Углича в Москву. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

Но падение обманщика возвратило честь гробу царевича: жители устремились к нему толпами: пели молебны, лили слезы умиления и покаяния, лучше других россиян знав истину и молчал против совести. Когда святители и бояре московские, прибыв в Углич, объявили волю государеву, народ долго не соглашался выдать им драгоценные остатки юного мученика, взывая: «Мы его любили и за него страдали! Лишенные живого, лишимся ли и мертвого?»

Когда же, вынув из земли гроб и сняв его крышку, увидели тело, в пятнадцать лет едва поврежденное сыростию земли: плоть на лице и волосы на голове целые, равно как и жемчужное ожерелье, шитый платок в левой руке, одежду также шитую серебром и золотом, сапожки, горсть орехов, найденных у закланного младенца в правой руке и с ним положенных в могилу: тогда, в единодушном восторге, жители и пришельцы начали славить сие знамение святости – и за чудом следовали новые чудеса, по свидетельству современников: недужные, с верою и любовью касаясь мощей, исцелялись.

Из Углича несли раку [3 июня], переменяясь, люди знатнейшие, воины, граждане и земледельцы: Василий, царица-инокиня Марфа, духовенство, синклит, народ встретили ее за городом; открыли мощи, явили их нетление, чтобы утешить верующих и сомкнуть уста неверным. Василий взял святое бремя на рамена свои и нес до церкви Михаила Архангела, как бы желая сим усердием и смирением очистить себя перед тем, кого он столь бесстыдно оклеветал в самоубийстве! Там, среди храма, инокиня Марфа, обливаясь слезами, молила царя, духовенство, всех россиян простить ей грех согласия с Лжедмитрием для их обмана – и святители, исполняя волю царя, разрешили ее торжественно, из уважения к ее супругу и сыну.

Народ исполнился умиления, и еще более, когда церковь огласилась радостными кликами многих людей, вдруг излеченных от болезни действием веры к мощам Димитриевым, как пишут очевидцы. Хотели предать земле сии святые остатки и раскопали засыпанную могилу Годунова, чтобы поставить в ней гроб его жертвы, в пределе, где лежат царь Иоанн и два сына его; но благодарность исцеленных и надежда болящих убедили Василия не скрывать источника благодати: вложили тело в деревянную раку, обитую золотым атласом, оставили ее на помосте и велели петь молебны новому Угоднику Божию, вечно праздновать его память и вечно клясть Лжедмитриею.

Еще церковь не имела патриарха: в самый первый день Василиева царствования свели Игнатия с престола, без суда духовного, единственно по указу государеву, – одели в черную рясу и заперли в келиях Чудова монастыря; Иов же, в печали, в слезах лихась зрения, не хотел возвратиться в Москву, где находились тогда все святители российские, кроме митрополита Ермогена, удаленного Лжедмитрием и тем возвышенного во мнении народа. Среди жалостных примеров слабости, оказанной несчастным Иовом и всем духовенством, Ермоген, не обольщенный милостию Самозванца, не уstraшенный опалю за ревность к православию, казался Героем церкви и был единодушно, единогласно наречен патриархом, – нетерпеливо ожидаем и немедленно посвящен, как скоро прибыл из Казани в столицу, собором наших епископов. Царь, с любовью вручая Ермогену жезл Св. Петра митрополита, и Ермоген, с любовью благословляя царя, заключили искренний, верный союз церкви с государством, но не для их мира и счастья!

Патриарх Гермоген. Миниатюра из «Царского титулярника». 1672 г.

Утвердив себя на престоле великодушным обетом блюсти закон, всенародным оправданием казни расстригиной, своим царским венчанием, торжеством Димитриевой святости, избранием патриарха ревностного и мужественного духом, – поставив войско на берегах Оки и в Украине, велев надежным чиновникам осмотреть его и воеводам ждать царского указа, чтобы идти для усмирения врагов, где они явятся, – Василий немедленно занялся делами внешними.

Важнейшим делом было решить мир или войну с Литвою, не уронить достоинства России, но без крайности не начинать кровопролития в смутных обстоятельствах государства, коего внутреннее устройство, после измен и бунтов, требовало времени и тишины. Еще тело Самозванца лежало на лобном месте, когда духовенство наше отправило гонца в Киев, к тамошнему воеводе, князю Острожскому, с известительною грамотою о всем, что случилось в Москве, и с уверением в миролюбии российского правительства, невзирая на все козни литовского. В сем смысле действовал и новый венценосец: хранил поляков от злобы народа, велел давать им все нужное в изобилии и с честью отвезти Марину к отцу, который, обманывая себя и других, еще именовал ее царицею, и в виде слуги усердного благоговел пред дочерью.

Марина изъявляла более высокомерия, нежели скорби, и говорила своим ближним: «Избавьте меня от ваших безвременных утешений и слез малодушных!» У нее взяли сокровища, одежды богатые, данные ей мужем: она не жаловалась от гордости. Взяли и все имение воеводы Сендомирского: 10 000 рублей деньгами, кареты, лошадей, приборы конские, вина, всего на 250 000 нынешних рублей серебряных, сказав ему: «возвратим тебе, что найдется твоим собственным: удержим достояние казны царской». В свидании с боярами Мнишек не скрывал глубокой своей печали, ни раскаяния, вероятно искреннего, быв знаменитейшим вельможею в отечестве и видя себя невольником в стране чуждой, где народная месть, им заслуженная, угрожала

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
ему гибели или узами, после его свидания о державном величии. Бояре обещали Мнишку не только безопасность, но и свободу, если король удостоверит Василия в истинном расположении к миру.

Они имели несколько свиданий и с послами литовскими. Первое было 27 мая, во дворце, где сии паны заметили разительную перемену: исчезла пышность Лжедмитриева времени; скрылись блестящие золотом телохранители и стрельцы; самые знатные чиновники, угождая вкусу Василиеву к бережливости, не отличались богатством платья. Вместо роскоши и веселия являлись везде простота, угрюмая важность, безмолвная печаль. «Нам казалось, – пишут ляхи-очевидцы, – что двор московский готовился к погребению».

Князя Мстиславский, Дмитрий Шуйский, Трубецкой, Голицыны, Татищев приняли Олесницкого и Госевского в той же палате, в коей они беседовали с ними именем Лжедмитрия, называя его тогда непобедимым цесарем, а в сие время гнусным исчадием ада! Мстиславский произнес сильную речь о злодейском убиении истинного сына Иоаннова по воле Годунова, о нелепом самозванстве расстриги, о кознях Сигизмундовых, желая доказать, что бродяга без вспоможения ляхов никогда не овладел бы московским престолом; что сей бродяга достойно казнен Россиею, а немногие ляхи в час мятежа убиты чернию за их наглость, без ведома бояр и дворянства. «Одним словом, – заключил Мстиславский, – кто виною зла и всех бедствий? Король и вы, паны, нарушив святость мирного договора и крестного целования».

М.П. Клодт. Марина Мнишек с отцом под стражей. 1883 г.

Олесницкий и Госевский тихо советовались друг с другом и дали ответ не менее сильный, изъясняясь смело, и если не во всем искренно, то по крайней мере умно и благородно.

«Мы слышали о бедственной кончине Димитрия, – говорили паны, – и жалели о ней как христиане, гнушаясь убийцею. Но явился человек под именем сего царевича, свидетельствуя разными приметам в истине своего уверения, и сказывая, как он спасен небом от убийц, – как Борис тайно умертвил царя Феодора, истребил знатнейшие роды дворянские, теснил, гнал всех людей именитых. Не то ли самое говорили нам о Борисе и некоторые из вас, мужей думных? И читая историю, не находим ли в ней примеров, что мнимоусопшие являются иногда живы в казнь злодейству? Но мы еще не верили бродяге: поверил ему только добросердечный воевода Сендомирский, и не ему одному, но многим россиянам, признавшим в нем Димитрия: они клялись, что Россия ждет его; что города и войско сдадутся Иоаннову наследнику. Действуя самовольно, Мнишек хотел быть свидетелем торжества Димитриева – и был; но, повинувшись указу королевскому, возвратился, чтобы не нарушить мира, заключенного нами с Годуновым. Димитрий, как он называл себя, остался в земле Северной единственно с россиянами, донскими и запорожскими козаками: что ж сделали россияне? Пали к ногам его: воеводы и войско. Что сделали и вы, бояре? Выехали к нему навстречу с царскою утварию; вопили, что принимаете государя любимого от Бога, и кипели гневом, когда ляхи смели утверждать, что они дали царство Димитрию. Мы, послы, собственными глазами видели, как вы пред ним благоговели. Здесь, в сей самой палате, рассуждая с нами о делах государственных, вы не изъясляли ни малейшего сомнения о роде его и сани. Одним словом, не мы, поляки, но вы, русские, признали своего же русского бродягу Димитрием, встретили с хлебом и солью на границе, привели в столицу, короновали и... убили; вы начали, вы и кончили. Для чего же вините других? Не лучше ли молчать и каяться в грехах, за которые Бог наказал вас таким ослеплением? Не говорим о клятвopреступлении и цареубийстве; не осуждаем вашего дела и не имеем причины жалеть о сем человеке, который в ваших глазах оскорблял нас, величался, безумно требовал неслыханных титулов и едва ли мог быть надежным другом нашего отечества; но удивимся, что вы, бояре, как люди известно умные, дозволяете себе суесловить, желая оправдать душегубство: бесчеловечное избиение наших братьев... Они не воевали с вами, не помогали вашему Лжедмитрию, не хранили его: ибо он вверил жизнь свою не им, а вам единственно! Слагаете вину на чернь: поверим тому, если можно; поверим, если вы невредино отпустите с нами воеводу Сендомирского, дочь его и всех ляхов к королю, дабы мы своим миролюбивым ходатайством обезоружили месть готовую. Но доколе, вопреки народному праву, уважаемому и варварами, будете держать нас, как бы пленников, дотолы в глазах

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
короля, республики и всей Европы, не чернь московская, а вы с вашим новым царем останетесь виновниками сего кровопролития, и не в безопасности. Рассудите!»

Бояре слушали с великим вниманием и долго сидели в молчании, смотря друг на друга; наконец ответствовали панам: «Вы были послами у Самозванца, а теперь уже не послы: следственно не должно говорить вам так вольно и смело»; но расстались с ними ласково; виделись снова и сказали им, что Василий милостиво приказал освободить всех нечиновных ляхов и вывезти за границу; но что послы, воевода Сендомирский и другие знатные паны должны ждать в России решения судьбы своей от Сигизмунда, к коему едет царский чиновник для важных объяснений и переговоров.

Дворянин князь Григорий Волконский немедленно был послан в Краков. Олесницкий и Госевский остались в Москве под стражею; Мнишка с дочерью вывезли в Ярославль, Вишневецкого в Кострому, товарищей их в Ростов и Тверь. Они имели дозволение писать к королю и писали миролюбиво, желая как можно скорее избавиться от неволи, чтобы говорить и действовать иначе.

Уже слух о гибели Самозванца и многих ляхов в Москве встревожил всю Польшу: в городах и в местечках литовских останавливали князя Волконского и дьяка его, бесчестили, ругали, называли убийцами, злодеями; метали в их людей камнями и грязью; а королевские чиновники отвечали им на жалобы, что никакая власть не может унять народного негодования. Быв четыре месяца в дороге, Волконский приехал в Краков, где Сигизмунд встретил его с лицом угрюмым, не звал к обеду, не удостоил ни одного ласкового слова и, скрыв печаль свою о судьбе Лжедмитрия, от коего Польша ждала столько выгод, слушал холодно извещение о новом самодержце в России. В переговорах с коронными панями Волконский доказывал то же, что наши бояре доказывали в Москве послам Сигизмундовым; а паны ответствовали ему то же, что послы боярам. Мы говорили ляхам: «Вы дали нам Лжедмитрия!» Ляхи возражали: «Вы взяли его с благодарностию!»

Но с обеих сторон умеряли колкость выражений, оставляя слово на мир. Волконский требовал удовлетворения за бедствие, претерпенное Россиею от Самозванца: за гибель многих людей и расхищение нашей казны; король же требовал освобождения своих послов и платежа за товары, взятые Лжедмитрием у купцов литовских и галицких, или разграбленные чернию московскую в день мятежа. Не могли согласиться, однако ж не грозили войною друг другу. «Швеция, – сказал Волконский, – уступает царю знатную часть Ливонии, желая его вспоможения; но он не хочет нарушить прежнего мирного договора».

Паны уверяли, что они также не нарушат сего договора, если мы будем соблюдать его. Ничего не решили и ни в чем не условились. Сигизмунд не взял даров от Волконского и хотел писать с ним к Василию; но Волконский отвечал: «Я не гонец». Король велел ему ехать к царю с поклоном, сказав, что пришет в Москву собственного чиновника; но медлил, уже зная о новых мятежах России и готовясь воспользоваться ими, как сосед деятельный в ненависти к ее величию.

Еще Василий имел время возобновить дружественные сношения с императором, с королями английским и датским. Гонец Рудольфов и посланник шведский находились в Москве. Непримиримый враг врага нашего, Сигизмунда, Карл IX ревностно искал союза России, и Василий действительно не спешил заключить его, в надежде обойтись без войны с Сигизмундом. Хан Казы-Гирей уверял царя в братстве, ногайский князь Иштерек в повиновении. Воевода князь Ромодановский отправился к шаху Аббасу для важных переговоров о Турции и христианских землях Востока. Еще двор московский занимался делами Европы и Азии, политикою Австрии и Персии; но скоро опасности ближайšie, внутренние, многочисленные и грозные скрыли от нас внешность, и Россия, терзая свои недра, забыла Европу и Азию!.. Сии новые бедствия начались таким образом. В первые дни июня, ночью, тайные злодеи, всегда готовые подвижники в бурные времена гражданских обществ, – желая ли только беззаконной корысти или чего важнейшего, бунта, убийств, испровержения верховной власти, – написали мелом на воротах у богатейших иноземцев и у некоторых бояр и дворян, что царь предает их дома расхищению за измену. Утром скопилось там множество людей, и грабители приступили к делу; но воинские дружины успели разогнать их без кровопролития.

Чрез несколько дней новое смятение. Уверили народ, что царь желает говорить с ним на лобном месте. Вся Москва пришла в движение, и Красная площадь наполнилась любопытными, отчасти и зломысленными, которые лукавыми внушениями подстрекали чернь к мятежу. Царь шел в церковь; услышал необыкновенный шум вне Кремля,

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinniko1ai.ru
сведал о созвании народа и велел немедленно узнать виновников такого беззакония; остановился и ждал донесения, не трогаясь с места.

Бояре, царедворцы, сановники окружали его: Василий без робости и гнева начал укорять их в непостоянстве и в легкомыслии, говоря: «Вижу ваш умысел; но для чего лукавствовать, ежели я вам не угоден? Кого вы избрали, того можете и свергнуть. Будьте спокойны: противиться не буду». Слезы текли из глаз сего несчастного властолюбца. Он кинул жезл царский, снял венец с головы и примолвил: «Ищите же другого царя!»

Все молчали от изумления. Шуйский надел снова венец, поднял жезл и сказал: «Если я царь, то мятежники да трепещут! Чего хотят они? Смерти всех невинных иноземцев, всех лучших, знаменитейших россиян, и моей; по крайней мере, насилия и грабежа. Но вы знали меня, избирая в цари; имею власть и волю казнить злодеев». Все единогласно ответствовали: «Ты наш государь законный! Мы тебе присягали и не изменим! Гибель крамольникам!»

Объявили указ гражданам мирно разойтись, и никто не ослушался; схватили пять человек в толпах как возмутителей народа и высекли кнутом. Доискивались и тайных, знатнейших крамольников; подозревали Нагих: думали, что они волнуют Москву, желая свести Шуйского с престола, собрать Великую Думу земскую и вручить державу своему ближнему, князю Мстиславскому. Исследовали дело, честно и добросовестно; выслушали ответы, свидетельства, оправдания и торжественно признали невинность скромного Мстиславского, не тронули и Нагих; сослали одного боярина Петра Шереметева, воеводу псковского, также их родственника, действительно уличенного в кознях. Шуйский в сем случае оказал твердость и не нарушил данной им клятвы судить законно. Ему готовились искушения важнейшие!

Столица утихла до времени; но знатная часть государства уже пылала бунтом!.. Там, где явился первый Лжедмитрий, явился и второй, как бы в посмеяние России, снова требуя легковерия или бесстыдства и находя его в ослеплении или в разврате людей, от черни до вельможного сана.

Казалось, что Самозванец, всеми оставленный в час бедствия, не имел ни друзей, ни приверженников, кроме Басманова. Те, коих он любил с доверенностью, осыпал милостями и наградами, громогласнее других кляли память его, желая неблагодарности спасти себя – и спаслись: сохранили всю добычу измены, сан и богатство. Некоторые из них умели даже снискать доверенность Василиеву: так, князь Григорий Петрович Шаховской, известный любимец расстригин, был послан воеводою в Путивль, на смену князю Бахтеярову, честному, но, может быть, не весьма расторопному и смелому. Правительство знало важность сего назначения: нигде граждане и чернь не оказывали столько усердия к Самозванцу и не могли столько бояться нового царя, как в земле Северской, где оставалось еще немало бродяг, беглых разбойников, злодеев, сподвижников Отрепьева, и куда многие из них, после его гибели, спешили возвратиться. Шаховской без сомнения говорил Василию то же, что Басманов несчастному Феодору, – и сделал то же.

Рожденный в свое время, в век мятежей и беззаконий, со всеми качествами, нужными для первенства в оных, Шаховской пылал ненавистию к виновникам Лжедмитриевой гибели; знал расположение народа северского и неудовольствие многих россиян, которые имели право участвовать и не участвовали в избрании венценосца; знал волнение умов и в Москве и в целом государстве, смятенном бунтами и еще не совсем успокоенном властью закона; считал державство Василия нетвердым, обстоятельства благоприятными и, прельщаясь блеском великой отваги, решился на злодейство, удивительное и для сего времени: созвал граждан в Путивле и сказал им торжественно, что московские изменники вместо Димитрия умертвили какого-то немца; что Димитрий, истинный сын Иоаннов, жив, но скрывается до времени, ожидая помощи своих друзей северских; что злобный Василий готовит жителям Путивля и всей Украины, за оказанное ими усердие к Димитрию, жребий новгородцев, истерзанных Иоанном Грозным; что не только за истинного царя, но и для собственного спасения они должны восстать на Шуйского.

Народ не усомнился и восстал. Казалось, что все города южной России ждали только примера: Моравск, Чернигов, Стародуб, Новгород-Северский немедленно, а скоро и Белгород, Борисов, Оскол, Трубчевск, Кромы, Ливны, Елец отложились от Москвы. Граждане, стрельцы, козаки, люди боярские, крестьяне толпами стекались под знамя бунта, выставленное Шаховским и другим, еще знатнейшим сановником, черниговским воеводою, мужем думным, некогда верным закону: князем Андреем Телятевским.

Сей человек удивительный, не хотел вместе с целым войском предаться живому, торжествующему Самозванцу, с шайками крамольников предался его тени, имени без существа, ослепленный заблуждением или неприязнью к Шуйским: так люди, кроме истинно великодушных, изменяются в государственных смятениях! Еще не видали никакого Димитрия, ни лица, ни меча его, и все пылало к нему усердием, как в Борисово и Феодорово время! Сие роковое имя с чудною легкостью побеждало власть законную, уже не обольщая милосердием, как прежде, но устрашая муками и смертию. Кто не верил грубому, бесстыдному обману, кто не хотел изменить Василию и дерзал противиться мятежу: тех убивали, вешали, кидали с башен, распинали!

Так, еще ко славе отечества, погибли воеводы, боярин князь Буйносов в Белегороде, Бутурлин в Осколе, Плещеев в Ливнах, двое Воейковых, Пушкин, князь Щербатый, Бартенев, Мальцов; других ввергали в темницы. Злодейством доказывалась любовь к царю; верность называли изменою, богатство преступлением: холопы грабили имение господ своих, бесчестили их жен, женились на дочерях боярских. Плавая в крови, утопая в мерзостях насилия, терпеливо ждали Димитрия и едва спрашивали: где он? Уверяя в необходимости молчания до некоторого времени, Шаховской давал однако ж разуметь, что солнце взойдет для России – из Сендомира!

Мог ли один человек предпринять и совершить такое дело, равно ужасное и нелепое, без условия с другими, без приготовления и заговора? Шаховской имел клеветов в Москве, где скоро по убиении Лжедимитрия распустили слух, что он жив, за несколько часов до мятежа, ночью, ускакав верхом с двумя царедворцами, неизвестно куда.

В то же время видели на берегу Оки, близ Серпухова, трех необыкновенных, таинственных путешественников: один из них дал перевозчику семь золотых и сказал: «Знаешь ли нас? Ты перевез государя Димитрия Иоанновича, который спасается от московских изменников, чтобы возвратиться с сильным ополчением, казнить их, а тебя сделать великим человеком. Вот он!» – примолвил незнакомец, указав на младшего из спутников, и немедленно удалился вместе с ними.

Многие другие видели их и далее, за Тулою, около Путивля, и слышали то же. Сии путешественники, или беглецы, выехали из пределов России в Литву, – и вдруг вся Польша заговорила о Димитрии, который будто бы ушел из Москвы в одежде инока, скрывается в Сендомире и ждет счастливой для него перемены обстоятельств в России. Посол Василиев, князь Волконский, будучи в Кракове, сведал, что жена Мнишкова действительно объявила какого-то человека своим зятем Димитрием; что он живет то в Сендомире, то в Самборе, в ее доме и в монастыре, удаляясь от людей; что с ним только один москвитянин, дворянин Заболоцкий, но что многие знатные россияне, и в числе их князь Василий Мосальский, ему тайно благоприятствуют.

Новый Самозванец нимало не сходил с наружностью с первым: имел волосы кудрявые, черные (вместо рыжеватых); глаза большие, брови густые, навислые, нос покляпый, бородавку среди щеки, ус и бороду стриженую; но так же, как Отрепьев, говорил твердо языком польским и разумел латинский. Волконский удостоверился, что сей обманщик был дворянин Михайло Молчанов, гнусный убийца юного царя Феодора, и мнимый чернокнижник, сеченный за то кнотом в Борисово время: он скрылся в начале Василиева царствования. Действуя по условию с Шаховским, Молчанов успел в главном деле: ослабил воскресение расстриги, чтобы питать мятеж в земле Северной; но не спешил явиться там, где его знали, и готовился передать имя Димитрия иному, менее известному или дерзновеннейшему злодею.

Уже самый первый слух о бегстве расстриги встревожил московскую чернь, которая, три дня терзав мертвого лжецаря, не знала, верить ли или не верить его спасению: ибо думала, что он, как известный чародей, мог ожить силою адскою или в час опасности сделаться невидимым и подставить другого на свое место; некоторые даже говорили, что человек, убитый вместо Лжедимитрия, походил на одного молодого дворянина, его любимца, который с сего времени пропал без вести. Действовала и любовь к чудесному и любовь к мятежам: «Чернь московская (пишут свидетели очевидные) была готова менять царей еженедельно, в надежде доискаться лучшего или своевольствовать в безначалии» – и люди, обогранные, может быть, кровию Самозванца, вдруг начали жалеть о его днях веселых, сравнивая их с унылым царствованием Василия! Но легковерие многих и зломыслие некоторых не могли еще произвести общего движения в пользу расстриги там, где он воскрес бы к ужасу своих изменников и душегубцев, – где все, от вельмож до мещан, хвалились его убиением. Клеветы Шаховского в столице желали единственно волнения,

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinniko1ai.ru
беспокойства народного и вместе с слухами распространяли письма от имени Лжедмитрия, кидали их на улицах, прибавляли к стенам: в сих грамотах упрекали россиян неблагодарностию к милостям великодушнейшего из царей, и сказывали, что Димитрий будет в Москве к новому году. Государь велел искать виновников такого возмущения; призывали всех дьяков, сличали их руки с подметными письмами и не открыли сочинителей.

Тушинский вор (Лжедмитрий II)

Еще правительство не уважало сих козней, изъясняя оные бессильною злобою тайных, малочисленных друзей расстригиных; но сведения в одно время о бунте южной России и сендомирском Самозванце, увидело опасность и спешило действовать – сперва убеждением. Василий послал Крутицкого митрополита Пафнутия в Северскую землю, образумить ее жителей словом истины и милосердия, закона и совести: митрополита не приняли и не слушали.

Царица-инокиня Марфа, исполненная ревности загладить вину свою, писала к жителям всех городов украинских, свидетельствуя пред Богом и Россиею, что она собственными глазами видела убиение Димитрия в Угличе и Самозванца в Москве; что одни ляхи и злодеи утверждают противное; что царь великодушный дал ей слово покрыть милосердием вину заблуждения; что не только возмущенные, но даже и возмутители могут жить безопасно и мирно в домах своих, если изъезвят раскаяние; что она шлет к ним брата, боярина Григория Нагого, и святой образ Димитриев, да услышат истину, да зрят Ангельское лицо ее сына, который был рожден любить, а не терзать отечество смутами и злодействами. Ни грамоты, ни посольства не имели успеха. Бунт кипел: остервенение возрастало. Действуя неусыпно, Шаховской звал всю Россию соединиться с Украиною; писал указы именем Димитрия и прикладывал к ним печать государственную, которую он похитил в день московского мятежа. Рать изменников усиливалась и выступала в поле, с воеводою достойным такого начальства, холопом князя Телятевского, Иваном Болотниковым. Сей человек, взятый в плен татарами, проданный в неволю туркам и выкупленный немцами в Константинополе, жил несколько времени в Венеции, захотел возвратиться в отечество, услышал в Польше о мнимом Димитрии, предложил ему свои услуги и явился с письмом от него к князю Шаховскому в Путивле. Внутренно веря или не веря Самозванцу, Болотников воспламенил других любопытными о нем рассказами; имея ум сметливый, некоторые знания воинские и дерзость, сделался главным орудием мятежа, к коему пристали еще двое князей Мосальских и Михайло Долгорукий.

Видя необходимость кровопролития, Василий велел полкам идти к Ельцу и Кромам. Предводительствовали боярин Воротынский, сын отца столь знаменитого, и князь Юрий Трубецкой, стольник, удостоенный необыкновенной чести иметь мужей думных под своими знаменами. Воротынский близ Ельца рассеял шайки мятежников; но чиновник царский, везя к нему золотые медали в награду его мужества, вместо победителей встретил беглецов на пути. Где некогда сам Шуйский с сильным войском не умел одолеть горсти изменников и где измена Басманова решила судьбу отечества, там, в виду несчастных Кром, Болотников напал на пять тысяч царских всадников: они, с князем Трубецким, дали тыл; за ними и Воротынский ушел от Ельца; винили, обгоняли друг друга в срамном бегстве и, как бы еще имея стыд, не хотели явиться в столице: разъехались по домам, сложив с себя обязанность чести и защитников царства.

Г.Н. Горелов. Восстание Ивана Болотникова. 1944 г.

Победитель Болотников ругался над пленными: называл их кровопийцами, злодеями, бунтовщиками, царя Василия Шубником; велел одних утопить, других вести в Путивль для казни; некоторых сечь плетью и едва живых отпустить в Москву; шел вперед и восстанавливал державу Самозванца. Орел, Мценск, Тула, Калуга, Венев, Кашира, вся земля Рязанская пристали к бунту, вооружились, избрали начальников: сына боярского Истому Пашкова, вневского сотника, Григория Сунбулова, бывшего воеводою в Рязани, и тамошнего дворянина Прокопия Ляпунова, дотоле неизвестного, отселе знаменитого, созданного быть вождем и повелителем людей в безначалии, в

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru мятежах и бурях, – одаренного красотою и крепостию телесною, силою ума и духа, смелостию и мужеством. Сие новое войско отличалось ревностию чистейшею, составленное из граждан, владельцев, людей домовитых.

Быв первыми, усерднейшими клеветами Басманова в измене Феодору, они хотя и присягнули Василию, но осуждали дело москвитян, убиение расстриги, и думали, что присяга Шуйскому сама собою уничтожается, когда жив Димитрий, старейший и следственно один венценосец законный. Но ревность их также вела к злодействам: лилась кровь воинов и граждан, верных чести и Василию. Рязанский наместник боярин князь Черкасский, воеводы князь Тростенский, Вердеревский, князь Каркадинов, Измайлов были скованные отправлены Ляпуновым в Путивль на суд или смерть. Разбойники северские жгли, опустошали селения; грабя, не щадили и святыни церквей; срамили человечество гнуснейшими делами. Ужас распространял измену, как буря пламень, с неимоверною быстротою, от пределов Тулы и Калуги к Смоленску и Твери: Дорогобуж, Вязьма, Ржев, Зубцов, Старица предались тени Лжедмитрия, чтобы спастись от ярости мятежников; но Тверь, издревле славная в наших летописях верностию, не изменила: достойный ее святитель Феокист, великодушно негодуя на слабость воевод, явился бодрым стратигом: ополчил духовенство, людей приказных, собственных детей боярских, граждан, разбил многочисленную шайку злодеев и послал к государю несколько сот пленных.

Встревоженный бегством воевод от Ельца и Кром, бегством чиновников и рядовых от воевод и знамен, – наконец силою, успехами бунта, Василий еще не смутился духом, имея данное ему от природы мужество, если не для одоления бедствий, то по крайней мере для великодушной гибели. Летописец говорит, что царь без искусных стратигов и без казны есть орел бескрылый и что таков был жребий Шуйского. Борис оставил преемнику казну и только одного славного храбростию воеводу, Басманова–изменника: Лжедмитрий–расточитель не оставил ничего, кроме изменников; но Василий делал, что мог. Объявив всенародно о происхождении мятежа – о нелепой басне расстригина спасения, о сонмище воров и негодяев, коим имя Димитрия служит единственно предлогом для злодейства, в самых тех местах, где жители, ими обманутые, встречают их как друзей, – царь выслал в поле новое сильнейшее войско и, как бы спокойный сердцем, как бы в мирное, безмятежное время, удумал загладить несправедливость современников в глазах потомства: снять опалу с памяти венценосца, хотя и ненавистного за многие дела злые, но достойного хвалы за многие государственные благодеяния: велел, пышно и великолепно, перенести тело Бориса, Марии, юного Феодора из бедной обители Св. Варсонофия в знаменитую лавру Сергиеву Торжественно огласив убиение и святость Димитрия, Шуйский не смел приблизить к его мощам гроб убийцы и снова поставить между царскими памятниками; но хотел сим действием уважить законного монарха в Годунове, будучи также монархом избранным; хотел возбудить жалость, если не к Борису виновному, то к Марии и к Феодору невинным, чтобы произвести живейшее омерзение к их гнусным умертвителям, сообщникам Шаховского, жадным к новому царубийству.

С.И. Грибков. Ксения Годунова. Вторая половина XIX века

В присутствии бесчисленного множества людей, всего духовенства, двора и синклита, открыли могилы: двадцать иноков взяли раку Борису на плечи свои (ибо сей царь скончался иноком); Феодорову и Марии несли знатные сановники, провождаемые святителями и боярами. Позади ехала, в закрытых санях, несчастная Ксения и громко вопила о гибели своего Дома, жалуясь Богу и России на изверга Самозванца. Зрители плакали, вспоминая счастливые дни ее семейства, счастливые и для России в первые два года Борисова царствования. Многие о нем тужили, встревоженные настоящим и страшась будущего.

В лавре, вне церкви Успения, с благоговением погребли отца, мать и сына; оставили место и для дочери, которая жила еще шестнадцать горестных лет в Девичьем монастыре Владимирском, не имея никаких утешений, кроме небесных. Новым погребением возвращая сан царю, лишенному оно в могиле, думал ли Василий, что некогда и собственные его кости будут лежать в неизвестности, в презрении, и что великодушная жалость, справедливость и политика также возвратят им честь царскую?

Уже не только политика мирила Василия с Годуновым, но и злополучие, разительное

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru сходство их жребия. Обоим власть изменяла; опоры того и другого, видом крепкие, падали, рушились, как тлен и брание. Рати Василиевы, подобно Борисовым, цепенели, казалось, пред тению Димитрия. Юноша, ближний государев, князь Михаил Скопин-Шуйский, имел успех в битве с неприятельскими толпами на берегах Пахры; но воеводы главные, князя Мстиславский, Дмитрий Шуйский, Воротынский, Голицыны, Нагие, имея с собою всех дворян московских, стольников, стряпчих, жильцов, встретились с неприятелем уже в пятидесяти верстах от Москвы, в селе Троицком, сразились и бежали, оставив в его руках множество знатных пленников.

Уже Болотников, Пашков, Ляпунов, взяв, опустошив Коломну, стояли (в октябре месяце) под Москвою, в селе Коломенском; торжественно объявили Василия царем сверженным; писали к москвитянам, духовенству, синклиту и народу, что Димитрий снова на престоле и требует их новой присяги; что война кончилась и царство милосердия начинается. Между тем мятежники злодействовали в окрестностях, звали к себе бродяг, холопей; приказывали им резать дворян и людей торговых, брать их жен и достояние, обещая им богатство и воеводство; рассыпались по дорогам, не пускали запасов в столицу, ими осажденную..

Войско и самое государство как бы исчезли для Москвы, преданной с ее святынею и славою в добычу неистовому бунту. Но в сей ужасной крайности еще блеснул луч великодушья: оно спасло царя и царство, хотя на время!

Василий, велел написать к мятежникам, что ждет их раскаяния и еще медлит истребить жалкий сонм безумцев, спокойно устроил защиту города, предместий и слобод. Духовенство молилось; народ постился три дни и, видя неустрашимость в государе, сам казался неустрашимым. Воины, граждане по собственному движению обязали друг друга клятвою в верности, и никто из них не бежал к злодеям. Полководцы, князя Скопин-Шуйский, Андрей Голицын и Татев расположились станом у Серпуховских ворот, для наблюдения и для битвы в случае приступа. Высланные из Москвы отряды восстановили ее сообщение с городами, ближними и дальними. Патриарх, святители писали всюду грамоты увещательные: верные одушевились ревностию, изменники устыдились. Тверь, Смоленск служили примером: их дворяне, дети боярские, люди торговые кинули семейства и спешили спасти Москву. К добрым тверитянам присоединились жители Зубцова, Старицы, Ржева; к добрым смолянам граждане Вязьмы, Дорогобужа, Серпейска, уже не преступники от малодушия, но снова достойные россияне; везде били злодеев; выгнали их из Можайска, Волока, обители Св. Иосифа; не давали им пощады: казнили пленных.

Тогда же в Коломенском стане открылась важная измена. Болотников, называя себя воеводою царским, хотел быть главным; но воеводы, избранные городами, не признавали сей власти, требовали Димитрия от него, от Шаховского: не видали и начинали хладеть в усердии. Ляпунов первый удостоверился в обмане и, стыдясь быть союзником бродяг, холопей, разбойников без всякой государственной, благородной цели, первый явился в столице с повинною (вероятно, вследствие тайных, предварительных сношений с царем); а за Ляпуновым и все рязанцы, Сунбулов и другие.

Василий простил их и дал Ляпунову сан думного дворянина. Скоро и многие иные сподвижники бунта, удостоверенные в милосердии государя, перебежали из Коломенского в Москву, где уже не было ни страха, ни печали; все ожило и пылало ревностию ударить на остальных мятежников. Василий медлил; изъявляя человеколюбие и жалость к несчастным жертвам заблуждения, говорил: «Они также русские и христиане: молюся о спасении их душ, да расскаются, и кровь отечества да не лиется в междоусобию!» Василий или действительно надеялся утишить бунт без дальнейшего кровопролития, торжественно предлагая милость самым главным виновникам оною, или для вернейшей победы ждал смолян и тверитян: они соединились в Можайске с воеводою царским Колычевым и приближались к столице.

Еще мятежники упорствовали в намерении овладеть Москвою; укрепили Коломенский стан валом и тыном, терпеливо сносили ненастье и холод глубокой осени; приступали к Симонову монастырю и к Тонной, или Рогожской, слободе; были отражены, лишились многих людей и все еще не унывали – по крайней мере Болотников: он не слушал обещаний Василия забыть его вину и дать ему знатный чин, отвечая: «Я клялся Димитрию умереть за него и сдержу слово: буду в Москве не изменником, а победителем»; уже видел знамена тверитян и смолян на Девичьем поле; видел движение в войске московском и смело ждал битвы неравной.

С.М. Зейденберг. Свидание Скопина-Шуйского с царем Василием Шуйским в Москве

Василий, сам опытный в деле бранном, еще не хотел и пред стенами Кремлевскими ратоборствовать лично, как бы стыдился врага подлого; хотел быть только невидимым зрителем сей битвы: вверил главное начальство усерднейшему или счастливейшему витязю: двадцатилетнему князю Скопину-Шуйскому, который свел полки в монастыре Даниловском, и мыслил окружить неприятеля в стане. Болотников и Пашков [2 декабря] встретили воевод царских: первый сразился как лев; второй, не обнажив меча, передался к ним со всеми дворянами и с знатною частию войска. У Болотникова остались козаки, холопы, северские бродяги; но он бился до совершенного изнурения сил и бежал с немногими к Серпухову: остальные рассеялись. Козаки еще держались в укрепленном селении Заборье и наконец с атаманом Беззубцевым сдались, присягнув Василию в верности. Кроме их, взяли на бою столь великое число пленных, что они не уместились в темницах московских и были все утоплены в реке, как злодеи ожесточенные; но козаков не тронули и приняли в царскую службу. Юноше-победителю, князю Скопину, рожденному к чести, утешению и горести отечества, дали сан боярина, а воеводе Кольчеву – боярина и дворецкого. Радовались и торжествовали; пели молебны с колокольным звоном и благодарили Небо за истребление мятежников, но прежде времени.

Болотников думал остановиться в Серпухове. Жители не впустили его. Он засел в Калуге; в несколько дней укрепил ее глубокими рвами и валом; собрал тысяч десять беглецов, изготовился к осаде и писал к северской Думе изменников, что ему нужно вспоможение и еще нужнее Димитрий, истинный или мнимый; что имя без человека уже не действует, и что все их клеветы готовы следовать примеру Ляпунова, Сунбулова и Пашкова, если явление вождя изгнанника, столь долго славимого и невидимого, не даст им нового усердия и новых сподвижников. Но кого было представить? Сендомирского ли самозванца, Молчанова, известного в России и нимало не сходного с Лжедмитрием, еще известнейшим? Сей беглец мог действовать на легковерных только издали, слухом, а не присутствием, которое изблещило бы его в обмане. Пишут, что злодеи российские хотели назвать Димитрием иного человека, какого-то благородного ляха, но что он – взяв, вероятно, деньги за такую отвагу – раздумал искать гибельного величия в бурях мятежа, мирно остался в Польше жить нескучным дворянином и прервал наконец связь с Шаховским, коему случай дал между тем другое орудие.

Мы упоминали о бродяге Илейке, Лжепетре, мнимом сыне царя Феодора. На пути к Москве узнав о гибели расстриги, он с терскими козаками бежал назад, мимо Казани, где бояре Морозов и Бельский хотели схватить его: козаки обманули их; прислали сказать, что выдадут им Самозванца, и ночью уплыли вниз по Волге; грабили людей торговых и служивых; злодействовали, жгли селения на берегах, до Царицына, где убили князя Ромодановского, ехавшего послом в Персию, и воеводу Акинфеева; остановились зимовать на Дону и расславили в Украине о своем лжецаревиче. Обман способствовал обману: Шаховский признал Илейку сыном Феодоровым, звал к себе вместе с шайкою терских мятежников, встретил в Путивле с честью, как племянника и наместника Димитриев а в его отсутствие, и даже не усомнился обещать ему царство, если Димитрий, ими ожидаемый, не явится. Сей союз злодейства праздновали новым душегубством, в доказательство державной власти разбойника Илейки. Он велел умертвить всех знатных пленников, которые еще сидели в темницах: верных воевод рязанских, думного мужа Сабурова, князя Приимкова-Ростовского, начальников города Борисова, и воеводу Путивльського, князя Бахтеярова, взяв его дочь в наложницы.

Искали и союзников внешних, там, где вред России всегда считался выгодой и где старая ненависть к нам усилилась желанием мести за стыд неудачного дружества с бродягой: новый самозванец Петр также обратился к Сигизмунду и вельможные паны не устыдились сказать князю Волконскому, который еще находился тогда в Кракове, что они «ждут послов от государя северского, сына Феодорова, который вместе с Димитрием, укрывающимся в Галиции, намерен свергнуть Василия с престола; что если царь возвратит свободу Мнишку и всем знатным ляхам, московским пленникам, то не будет ни Лжедмитрия, ни Лжепетра; а в противном случае оба сделаются истинными и найдут сподвижников в республике!» Но ляхи только грозили Василию; манили, вероятно, мятежников обещаниями и не спешили действовать; Шаховский, Телятевский, Долгорукий, Мосальские, с новым атаманом Илейкою не имели времени ждать их; призвали к себе запорожцев; ополчили всех, кого могли, в земле Северной и выступили в поле, чтобы спасти Болотникова.

Умел ли Василий воспользоваться своею победою, дав мятежникам соединиться и вновь усилиться в Калуге? Он послал к ней войско, но уже чрез несколько дней, и малочисленное, смятое первою смелою вылазкою; послал и другое, сильнейшее с боярином Иваном Шуйским, который, одержав верх в кровопролитном деле с Болотниковым при устье реки Угры, осадил Калугу (30 декабря), но без надежды взять ее скоро. Худые вести, одна за другою, встревожили Москву. В Калужской и Тульской области новые шайки злодеев скопились и заняли Тулу. Бунт вспыхнул в уезде Арзамасском и в Алатырском: мордва, холопы, крестьяне грабили, резали царских чиновников и дворян, утопили алатырского воеводу Сабурова, осадили Нижний Новгород именем Димитрия.

Астрахань также изменила: ее знатный воевода, окольный князь Иван Хворостинин, взял сторону Шаховского: верных умертвили: доброго, мужественного дьяка Карпова и многих иных. Самых границ Сибири коснулось возмущение, но не проникло в оную: там начальствовали усердные Годуновы, хотя и в честной ссылке. Из Вятки, из Перми силою гнали воинов в Москву, а чернь славил Димитрия. К сему смятению присоединилось ужасное естественное бедствие: язва в Новгороде, где умерло множество людей, и в числе их боярин Катырев. Между тем целое войско злодеев разными путями шло от Путивля к Туле, Калуге и Рязани.

Василий бодрствовал неусыпно, распоряжал хладнокровно: послал рати и воевод: знатнейшего саном князя Мстиславского и знаменитейшего мужеством Скопина-Шуйского к Калуге; Воротынского к Туле, Хилкова к Веневу, Измайлова к Козельску, Хованского к Михайлову, боярина Федора Шереметева к Астрахани, Пушкина к Арзамасу; а сам еще остался в Москве с дружиною царскою, чтобы хранить святыню отечества и церкви или явиться на поле битвы в час решительный. Василий думал предупредить соединение мятежников, истребить их отдельно, нападениями разными, единомысленными, чтобы вдруг и везде утишить бунт. Действуя в воинских распоряжениях как стратиг искусный, он хотел действовать и на сердца людей, оживить в них силу нравственную, успокоить совесть, возмущенную беззакониями государственными, и снова скрепить союз царя с царством, нарушенный злодейством.

Имея торжественное совещание с Ермогеном, духовенством, синклитом, людьми чиновными и торговыми, Василий определил звать в Москву бывшего патриарха Иова для великого земского дела. Ермоген писал к Иову: «Преклоняем колена: удостой нас видеть благолепное лицо твое и слышать глас твой сладкий: молим тебя именем отечества смятенного». Иов приехал и (20 февраля) явился в церкви Успения, извне окруженной и внутри наполненной несметным множеством людей. Он стоял у патриаршего места в виде простого инока, в бедной ризе, но возвышаемый в глазах зрителей памятью его знаменитости и страданий за истину, смирением и святостию: отшельник, вызванный почти из гроба примирить Россию с законом и Небом. Все было изготовлено царем для действия торжественного, в коем патриарх Ермоген с любовию уступал первенство старцу, уже бесчиновному. В глубокой тишине общего безмолвия и внимания поднесли Иову бумагу и велели патриаршему диакону читать ее на амвоне.

В сей бумаге народ – и только один народ – молил Иова отпустить ему, именем Божиим, все его грехи пред законом, строптивость, ослепление, вероломство и клялся впредь не нарушать присяги, быть верным государю; требовал прощения для живых и мертвых, дабы успокоить души клятвopеступников и в другом мире; винил себя во всех бедствиях, ниспосланных Богом на Россию, но не винился в цареубийствах, приписывая убиение Феодора и Марии одному расстриге; наконец молил Иова, как святого мужа, благословить Василия, князей, бояр, христолюбивое воинство и всех христиан, да восторжествует царь над мятежниками и да насладится Россия счастьем тишины.

Иов отвечал грамотою, заблаговременно, но действительно им сочиненною, писанною известным его слогом, умиленно и не без искусства. Тот же диакон читал ее народу. Изобразив в ней величие России, произведенное умом и счастьем ее монархов – хваля особенно государственный ум Иоанна Грозного, Иов соболезновал о гибельных следствиях его преждевременной кончины и Димитриева заклания, но умолчал о виновнике оногo, некогда любив и славив Бориса; напомнил единодушное избрание Годунова в цари и народное к нему усердие; дивился ослеплению россиян, прельщенных бродягою; говорил: «Я давал вам страшную на себя клятву в удостоверение, что он самозванец: вы не хотели мне верить – и сделалось, чему нет примера ни в священной, ни в светской истории».

Патриарх Иов. Миниатюра из «Царского титулярника». 1672 г.

Описав все измены, бедствия отечества и церкви, свое изгнание, гнусное цареубийство, если не совершенное, то по крайней мере допущенное народом, воздав хвалу Василию, царю святому и праведному, за великодушное избавление России от стыда и гибели, Иов продолжал: «Вы знаете, убит ли самозванец; знаете, что не осталось на земле и скаредного тела его – а злодеи дерзают уверять Россию, что он жив и есть истинный Димитрий! Велики грехи наши пред Богом, в сии времена последние, когда вымыслы нелепые, когда сволочь мерзостная, тати, разбойники, беглые холопы могут столь ужасно возмущать отечество!»

Наконец, исчислив все клятвoprеступления россиян, не исключая и данной Лжедимитрию присяги, Иов именем Небесного милосердия, своим и всего духовенства объявлял им разрешение и прощение, в надежде, что они уже не изменят снова царю законному и добродетелию верности, плодом чистого раскаяния, умилоствивят Всевышнего, да и победят врагов и возвратят государству мир с тишиною.

Действие было неописанное. Народу казалось, что тяжкие узы клятвы спали с него и что сам Всевышний устами праведника изрек помилование России. Плакали, радовались – и тем сильнее тронуты были вестью, что Иов, едва успев доехать из Москвы до Старицы, преставился [8 марта]. Мысль, что он, уже стоя на пороге вечности, беседовал с Москвою, умиляла сердца. Забыли в нем слугу Борисова: видели единственно мужа святого, который в последние минуты жизни и в последних молениях души своей ревностно занимался судьбою горестного отечества, умер, благословляя его и возвестив ему умилоствивление Неба!

Но происшествия не соответствовали благоприятным ожиданиям. Воеводы, посланные царем истребить скопища мятежников, большею частию не имели успеха. Мстиславский, с главным войском обступив Калугу, стрелял из тяжелых пушек, делал примет к укреплениям, издали вел к ним деревянную гору и хотел зажечь ее вместе с тыном острога: но Болотников подкопом взорвал сию гору; не знал и не давал успокоения осаждающим; сражался день и ночь; не жалел людей, ни себя; обливался кровию в битвах непрерывных и выходил из оных победителем, доказывая, что ожесточение злодейства может иногда уподобляться геройству добродетели. Он боялся не смерти, а долговременной осады, предвидя необходимость сдаться от голода: ибо не успел запастись хлебом. Разбойники калужские ели лошадей, не жаловались и не слабели в сечах. Царь велел снова обещать милость их атаману, если покорится: ответом его было: «Жду милости единственно от Димитрия!»

Тщетно прибегали и к средствам, менее законным: московский лекарь Фидлер вызвался отравить главного злодея, дал на себя страшную клятву и, взяв сто флоринов, обманул Василия: уехал в Калугу служить за деньги Болотникову, из любви к расстриге. Неудачная осада продолжалась четыре месяца.

Другие воеводы, встретив неприятеля в поле, бежали: Хованский от Михайлова в Переславль Рязанский, Хилков от Венева в Коширу, Воротынский от Тулы в Алексин, наголову разбитый предводителем изменников, князем Андреем Телятевским, который успел прежде его занять и Тулу и Дедилов. Только Измайлов и Пушкин честно сделали свое дело: первый, рассеяв многочисленную шайку изменника князя Михайла Долгорукого, осадил мятежников в Козельске; второй спас Нижний Новгород, усмирив бунт в Арзамасе, в Ардатове и еще приспел к Хилкову в Коширу, чтобы идти с ним к Серебряным Прудам, где они истребили скопище злодеев и взяли их двух начальников, князя Ивана Мосальского и литвина Сторовского; но близ Дедилова были разбиты сильными дружинами Телятевского и в беспорядке отступили к Кошире: воевода Ададулов положил голову на месте сей несчастной битвы, и множество беглецов утонуло в реке Шате. – Боярин Шереметев, коему надлежало усмирить Астрахань, не мог взять города; укрепился на острове Болдинском и, не взирая на зимний холод, нужду, смертоносную цыngu в своем войске, отражал все приступы тамошних бунтовщиков, которые в исступлении ярости мучили, убивали пленных. Глава их, князь Хворостинин, объявив самого Шереметева изменником, грозил ему лютейшею казнию и звал ногайских владетелей под знамена Димитрия. Но царь уже не думал о том, что происходило в отдаленной Астрахани, когда судьба его и царства решилась за 160 верст от столицы.

Ежедневно надеясь победить Болотникова если не мечом, то голодом – надеясь, что

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinniko1ai.ru
Воротынский в Алексине и Хилков в Кошире заслоняют осаду Калуги и блюдут безопасность Москвы, главный воевода князь Мстиславский отрядил бояр, Ивана Никитича Романова, Михаила Нагого и князя Мезецкого против злодея, Василия Мосальского, который шел с своими толпами Белевскою дорогою к Калуге. Они сразились с неприятелем на берегах Вырки, смело и мужественно. Целые сутки продолжалась битва. Мосальский пал, оказав храбрость, достойную лучшей цели. Так пали и многие клеветы его: уже не имея вождя, теснимые, расстроенные, не хотели бежать, ни сдаться: умирали в сече; другие зажгли свои пороховые бочки и взлетели на воздух, как жертвы остервенения, свойственного только войнам междоусобным. Романов, дотоле известный единственно великодушным терпением в несчастии, удостоился благодарности царя и золотой медали за оказанную им доблесть.

Но изменники в другом месте были счастливее. Они, подобно царю, соображали свои действия наступательные, следуя общей мысли и стремясь с разных сторон к одной цели: освободить Болотникова. Гибель Мосальского не устрасила Телятевского, который также шел к Калуге и также встретил московских воевод, князей Татева, Черкасского и Борятинского, высланных Мстиславским из калужского стана. В жестокой битве на Пчелне легли Татев и Черкасский со многими из добрых воинов; остальные спаслись бегством в стан калужский и привели его в ужас, коим воспользовался Болотников: сделал вылазку и разогнал войско, еще многочисленное; все обратили тыл, кроме юного князя Скопина-Шуйского и витязя Истомы Пашкова, уже верного слуги царского: они упорным боем дали время малодушным бежать, спасая если не честь, то жизнь их; отступили, сражаясь, к Боровску, где несчастный Мстиславский и другие воеводы соединили рассеянные остатки войска, бросив пушки, обоз, запасы в добычу неприятелю. Еще хуже робости была измена: пятнадцать тысяч воинов царских, и в числе их около ста немцев, пристали к мятежникам. Узнав, что сделалось под Калугою, Измайлов снял осаду Козельска; по крайней мере не кинул снаряда огнестрельного и засел в Мещовске.

Сии вести поразили Москву. Шуйский снова колебался на престоле, но не в душе: созвал духовенство, бояр, людей чиновных; предложил им меры спасения, дал строгие указы, требовал немедленного исполнения и грозил казнию ослушникам: все россияне, годные для службы, должны были спешить к нему с оружием, монастыри запастись столицу хлебом на случай осады, и самые иноки готовиться к ратным подвигам за веру. Употребили и нравственное средство: святители предали анафеме Болотникова и других известных, главных злодеев: чего царь не хотел дотоле, в надежде на их раскаяние. Время было дорого: к счастью, мятежники не двигались вперед, ожидая Илейки, который с последними силами и с Шаховским еще шел к Туле.

21 мая Василий сел на ратного коня и сам вывел войско, приказав Москву брату Димитрию Шуйскому, князьям Одоевскому и Трубецкому, а всех иных бояр, окольных, думных дьяков и дворян взяв с собою под царское знамя, коего уже давно не видали в поле с таким блеском и множеством сановников: уже не стыдились идти всем царством на скопище злодеев храбрых! Близ Серпухова соединились с Василием Мстиславский и Воротынский, оба как беглецы в унынии стыда. Довольный числом, но боясь робости сподвижников, царь умел одушевить их своим великодушием: в присутствии ста тысяч воинов целую крест, громогласно произнес обет возвратиться в Москву победителем или умереть; он не требовал клятвы от других, как бы опасаясь ввести слабых в новый грех вероломства, и дал ее в твердой решимости исполнить. Казалось, что Россия нашла царя, а царь нашел подданных: все с ревностью повторили обет Василиев – и на сей раз не изменили.

Сведав, что Илейка с Шаховским уже в Туле и что Болотников к ним присоединился, Василий послал князей Андрея Голицына, Лыкова и Прокопия Ляпунова к Кошире. Самозванец Петр, как главный предводитель злодеев, велел также занять сей город Телятевскому Рати сошлись на берегах восми [5 июня]: началось дело кровопролитное, и мятежники одолевали: но Голицын и Лыков кинулись в пыл битвы с восклицанием: «Нет для нас бегства; одна смерть или победа!» и сильным, отчаянным ударом смяли неприятеля. Телятевский ушел в Тулу, оставив москвитянам все свои знамена, пушки, обоз; гнали бегущих на пространных тридцать верст и взяли пять тысяч пленных. Храбрейшие из злодеев, козаки терские, яицкие, донские, украинские, числом 1700, засели в оврагах и стреляли; уже не имели пороха и все еще не сдавались: их взяли силою на третий день и казнили, кроме семи человек, помилованных за то, что они спасли некогда жизнь верным дворянам, которые были в руках у злодея Илейки: черта достохвальная в самой неумолимой мести!

Обрадованный столь важным успехом и геройством воевод своих еще более, нежели числом врагов истребленных, Василий изъявил Голицыну и Лыкову живейшую благодарность; двинулся к Алексину, выгнал оттуда мятежников, шел к Туле. Еще злодеи хотели отвесть счастья и в семи верстах от города, на речке Воронее, сразились с полком князя Скопина-Шуйского: стояли в месте крепком, в лесу, между топами, и долго противились; наконец москвитяне зашли им в тыл, смешали их и вогнали в город; некоторые вломились за ними даже в улицы, но там пали: ибо воеводы без царского указа не дерзнули на общий приступ; а царь жалел людей или опасался неудачи, зная, что в Туле было еще не менее двадцати тысяч злодеев отчаянных: россияне умели оборонять крепости, не умея брать их. Обложили Тулу. Князь Андрей Голицын занял дорогу Коширскую: Мстиславский, Скопин и другие воеводы Кропивинскую; тяжелый снаряд огнестрельный расставили за турами близ реки Упы; далее, в трех верстах от города, шатры царские.

Началась осада [30 июня], медленная и кровопролитная, подобно калужской: тот же Болотников и с тою же смелостию бился в вылазках; презирая смерть, казался и невредимым и неутомимым: три, четыре раза в день нападал на осаждающих, которые одерживали верх единственно превосходством силы и не могли хвалиться действием своих тяжелых стенобитных орудий, стреляя только издали и не метко. Воеводы московские взяли Дедилов, Кропивну, Епифань и не пускали никого ни в Тулу, ни из Тулы: Василий хотел одолеть ее жестокое сопротивление голодом, чтобы в одном гнезде захватить всех главных злодеев и тем прекратить бедственную войну междоусобную. «Но Россия, – говорит летописец, – утопала в пучине крамол, и волны стремились за волнами: рушились одно, поднимались другие».

Замышляя измену, Шаховской надеялся, вероятно, одною сказкою о царе изгнаннике низвергнуть Василия и дать России юного венценосца, нового ли бродягу или кого-нибудь из вельмож, знаменитых родом, если, невзирая на свою дерзость, не смел мечтать о короне для самого себя; но обманутый надеждою, уже стоял на краю бездны. Ежедневно уменьшались силы, запасы и ревность стесненных в Туле мятежников, которые спрашивали: «Где же тот, за кого умираем? Где Димитрий?»

Шаховской и Болотников клялись им: первый, что царь в Литве; второй, что он видел его там собственными глазами. Оба писали в Галицию, к ближним и друзьям Мнишковым, требуя от них какого-нибудь Димитрия или войска, предлагая даже Россию ляхам, такими словами: «От границы до Москвы все наше: придите и возьмите; только избавьте нас от Шуйского».

Э.Э. Лисснер. Восстание Болотникова. 1939 г.

С письмами и наказом послали в Литву атамана козаков днепровских, Ивана Мартынова Заруцкого, смелого и лукавого: умев ночью пройти сквозь стан московский, он не хотел ехать далее Стародуба, жил в сем городе безопасно и питал в гражданах ненависть к Василию.

Послали другого вестника, который достиг Сендомира, не нашел там никакого Димитрия, но заставил ближних Мнишковых искать его: искали и нашли бродягу, жителя Украины, сына поповского, Матвея Веревкина, как уверяют летописцы, или жида, как сказано в современных бумагах государственных. Сей самозванец и видом и свойствами отличался от расстриги: был груб, свиреп, корыстолюбив до низости: только, подобно Отрепьеву, имел дерзость в сердце и некоторую хитрость в уме; владел искусно двумя языками, русским и польским; знал твердо Св. Писание и Круг Церковный; разумел, если верить одному чужеземному историку, и язык еврейский, читал тальмуд, книги раввинов, среди самых опасностей воинских; хвалился мудростию и предвидением будущего.

Пан Меховецкий, друг первого обманщика, сделался руководителем и наставником второго; впечатлел ему в память все обстоятельства и случаи Лжедимитриевой истории, – открыл много и тайного, чтобы изумлять тем любопытных; взял на себя чин его гетмана; пригласил сподвижников, как некогда воевода Сендомирский, чтобы возвратить державному изгнаннику царство; находил менее легковверных, но столько же, или еще более, ревнителей славы или корысти. «Не спрашивали, – говорит историк польский, – истинный ли Димитрий или обманщик зовет воителей? Довольно было того, что Шуйский сидел на престоле, обагренном кровию ляхов. Война ливонская кончилась: юношество, скучая праздностию, кипело любовью к ратной

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru деятельности; не ждало указа королевского и решения чинов государственных: Сигизмундова и панов думных. Богатые давали деньги бедным на предприятие, коего целью было расхищение целой державы. Выставили знамена, образовалось войско; и весть за вестью приходила к жителям северским, что скоро будет у них Димитрий.

Наконец, 1 августа, явились в Стародубе два человека: один именовал себя дворянином Андреем Нагим, другой Алексеем Рукиным, московским подъячим; они сказали народу, что Димитрий недалеко с войском и велел им ехать вперед, узнать расположение граждан: любят ли они своего царя законного? Хотят ли служить ему усердно? Народ единодушно воскликнул: «где он? где отец наш? идем к нему все головами». Он здесь, отвечал Рукин и замолчал, как бы устращась своей нескромности. Тщетно граждане убеждали его изъясниться; вышли из терпения, схватили и хотели попытать безмолвного упряма: тогда Рукин объявил им, что мнимый Андрей Нагой есть Димитрий. Никто не усомнился: все кинулись лобызать ноги пришельца; вопили: «Хвала Богу! Нашлось сокровище наших душ!»

Ударили в колокола, пели молебны, честили Самозванца, коего прислал Меховецкий, готовясь идти вслед за ним с войском: прислал с одним клеветником безоружного, беззащитного, по тайному уговору, как вероятно, с главными стародубскими изменниками, желая доказать ляхам, что они могут надеяться на россиян в войне за Димитрия. Путивль, Чернигов, Новгород Северский, едва услышав о прибытии Лжедимитрия и еще не видя знамен польских, спешили изъяснить ему свое усердие и дать воинов. Заблуждение уже не извиняло злодея: многие из северян знали первого Самозванца и следственно знали обман, видя второго, человека им неизвестного; но славили его как царя истинного, от ненависти к Шуйскому, от буйности и любви к мятежу. Так атаман Заруцкий, быв наперсником расстригиным, упал к ногам стародубского обманщика, уверяя, что будет служить ему с прежнею ревностю, и бесстыдно исчисляя опасности и битвы, в коих они будто бы вместе храбровали. Но были и легковерные, с горячим сердцем и воображением, слабые умом, твердые душою. Таким оказал себя один стародубец, сын боярский: взял и вручил царю, в стане под Тулою, письмо от городов северских, в котором мятежники советовали Шуйскому уступить престол Димитрию и грозили казнию в случае упорства: сей посол дерзнул сказать в глаза Василию то же, называя его не царем, а злым изменником; терпел пытку, хвалясь верностию к Димитрию и был сожжен в пепел, не изъяснив ни чувствительности к мукам, ни сожаления о жизни, в исступлении ревности удивительной.

Василий, узнав о сем явлении Самозванца, о сем новом движении и скопище мятежников в южной России, отрядил воевод, князей Литвинова-Мосальского и Третьяка Сеитова, к ее пределам: первый стал у Козельска; второй занял Лихвин, Белев и Волхов. Скоро услышали, что Меховецкий уже в Стародубе с сильными литовскими дружинами; что Заруцкий призвал несколько тысяч козаков и соединил их с толпами северскими; что Лжедимитрий, выступив в поле, идет к Туле. Воеводы царские не могли спасти Брянска и велели заечь его, когда жители вышли с хлебом и солью навстречу к мнимому Димитрию...

В сие время один из польских друзей его, Николай Харлеский, исполненный к нему усердия и надежды завоевать Россию, писал к своим ближним в Литву следующее письмо любопытное: «Царь Димитрий и все наши благородные витязи здравствуют. Мы взяли Брянск, сожженный людьми Шуйского, которые вывезли оттуда все сокровища, и бежали так скоро, что их нельзя было настигнуть. Димитрий теперь в Карачеве, ожидая знатнейшего вспоможения из Литвы. С ним наших 5000, но многие вооружены худо... Зовите к нам всех храбрых; прельщайте их и славою и жалованьем царским. У вас носится слух, что сей Димитрий есть обманщик: не верьте. Я сам сомневался и хотел видеть его; увидел и не сомневаюсь. Он набожен, трезв, умен, чувствителен; любит военное искусство; любит наших; милостив и к изменникам: дает пленным волю служить ему или снова Шуйскому. Но есть злодеи: опасаясь их, Димитрий никогда не спит на своем царском ложе, где только для вида велит быть страже: положив там кого-нибудь из русских, сам уходит ночью к гетману или ко мне и возвращается домой на рассвете. Часто бывает тайно между воинами, желая слышать их речи, и все знает. Зная даже и будущее, говорит, что ему властвовать не долее трех лет; что лишится престола изменою, но опять воцарится и распространит государство. Без прибытия новых, сильнейших дружин польских он не думает спешить к Москве, если возьмет и самого Шуйского, который в ужасе, в смятении снял осаду Тулы; все бегут от него к Димитрию...»

Но Самозванец, оставив за собою Болхов, Белев, Козельск и разбив князя

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
Литвинова-Мосальского близ Мещовска, на пути к Туле сведал, что в ней славится уже не Димитриево, а Василиево имя.

Еще мятежники оборонялись там усиленно до конца лета, хотя и терпели недостаток в съестных припасах, в хлебе и соли. Счастливая мысль одного воина дала царю способ взять сей город без кровопролития. Муромец, сын боярский, именем Сумин Кровков, предложил Василию затопить Тулу, изъяснил возможность успеха и ручался в том жизнию. Приступили к делу; собрали мельников; велели ратникам носить землю в мешках на берег Упы, ниже города, и запрудили реку деревянною плотиною: вода поднялася, вышла из берегов, влилась в острог, в улицы и дворы, так что осажденные ездили из дому в дом на лодках; только высокие места остались сухи и казались грядами островов. Битвы, вылазки пресеклись.

Ужас потопа и голода смирил мятежников: они ежедневно целыми толпами приходили в стан к царю, винулись, требовали милосердия и находили его, все без исключения. Главные злодеи еще несколько времени упорствовали: наконец и Телятевский, Шаховской, сам непреклонный Болотников известили Василия, что готовы предать ему Тулу и самозванца Петра, если царским словом удостоверены будут в помиловании, или, в противном случае, умрут с оружием в руках и скорее съедят друг друга от голода, нежели сдадутся. Уже зная, что новый Лжедмитрий недалеко, Василий обещал милость, – и десятого октября боярин колычев, вступив в Тулу с воинами московскими, взял подлеешого из злодеев, Илейку Болотников явился с головы до ног вооруженный, пред шатрами царскими, сошел с коня, обнажил саблю, положил ее себе на шею, пал ниц и сказал Василию: «Я исполнил обет свой: служил верно тому, кто называл себя Димитрием в Сендомире: обманщик или царь истинный, не знаю; но он выдал меня. Теперь я в твоей власти: вот сабля, если хочешь головы моей; когда же оставишь мне жизнь, то умру в твоей службе, усерднейшим из рабов верных». Он угадывал, кажется, свою долю. Миловать таких злодеев есть преступление; но Василий обещал и не хотел явно нарушить слова: Болотникова, Шаховского и других начальников мятежа отправили, вслед за скованным Илейкою, в Москву с приставами; а князя Телятевского, знатнейшего и тем виновнейшего изменника, из уважения к его именитым родственникам, не лишили ни свободы, ни боярства, к посрамлению сего вельможного достоинства и к соблазну государственному: слабость бесстыдная, вреднейшая жестокости!

А.А. Сафонов. Иван Болотников перед царем Василием Шуйским

Но общая радость все прикрывала. Взятие Тулы праздновали как завоевание Казанского царства или Смоленского княжества; и, желая, чтобы сия радость была еще искреннее для войска утомленного, царь дал ему отдых: уволили дворян и детей боярских в их поместья, сведав, что Лжедмитрий, испуганный судьбою Лжепетра, ушел назад к Трубчевску вопреки опыту презирая нового злодея России, Василий не спешил истребить его; послал только легкие дружины к Брянску, а конницу черемисскую и татарскую в Северскую землю для грабежа и казни виновных ее жителей; не хотел ждать, чтобы сдалася Калуга, где еще держались клеветы Болотникова с атаманом Скотницким: велел осаждать ее малочисленной рати и возвратился к столице. Москва встретила его как победителя.

Он въезжал с необыкновенною пышностью, с двумя тысячами нарядных всадников, в богатой колеснице, на прекрасных белых конях; умиленно слушал речь патриарха, видел знаки народного усердия и казался счастливым! Три дни славили в храмах милость Божию к России; пять дней молился Василий в лавре Св. Сергия и заключил церковное торжество действием государственного правосудия: злодея Илейку повесили на серпуховской дороге, близ Данилова монастыря. Болотникова, атамана Федора Нагибу и строптивейших мятежников отвезли в Каргополь и тайно утопили. Шаховского сослали в каменную пустыню Кубенского озера, а вероломных немцев, взятых в Туле, числом пятьдесят два, и с ними медика Фидлера, в Сибирь. Всех других пленников оставили без наказания и свободными. Калуга, Козельск еще противились; вся южная Россия, от Десны до устья Волги, за исключением немногих городов, признавали царем своим мнимого Димитрия: сей злодей, отступив, ждал времени и новых сил, чтобы идти вперед, – а Москва, утомленная тревогами, наслаждалась тишиною, после ужасной грозы и пред ужаснейшею! Испытав ум, твердость царя и собственное мужество, верные россияне думали, что главное сделано; хотели временного успокоения и надеялись легко доверить остальное.

Воинский устав Русского царства, подготовленный при царе Василии Шуйском в 1607 году

Так думал и сам Василий. Быв дотоле в непрестанных заботах и в беспокойстве, мыслив единственно о спасении царства и себя от гибели, он вспомнил наконец о своем счастье и невесте: жестокою политикою лишенный удовольствия быть супругом и отцом в летах цветущих, спешил вкусить его хотя в летах преклонных и женился на Марии, дочери боярина князя Петра Ивановича Буйносова-Ростовского. Верить ли сказанию одного летописца, что сей брак имел следствия бедственные: что Василий, алчный к наслаждениям любви, столь долго ему неизвестным, предался неге, роскоши, ленности: начал слабеть в государственной и в ратной деятельности, среди опасностей засыпать духом, и своим небрежением охладил ревность лучших советников Думы, воевод и воинов, в царстве самодержавном, где все живет и движется царем, с ним бодрствует или дремлет? Но согласно ли такое очарование любви с природными свойствами человека, который в недосугах заговора и властвования смутного целые два года забывал милую ему невесту? И какое очарование могло устоять противу таких бедствий?

По крайней мере до сего времени Василий бодрствовал не только в усилиях истребить мятежников, но с удивительным хладнокровием, едва избавив от них Москву, занимался и земскими или государственными уставами и способами народного образования, как бы среди глубокого мира.

В марте 1607 года, имев торжественное рассуждение спатриархом, духовенством и синклитом, он издал соборную грамоту о беглых крестьянах, велел их возвратить тем владельцам, за коими они были записаны в книгах с 1593 года: то есть подтвердил уложение Феодора Иоанновича, но сказав, что оно есть дело Годунова, не одобренное боярами старейшими, и произвело в начале много зла, неизвестного в Иоанново время, когда земледельцы могли свободно переходить из селения в селение. Далее уставлено в сей грамоте, что принимающий чужих крестьян должен платить в казну десять рублей пени с человека, а господам их три рубля за каждое лето; что подговорщик, сверх денежной пени, наказывается кнутом, что муж беглой девки или вдовы делается рабом ее господина; что если господин не женит раба до двадцати лет, а рабы не выдаст замуж до осьминадцати, то обязан дать им волю и не имеет права жаловаться в суде на их бегство, даже и в случае кражи или сноса: закон благонамеренный, полезный не только для размножения людей, но и для чистоты нравственной!

Тогда же Василий велел перевести с немецкого и латинского языка «Устав дел ратных», желая, как сказано в начале оно, чтобы «россияне знали все новые хитрости воинские, коими хвалятся Италия, Франция, Испания, Австрия, Голландия, Англия, Литва, и могли не только силе силою, но и смыслу смыслом противиться с успехом, в такое время, когда ум человеческий всего более вперен в науку, необходимую для благосостояния и славы государств: в науку побеждать врагов и хранить целостность земли своей».

Ничто не забыто в сей любопытной книге: даны правила для образования и разделения войска, для строя, похода, станов, обоза, движений пехоты и конницы, стрельбы пушечной и ружейной, осады и приступов, с ясностью и точностью. Не забыты и нравственные средства. Пред всякою битвою надлежало воеводе ободрять воинов лицом веселым, напоминать им отечество и присягу; говорить: «Я буду впереди... Лучше умереть с честью, нежели жить бесчестно», и с сим вручать себя Богу.

Угождая народу своею любовью к старым обычаям русским, Василий не хотел однако ж, в угодность ему, гнать иноземцев: не оказывал к ним пристрастия, коим упрекали расстригу и даже Годунова, но не давал им в обиду мятежной черни; выслал ревностных телохранителей Лжедмитриевых и четырех медиков германских за тесную связь с поляками, – оставив лучшего из них, лекаря Вазмера, при себе: но старался милостию удержать всех честных немцев в Москве и в царской службе, как воинов, так и людей ученых, художников, ремесленников, любя гражданское образование и зная, что они нужны для успехов его в России; одним словом, имел желание, не имел только времени сделаться просветителем отечества... И в какой век! В каких обстоятельствах ужасных!

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinniko1ai.ru
Продолжение Василиева царствования. 1607–1609 г.г
В то время, когда Москва праздновала Василиево бракосочетание, война междоусобная уже снова пылала.

Калуга упорствовала в бунте. От имени царя ездил к ее жителям и людям воинским прощенный изменник атаман Беззубцев с убеждением смириться. Они сказали: «Не знаем царя, кроме Димитрия: ждем и скоро его увидим!» Вероятно, что явление второго Лжедмитрия было им уже известно. Василий, жалея утомлять войско трудами зимней осады, предложил, весьма неосторожно, четырем тысячам донских мятежников, которые в битве под Москвою ему сдались, загладить вину свою взятием Калуги: донцы изъявили не только согласие, но и живейшую ревность; клялись оказать чудеса храбрости; прибыли в калужский стан к государевым воеводам и чрез несколько дней взбунтовались так, что устрешенные воеводы бежали от них в Москву. Часть мятежников вступила в Калугу; другие ушли к Самозванцу.

Сей наглый обманщик недолго был в бездействии. Дружины за дружинами приходили к нему из Литвы, конные и пехотные, с вождями знатными: в числе их находились мозырский хорунжий Иосиф Будзило, паны Тишкевичи и Лисовский, беглец, за какое-то преступление осужденный на казнь в своем отечестве: смелостью и мужеством витьязь, ремеслом грабитель. Узнав, что Василий распустил главное войско, Лжедмитрий, по совету Лисовского, немедленно выступил из Трубчевска с семью тысячами ляхов, осмью тысячами козаков и немалым числом россиян. Воеводы царские, князь Михайло Кашин и Ржевский, укрепились в Брянске: Самозванец осадил его, но не мог взять, от храбрости защитников, которые терпели голод, ели лошадей и, не имея воды, доставали ее своею кровью, ежедневными вылазками и битвами.

Рать Лжедмитриева усилилась шайками новых донских выходцев: они представили ему какого-то неизвестного бродягу, мнимого царевича Феодора, будто бы второго сына Ирины; но Лжедмитрий не хотел признать его племянником и велел умертвить. Осада длилась, и Василий успел принять меры: боярин князь Иван Семенович Куракин из столицы, а князь Литвинов из Мещовска шли спасти Брянск. Литвинов первый с дружинами московскими достиг берегов Десны, видел сей город и стан Лжедмитриев на другой стороне ее, но не мог перейти туда, ибо река покрывалась льдом: осажденные также видели его; кричали своим московским братьям: «спасите нас! не имеем куска хлеба!» – и со слезами простирали к ним руки.

Сей день (15 декабря 1607) остался памятным в нашей истории: Литвинов кинулся в реку на коне; за Литвиновым все, восклицая: «Лучше умереть, нежели выдать своих: с нами Бог!», плыли, разгребая лед, под выстрелами неприятеля, изумленного такою смелостию; вышли на берег и сразились. Кашин и Ржевский сделали вылазку. Неприятель между двумя огнями не устоял, смешался, отступил. Уже победа совершилась, когда приспел Куракин, дивиться мужеству добрых россиян и славить Бога русского; но сам, как главный воевода, не отличился: только запас город всем нужным для осады; укрепился на левом берегу Десны и дал время неприятелю образумиться. Река встала.

Лжедмитрий соединил полки свои и напал на Куракина. Бились мужественно, несколько раз, без решительного следствия, и войско царское, оставив Брянск, заняло Карачев. Не имея надежды взять ни того, ни другого города, Самозванец двинулся вперед, мирно вступил в Орел и написал оттуда следующую грамоту к своему мнимому тестю, воеводе Сендомирскому: «Мы, Димитрий Иоаннович, Божиею милостию царь всея России, великий князь московский, дмитровский, углицкий, городецкий... и других многих земель и татарских Орд, московскому царству подвластных, государь и наследник... Любезному отцу нашему! Судьбы Всевышняго непостижимы для ума человеческого. Все, что бывает в мире, искони предопределено Небом, коего страшный суд совершился и надо мною: за грехи ли наших предков или за мои собственные, изгнанный из отечества и, скитаясь в землях чуждых, сколько терпел я бедствий и печали! Но Бог же милосердый, не помянув моих беззаконий, и спас меня от изменников, возвращает мне царство, карает наших злодеев, преклоняет к нам сердца людей, россиян и чужеземцев, так что надеемся скоро освободить вас и всех друзей наших, к неописанной радости вашего сына. Богу единому слава! Да будет также вам известно, что его величество, король Сигизмунд, наш приятель, и вся Речь Посполитая усердно содействуют мне в отыскании наследственной державы».

Сия грамота, вероятно, не дошла до Мнишка, заключенного в Ярославле, но была конечно и писана не для него, а единственно для тех, которые еще могли верить

Самозванец зимовал в Орле спокойно, умножая число подданных обольщением и силою; следуя правилу Шаховского и Болотникова, возмущал крестьян: объявлял независимость и свободу тем, коих господа служили царю; жаловал холопей в чины, давал поместья своим усердным слугам, иноземцам и русским. Там прибыли к нему знатные князья Рожинский и Адам Вишневецкий с двумя или тремя тысячами всадников. Первый, властолюбивый, надменный и необузданный, в жаркой расправе собственною рукою умертвил Меховецкого, друга, наставника Лжедмитриева, и заступил место убитого: сделался гетманом бродяги, презираемого им и всеми умными ляхами.

Но Василий уже не мог презирать сего злодея: еще не думая оставить юной супруги и столицы, он вверил рать любимому своему брату, Дмитрию Шуйскому, князьям Василию Голицыну, Лыкову, Волконскому, Нагому; велел присоединиться к ним Куракину, коннице татарской и мордовской, посланной еще из Тулы на Северскую землю, и если не был, то, по крайней мере, казался удостоверенным, что власть законная, невзирая на смятение умов в России, одолеет крамолу. В сие время чиновник шведский, Петрей, находясь в Москве, остерегал Василия, доказывая, что явление Лжедмитриев есть дело Сигизмунда и папы, желающих овладеть Россиею, предлагал нам, от имени Карла IX, союз и значительное вспоможение; но Василий – так же, как и Годунов – сказал, что ему нужен только один помощник, Бог, а других не надобно. К несчастью, он должен был скоро переменить мысли.

Главный воевода, Дмитрий Шуйский, отличался единственно величавостию и спесию; не был ни любим, ни уважаем войском; не имел ни духа ратного, ни прозорливости в советах и в выборе людей; имел зависть к достоинствам блестящим и слабость к ласкателям коварным: для того, вероятно, не взял юного, счастливого витязя, Скопина-Шуйского и для того взял князя Василия Голицына, знаменитого изменами. Рать московская остановилась в Волхове; не действовала, за тогдашними глубокими снегами, до самой весны и дала неприятелю усилиться. Шуйский и сподвижники его, утружденные зимним походом, с семидесятью тысячами воинов отдыхали; а толпы Лжедмитриевы, не боясь ни морозов, ни снегов, везде рассыпались, брали города, жгли села и приближались к Москве. Начальники Рязани, князь Хованский и думный дворянин Ляпунов, хотели выгнать мятежников из Пронска, овладели его внешними укреплениями и вломились в город; но Ляпунова тяжело ранили: Хованский отступил – и чрез несколько дней, под стенами Зарайска, был наголову разбит паном Лисовским, который оставил там памятник своей победы, видимый и доньне: высокий курган, насыпанный над могилою убитых в сем деле россиян. Царю надлежало защитить Москву новым войском. Писали к Дмитрию Шуйскому, чтобы он не медлил, шел и действовал: Шуйский наконец выступил [13 апреля] и верстах в десяти от Волхова уже встретил Самозванца.

Первый вступил в дело князь Василий Голицын и первый бежал; главное войско также дрогнуло: но запасное, под начальством Куракина, смелым ударом остановило стремление неприятеля. Бились долго и разошлись без победы. С честью пали многие воины, московские и немецкие, коих главный сановник Ламсдорф тайно обещал Лжедмитрию передаться к нему со всею дружиною, но пьяный забыл о сем уговоре и не мешал ей отличиться мужеством в битве.

Памятный курган воинам арзамасских и рязанских дружин, пришедших на помощь зарайским ратникам и погибших в сражении за город с польско-литовским войском шляхтича Александра Лисовского 30 марта 1608 года

В следующий день возобновилось кровопролитие, и Шуйский, излишно осторожный или робкий, велел преждевременно спасать тяжелые пушки и везти назад к Болхову, дал мысль войску о худом конце сражения: чем воспользовался Лжедмитрий, извещенный переметчиком (боярским сыном Лихаревым) и сильным нападением смял ряды москвитян; все бежали, еще кроме немцев: капитан Ламсдорф, уже не пьяный, предложил им братски соединиться с ляхами; но многие, сказав: «наши жены и дети в Москве», ускакали вслед за россиянами.

Остались двести человек при знаменах с Ламсдорфом, ждали чести от Лжедмитрия – были изрублены козаками: гетман Рожинский велел умертвить их как обманщиков, за кровь ляхов, убитых ими накануне. Сия измена немцев утаилась от Василия: он

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru наградили их вдов и сирот, думая, что Ламсдорф с добрыми сподвижниками лег за него в жаркой сече.

Царские воеводы и воины бежали к Москве; некоторые с князем Третьяком Сеитовым засели в Волхове; другие ушли в дома. Волхов, где находилось пять тысяч людей ратных, сдался Лжедмитрию: все они присягнули ему в верности, выступили с ним к Калуге, но шли особенно, под начальством князя Сеитова. Москва была в ужасе. Беглецы, оправдывая себя, в рассказах своих умножали силы Самозванца, число ляхов, козаков и российских изменников; даже уверяли, что сей второй Лжедмитрий есть один человек с первым; что они узнали его в битве по храбрости еще более, нежели по лицу. Чернь начинала уже винить бояр в несчастной измене Самозванцу ожившему и думала, в случае крайности, выдать их ему головами; некоторые только страшались, чтобы он, как волшебник, не увидел на них крови истерзанных ими ляхов или своей собственной! Но в то же время достойные россияне, многие дворяне и дети боярские, оставив семейства, из ближних городов спешили в столицу защитить царя в опасности.

Явились и мнимые изменники болховские, князь Третьяк Сеитов с пятью тысячами воинов: удостоверенные, что Самозванец есть подлый злодей, они ушли от него с берегов Оки в Москву, извиняясь минутным страхом и неволею. Василий составил новое войско и дал начальство – к несчастью, поздно – знаменитому Ивану Романову. Сие войско стало на берегах Незнани, между Москвою и Калугою, ждало неприятеля и готовилось к битве, – но едва не было жертвою гнусного заговора. Главные сподвижники Скопина и Романова, чистых сердцем пред людьми и Богом, не имели их души благородной: воеводы, князя Иван Катырев, Юрий Трубецкой, Троекуров, думая, что пришла гибель Шуйских, как некогда Годуновых, и что лучше ускорением ее снискать милость бродяги, как сделал Басманов, нежели гибнуть вместе с царем злосчастным, начали тайно склонять дворян и детей боярских к измене. Умысел открылся.

Василий приказал их схватить, везти в Москву, пытать – и, несомненно уличенных, осудил единственно на ссылку, из уважения к древним родам княжеским: Катырева удалили в Сибирь, Трубецкого в Тотму, Троекурова в Нижний; но менее знатных и менее виновных преступников, участников злодейского кова, казнили: Желябовского и Невтева. Встревоженный сим происшествием и вестью, что Самозванец обходит стан воевод царских и приближается к Москве другим путем, государь велел им также идти к столице, для ее защиты.

1 июня Лжедмитрий с своими ляхами и россиянами стал в двенадцати верстах оттуда, на дороге Волоколамской, в селе Тушине, думая одним своим явлением взволновать Москву и свергнуть Василия; писал грамоты к ее жителям и тщетно ждал ответа. Войско, верное царю, заслоняло с сей стороны город. Были кровопролитные сшибки, но ничего не решило. Уверяют, что князь Рожинский хотел взять Москву немедленным приступом, но что Лжедмитрий сказал ему: «Если разорите мою столицу, то где же мне царствовать? Если сожжете мою казну, то чем же будет мне наградить вас?»

«Сия жалость к Москве погубила его, – пишет историк чужеземный, который доброхотствовал злодею более, нежели России. – Самозванец щадил столицу, но не щадил государства, преданного им в жертву ляхам и разбойникам. На пепле Москвы скоро явилась бы новая; она уцелела, а вся Россия сделалась пепелищем».

Но Самозванец, имея тысяч пятнадцать ляхов и козаков, пятьдесят или шестьдесят тысяч российских изменников, большею частию худо вооруженных, действительно ли имел способ взять Москву, обширную твердыню, где, кроме жителей, находилось не менее осьмидесяти тысяч исправных воинов под защитою крепких стен и бесчисленного множества пушек?

Лжедмитрий надеялся более на измену, нежели на силу; хотел отрезать Москву от городов северных и перенес стан в село Тайнинское, но был сам отрезан: войско московское заняло Калужскую дорогу и пресекло его сообщение с Украиною, откуда шли к нему новые дружины литовские и везли запасы: дружины были рассеяны, запасы взяты, и Лжедмитрий стеснен на малом пространстве. Усильным боем очистив себе путь, он возвратился в Тушино, избрал место выгодное, между реками Моквою и Всадною, подле Волоколамской дороги, и спешил там укрепиться валом с глубокими рвами (коих следы видим и ныне). Воеводы царские, князь Скопин-Шуйский, Романов и другие, стали между Тушиным и Москвою, на Ходынке; за ними и сам государь, на Пресне или Ваганкове, со всем двором и полками отборными: выезжая из столицы, он

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru видел усердие и любовь народа, слышал его искренние обеты верности и требовал от него тишины, великодушного спокойствия.

Столица, действительно, казалась спокойною, извне оберегаемая царем, внутри особенным засадным войском, коим предводительствовали бояре, и которое, храня все укрепления от Кремля до слобод, в случае нападения могло одно спасти город. Воспоминали нашествие, угрозы и гибель Болотникова; надеялись, что будет то же и Самозванцу, а царю новая слава, и ежечасно ждали битвы. Но царь, готовый обороняться, не думал наступать и дал время неприятелю укрепиться в тушинском стане: Василий занимался переговорами.

С.В. Иванов. В Смутное время. 1908 г.

Уже несколько месяцев находились в Москве чиновники Сигизмундовы, Витовский и князь Друцкий-Соколинский, присланные королем поздравить Василия с воцарением и требовать свободы всех знатных ляхов. Бояре предложили им возобновить мирный договор Годунова времени, нарушенный Сигизмундом столь бессовестно; но чиновники королевские объявили, что им должно видеться для того с литовскими послами, заключенными в Москве, и что без них они не могут ничего сделать. Бояре согласились.

Жив 18 месяцев в страхе и в скуке, тщетно хотел бежать и даже силою вырваться из неволи, Олесницкий и Госевский снова явились в Кремлевском дворце, как послы, с верящею [верительной] грамотою королевскою; говорили, спорили, расходились с неудовольствием, чтобы опять сойтись. Мы желали мира: ляхи желали только освободить единоземцев своих из рук наших. Исполняя их требование, царь велел привезти в Москву воеводу Сендомирского и дозволил ему беседовать с ними тайно, наедине, без сомнения не в миролюбивом к нам расположении... Но Самозванец был уже под Москвою! Имея одну цель: отнять у него союзников-ляхов, Василий дозволил князю Рожинскому наведываться, словесно или письменно, о здоровье послов Сигизмундовых: для чего сановники литовские ездили из тушинского стана в Москву свободно и безопасно. Наконец, 25 июля, послы заключили с боярами следующий договор:

- «1) В течение трех лет и одиннадцати месяцев не быть войне между Россией и Литвою.
- 2) В сие время условиться о вечном мире или двадцатилетием перемирии.
- 3) Обоим государствам владеть, чем владеют.
- 4) Царю не помогать врагам королевским, королю врагам царя ни людьми, ни деньгами.
- 5) Воеводу Сендомирского с дочерью и всех ляхов освободить и дать им нужное для путешествия до границы.
- 6) Князьям Рожинскому, Вишневецкому и другим ляхам, без ведома королевского вступившим в службу к злодею, второму Лжедмитрию, немедленно оставить его и впредь не приставать к бродягам, которые вздумают именовать себя царевичами российскими.
- 7) Воеводе Сендомирскому не называть сего нового обманщика своим зятем и не выдавать за него дочери.
- 8) Марине не именоваться и не писаться московскою царицею».

Договор утвердили с обеих сторон клятвою; но не Василий, а Сигизмунд достиг цели. Коварство ляхов открылось еще во время переговоров.

Чиновники, посланные от князя Рожинского из Тушина в Москву, действовали как лазутчики, высматривая укрепления города и стана ходынского. Царь был неосторожен: воеводы еще неосторожнее. Сперва они бодрствовали неумоимо, днем и ночью, в доспехах и на конях; вдали легкие отряды, вокруг неусыпная стража. Но тишина, бездействие и слух о мире с ляхами уменьшили опасение: россияне уже не

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru береглися; а гетман Лжедмитриев, ночью, с ляхами и козаками внезапно ударил на стан ходынский: захватил обоз и пушки, резал сонных или безоружных и гнал изумленных ужасом беглецов почти до самой Пресни, где их встретило войско, высланное царем с людьми ближними, стольниками, стряпчими и жильцами. Тут началась кровопролитная битва, и неприятель должен был отступить; его теснили и гнали до Ходынки.

Василий мог справедливо жаловаться, что ляхи, заключая мир, воюют и нападают врасплох: он скоро увидел их совершенное вероломство. Исполняя договор, Василий вместе с послами немедленно отпустил в Литву воеводу Сендомирского, Марину и всех их знатных единоплеменников из Москвы и других мест, где они содержались; дал им для хранения воинскую дружину под начальством князя Владимира Долгорукого и надеялся, что Рожинский, Вишневецкий и другие паны, извещенные об условиях мира, оставят Лжедмитрия: но никто из них не думал оставить его!

Они дали время послам и Мнишку удалиться и снова начали воевать, не внимая убеждениям наших бояр, которые писали к ним, что обман столь гнусный достоин не витязей державы христианской, а подлых слуг злодея подлого; что если Рожинский имеет хотя искру чести в душе, то обязан выдать Самозванца для казни и немедленно выйти из России. Число ляхов грабителей еще умножилось семью тысячами всадников, приведенных в Тушино усвятским старостой Яном Петром Сапегою. Сей рыцарь знатный, воинскими способностями превосходя всех иных сподвижников бродяги, превосходил их и в бесстыдстве: знал, кто он; смеялся над ним и над россиянами; говорил: «мы жалуем в цари московские, кого хотим»; жег, грабил и хвалился римским геройством! Сапега хотел битвою решить судьбу Москвы и тревожил нападениями стан ходынский: Рожинский, управляя Самозванцем, медлил, ожидая скорой измены в столице: ибо там уже действовали злодеи, ненавистники Василиевы; сносились еще с послами литовскими, сносились и с гетманом Лжедмитриевым, давали им советы, готовили предательство.

Нетерпеливый и гордый Сапега отделился от гетмана; желал начальствовать независимо, завоевать внутренние области России и с пятнадцатью тысячами двинулся к лавре Сергиевой, чтобы разграбить ее богатство. С другой стороны, пан Лисовский, именем Димитрия присоединив к своим шайкам 30 000 изменников тульских и рязанских, взял Коломну, пленил тамошнего воеводу Долгорукого, епископа Иосифа, детей боярских и шел к Москве. Царь выслал против него князей Куракина и Лыкова, которые на берегах Москвы-реки, на Медвеьем броду, сражались целый день, разбили неприятеля, освободили коломенских пленников – и Лисовский, хотев явиться в Тушине победителем, явился там беглецом с немногими всадниками. Царские воеводы Иван Бутурлин и Глебов снова заняли Коломну.

Ян Петр Сапега – государственный и военный деятель Великого княжества Литовского

Сей успех был предтечею бедствия. Князя Иван Шуйский и Григорий Ромодановский, посланные с войском вслед за Сапегою, настигли его между селом Здвиженским и Рахманцовым: отразили два нападения и взяли пушки. Казалось, что они победили; но Сапега, раненный пулею в лицо, не выпускал меча из рук и, сказав своим: «отечество далеко; спасение и честь впереди, а за спиною стыд и гибель», третьим отчаянным ударом смешал москвитян. Винили воеводу Федора Головина, который первый дрогнул и бежал; хвалили Ромодановского, который не думал о сыне, подле него убитом, и сражался мужественно: другие следовали примеру Головина, а не Ромодановского, и, быв числом вдвое сильнее неприятеля, рассыпались, как стадо овец.

Сапега гнал их пятнадцать верст, взял двадцать знамен и множество пленников. Воеводы с главными чиновниками бежали по крайней мере к царю, но воины в доме свои, крича: «Идем защитить наших жен и детей от неприятеля!»

Другое важное происшествие имело для Москвы и России еще вреднейшее следствие. Послы литовские и Мнишек, выезжая из столицы, уже знали, чему надлежало случиться, быв в тайном сношении с Лжедмитриевыми советниками, как мы сказали. Василий дал на себя оружие злодеям, дав свободу Марине. Он верил договору и клятве; но мог ли благоразумно верить им в таких обстоятельствах, в таком общем забвении всех уставов чести и справедливости?

Князь Долгорукий ехал с послами и с воеводою Сендомирским через Углич, Тверь, Белую к смоленской границе и был встречен сильным отрядом конницы, высланной из тушинского стана с двумя чиновными ляхами Зборовским и Стадницким, чтобы освободить Марину. Долгорукий не мог или не хотел противиться; воины его разбежались: он сам ускакал назад в Москву; а чиновники Лжедмитриевы, объявив Марине, что супруг ждет ее с нетерпением, вручили грамоту отцу ее.

«Мы сердечно обрадовались, – писал к нему Самозванец, – услышав о вашем отъезде из Москвы: ибо лучше знать, что вы далее, но свободны, нежели думать, что вы близко, но в плену. Спешите к нежному сыну. Не в унижении, как теперь, а в чести и в славе, как будет скоро, должна видеть вас Польша. Мать моя, ваша супруга, здорова и благополучна в Сендомире: ей все известно».

Мнишек и Марина не колебались. Отечество, безопасность, вельможество и богатство, еще достаточное для жизни роскошной, не имели для них прелести трона и мщенья; ни опасности, ни стыд не могли удержать их от нового, вероломного и еще гнуснейшего союза с злодейством. Лжедмитрий звал к себе и послов Сигизмундовых: один Николай Олесницкий возвратился; другие спешили в Литву, не хотев быть свидетелями срамного торжества Марины, которая ехала к мнимому царю своему пышно и безопасно, местами ему подвластными. Узнав, что она приближается, Самозванец велел палить из всех пушек; но Марина остановилась в шатрах за версту от Тушина: там было первое свидание, и не радостное, как пишут.

Марина знала истину; знала верно, что убитый муж ее не воскрес из мертвых, и заблаговременно приготовилась к обману: с печалию однако ж увидела сего второго самозванца, гадкого наружностью, грубого, низкого душою – и, еще не мертвая для чувств женского сердца, содрогнулась от мысли разделять ложе с таким человеком. Но поздно! Мнишек и честолюбие убедили Марину преодолеть слабость. Условились, чтобы духовник воеводы Сендомирского, иезуит, тайно обвенчал ее с Лжедмитрием, который дал слово жить с нею как брат с сестрою, до завоевания Москвы.

Марина Мнишек

Наконец 1 сентября Марина торжественно въехала в тушинский стан и лицедействовала столь искусно, что зрители умилялись ее нежностью к супругу: радостные слезы, объятия, слова, внушенные, казалось, истинным чувством, – все было употреблено для обмана и не бесполезно: многие верили ему, или, по крайней мере, говорили, что верят, и российские изменники писали к своим друзьям: «Димитрий есть без сомнения истинный, когда Марина признала в нем мужа».

Сии письма имели действие: из разных городов, из самого войска царского приехали к злодею дворяне, люди чиновные, стольники: князья Дмитрий Трубецкой, Черкасский, Алексей Сицкий, Засекины, Михайло Бутурлин, дьяк Грамотин, Третьяков и другие, которые знали первого Лжедмитрия и следственно знали обман второго. В числе сих немаловажных изменников находился и знатнейший вельможа дворецкий Отрепьева, князь Василий Рубец-Мосальский: сосланный воеводствовать в Кексгольм, он был вызван или привезен в Москву как человек подозрительный, видел себя в опале и с дерзостью явился на новом феатре злодейства. Другие, менее бессовестные, но малодушные, не ожидая ничего, кроме бедствий для царя, разъехались от него по домам; не тронулись и были ему до конца верны одни украинские дворяне и дети боярские, вопреки бунтам их отчизны клятой.

Видя страшное начало измен и ежедневное уменьшение войска, Василий решил устранить гордость народную: доселе не хотев слышать о вспоможении иноземном, велел своему знаменитому племяннику, князю Михаилу Скопину-Шуйскому, ехать к неприятелю Сигизмундову, Карлу IX, заключить с ним союз и привести шведов для спасения России! Уже царь мог без вины не верить отечеству, зараженному духом предательства – и лучший из воевод, хотя и юнейший, в годину величайшей опасности с печалию удалился от рати, думая, что он возвратится, может быть, уже поздно, не спасти царя, а только умереть последним из достойных россиян!.. Тогда же царь писал к государям Западной Европы, к королю датскому, английскому и к императору, о вероломстве Сигизмундовом, требуя их вспоможения или, по крайней мере, суда беспристрастного. Но не в таких обстоятельствах державы находят союзников ревностных: касаясь гибели, Россия могла быть только предметом любопытства или бесплодной жалости для отдаленной Европы!

Еще оказывая благородную неустрашимость, Василий искал если не геройства, то стыда в россиянах; собрал воинов и спрашивал, кто хочет стоять с ним за Москву и за царство? Говорил: «Для чего срамить себя бегством? Даю вам волю: идите, куда хотите! Пусть только верные останутся со мною!»

Казалось, что воины ждали сего великодушного слова: требовали Евангелия и креста; наперерыв целовали его и клялись умереть за царя... А на другой и в следующие дни толпами бежали в Тушино... Те, которые еще недавно служили верно Иоанну ужасному, изменяли царю снисходительному, передавались к бродяге и ляхам, древним неприятелям России, исполненным злобной мести и справедливого к ним презрения! Чудесное исступление страстей, изъясняемое единственно гневом Божиим! Сей народ, безмолвный в грозах самодержавия наследственного, уже играл царями, узнав, что они могут быть избираемы и низвергаемы его властью или дерзким своевољством!

С таким ли войском мог Василий отважиться на решительную битву в поле? Быв дотоле защитником Москвы, он уже искал в ней защиты для себя: вступил со всеми полками в столицу, орошенную кровию Самозванца и ляхов, туда, где страх лютой мести должен был воспламенить и малодушных для отчаянного сопротивления. Все улицы, стены, башни, земляные укрепления пополнились воинами под начальством мужей думных, которые еще с видом усердия ободряли их и народ. Но не было уже ни взаимной доверенности между государственною властью и подданными, ни ревности в душах, как бы утомленных напряжением сил в непрестанном борении с опасностями грозными. Все ослабело: благоговение к сану царскому, уважение к синклиту и духовенству.

Блеск Василиевой великодушной твердости затмевался в глазах страждущей России его несчастьем, которое ставили ему в вину и в обман: ибо сей властолюбец, принимая скипетр, обещал благоденствие государству. Видели ревностную мольбу Василиеву в храмах; но Бог не внимал ей – и царь злосчастный казался народу царем неблагословенным, отверженным. Духовенство славilo высокую добродетель венценосца, и бояре еще изъясляли к нему усердие; но москвитяне помнили, что духовенство славilo и кляло Годунова, славilo и кляло Отрепьева; что бояре изъясляли усердие и к расстриге накануне его убийства. В смятении мыслей и чувств, добрые скорбели, слабые недоумевали, злые действовали... и гнусные измены продолжались.

Столица уже не имела войска в поле: конные дружины неприятельские, разъезжая в виду стен ее, прикрывали бегство московских изменников, воинов и чиновников, к Самозванцу; многие из них возвращались с уверением, что он не димитрий, и снова уходили к нему. Злодейство уже казалось только легкомыслием; уже не мерзили сими обыкновенными беглецами, а шутили над ними, называя их перелетами. Разврат был столь ужасен, что родственники и ближние уговаривались между собою, кому оставаться в Москве, кому ехать в Тушино, чтобы пользоваться выгодами той и другой стороны, а в случае несчастья, здесь или там, иметь заступников. Вместе обедав и пиروвав (тогда еще пиروвали в Москве!), одни спешили к царю в Кремлевские палаты, другие к царю: так именовали второго Лжедмитрия.

Взяв жалованье из казны московской, требовали инога из тушинской – и получали! Купцы и дворяне за деньги снабдевали стан неприятельский яствами, солью, платьем, оружием, и не тайно: знали, видели и молчали; а кто доносил царю, именовался наушником. Василий колебался: то не смел в крайности быть жестоким, подобно Годунову, и спускал преступникам; то хотел строгостью унять их и, веря инога клеветникам, наказывал невинных, к умножению зла. «Вельможи его, – говорит летописец, – были в смущении и в двоемыслии: служили ему языком, а не душою и телом; некоторые дерзали и словами язвить царя заочно, вопреки присяге и совести».

Невзирая на то, Москва, наученная примером Отрепьева, еще не думала предать царя; еще верность хотя и сомнительная, одолевала измену в войске и в народе: все колебалось, но еще не падало к ногам Самозванца. Окруженная твердынями, наполненная воинами, столица могла не страшиться приступа, когда гордый Сапега, в сие время, тщетно силился взять и монастырскую ограду, где горсть защитников среди ужасов беззакония и стыда еще помнила Бога и честь русского имени.

Троицкая лавра Св. Сергия (в шестидесяти четырех верстах от столицы), прельщая ляхов своим богатством, множеством золотых и серебряных сосудов, драгоценных

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
каменьев, образцов, крестов, была важна и в воинском смысле, способствуя удобному сообщению Москвы с Севером и Востоком России: с Новымгородом, Вологдою, Пермью, Сибирскою землею, с областью Владимирскою, Нижегородскою и Казанскою, откуда шли на помощь к царю дружины ратные, везли казну и запасы. Основанная в лесной пустыне, среди оврагов и гор, лавра еще в царствование Иоанна IV была ограждена (на пространстве шестисот сорока двух сажень) каменными стенами (вышиною в четыре, толщиною в три сажени) с башнями, острогом и глубоким рвом: предусмотрительный Василий успел занять ее дружинами детей боярских, козаков верных, стрельцов, и с помощью усердных иноков снабдить всем нужным для сопротивления долговременного.

Сии иноки – из коих многие, быв мирянами, служили царям в чинах воинских и думных, – взяли на себя не только значительные издержки и молитву, но и труды кровавые в бедствиях отечества; не только, сверх ряс надев доспехи, ждали неприятеля под своими стенами, но и выходили вместе с воинами на дороги, чтобы истреблять его разъезды, ловить вестников и лазутчиков, прикрывать обозы царские; действовали и невидимо в станах вражеских, письменными увещаниями отнимая клеветов у Самозванца, трогая совесть легкомысленных, еще незакоснелых изменников и представляя им в спасительное убежище лавру, где число добрых подвижников, одушевленных чистою ревностию или раскаянием, умножалось. «Доколе, – говорили Лжедмитрию ляхи, – доколе свирепствовать против нас сим кровожадным вранам, гнездящимся в их каменном гробе? Города многолюдные и целые области уже твои, Шуйский бежал от тебя с войском, а чернцы ведут дерзкую войну с тобою! Рассыплем их прах и жилище!»

Б.А. Чориков. Осада Троице-Сергиевой Лавры ляхами. 1608 г.

Еще Лисовский, злодействуя в Переславской и Владимирской области, мыслил взять лавру: увидев трудность, прошел мимо и сжег только посад Клементьевский, но Сапега, разбив князей Ивана Шуйского и Ромодановского, хотел чего бы то ни стоило овладеть ею.

Сия осада знаменита в наших летописях не менее Псковской, и еще удивительнее: первая утешила народ во время его страдания от жестокости Иоанновой; другая утешает потомство в страдании за предков, униженных развратом. В общем падении духа увидим доблесть некоторых, и в ней причину государственного спасения: казня Россию, Всевышний не хотел ее гибели и для того еще оставил ей таких граждан. Не устраним подробностей в описании дел славных, совершенных хотя и в пределах смиренной обители монашеской, людьми простыми, низкими званием, высокими единственно душою!

23 сентября Сапега, а с ним и Лисовский, князь Константин Вишневецкий, Тишкевичи и многие другие знатные паны, предводительствуя тридцатью тысячами ляхов, козаков и российских изменников, стали в виду монастыря на Клементьевском поле. Осадные воеводы лавры, князь Григорий Долгорукий и Алексей Голохвастов, желая узнать неприятеля и показать ему свое мужество, сделали вылазку и возвратились с малым уроном, дав время жителям монастырских слобод обратиться в пепел: каждый зажег дом свой, спасая только семейство, и спешил в лавру.

Неприятель в следующий день, осмотрев места, занял все высоты и все пути, расположился станом и начал укрепляться. Между тем лавра наполнилась множеством людей, которые искали в ней убежища, не могли вместиться в келиях и не имели крова: больные, дети, родильницы лежали на дожде в холодную осень. Легко было предвидеть дальнейшие, губительные следствия тесноты, но добрые иноки говорили: «Св. Сергей не отвергает злосчастных» – и всех принимали. Воеводы, архимандрит Иоасаф и соборные старцы урядили защиту: везде расставили пушки; назначили, кому биться на стенах или в вылазках, и князь Долгорукий с Голохвастовым первые, над гробом Св. Сергия, поцеловали крест в том, чтобы сидеть в осаде без измены. Все люди ратные и монастырские следовали их примеру в духе любви и братства, ободряли друг друга и с ревностию готовились к трапезе кровопролитной, пить чашу смертную за отечество. С сего времени пение не умолкало в церквях лавры, ни днем, ни ночью.

29 сентября Сапега и Лисовский писали к воеводам: «Покоритесь Димитрию, истинному царю вашему и нашему, который не только сильнее, но и милостивее

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinniko1ai.ru
лжецаря Шуйского, имея, чем жаловать верных, ибо владеет уже едва не всем государством, стеснив своего злодея в Москве осажденной. Если мирно сдадитесь, то будете наместниками Троицкого града и владетелями многих сел богатых; в случае бесполезного упорства падут ваши головы».

Они писали и к архимандриту, и к инокам, напоминая им милость Иоанна к лавре и требуя благодарности, ожидаемой от них его сыном и невесткою. Архимандрит и воеводы читали сии грамоты всенародно; а монахи и воины сказали: «Упование наше есть Святая Троица, стена и щит – Богоматерь, Святые Сергий и Никон – сподвижники: не страшимся!» В бранном ответе ляхам не оставили слова на мир; но не тронули изменника, сына боярского, Бессона Руготина, который привозил к ним Сапегины грамоты.

30 сентября неприятель утвердил туры на горе Волкуше, Терентьевской, Круглой и Красной; выкопал ров от Келарева пруда до Глиняного врага, насыпал широкий вал и с 3 октября, в течение шести недель, палил из шестидесяти трех пушек, стараясь разрушить каменную ограду; стены, башни тряслись, но не падали, от худого ли искусства пушкарей или от малости их орудий: сыпались кирпичи, делались отверстия и немедленно заделывались; ядра каленые летели мимо зданий монастырских в пруды или гасли на пустырях и в ямах, к удивлению осажденных, которые, видя в том чудесную к ним милость Божию, укреплялись духом и в ожидании приступа все исповедались, чтобы с чистою совестью не робеть смерти; многие постриглись, желая умереть в сане монашеском. Иноки, деля с воинами опасности и труды, ежедневно обходили стены с святыми иконами.

Сапега готовился к первому решительному делу не молитвою, не покаянием, а пиром для всего войска. 12 октября с утра до вечера ляхи и российские изменники шумели в стане, пили, стреляли, скакали на лошадях с знаменами вокруг лавры, в сумерки вышли полками к турам, заняли дорогу Углицкую, Переславскую и ночью устремились к монастырю с лестницами, щитами и тарасами, с криком и музыкою. Их встретили залпом из пушек и пищалей; не допустили до стен; многих убили, ранили, все другие бежали, кинув лестницы, щиты и тарасы. В следующее утро осажденные взяли сии трофеи и предали огню, славя Бога.

Не одолев силою, Сапега еще думал взять лавру угрозами и лестию: ляхи мирно подъезжали к стенам, указывали на свое многочисленное войско, предлагали выгодные условия; но чем более требовали сдачи, тем менее казались страшными для осажденных, которые уже действовали и наступательно.

19 октября, видя малое число неприятелей в огородах монастырских, стрельцы и козаки без повеления воевод спустились на веревках со стены, напали и перерезали там всех ляхов. Пользуясь сею ревностию, князь Долгорукий и Голохвастов тогда же сделали смелую вылазку с конными и пехотными дружинами к турам Красной горы, чтобы разрушить неприятельские бойницы; но в жестокой сече лишились многих добрых воинов. Никто не отдался в плен; раненых и мертвых принесли в лавру, всего более жалея о храбром чиновнике Брехове: он еще дышал и был вместе с другими умирающими пострижен в монахи... В возмездие за верную службу царю земному отечество передавало их в Образе Ангельском Царю Небесному.

Гордясь сим делом как победою, неприятель хотел довершить ее: в темную осеннюю ночь (25 октября), когда огни едва светились и все затихло в лавре, дремлющие воины встrepенулись от внезапного шума: ляхи и российские изменники под громом всех своих бойниц, с криком и воплем, стремились к монастырю, достигли рва и соломю с берестом зажгли острог: яркое пламя озарило их толпы как бы днем, в цель пушкам и пищалям. Сильною стрельбою и гранатами осажденные побили множество смелейших ляхов и не дали им сжечь острога; неприятель ушел в свои законы, но и в них не остался: при свете восходящего солнца видя на стенах церковные хоругви, воинов, священников, которые пели там благодарственный молебен за победу, он устрасился нападения и бежал в стан укрепленный. Несколько дней минуло в бездействии.

Но Сапега и Лисовский в тишине готовили гибель лавре: вели подкопы к стенам ее. Угадывая сие тайное дело, князь Долгорукий и Голохвастов хотели добыть языков: сделали вылазку на Княжеское поле, к Мишутинскому врагу, где, разбив неприятельскую стражу, захватили литовского ротмистра Брушевского и без урона возвратились, не дав Сапеге преградить им пути. Расспрашивали чиновного пленника и пытали: он сказал, что ляхи действительно ведут подкоп, но не знал места. Воеводы избрали человека искусного в ремесле горном, монастырского слугу

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
Корсакова и велели ему делать под башнями так называемые слухи, или ямы в глубину земли, чтобы слушать там голоса или стука людей копающих в ее недрах; велели еще углубить ров вне лавры, от востока к северу. Сия работа произвела две битвы кровопролитные: неприятель напал на копателей, но был отражен действием монастырских пушек.

В другой сече за рвом, ноября первого, ляхи убили сто девяносто человек и взяли несколько пленников; стеснили осажденных, не пускали их черпать воды в прудах вне крепости и приблизили свои окопы к стенам. Сердца уныли и в великодушных: видели уменьшение сил ратных; опасались болезней от тесноты и недостатка в хорошей воде; знали верно, что есть подкоп, но не знали где, и могли ежечасно взлететь на воздух. Тогда же несколько ядер упало в лавру: одно ударило в большой колокол, в церковь, и, к общему ужасу, раздробило святые иконы, пред коими народ молился с усердием; другим убило инокиню; третьим, в день Архангела Михаила, оторвало ногу у старца Корнилия: сей иннок благочестивый, исходя кровию, сказал: «Бог архистратигом своим Михаилом отмстит кровь христианскую» – и тихо скончался.

Тогда же между верными россиянами нашлись и неверные: слуга монастырский Селевин бежал к ляхам. Боялись его изветов, козней и тайных единомышленников: один пример измены был уже опасен. В сих обстоятельствах не изменилась ревность добрых старцев: первые на молитве, на страже и в битвах, они словом и делом воспаляли защитников, представляя им малодушие грехом, неробкую смерть долгом христианским и гибель временную Вечным спасением.

Битвы продолжались. Осажденные сделали в земле ход, из-под стены в ров, с тремя железными воротами для скорейших вылазок; в темные ночи нападали на окопы неприятельские, хватали языков, допрашивали и сведали наконец важную тайну: тяжело раненный пленник козак дедиловский, умирая христианином, указал воеводам место подкопа: ляхи вели его от мельницы к круглой угольной башне нижнего монастыря. Укрепив сие место частоколом и турами, воеводы решились уничтожить опасный замысел Сапеги. Два случая ободрили их: меткою стрельбою им удалось разбить главную литовскую пушку, которая называлась трещерою и более иных вредила монастырю. Другое счастливое происшествие уменьшало силу неприятеля: пятьсот козаков донских с атаманом Епифанцем устыдились воевать святую обитель и бежали от Сапеги в свою отчину.

9 ноября, за три часа до света, взяв благословение архимандрита над гробом Св. Сергия, воеводы тихо вышли из крепости с людьми ратными и монахами. Глубокая тьма скрывала их от неприятеля; но как скоро они стали в ряды, сильный порыв ветра рассеял облака: мгла исчезла; ударили в осадный колокол, и все кинулись вперед, восклицая имя Св. Сергия. Нападение было с трех сторон, но стремились к одной цели: выгнали козаков и ляхов из ближайших укреплений, овладели мельницею, нашли и взорвали подкоп, к сожалению, с двумя смельчаками (Шиловым и Слотом, клементьевскими земледельцами), которые наполнили его веществом горючим, зажгли и не успели спастись.

Победители были еще не довольны: резались с неприятелем между его бойницами, падали от ядер и меча. Не слушаясь начальников, все остальные иноки и воины, толпа за толпою, прибежали из монастыря в пыл сечи, долго упорной. Несколько раз ляхи сбивали их с высот в лощины, гнали и трубили победу; но россияне снова выходили из оврагов, лезли на горы и наконец взяли Красную со всеми ее турами, немало пленников, знамена, 8 пушек, множество самопалов, ручниц, копий, палашей, воинских снарядов, труб и литавр; сожгли, чего не могли взять, и в торжестве, облитые кровию, возвратились при колокольном звоне всех церковью монастырских, неся своих мертвых, 174 человека и 66 тяжело раненных, а неприятельские укрепления оставив в пламени. Битва не пресекалась с раннего утра до темного вечера.

Полторы тысячи российских изменников и ляхов, с панами Угорским и Мазовецким, легли около мельницы, прудов Клементьевского, Келарева, Конюшенного и Круглого, церковью нижнего монастыря и против Красных ворот (ибо ляхи, в середине дела имел выгоду, гнали наших до самой ограды). Иноки и воины хоронили тела с умилением и благодарностию; раненных покоили с любовью в лучших келиях, на иждивении лавры. Славил мужество дворян, Внукова и Есипова убитых, Ходырева и Зубова живых. Брат изменника и переметчика сотник Данило Селевин сказал: «Хочу смертью загладить бесчестие нашего рода» – и сдержал слово: пеший напал на дружину атамана Чики, саблю изрубил трех всадников и, смертельно раненный в грудь четвертым, еще имел

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
силу убить его на месте. Другой воин Селевин также удивил храбростью и самых храбрых. Слуга монастырский, Меркурий Айгустов, первый достиг неприятельских бойниц и был застрелен из ружья литовским пушкарем, коему сподвижники Меркуриевы в то же мгновение отсекали голову. Иноки сражались везде впереди.

О сем счастливом деле архимандрит и воеводы известили Москву, которая праздновала оное вместе с лаврою.

Стыдясь своих неудач, Сапега и Лисовский хотели испытать хитрость; ночью скрыли конницу в оврагах и послали несколько дружин к стенам, чтобы выманить осажденных, которые действительно устремились на них и гнали бегущих к засаде; но стражи, увидев ее с высокой башни, звуком осадного колокола известили своих о хитрости неприятельской: они возвратились безвредно и с пленниками.

Настала зима. Неприятель, большею частью укрываясь в стане, держался и в законах: воеводы троицкие хотели выгнать его из ближних укреплений и на рассвете туманного дня вступили в дело жаркое; заняв овраг Мишутин, Благовещенский лес и Красную гору до Клементьевского пруда, не могли одолеть соединенных сил Лисовского и Сапеги: были притиснуты к стенам; но подкрепленные новыми дружинами, начали вторую битву еще кровопролитнейшую и для себя отчаянную, ибо уже не имели ничего в запасе. Монастырские бойницы и личное геройство многих дали им победу.

«Св. Сергей, – говорит летописец, – о храбрил и невежд; без лат и шлемов, без навыка и знания ратного, они шли на воинов опытных, доспешных, и побеждали». Так житель села Молокова, именем Суета, ростом великан, силою и душою богатырь, всех затмил чудесною доблестью; сделался истинным воеводою, увлекал других за собою в жестокою свалку; на обе стороны сек головы бердышем и двигался вперед по трупам. Слуга Пимен Тененев пустил стрелу в левый висок Лисовского и свалил его с коня. Другого знатного ляха, князя Юрия Горского, убил воин Павлов и примчал мертвого в лавру. Бились в рукопашь, резались ножами, и толпы неприятельские редели от сильного действия стальных пушек. Сапега, не готовый к приступу, увидев наконец вред своей запальчивости, удалился; а лавра торжествовала вторую знаменитую победу.

Но предстояло искушение для твердости. В холодную зиму монастырь не имел дров: надлежало кровию доставать их: ибо неприятель стерег дровосеков в рощах, убивал и пленил многих людей. Осажденные едва не лишились и воды: два злодея, из детей боярских, передались к ляхам и сказали Сапеге, что если он велит спустить главный внешний пруд, из коего были проведены трубы в ограду, то все монастырские пруды иссохнут.

Неприятель начал работу, и тайно: к счастью, воеводы узнали от пленника и могли уничтожить сей замысел: сделав ночью вылазку, они умертвили работников и, вдруг отворив все подземельные трубы, водою внешнего пруда наполнили свои, внутри обители, на долгое время.

Нашлись и другие, гораздо важнейшие изменники: казначей монастырский, Иосиф Девочкин, и сам воевода Голохвастов, если верить сказанию летописца: ибо в великих опасностях или бедствиях, располагающих умы и сердца к подозрению, нередко вражда личная язвит и невинность клеветою смертоносною. Пишут, что сии два чиновника, сомневаясь в возможности спасти лавру доблестью, хотели спасти себя злодейством и через беглеца Селевина тайно условились с Сапегою предать ему монастырь; что Голохвастов думал, в час вылазки, впустить неприятеля в крепость; что старец Гурий Шишкин хитро выведал от них адскую тайну и донес архимандриту. Иосифу дали время на покаяние: он умер скоропостижно. Голохвастов же остался воеводою: следственно не был уличен ясно; но сия измена, действительная или мнимая, произвела зло: взаимное недоверие между защитниками лавры.

Тогда же открылось зло еще ужаснейшее. «Когда, – говорит летописец лавры, – бедствие и гибель ежедневно нам угрожали, мы думали только о душе; когда гроза начинала слабеть, мы обратились к телесному». Неприятель, изнуренный тщетными усилиями и холодом, кинул окопы, удалился от стен и заключился в земляных укреплениях стана, к великой радости осажденных, которые могли наконец безопасно выходить из тесной для них ограды, чтобы дышать свободнее за стенами, рубить лес, мыть белье в прудах внешних; уже не боялись приступов и только добровольно сражались, от времени до времени тревожа неприятеля вылазками: начинали и прекращали битву, когда хотели. Сей отдых, сия свобода пробудили склонность к

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
удовольствиям чувственным: крепкие меды и молодые женщины кружили головы воинам; увещания и пример трезвых иноков не имели действия. Уже не берегли, как дотоле, запасов монастырских; роскоествовали, пировали, тешились музыкою, пляскою... и скоро оцепенели от ужаса.

Долговременная теснота, зима сырая, употребление худой воды, недостаток в уксусе, в пряных зельях и в хлебном вине произвели цингу: ею заразились беднейшие и заразили других. Больные пухли и гнили; живые смердели как трупы; задыхались от зловония и в келиях и в церквах. Умирало в день от двадцати до пятидесяти человек; не успевали копать могил; за одну платили два, три и пять рублей; клали в нее тридцать и сорок тел. С утра до вечера отпевали усопших и хоронили; ночью стон и вой не умолкали: кто издыхал, кто плакал над издыхающим. И здоровые шатались как тени от изнеможения, особенно священники, коих водили и держали под руки для исправления треб церковных. Томные и слабые, предвидя смерть от страшного недуга, искали ее на стенах, от пули неприятельской. Вылазки пресекались, к злой радости изменников и ляхов, которые, слыша всегдашний плач в обители, всходили на высоты, взлезали на деревья и видели гибель ее защитников, кучи тел и ряды могил свежих, исполнились дерзости, подъезжали к воротам, звали иноков и воинов на битву, ругались над их бессилием, но не думали приступом увериться в оном, надеясь, что они скоро сдадутся или все изгибнут.

В крайности бедствия архимандрит Иоасаф писал к знаменитому келарю лавры, Аврамию Палицыну, бывшему тогда в Москве, чтобы он убедил царя спасти сию священную твердыню немедленным вспоможением: Авраамий убеждал Василия, братьев его, синклит, патриарха; но столица сама трепетала, ожидая приступа тушинских злодеев. Авраамий доказывал, что лавра может еще держаться только месяц и падением откроет неприятелю весь север России до моря. Наконец Василий послал несколько воинских снарядов и шестьдесят козаков с атаманом Останковым, а келар двадцать слуг монастырских. Сия дружина, хотя и слабая числом, утешила осажденных: они видели готовность Москвы помогать им, и новою дерзостью – к сожалению, делом жестоким – явили неприятелю, сколь мало страшатся его злобы. Неосторожно пропустив царского атамана в лавру и захватив только четырех козаков, варвар Лисовский с досады велел умертвить их пред монастырскою стеною. Такое злодейство требовало мести: осажденные вывели целую толпу литовских пленников и казнили из них сорок два человека, к ужасу поляков, которые, гнушаясь виновником сего душегубства, хотели убить Лисовского, едва спасенного менее бесчеловечным Сапегою.

Бедствия лавры не уменьшились: болезнь еще свирепствовала; новые сподвижники, атаман Останков с козаками, сделались также ее жертвою, и неприятель удвоил заставы, чтобы лишить осажденных всякой надежды на помощь. Но великодушие не слабело: все готовились к смерти; никто не смел упомянуть о сдаче. Кто выздоравливал, тот отведывал сил своих в битве, и вылазки возобновились. Действуя мечом, употребляли и коварство. Часто ляхи, подъезжая к стенам, дружелюбно разговаривали с осажденными, вызывали их, давали им вино за мед, вместе пили и... хватили друг друга в плен или убивали.

В.П. Верещагин. Осада Троице-Сергиевой Лавры. 1891 г.

В числе таких пленников был один лях, называемый в летописи Мартиасом, умный и столь искусный в лъстивом притворстве, что воеводы вверились в него как в изменника Литвы и в друга России: ибо он извещал их о тайных намерениях Сапег; предсказывал с точностию все движения неприятеля, учил пушкарей меткой стрельбе, выходил даже биться с своими единоземцами за стеною и бился мужественно. Князь Долгорукий столь любил его, что жил с ним в одной комнате, советовался в важных делах и поручал ему иногда ночную стражу. К счастью, перебежал тогда в лавру от Сапег другой пан литовский. Немко, от природы глухий и бессловесный, но в боях витязь неустрашимый, ревнитель нашей веры и Св. Сергия. Увидев Мартиаса, Немко заскрежетал зубами, выгнал его из горницы и с видом ужаса знаками изъяснил воеводам, что от сего человека падут монастырские стены. Мартиаса начали пытать и сведали истину: он был лазутчик Сапегин, пускал к нему тайные письма на стрелах и готовился, по условию, в одну ночь заколотить все пушки монастырские. Коварство неприятеля, усиливая остервенение, возвышало доблесть подвижников лавры. Славнейшие изгибли: их место заступили новые, дотоле презираемые или неизвестные, бесчиновные, слуги, земледельцы.

Так Анания Селевин, раб смиренный, заслужил имя Сергиева витязя делами храбрости необыкновенной: российские изменники и ляхи знали его коня и тяжелую руку; видели издали и не смели видеть вблизи, по сказанию летописца: дерзнул один Лисовский, и раненый пал на землю. Так стрелец Нехорошее и селянин Никифор Шилов были всегда путеводителями и героями вылазок; оба, единоборствуя с тем же Лисовским, обагрились его кровию: один убил под ним коня, другой рассек ему бедро. Стражи неприятельские бодрствовали, но грамоты утешительные, хотя и без воинов, из Москвы приходили: келарь Авраамий, душою присутствуя в лавре, писал к ее верным россиянам: «будьте непоколебимы до конца!»

Архимандрит, иноки рассказывали о видениях и чудесах: уверяли, что Святые Сергий и Никон являются им с благовестием спасения: что ночью, в церквах затворенных, невидимые лики Ангельские поют над усопшими, свидетельствуя тем их сан небесный в награду за смерть добродетельную. Все питало надежду и веру, огонь в сердцах и воображении; терпели и мужались до самой весны.

Тогда целебное влияние теплого воздуха прекратило болезнь смертоносную, и 9 мая в новосвященном храме Св. Николая иноки и воины пели благодарственный молебен, за коим следовала счастливая вылазка. Хотели доказать неприятелю, что лавра уже снова цветет душевным и телесным здравием. Но силы не соответствовали духу. В течение пяти или шести месяцев умерло там 297 старых иноков, 500 новопостриженных и 2125 детей боярских, стрельцов, козаков, людей даточных и слуг монастырских. Сапега знал, сколь мало осталось живых для защиты, и решился на третий общий приступ.

27 мая зашумел стан неприятельский: ляхи, следуя своему обыкновению, с утра начали веселиться, пить, играть на трубах. В полдень многие всадники объезжали вокруг стен и высматривали места; другие взад и вперед скакали и мечами грозили осажденным. Вечеру многочисленная конница с знаменами стала на Клементьевском поле; вышел и Сапега с остальными дружинами, всадниками и пехотою, как бы желая доказать, что презирает выгоду нечаянности в нападении и дает время неприятелю изготвиться к бою. Лавра изготвилась: не только монахи с оружием, но и женщины явились на стенах с камнями, с огнем, смолою, известью и серою.

Архимандрит и старые иеромонахи в полном облачении стояли пред алтарем и молились. Ждали часа. Уже наступила ночь и скрыла неприятеля; но в глубоком мраке и безмолвии осажденные слышали ближе и ближе шорох: ляхи как змеи ползли ко рву с стенобитными орудиями, щитами, лестницами – и вдруг с Красной горы грянул пушечный гром: неприятель завопил, ударил в бубны и кинулся к ограде; придвинул щиты на колесах, лез на стены.

В сей роковой час остаток великодушных увенчал свой подвиг. Готовые к смерти, защитники лавры уже не могли ничего страшиться: без ужаса и смятения каждый делал свое дело; стреляли, кололи из отверстий, метали камни, зажженную смолу и серу; лили вар; ослепляли глаза известью; отбивали щиты, тараны и лестницы. Неприятель оказывал смелость и твердость; отражаемый, с усилием возобновлял приступы, до самого утра, которое осветило спасение лавры: ляхи и российские злодеи начали отступать; а победители, неутомимые и ненасытные, сделав вылазку, еще били их во рвах, гнали в поле и в лощинах, схватили тридцать панов и чиновных изменников, взяли множество стенобитных орудий и возвратились славить Бога в храме Троицы. Сим делом важным, но кровопролитным только для неприятеля, решилась судьба осады. Еще держась в стане, еще надеясь одолеть непреклонность лавры совершенным изнеможением ее защитников, Сапега уже берег свое войско; не нападая, единственно отражал смелые их вылазки и ждал, что будет с Москвою. Ждала того и лавра, служа для нее примером, к несчастью, бесплодным.

Когда горсть достойных воинов-монахов, слуг и земледельцев, изнуренных болезнью и трудами, неослабно боролась с полками Сапеги, Москва, имея, кроме граждан, войско многочисленное, все лучшее дворянство, всю нравственную силу государства, давала владычествовать бродяге Лжедмитрию в двенадцати верстах от стен Кремлевских и досуг покорять Россию. Москва находилась в осаде: ибо неприятель своими разъездами мешал ее сообщениям. Хотя царские воеводы иногда выходили в поле, иногда сражались, чтобы очистить пути, и в деле кровопролитном, в коем был ранен гетман Лжедмитриев, имели выгоду: но не предпринимали ничего решительного.

Василий ждал вестей от Скопина; ждал и ближайшей помощи, дав указ жителям всех

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru городов северных вооружиться, идти в Ярославль и к Москве, – велел и боярину Федору Шереметеву оставить Астрахань, взять людей ратных в низовых городах и также спешить к столице. Но для сего требовалось времени, коим неприятель мог воспользоваться, отчасти и воспользовался к ужасу всей России.

Не имея сил овладеть Москвою, не умев овладеть лаврою, Лжедмитрий с изменниками и ляхами послал отряды к Суздалью, Владимиру и другим городам, чтобы действовать обольщением, угрозами или силою. Надежда его исполнилась. Суздаль первый изменил чести, слушаясь злодея, дворянина Шилова: целовал крест Самозванцу, принял Лисовского и воеводу Федора Плещеева от Сапеги.

Переславль Залесский очернил себя еще гнуснейшим делом: жители его соединились с ляхами и приступили к Ростову. Там крушился о бедствиях отечества добродетельный митрополит Филарет: не имея крепких стен, граждане предложили ему удалиться вместе с ними в Ярославль; но Филарет сказал, что не бегством, а кровию должно спасать отечество; что великодушная смерть лучше жизни срамной; что есть другая жизнь и венец Мучеников для христиан, верных царю и Богу. Видя бегство народа, Филарет с немногими усердными воинами и гражданами заключился в Соборной церкви: все исповедались, причастились Святых Таин и ждали неприятеля или смерти. Не ляхи, а братья единоверные, переславцы, дерзнули осадить святой храм, стреляли, ломались в двери и диким ревом ярости ответствовали на голос митрополита, который молил их не быть извергами.

Двери пали: добрые ростовцы окружили Филарета и бились до совершенного изнеможения. Храм наполнился трупами. Злодеи победители схватили митрополита и, сорвав с него ризы святительские, одели в рубище, обнажили церковь, сняли золото с гробницы Св. Леонтия и разделили между собою по жеребью; опустошили город и с добычею святотатства вышли из Ростова, куда Сапега прислал воеводствовать злого изменника Матвея Плещеева. Филарета повезли в тушинский стан, как узника, босого, в одежде литовской, в татарской шапке; но Самозванец готовил ему бесчестие и срам иного рода: встретил его с знаками чрезвычайного уважения, как племянника Иоанновой супруги Анастасии и жертву Борисовой ненависти; величал как знаменитейшего, достойного архипастыря и назвал патриархом: дал ему золотой пояс и святительских чиновников для наружной пышности, но держал его в тесном заключении как непреклонного в верности к царю Василию.

Сей второй Лжедмитрий, наученный бедствием первого, хотел казаться ревностным чтителем церкви и духовенства; учил лицемерию и жену свою, которая с благоговением приняла от Сапеги богатую икону Св. Леонтия, ростовскую добычу; уже не смела гнушаться обрядами православия, молилась в наших церквях и поклонялась мощам Угодников Божиих. Еще притворствовали и хитрили для ослепления умов в век безумия и страстей неистовых!

Город за городом сдавался Лжедмитрию: Владимир, Углич, Кострома, Галич, Вологда и другие, те самые, откуда Василий ждал помощи. Являлась толпа изменников и ляхов, восклицая: «Да здравствует Димитрий!», и жители, ответственая таким же восклицанием, встречали их как друзей и братьев. Добросовестные безмолвствовали в горести, видя силу на стороне разврата и легкомыслия: ибо многие, вопреки здравому смыслу, еще верили мнимому Димитрию!

Другие, зная обман, изменяли от робости или для того, чтобы злодействовать свободно; приставали к шайкам Самозванца и вместе с ними грабили, где и что хотели. Шуя, наследственное владение Василиевых предков, и Кинешма, где защищался воевода Федор Бабарыкин, были взяты, разорены Лисовским; взята и верная Тверь: ибо лучшие воины ее находились с царем в Москве. Отряд легкой Сапегинной конницы вступил и в отдаленный Белозерск, где издревле хранилась часть казны государственной: ляхи не нашли казны, но там и везде освободили ссыльных, а в их числе и злодея Шаховского, себе в усердные сподвижники. Ярославль, обогащенный торговлею английскою, сдался на условии не грабить его церквей, домов и лавок, не бесчестить жен и девиц; принял воеводу от Лжедмитрия, шведа греческой веры, именем Лоренца Биугге, Иоаннова ливонского пленника; послал в тушинский стан 30 000 рублей, обязался снарядить тысячу всадников. Псков, знаменитый древними и новейшими воспоминаниями славы, сделался вдруг вертепом разбойников и душегубцев. Там снова начальствовал боярин Петр Шереметев, недолго быв в опале: верный царю, нелюбимый народом за лихоимство. Духовенство, дворяне, гости были также верны; но лазутчики и письма тушинского злодея взволновали мелких граждан, чернь, стрельцов, козаков, исполненных ненависти к людям сановитым и богатым.

Мятежниками предводительствовал дворянин Федор Плещеев: торжествуя числом, силою и дерзостью, они присягнули Лжедмитрию; вопили, что Шуйский отдает Псков шведам; заключили Шереметева и граждан знатнейших; расхитили достояние святительское и монастырское. Узнав о том, Лжедмитрий прислал к ним свою шайку, начались убийства. Шереметева удавили в темнице; других узников казнили, мучили, сажали на кол. В сие ужасное время сгорела знатная часть Пскова, и кучи пепла облились новою кровию: неистовые мятежники объявили дворян и богатых купцов зажигателями; грабили, резали невинных и славили царя тушинского... Кто мог в сих исступлениях злодейства узнать отчизну Св. Ольги, где цвела некогда добродетель, человеческая и государственная; где еще за двадцать шесть лет пред тем жили граждане великодушные, победители Героя Батория, спасители нашей чести и славы?

Но кто мог узнать и всю Россию, где, в течение веков, видели мы столько подвигов достохвальных, столько твердости в бедствиях, столько чувств благородных? Казалось, что россияне уже не имели отечества, ни души, ни веры; что государство, зараженное нравственною язвою, в страшных судорогах кончалось!..

Так повествует добродетельный свидетель тогдашних ужасов Авраамий Палицын, исполненный любви к злосчастному отечеству и к истине: «Россию терзали свои более, нежели иноплеменные: путеводителями, наставниками и хранителями ляхов были наши изменники, первые и последние в кровавых сечах: ляхи, с оружием в руках, только смотрели и смеялись безумному междоусобию. В лесах, в болотах непроходимых россияне указывали или готовили им путь и числом превосходным берегли их в опасностях, умирая за тех, которые обходились с ними как с рабами. Вся добыча принадлежала ляхам: они избирали себе лучших из пленников, красных юношей и девиц, или отдавали на выкуп ближним – и снова отнимали, к забаве россиян!.. Сердце трепещет от воспоминания злодейств: там, где стыла теплая кровь, где лежали трупы убиенных, там гнусное любострастие искало овра для своих мерзостных наслаждений... Святых юных инокинь обнажали, позорили; лишенные чести, лишались и жизни в муках срама... Были жены прельщаемые иноплеменниками и развратом; но другие смертью избавляли себя от зверского насилия. Уже не сражаясь за отечество, еще многие умирали за семейства: муж за супругу, отец за дочь, брат за сестру вонзал нож в грудь ляху. Не было милосердия: добрый, верный царю воин, взятый в плен ляхами, иногда находил в них жалость и самое уважение к его верности; но изменники называли их за то женами слабыми и худыми союзниками царя тушинского: всех твердых в добродетели предавали жестокой смерти; металы с крутых берегов в глубину рек, расстреливали из луков и самопалов; в глазах родителей жгли детей, носили головы их на саблях и копьях; грудных младенцев, вырывая из рук матерей, разбивали о камни. Видя сию неслыханную злобу, ляхи содрогались и говорили: что же будет нам от россиян, когда они и друг друга губят с такою лютою? Сердца окаменели, умы омрачились; не имели ни сострадания, ни предвидения: вблизи свирепствовало злодейство, а мы думали: оно минует нас! Или искали в нем личны для себя выгод. В общем кружении голов все хотели быть выше своего звания: рабы господами, чернь дворянством, дворяне вельможами. Не только простые простых, но и знатные знатных, и разумные разумных оболщали изменою, в домах и в самых битвах; говорили: мы блаженствуем; идите к нам от скорби к утехам!.. Гибли отечество и церковь: храмы истинного Бога разорвались, подобно капищам Владимирова времени: скот и псы жили в алтарях; воздухами и пеленами украшались кони, пили из потиров; мяса стояли на дискосах; на иконах играли в кости; хоругви церковные служили вместо знамен; в ризах иерейских плясали блудницы. Иноков, священников палили огнем, допытываясь их сокровищ; отшельников, схимников заставляли петь срамные песни, а безмолвствующих убивали... Люди уступили свои жилища зверям: медведи и волки, оставив леса, витали в пустых городах и весях; враны плотоядные сидели станицами на телах человеческих; малые птицы гнездились в черепахах. Могилы как горы везде возвышались. Граждане и земледельцы жили в дубрах, в лесах и в пещерах неведомых, или в болотах, только ночью выходя из них осушиться. И леса не спасали: люди, уже покинув звероловство, ходили туда с чуткими псами на ловлю людей; матери, укрываясь в густоте древесной, страшились вопля своих младенцев, зажимали им рот и душили их до смерти. Не светом луны, а пожарами озарялись ночи: ибо грабители жгли, чего не могли взять с собою, дома и все, да будет Россия пустынею необитаемою!»

Россия бывала пустынею; но в сие время не Батыевы, а собственные варвары свирепствовали в ее недрах, изумляя и самых неистовых иноплеменников: Россия могла тогда завидовать временам Батыевым, будучи жертвою величайшего из бедствий, разврата государственного, который мертвит и надежду на умилоствление

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
небесное! Сия надежда питалась только великодушною смертью многих россиян: ибо не в одной лавре блистало геройство: сии, по выражению летописца, горы могил, всюду видимые, вмещали в себе персть мучеников верности и закона: добродетель, как феникс, возрождается из пепла могилы, примером и памятию; там не все погибло, где хотя немногие предпочитают гибель беззаконию.

С честью умирали и воины и граждане, и старцы и жены. В духовенстве особенно сияла доблесть. Мы видели мужество филарета. Епископ Тверской, Феоктист, крестом и мечом вооруженный, до последнего издыхания боролся с изменою и, взятый в плен, удостоился венца страдальческого. Архиепископ Суздальский, Галактион, не хотел благословить Самозванца, скончался в изгнании. Добродетельного коломенского святителя, Иосифа, злодеи влчили привязанного к пушке: он терпел и молил Бога образумить россиян. Святитель псковский, Геннадий, в тщетном усиллии обуздать мятежников, умер от горести. Многие из священников, как сказано в летописи, уцелели, ибо везде противились бунту.

Сей бунт уже поглощал Россию: как рассеянные острова среди бурного моря, являлись еще под знаменем московским вблизи лавры, Коломна, Переславль Рязанский, вдали Смоленск, Новгород Нижний, Саратов, Казань, города сибирские; все другие уже принадлежали к царству беззакония, коего столицею был тушинский стан, действительно подобный городу разными зданиями внутри оного, купеческими лавками, улицами, площадями, где толпилось более ста тысяч разбойников, обогащаемых плодами грабежа; где каждый день, с утра до вечера, казался праздником грубой роскоши: вино и мед лились из бочек; мяса, вареные и сырые, лежали грудями, пресыщая и людей и псов, которые вместе с изменниками стекались в Тушино.

С.Д. Милорадович. Оборона Троице-Сергиевой лавры. 1894 г.

Число сподвижников Лжедмитриевых умножилось татарами, приведенными к нему потешным царем Борисовым, державцем Касимовским, Ураз-Магметом, и крещеным ногайским князем Арасланом Петром, сыном Урусовым: оба, менее россиян виновные, изменили Василию; второй оставил и веру христианскую и жену (бывшую княгиню Шуйскую), чтобы служить царику тушинскому, то есть грабить и злодействовать. Жилище Самозванца, пышно именуемое дворцом, наполнилось лицемерами благоговения, российскими чиновниками и знатными ляхами (между коими унижался и посол Сигизмундов, Олесницкий, выпросив у бродяги в дар себе город Белую). Там бесстыдная Марина с своею поруганною красотою наружно величалась саном театральной царицы, но внутренне тосковала, не властвуя, как ей хотелось, а раболепствуя, и с трепетом завися от мужа-варвара, который даже отказывал ей и в средствах блистать пышностию; там вельможный отец ее лобызал руку беглого попovichа или жида, приняв от него новую владенную грамоту на Смоленск, еще не взятый, и Северскую землю, с обязательством выдать ему (Мнишку) 300 000 рублей из казны московской, еще незавоеванной.

Там, упоенный счастьем, и господствуя над Россиею от Десны до Чудского и Белого озера, Двины и моря Каспийского – ежедневно слыша о новых успехах мятежа, ежедневно видя новых подданных у ног своих, – стесняя Москву, угрожаемую голодом и предательством, – Самозванец терпеливо ждал последнего успеха: гибели Шуйского, в надежде скоро взять столицу и без кровопролития, как обещали ему легкомысленные переметчики, которые не хотели видеть в ней ни меча, ни пламени, имея там дома и семейства.

Миновало и возвратилось лето: Самозванец еще стоял в Тушине! Хотя в злодейских предприятиях всякое замедление опасно, и близкая цель требует не отдыха, а быстрейшего к ней стремления; хотя Лжедмитрий, слишком долго смотря на Москву, давал время узнавать и презирать себя, и с умножением сил вещественных лишался нравственной: но торжество злодея могло бы совершиться, если бы ляхи, виновники его счастья, не сделались виновниками и его гибели, невольню услужив нашему отечеству, как и во время первого Лжедмитрия. России издыхающей помог новый неприятель!

Доселе король Сигизмунд враждовал нам тайно, не снимая с себя личины мирной и содействуя самозванцам только наемными дружинами или вольницею: настало время снять личину и действовать открыто.

Соединив, уже неразрывно, судьбу Марины и мнимую честь свою с судьбою обманщика, боясь худого оборота в делах его и надеясь быть зятю полезнее в королевской Думе, нежели в тушинском стане, воевода Сендомирский (в январе 1609 года) уехал в Варшаву, так скоро, что не успел и благословить дочери, которая в письмах к нему жаловалась на сию холодность.

Вслед за Мнишком надлежало ехать и послам Лжедмитриевым, туда, где все с живейшим любопытством занималась нашими бедствиями, желая ими воспользоваться и для государственных и для частных выгод: ибо еще многие благородные ляхи, пылая страстию удалства и корысти, думали искать счастья в смятенной России. Уже друзья воеводы Сендомирского действовали ревностно на сейме, представляя, что торжество мнимого Дмитрия есть торжество Польши; что нужно довершить оное силами республики, дать корону бродяге и взять Смоленск, Северскую и другие, некогда литовские земли. Они хотели, чего хотел Мнишек: войны за Самозванца, и если бы Сигизмунд, признав Лжедмитрия царем, усердно и заблаговременно помог ему как союзнику новым войском, то едва ли Москва, едва ли шесть или семь городов, еще верных, устояли бы в сей буре общего мятежа и разрушения. Что сделалось бы тогда с Россиею, вторичною гнусною добычею самозванства и его пестунов? могла ли бы она еще восстать из сей бездны срама и быть, чем видим ее ныне?

Так, судьба России зависела от политики Сигизмундовой; но Сигизмунд, к счастью, не имел духа Баториева: властолюбивый с малодушием и с умом недалельновидным, он не вразумился в причины действий; не знал, что ляхи единственно под знаменами российскими могли терзать, унижать, топтать Россию, не своим геройством, а Дмитриевым именем чудесно обезоруживая народ ее слепотствующий, – не знал и политикою, грубостязательною, открыл ему глаза, воспламенил в нем искру великодушия, оживил, усилил старую ненависть к Литве и, сделав много зла России, дал ей спастись для ужасного, хотя и медленного возмездия ее врагам непримиримым.

Уверяют, что многие знатные россияне, в искренних разговорах с ляхами, изъявляли желание видеть на престоле московском юного Сигизмундова сына, Владислава, вместо обманщиков и бродяг, безрассудно покровительствуемых королем и вельможными панами; некоторые даже прибавляли, что сам Шуйский желает уступить ему царство. Искренно ли, и действительно ли так объяснялись россияне, неизвестно; но король верил и, в надежде приобрести Россию для сына или для себя, уже не доброхотствовал Лжедмитрию.

Друзья королевские предложили сейму объявить войну царю Василию, за убиение мирных ляхов в Москве и за долговременную бесчестную неволю послов республики, Олесницкого и Госевского; доказывали, что Россия не только виновна, но и слаба; что война с нею не только справедлива, но и выгодна; говорили: «Шуйский зовет шведов, и если их вспоможением утвердит власть свою, то чего доброго ждать республике от союза двух врагов ее? Еще хуже, если шведы овладеют Москвою; не лучше, если она, утомленная бедствиями, покорится и султану или татарам. Должно предупредить опасность, и легко: 3000 ляхов в 1605 году дали бродяге Московское царство; ныне дружины вольницы угрожают Шуйскому пленом: можем ли бояться сопротивления?»

Юный Владислав, сын Сигизмунда

Были однако ж сенаторы благоразумные, которые не восхищались мыслию о завоевании Москвы и думали, что республика едва ли не виновнее России, дозволив первому Лжедмитрию, вопреки миру, ополчаться в Галиции и в Литве на Годунова и не мешая ляхам участвовать в злодействах второго; что Польша, быв еще недавно жертвою междоусобия, не должна легкомысленно начинать войны с государством обширным и многолюдным; что в сем случае надлежит иметь четыре войска: два против Шуйского и мнимого Дмитрия, два против шведов и собственных мятежников; что такие ополчения без тягостных налогов невозможны, а налоги опасны.

Им ответствовали: «Богатая Россия будет наша» – и сейм исполнил желание короля: невзирая на перемирие, вновь заключенное в Москве, одобрил войну с Россиею, без всякого сношения с Лжедмитрием, к горести Мнишка, который, приехав в отечество,

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru уже не мог ничего сделать для своего зятя и должен был удалиться от двора, где только сожалели о нем, и не без презрения.

Сигизмунд казался новым Баторием, с необыкновенною ревностью готовясь к походу; собирал войско, не имея денег для жалованья, но тем более обещая, в надежде, что кончит войну одною угрозою и что Россия изнуренная встретит его не с мечом, а с венцом мономаховым, как спасителя. Узнав толки злословия, которое приписывало ему намерение завоевать Москву и силами ее подавить вольность в республике – то есть сделаться обоим государств самодержцем, король окружным письмом удостоверил сенаторов в нелепости сих разглашений, клялся не мыслить о личных выгодах и действовать единственно для блага республики; выехал из Кракова в июне месяце к войску и еще не знал, куда вести оное; в землю ли Северскую, где царствовало беззаконие под именем Димитрия, или к Смоленску, где еще царствовали закон и Василий, или прямо к Москве, чтобы истребить Лжедимитрия, отвлечь от него и ляхов и россиян, а после истребить и Шуйского, как советовал умный гетман Жолкевский? Сигизмунд колебался, медлил – и наконец пошел к Смоленску: ибо канцлер Лев Сапега и пан Госевский уверили короля, что сей город желает ему сдаться, желая избавиться от ненавистной власти Самозванца. Но в Смоленске начальствовал доблестный Шейн!

Границы России были отверсты, сообщения прерваны, воины рассеяны, города и селения в пепле или в бунте, сердца в ужасе или в ожесточении, правительство в бессилии, царь в осаде и среди изменников... Но когда Сигизмунд, согласно с пользою своей державы, шел к нам за легкою добычею властолюбия, в то время бедствия России, достигнув крайности, уже являли признаки оборота и возможность спасения, рождая надежду, что Бог не оставляет государства, где многие или немногие граждане еще любят отечество и добродетель.

Продолжение Василиева царствования. 1608–1610 гг

Первое счастливое дело сего времени было под Коломною, где воеводы царские, князь Прозоровский и Сукин, разбили пана Хмелевского. Во втором деле оказалось мужество и счастье юного, еще неизвестного стратига, коему Провидение готовило благотворнейшую славу в мире: славу Героя – спасителя отечества. Князь Димитрий Михайлович Пожарский, происходя от Всеволода III и князей Стародубских, царедворец бесчиновный в Борисово время и стольник при расстриге, опасностями России вызванный на феатр кровопролития, должен был вторично защитить Коломну от нападения Литвы и наших изменников, шедших из Владимира. Пожарский не хотел ждать их: встретил в селе Высоцком, в тридцати верстах от Коломны, и на утренней заре незапным, сильным ударом изумил неприятеля; взял множество пленников, запасов и богатую казну, одержал победу с малым уроном, явив не только смелость, но и редкое искусство, в предвесье своего великого назначения.

Тогда же и в иных местах судьба начинала благоприятствовать царю. Мятежники мордва, черемисы и Лжедимитриево шайки, ляхи, россияне с воеводою князем Вяземским осаждали Нижний Новгород: верные жители обрекли себя на смерть; простились с женами, детьми и единоклюбною вылазкою разбили осаждающих наголову: взяли Вяземского и немедленно повесили как изменника. Так добрые нижегородцы воспрянули к подвигам, коим надлежало увенчаться их бессмертною, святою для самых отдаленных веков утешительною славою в нашей истории. Они не удовлетворялись своим избавлением, только временным: сведав, что боярин Федор Шереметев в исполнение Василиева указа оставил наконец Астрахань, идет к Казани, везде смиряет бунт, везде бьет и гонит шайки мятежников, нижегородцы выступили в поле, взяли Балахну и с ее жителей присягу в верности к Василию; обратили к закону и другие низовые города, воспламеняя в них ревность добродетельную.

Восстали и жители Юрьевца, Гороховца, Луха, Ремшы, Холуя и под начальством сотника красного, мещан Кувшинникова, Нагавицына, Денгина и крестьянина Лапши разбили неприятеля в Лухе и в селе Дунилове: ляхи и наши изменники с воеводою Федором Плещеевым, сподвижником Лисовского, бежали в Суздаль. Победители взяли многих недостойных дворян, отправили как пленников в Нижний Новгород и разорили их дома.

Князь Дмитрий Михайлович Пожарский

Москва осажденная не знала о сих важных происшествиях, но знала о других, еще

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
важнейших. Не теряя надежды усювестить изменников, Василий писал к жителям городов северных, Галича, Ярославля, Костромы, Вологды, Устюга: «Несчастные! Кому вы рабски целовали крест и служите? Злодею и злодеям, бродяге и ляхам! Уже видите их дела и еще гнуснейшие увидите! Когда своим малодушием предадите им государство и церковь; когда падет Москва, а с нею и святое отечество и Святая вера: то будете ответствовать уже не нам, а Богу... Есть Бог мститель! В случае же раскаяния и новой верной службы обещаем вам, чего у вас нет и на уме: милости, льготу, торговлю беспошлинную на многие лета».

Сии письма, доставляемые усердными слугами гражданам обольщенным, имели действие; всего же сильнее действовали наглость ляхов и неистовство российских клеветов Самозванца, которые, губя врагов, не щадили и друзей. Присяга Лжедмитрию не спасала от грабежа; а народ, лишась чести, тем более стоит за имение. Земледельцы первые ополчились на грабителей; встречали ляхов уже не с хлебом и солью, а при звуке набата с дрекольем, копьями, секирами и ножами; убивали, топили в реках и кричали: «Вы опустошили наши житницы и хлевы: теперь питайтесь рыбою!»

Примеру земледельцев следовали и города, от Романова до Перми: свергали с себя иго злодейства, изгоняли чиновников Лжедмитриевых. Люди слабые раскаялись; люди твердые ободрились, и между ими два человека прославились особенною ревностью: знаменитый гость, Петр Строганов, и немец греческого исповедания, богатый владелец Даниил Эйлоф. Первый не только удержал Соль-Вычегодскую, где находились его богатые заведения, в неизменном подданстве царю, но и другие города, пермские и казанские, жертвуя своим достоянием для ополчения граждан и крестьян; второго именуют главным виновником сего восстания, которое встревожило стан тушинский и Сапегин, замешало царство злодейское, отвлекло знатную часть сил неприятельских от Москвы и лавры. Паны Тишкевич и Лисовский выступили с полками усмирять мятеж, сожгли предместье Ярославля, Юрьеvec, Кинешму: Зборовский и князь Григорий Шаховской Старицу. Жители противились мужественно в городах; делали в селениях остроги, в лесах засеки; не имели только единодушия, ни устройства. Изменники и ляхи побили их несколько тысяч в шестидесяти верстах от Ярославля, в селении Даниловском, и пылая злобою, все жгли и губили: жен, детей, старцев – и тем усиливали взаимное остервенение.

Верные россияне также не знали ни жалости, ни человечества в мести, одерживая иногда верх в сшибках, убивали пленных; казнили воевод Самозванцевых, Застолпского, Нащокина и пана Мартиаса; немца Шмита, ярославского жителя, сварили в котле за то, что он, выехав к тамошним гражданам для переговоров, дерзнул склонять их к новой измене. Бедствия сего края, душегубство, пожары еще умножились, но уже знаменовали великодушное сопротивление злодейству, и вести о счастливой перемене, сквозь пламя и кровь, доходили до Москвы. Уже Василий писал благодарные грамоты к добрым северным россиянам; посылал к ним чиновников для образования войска; велел их дружинам идти в Ярославль, открыть сообщение с городами низовыми и с боярином Федором Шереметевым; наконец спешить к столице.

Но столица была феатром козней и мятежей. Там, где опасались не измены, а доносов на измену – где страшились мести ляхов и Самозванца более, нежели царя и закона, где власть верховная, ужасаясь явного и тайного множества злодеев, умысленным послаблением хотела, казалось, только продлить тень бытия своего и на час удалить гибель – там надлежало дивиться не смятению, а призраку тишины и спокойствия, когда государство едва существовало и Москва видела себя среди России в уединении, будучи отрезана, угрожаема всеми бедствиями долговременной осады, без надежды на избавление, без доверенности к правительству, без любви к царю: ибо москвитяне, некогда усердные к боярину Шуйскому, уже не любили в нем венценосца, приписывая государственные злополучия его неразумию или несчастию: обвинение равно важное в глазах народа!

Еще какая-то невидимая сила, закон, совесть, нерешительность, разномыслие хранили Василия. Желали перемены; но кому отдать венец? в тайных прениях не соглашались. Самозванцем вообще гнушались; ляхов вообще ненавидели, и никто из вельмож не имел ни столько достоинств, ни столько клеветов, чтобы обещать себе державство. Дни текли, и Василий еще сидел на троне, измеряя взорами глубину бездны пред собою, мысля о средствах спасения, но готовый и погибнуть без малодушия. Уже блеснул луч надежды: оружие царское снова имело успехи; лавра стояла непоколебимо; восток и север России ополчились за Москву, – и в сие время крамольники дерзнули явно, решительно восстать на царя, боясь ли упустить время? боясь ли, чтобы счастливая перемена обстоятельств не утвердила Василиева

Известными начальниками кова были царедворец князь Роман Гагарин, воевода Григорий Сунбулов (прощенный изменник) и дворянин Тимофей Грязной: знатнейшие, вероятно, скрывались за ними до времени.

17 февраля вдруг сделалась тревога: заговорщики звали граждан на лобное место; силою привели туда и патриарха Ермогена; звали и всех думных бояр, торжественно предлагая им свести Василия с царства и доказывая, что он избран не Россиею, а только своими угодниками, обманом и насилием; что сие беззаконие произвело все распри и мятежи, междоусобие и самозванцев; что Шуйский и не царь, и не умеет быть царем, имея более тщеславия, нежели разума и способностей, нужных для успокоения державы в таком волнении. Не стыдились и клеветы грубой: обвиняли Василия даже в нетрезвости и распутстве. Они умолчали о преемнике Шуйского и мнимом Димитрии; не сказали, где взять царя нового, лучшего, и тем затруднили для себя удачу.

Немногие из граждан и воинов соединились с ними; другие, подумав, ответствовали им хладнокровно: «Мы все были свидетелями Василиева избрания, добровольного, общего; все мы, и вы с нами, присягали ему как государю законному. Пороков его не ведаем. И кто дал вам право располагать царством без чинов государственных?»

Ермоген, презирая угрозы, заклинал народ не участвовать в злодействе и возвратился в Кремль. Синклит также остался верным, и только один муж думный, старый изменник, князь Василий Голицын – вероятно, тайный благоприятель сего кова – выехал к мятежникам на Красную площадь; все иные бояре, с негодованием выслушав предложение свергнуть царя и быть участниками беззаконного веча, с дружинами усердными окружили Шуйского. Невзирая на то, мятежники вломились в Кремль; но были побеждены без оружия.

В час опасный Василий снова явил себя неустрашимым: смело вышел к их сонму; стал им в лицо и сказал голосом твердым: «Чего хотите? Если убить меня, то я пред вами и не боюсь смерти; но свергнуть меня с царства не можете без Думы земской. Да соберутся великие бояре и чины государственные и в моем присутствии да решат судьбу отечества и мою собственную: их суд будет для меня законом, но не воля крамольников!» Дерзость злодейства обратилась в ужас: Гагарин, Сунбулов, Грязной и с ними триста человек бежали; а вся Москва как бы снова избрала Шуйского в государи: столь живо было усердие к нему, столь сильно действие оказанного им мужества!

К несчастью, торжество закона и великодушия было недолговременно. Мятежники ушли в Тушино для того ли, что доброжелательствовали Самозванцу, или единственно для своего личного спасения, как в место безопаснейшее для злодеев? Их бегством Москва не очистилась от крамолы. Муж знатный, воевода Василий Бутурлин, донес царю, что боярин и дворецкий Крюк-Колычев есть изменник и тайно сносится с Лжедимитрием. Измены тогда не удивляли: Колычев, быв верен, мог сделаться предателем, подобно Юрию Трубецкому и столь многим другим, но мог быть и нагло оклеветан врагами личными. Его судили, пытали и казнили на лобном месте. Пытали и всех мнимых участников нового кова и наполняли ими темницы, обещая невинным, спокойным гражданам утвердить их безопасность искоренением мятежников.

Но зло иного рода уже начинало свирепствовать в столице. Лишаемая подвозов, она истощила свои запасы; имела сообщение с одною Коломною и того лишилась: ибо рать Лжедимитриева вторично осадила сей город. Предвидев недостаток, алчные корыстолюбцы скупили весь хлеб в Москве и в окрестностях и ежедневно возвышали его цену, так что четверть ржи стоила наконец семь рублей, к ужасу людей бедных. Тщетно Василий желал умерить дороговизну неслыханную, уставлял цену справедливую и запрещал безбожную; купцы не слушались: скрывали свое изобилие и продавали тайно, кому и как хотели.

Тщетно царь и патриарх надеялись разбудить совесть и жалость в людях: призывали вельмож, купцов, богачей в храм Успения и пред алтарем Всевышнего заклинали быть человеколюбивыми: не торговать жизнью христиан и спустить цену хлеба; не скупать его в большом количестве и тем не отнимать у бедных. Лицемеры со слезами уверяли, что у них нет запасов, и бессовестно обманывали, думая единственно о своей выгоде, как и во время дороговизны 1603 года. Народ впадал в отчаяние. Кричали на улицах: «Мы гибнем от царя злосчастного; от него кровопролитие и голод!»

Люди, уверенные в обмане мнимого Димитрия, уходили к нему единственно для того, чтобы не умереть в Москве без пищи; другие толпами врывались в Кремль и вопили пред дворцом: «Долго ли нам сидеть в осаде и ждать голодной смерти?» Они требовали избавления, победы и хлеба – или царя счастливейшего! Василий не скрывался от народа: выходил к нему с лицом спокойным, увещал и грозил; смирял дерзость страждущих, но только на время. Радея о бедных, он убедил троицкого келаря Аврамия отворить для них московские житницы его обители: цена хлеба вдруг упала от семи до двух рублей. Сих запасов не могло стать надолго; но вопль умолк в столице, и счастливая весть ободрила Москву.

Князь Гагарин, первый из мятежников, ушедших к Самозванцу, несмотря на крамольство, имел душу: увидел, узнал Лжедмитрия и явился к царю с раскаянием; принес ему свою виновную голову; сказал, что лучше хочет умереть на плахе, нежели служить бродяге гнусному – и был помилован Василием: выведенный к народу, Гагарин именем Божиим заклинал его не прельщаться диавольским обманом, не верить злодею тушинскому, орудию ляхов, желающих единственно гибели России и святой церкви.

Сии убеждения произвели действие, и еще несравненно более, когда Гагарин объявил москвитянам, что стан тушинский в сильной тревоге; что Лжедмитрий и ляхи сведали о соединении шведов с россиянами; что князь Михаил Скопин-Шуйский ведет их к столице и побеждает. Удивление радости изменило лица печальные: все славили Бога; многие устыдились своего намерения бежать в Тушино; укрепились в верности – и с того дня уже никто не уходил к Самозванцу.

Князь Василий Шуйский на Лобном месте

Гагарин сказал истину о тревоге злодеев тушинских. Опишем начало подвигов знаменитого юноши, который в бедственные времена родился счастливым и коему надлежало бы только жить, чтобы спасти царя, ознаменованного Судьбою для злополучия. Мы видели, как Михаил Шуйский, во время величайшей опасности, с горестию удалился от войска, чтобы искать защитников России вне России: прибыв в Новгород, где начальствовали боярин князь Андрей Куракин и царедворец Татищев, он немедленно доставил королю шведскому грамоту Василиеву; писал к нему и сам, писал и к его воеводам, финляндскому и ливонскому, Арвиду Вильдману и графу Мансфельду, требуя вспоможения и представляя им, что ляхи воцарением Лжедмитрия хотят обратить силы России на Швецию для торжества латинской веры, будучи побуждаемы к тому папою, иезуитами и королем испанским.

Ничто не было естественнее союза между шведским и российским венценосцами, искренними друзьями от их общей ненависти к ляхам. Надлежало единственно удостоверить Карла, что шведы еще найдут и могут утвердить Василия на престоле: для чего князь Михаил, следуя своему наказу и внушению политики, таил от Карла ужасные обстоятельства России; говорил только о частных в ней мятежах, об измене тысяч осьми или десяти россиян, которые вместе с пятью или шестью тысячами ляхов злодействуют близ Москвы. Требовалось немало времени для объяснений. Секретарь Мансфельдов виделся с князем Михаилом в Новгороде, а воевода Головин, шурина Скопина, поехал в Выборг, где знатные чиновники шведские ждали его, чтобы условиться в мерах вспоможения.

Между тем князь Михаил, желая спасти Москву и царя не одною рукою иноплеменников, мыслил ополчить всю северо-западную Россию и грамотою убедительною звал к себе псковитян, хваля их древнюю доблесть; но псковитяне, уже хвалясь злодейством, ответствовали ему угрозою – и самые новгородцы оказывали расположение столь подозрительное, что князь Михаил решился искать усердия или безопасности в ином месте; вышел из Новгорода с Татищевым, дьяком Теплевым и малочисленною дружиною верных и требовал убежища в Иванегороде: там их не приняли, ни в Орешке, где воевода, предатель боярин Михаиле Салтыков, считая Лжедмитрия победителем, уже именовал себя его наместником.

В то время, когда Михаил, оставленный и некоторыми из робких спутников, при устье Невы думал в печали, что делать, явились послы от Новгорода с молением, чтобы он возвратился к Святой Софии. Митрополит Исидор и достойные россияне одержали там верх над беззаконием и встретили князя Михаила как утешителя, в

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
лице его приветствуя отечество и верность; искренно клялись умереть за царя
Василия, как предки их умирали за Ярослава Великого, и, сведав, что воевода
Лжедмитриев, Керносицкий, с ляхами и россиянами идет от Тушина к берегам
Ильменя, готовились выступить в поле. Древний Новгород, казалось, воскрес с
своим великодушием; к несчастью, ревность достохвальная имела действие
зловредное.

Татищев, известный мужеством, вызвался вести передовой отряд к Бронницам; но
князю Михаилу донесли, что сей царедворец лукавый замышляет предательство. Извет
был важен, а князь Шуйский молод и пылок: он созвал воинов и граждан, объявил им
донос и хотел с ними торжественно судить, уличить или оправдать виновного.

Вместо суда народ в исступлении ярости умертвил Татищева, не дав ему сказать ни
единого слова, к горести Михаила, увидевшего поздно, что народ, в кипении
страстей, может быть скорее палачом, нежели судьей. Татищева, едва ли виновного,
схоронили с честью в обители Св. Антония, и многие дворяне, вероятно уstraшенные
его судьбою, бежали из города, даже к неприятелю, который шел вперед
невозбранно, занял Хутынский и другие окрестные монастыри, жег, грабил – и вдруг
скрылся, услышав от пленников, что сильное войско вступило в село Грузино и
спешит на помощь к Новгороду. Пленники обманули неприятеля: мнимое войско
состояло единственно из тысячи областных жителей, ополченных дворянами
Горихвостовым и Рязановым в Тихвине и за Онегою. Сии добрые россияне, будучи в
шесть раз слабее Керносицкого, имели счастье без кровопролития избавить
Новгород, где князь Михаил с нетерпением ждал вестей от Головина.

Вести были благоприятны. Король шведский словом и делом доказал свою
искренность. Еще генералы его, Бое и Вильдман, не успели заключить договора с
Головиным и дьяком Зиновьевым, а войско королевское уже стояло под знаменами в
Финляндии. С обеих сторон не хотели тратить времени и 28 февраля подписали в
Выборге следующие условия:

«1) Мирный договор 1595 года возобновляется между Россией и Швецией на веки
веков.

2) Первой не вступаться в Ливонию.

3) Карл дает Василию 2000 конных и 3000 пеших ратников, а Василий 100 000
эфимков в месяц на их жалованье.

4) Сие войско в полном распоряжении князя Михаила Шуйского; должно занимать
города единственно именем царским, и не может выводить пленников из России,
кроме ляхов.

5) Съестные припасы будут ему доставляемы по цене умеренной.

6) Царь взаимно обязывается помогать королю войском на Сигизмунда в Ливонии,
куда открыт путь шведам из Финляндии чрез российские владения.

7) Ни та, ни другая держава без общего согласия не вольна мириться с
Сигизмундом.

8) Царь, в знак признательности, уступает Швеции Кексгольм в вечное владение, но
тайно до времени: ибо сия уступка может произвести сильное неудовольствие между
россиянами.

9) Князь Михаил Шуйский дарит шведскому войску 5000 рублей не в счет
определенного жалованья. – Сия грамота будет утверждена в Новгороде им, князем
Шуйским, воеводою, боярином и ближним, приятелем царским, а в Москве самим
царем».

26 марта уже вступил в Россию полководец шведский, Иаков Делагарди, сын
Понтусов, юный, двадцатисемилетний витязь, ученик и сподвижник славного Морица
Нассавского в долговременном кровопролитном борении за свободу Голландской
республики. На границе встретил союзников воевода Ододуров, высланный князем
Михаилом, и 2300 россиян, которые в первый раз увидели себя под одними знаменами
с шведами и наемниками их, французами, англичанами, шотландцами, немцами и
нидерландцами. Сии 5000 разноземцев, большею частью людей без отечества и
нравственности, исполненных любви не к ратной чести, а к низкой корысти, шли

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinniko1ai.ru
спасть преемника монархов, ославленных в Европе и в Азии несметными их силами!

Союзникам указали стан близ Новагорода, куда звали Делагарди и генералов его для свидания с князем Шуйским...

Там сии два полководца, оба юные, приветствовали друг друга с ласкою, с уважением взаимным. «Князь Михаил, – пишет современный шведский историк, – имел 23 года от рождения, прекрасную душу, ум не по летам зрелый, наружность, осанку приятную, искусство в битвах и в обхождении с иноземным войском. Делагарди сказал ему, что королю известны все ухищрения ляхов; что он прислал рать и готовит еще сильнейшую для вспоможения России, желая благоденствия царю и народу ее, а врагам их желая гибели. Князь Михаил, кланяясь, опустил руку до земли; изъявляя благодарность; уверял, что Россия усердна к царю и волнуема только малым числом изменников, коих легко одолеть единомудушным действием союзников! Рассуждали, как действовать и с чего начать. Делагарди требовал вперед жалованья войску: князь Шуйский обещал немедленно выдать 8000 рублей, 5000 деньгами и 3000 соболями; утвердил (4 апреля) выборгский договор и сам проводил Делагарди до ворот крепости».

Б.А. Чориков. Свидание князя Михаила Шуйского со шведским полководцем Делагарди. 1609 г.

Грязи и разлитие рек мешали походу. Шведский военачальник хотел ждать просухи, и для безопасного сообщения с Ливониею и Финляндиею, заняться прежде всего осадю Копорья, Иванягорода [Ивангорода] и Ямы [Кингисеппа], где царствовала измена: князь Михаил имел другую мысль. Еще до прибытия шведов воевода Осинин ходил из Новагорода с детьми боярскими и козаками к мятежному Пскову разбил тамошних злодеев в поле и надеялся взять город; но Скопин велел ему возвратиться, чтобы не тратить времени в предприятиях частных, и склонил Делагарди немедленно идти к Москве. Воевода Чулков и шведский генерал Эверт Горн вступили в Русу, гнали изменников и ляхов до уезда Торопецкого, одержали (25 апреля) победу над Керносицким в селе Каменках, взяли девять пушек, знамена и пленников. Порхов, Торопец сдались мирно – и Торжок другому воеводе, Чоглокову Узнав, что пан Зборовский и князь Григорий Шаховской с тремя тысячами изменников и ляхов идут из Твери на Чоглокова, князь Михаил отрядил туда Головина и Горна: имея не более двух тысяч воинов, они сразились с неприятелем; Чоглоков сделал вылазку, и Зборовский, после дела кровопролитного, отступил к Твери.

Сам князь Михаил, отпев молебен в Софийском храме, исполненном древних знаменитых воспоминаний, вывел (10 мая) главную рать. Новгород, некогда великий, столь многолюдный и воинственный, дал ему все, что мог: тысячи две подвижников неопытных! Но войско российское усилилось в Торжке (24 июня) новыми дружинами: князь Борятинский, воевода усердный и мужественный, привел туда 3000 детей боярских и земледельцев из Смоленских уездов, смилив на пути Дорогобуж и Вязьму. Союзники спешили к Твери; там засели Зборовский и Керносицкий, быв подкреплены тушинским войском. Ляхи и российские изменники вышли из города и сразились мужественно, во время сильного дождя, который препятствовал действию пальбы: неприятель, ударив с копьями на левое крыло шведов, обратил французов в бегство: немцы, финляндцы, россияне также дали тыл, – и хотя правое крыло, где начальствовал Делагарди, имело выгоду и втеснило ляхов в город; хотя сам воевода Зборовский раненый едва спасся от плена; но союзники отступили.

Дождь лил целые сутки. В следующую ночь, когда ляхи беспечно спали в Остроге, князь Михаил тихо приблизился, напал и взял его без урона: восходящее солнце осветило там царские хоругви и кучи неприятельских тел. Юный полководец российский обнял Делагарди с живейшим чувством признательности за мужество шведов, которые хотели вломиться и в город, где остальные изменники и ляхи заключились; но князь Михаил, жалея людей, велел прекратить сечу кровопролитную и не нужную: ибо угадывал, что неприятель, уже слабый, или мирно сдастся на договор, или бежит.

Чрез несколько часов действительно ляхи и клеветы их ушли из Твери, до половины сожженной и наполненной трупами. Таким образом, князь Михаил в два месяца очистил все места от новгородских до московских пределов; думал скоро освободить и Москву, надеясь на ужас неприятелей и содействие войска царского.

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
Доселе он мог быть доволен шведами. Карл IX писал к нашему духовенству, боярам, дворянам и купцам, что он готов всеми силами действовать для защиты их древней греческой веры, вольности и льготы, – для истребления польской сволочи и бродяг, жалюемых ею в цари с умыслом изгубить знатнейшие роды, цвет и славу нашего отечества.

Делагарди уклонялся от всякого сношения с ляхами и в ответ на дружелюбную, лукавую грамоту Зборовского, писанную из Твери (11 июня) к шведским генералам о правах мнимого Димитрия, сказал: «мое дело воевать, а не рассуждать с вами о Димитриях». Тщетно и лазутчики Зборовского старались возмутить союзное войско: их ловили и казнили. Но чего не произвело обольщение, то произвела буйность. Оставив Тверь и шведов позади себя, князь Михаил шел к столице и сведал в Городне, что союзники идут не за ним, а назад к Новугороду!

Сия неожиданная измена была следствием мятежа. Выступив из Твери, финляндцы первые объявили своему генералу, что не хотят идти в глубину России на верную гибель; что им не выдано полного жалованья; что вероломство московского народа всем известно; что жены и дети их без защиты дома. Французы, немцы, наконец и шведы также взволновались; не слушались генералов; бросили знамена. Делагарди обнажил меч, грозил – и должен был уступить мятежникам, чтобы не остаться военачальником без войска: он сам повел их к шведской границе, для прикрытия бунта жалуясь, что россияне не исполняют договора: не сдают Кексгольма и не платят обещанных денег. Изумленный князь Михаил спешил удержать союзников нужных, хотя и ненадежных, и послал к ним Ододурова с убеждением не изменять чести, не срамить имени шведского, не выдавать друзей, в то время, когда неприятель, более раздраженный, нежели ослабленный, готовится к решительному делу. Сии представления и серебро, врученное наемникам корыстолюбивым, их усовестили: генерал Зоме с частью пехоты и конницы возвратился к князю Михаилу накануне величайшей для него опасности и славы. Здесь подвиги юного героя уже свяжутся с происшествиями знаменитой Троицкой осады.

Еще Сапега стоял под лаврою: рассылал отряды, занимал или жег города, обуздывал или карал жителей, мешал сообщению Москвы с Востоком и Севером России и подкреплял Зборовского, чтобы отразить шведов. Между тем слух о движениях Скопина и Шереметева уже достиг лавры: защитники ее ждали следствий, надеялись и вдруг увидели необычайное волнение в неприятельском стане: Зборовский прибежал туда с остатком рассеянного войска и с вестию, что Тверь уже взята союзниками; прибежали и многие изменники, дворяне, дети боярские, которые изменою хотели единственно избавить свои поместья от грабежа, не думая служить царю тушинскому, и до того времени жили в них спокойно, но не дерзнули ждать князя Михаила.

Все отряды возвратились к Сапеге: Лжедимитрий усилил его и частью тушинской рати, велел ему идти против Скопина и шведов. Ляхи, как обыкновенно, готовились к битве шумными играми, пили, веселились и дали знать троицкому воеводе Долгорукому, что они торжествуют победы: что шведы истреблены, а Скопин и Шереметев сдались. Их не слушали. Тогда подъехали к стенам два человека, некогда знаменитые на степени мужей государственных: боярин Салтыков (изгнанный из Орешка успехами князя Михаила) и думный дьяк Грамотин: оба уверяли, что междоусобная война уже прекратилась в России; что Москва встречает Димитрия и Шуйский с синклитом в его руках. Клевреты их, дворяне изменники, утверждали то же, прибавляя: «Не мы ли были с Шереметевым, а теперь служим Димитрию? Кого еще ждете? Все у ног Иоаннова сына – и если одни будете противиться, то немедленно увидите здесь царя гневного со всем литовским войском, Скопиным и Шереметевым, для казни вашего послушания».

Им ответствовали единогласно люди умные и простые (как говорит летописец): «Всевышний с нами, и никого не боимся. Хотите ли, чтобы мы вам верили? Скажите, что князь Михаил под Тверию телами литовскими и вашими сравнял Волгу с берегами и наплатил зверей плотоядных: не усомнимся и восхвалим Бога! Ложь не победа: идти с мечом на меч и Господь рассудит виновного с правым!»

Так еще мужались сии Герои верности, числом уже не более двухсот. Сапега не мог медлить, однако ж дозволил Зборовскому с его дружинами еще приступить к стенам обители, которую сей гордый лях, шутя над ним и Лисовским, уподоблял и гнезду ворон. Зборовский приступил ночью, стрелял, убил одну женщину на стене и, ничего более не сделав, удался. Вероятно, что неприятель хотел в сию ночь не взять, а только устрашить лавру для своей безопасности: Сапега спешил к берегам Волги,

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
вверив obleganie monastyrja i xranenie stana kozakam, rossijskim izmennikam i
немногим ляхам.

Не зная, что делается в Москве, но зная, что вся Россия полунощная, от Углича до Белого моря и Перми, уже снова верна царю, князь Михаил, исполненный надежды, но тем более осторожный, послал, для вестей к столице, чиновника Безобразова, а сам, не дерзая идти вперед с малыми силами, двинулся влево по течению Волги, к монастырю Колязину, для удобного сообщения с Ярославлем, богатым и многолюдным. Туда прибыл к нему царский дворянин Волуев, умертвитель Отрепьева, сказывая, что Москва цела и Василий еще державствует.

Царь писал к Михаилу: «Слышим о твоём великом радении и славим Бога. Когда ужасом или победою избавишь государство, то какой хвалы сподобишься от нас и добрых россиян! какого веселия исполнишь сердца их! Имя твое и дело будут памятны во веки веков не только в нашей, но и во всех державах окрестных. А мы на тебя надежны, как на свою душу».

За вестию радостною следовала другая: Сапега, Зборовский, Лисовский и Лжедмитриев атаман Заруцкий находились уже близ Колязина, в селе Пирогове. Имея едва ли тысяч десять собственных воинов и не более тысячи шведов, приведенных к нему генералом Зоме, князь Михаил решился однако ж встретить неприятеля, хотя и гораздо сильнее. Передовые рати сошлись на топких берегах Жабны: чиновники Головин, Борятинский, Волуев и Жеребцов отличились мужеством; втоптали неприятеля в болота и дали время князю Михаилу изготавиться, занять места выгодные, распорядить движения. Сапега напал стремительно, с громким воплем: россияне и шведы стояли твердо и сами нападали, где слабел неприятель. Пальба и сеча продолжались несколько часов. На закате солнца верные россияне, призывая имя Св. Макария Колязинского, двинулись вперед так дружно и сильно, что утомленные ляхи не могли удержать места битвы; их теснили до Рябова монастыря, и князь Михаил вступил в Колязин с пленниками и трофеями, не хваляся победою, но хваля единодушную доблесть своих и шведов, в надежде на успехи будущие и важнейшие. Он не гнал ляхов и не мешал им возвратиться к постыдной для них осаде Троицкой, готовясь быть избавителем и лавры и Москвы – и России, если бы Небо оставило ей сего Героя-юношу!

Там, на берегу Волги, в пустынных келиях Св. Макария, князь Михаил, оглашаемый церковным пением иноков и звуком труб воинских как Гений отечества, неусыпно бодрствовал день и ночь для спасения царства; сносился с городами северными, принимал от них дары, казну и воинов; поручил генералу Зоме устройство дружин, образование людей неопытных в ратном деле и нетерпеливо ждал всех шведов для дальнейших предприятий. Но Делагарди, увлеченный новым бунтом войска, опять шел к границе: послы Скопина настигли его в Крестцах; заплатили ему 6000 рублей деньгами, 5000 рублей соболями, и князь Михаил взял на себя, без утверждения царского, отдать Кексгольм шведам. В сих переговорах миновало недель шесть: Делагарди пошел наконец к Колязину, где князь Михаил, не тревожимый изменниками и ляхами, усиливался ежедневно.

Видя пред собою Москву неодолимую, вокруг себя города уже неприятельские, пепелища, леса, пустыни, в коих изгнанные жители, воспламененные злобою, стерегли, истребляли ляхов малочисленных в их разъездах – будучи с севера угрожаем князем Михаилом, с востока Шереметевым, Лжедмитрий еще мыслил одним ударом кончить войну; взять силою, чего долго и тщетно ждал от измены и голода: взять Москву вместе с царем и царством.

В сей надежде утвердил его пан Бобовский, который, прибыв к нему тогда из Литвы с дружиною удальцов, винил Рожинского в слабости духа, уверяя, что Москва спасается единственно бездействием тушинского войска и неминуемо падет от первого дружного приступа. Лжедмитрий дал ему несколько полков: хваляся наперед делом славным, Бобовский устремился к городу; но царские воеводы не допустили его и до предместия: вышли, напали, разбили – и Москва торжествовала свою первую блестящую победу; а скоро и вторую, еще важнейшую, над всею тушинскою силою. Сам Лжедмитрий, гетман Рожинский, атаман Заруцкий, все знатные изменники и бояре вели дружины на приступ (в день Троицы) и хотели сжечь деревянный город; но Василий успел выслать войско с князем Дмитрием Шуйским. Неприятель быстрым движением вломился в средину царских полков, смял конницу и замешал пехоту: тут с одной стороны воевода князь Иван Куракин, с другой князь Андрей Голицын и Борис Лыков, уже известные достоинствами ратными, напали на изменников и ляхов.

Зачался бой, в коем, по уверению летописца, московские воины превзошли себя в блестящем мужестве, сражаясь, как еще не сражались дотоле с тушинскими злодеями; одолели, гнали их до Ходынки и взяли 700 пленников. Ужас неприятеля был так велик, что беглецы не удержались бы и в Тушине, если бы победители, слишком умеренные, не остановились на Ходынке. Одним словом, москвитяне сами дивились своей храбрости, вселенной в них счастливыми вестями о восстании северной России, об успехах князя Михаила и войска низового, коего чиновник, дворянин Соловой, прибыл тогда к царю с донесением Шереметева.

Сей боярин везде истреблял неприятеля и власть Лжедмитрия от Казани до Нижнего Новгорода; близ Юрьевца побил наголову Лисовского, отряженного Сапегою для усмирения Костромской области; мирно вступил в Муром и, взяв Касимов, освободил там многих верных россиян, заключенных изменниками. Довольный его службою, но не довольный медленностию, царь послал к нему князя Прозоровского с милостивым словом и с указом спешить к Москве. В тоже время древняя столица Боголюбского обратилась к закону: жители Владимира снова присягнули царю – все, кроме воеводы Вельяминова, ревностного слуги Лжедмитриева. Народ велел ему исповедаться в церкви, вывел его на площадь, объявил врагом государства, убил камнем и с живейшим усердием принял воевод царских.

Уже без легкомыслия можно было предаваться надежде. Царство обмана падало: царство закона восстанавливалось. Образовались полки верных – стремились к одной цели, к Москве, почти освобожденной двумя важными успехами собственного оружия. Народ опомнился и радостными кликами приветствовал знамена любезного отечества и Святой веры. Ждали только соединения сил, чтобы дружно наступить на гнездо злодейства, столь долго ужасное Тушино... и вдруг едва не впали в новое отчаяние!

Как изменники и ляхи в явном омрачении ума давали князю Михаилу спокойно готовить им гибель, так войско московское, худо веря своим победам, дало отдохнуть Самозванцу разбитому. Он усилился новыми толпами козаков, вышедших из Астрахани с тремя мнимыми царевичами: Августом, Осиновиком и Лавром; первый назывался сыном, второй и третий внуками Иоанна Грозного.

«Злодеи рабского племени, – говорит летописец, – холопы, крестьяне, считая Россию привольем наглых обманщиков, являлись один за другим под именем царевичей, даже небывалых, и надеялись властвовать в ней как союзники и ближние тушинского злодея». Но сами козаки, отбитые от верного Суратова воеводою Замятнею Сабуровым, с досады умертвили Осиновика на берегу Волги: Августа и Лавра велел повесить Лжедмитрий на московской дороге, чтобы их казнию засвидетельствовать свое небратство с ними. В опасностях не теряя дерзости – еще имея тысяч шестьдесят или более сподвижников – еще властвуя над знатною частию России южной и западной, от Тушина до Астрахани, пределов крымских и литовских – Самозванец тревожил нападениями слободы московские, перехватывал обозы на дорогах, теснил Коломну. Воевода его, лях Млоцкий, побил рязанцев, хотевших освободить сей город, им осажденный; а Лисовский, всегда храбрый, не всегда счастливый, загладил свои неудачи важным успехом. Винимый царем в медленности, Шереметев спешил из Владимира к Суздалию, еще неприятельскому, и стал на равнинах, где Лисовский ударом конницы смял всю его многочисленную, худо устроенную пехоту.

Легло немалое число низовых жителей в битве кровопролитной и беспорядочной; с остальными Шереметев бежал к Владимиру. Москва узнала о том и смутилась. Народ уже не хотел верить и победам князя Михаила. В сие время голод снова усилился. Житницы Авраимевы истощились, и четверть хлеба опять возвысилась ценою от двух до семи рублей. Чернь бунтовала; с шумом стремилась в Кремль; осаждала дворец; кричала: «Хлеба! Хлеба!» или «Да здравствует Тушинский!»... Но в час величайшего волнения явился Безобразов с дружиною: сквозь разъезды неприятельские он благополучно достиг Москвы и вручил царю письмо от князя Михаила; а царь велел читать оное всенародно, при звуке колоколов и пении благодарственного молебна во всех церквах. Князь Михаил писал, что Бог ему помогает. Исчезло отчаяние, сомнения и мятеж. Надежда на скорое избавление уменьшила и дороговизну с голодом. Новые вести еще более обрадовали Москву.

Ожидая Делагарди, князь Михаил хотел выгнать неприятеля из Переславля Залесского, чтобы беспрепятственно сноситься с Шереметевым и низовыми областями. Головин, Волуев и Зоме (1 сентября) ночью взяли сей город, убив 500 человек и пленив 150 шляхтичей Сапегинной рати.

16 сентября пришел наконец и Делагарди. Казна, доставленная Скопину усердием городов, дала ему средство удовлетворить вполне корыстолюбию шведов: им заплатили 15 000 рублей мехами и тем оживили их ревность. Полководцы, оба юные и пылкие духом, служили примером искреннего братства для воинов.

26 сентября князь Михаил и Делагарди двинулись вперед; оставили в Переславле сильную дружину и шли далее на юг; встретили, гнали малочисленных ляхов и заняли Александровскую Слободу, прославленную Иоанном. Там все еще напоминало его время; дворец, пять богатых храмов, чистые пруды, глубокие рвы и высокие стены, где Грозный искал безопасного убежища от России и совести. Место ужасов обратилось в место надежды и спасения. Там Михаил остановился; велел немедленно делать новые деревянные укрепления, выслал разъезды на дороги, открыл сообщение с Москвою и ежедневно писал к царю, чтобы условиться с ним в дальнейших действиях. Москва ожила изобилием. Уже с трех сторон везли к ней запасы: из Переславля, Владимира и Коломны: ибо лях Млоцкий, сведав о вступлении союзников в Александровскую Слободу, удалился к Серпухову. Уже князь Михаил имел 18 000 воинов, кроме шведов; но зная, что к нему идут новые дружины из городов северных, хотел до времени только отражать неприятеля.

Между тем изнуренная лавра, все еще осаждаемая Сапегою, простирала руки к избавителю. Горсть ее неутомимых воителей еще уменьшилась в новых делах кровопролитных, хотя и счастливых. Узнав о Колязинской победе, они торжествовали ее дерзкими вылазками, били изменников и ляхов, отнимали у них запасы и стада. Князь Михаил дал чиновнику Жеребцову 900 воинов и велел силою или хитростию проникнуть в лавру: Жеребцов обманул неприятеля и, к радости ее защитников, без боя соединился с ними.

Тогда, встревоженный близостию князя Михаила и шведов, Сапега (18 октября) с 4000 ляхов вышел из Троицкого стана, чтобы узнать их силу; встретил передовую дружину россиян в селе Коринском и гнал ее до укреплений слободы. Тут было жаркое дело. Начали шведы, кончили россияне: Сапега уступил если не мужеству, то числу превосходному – и возвратился к своей бесконечной осаде, как бы все еще надеясь взять лавру! Но он сам находился уже едва не в осаде: разъезды, высылаемые князем Михаилом из слободы, Шереметевым из Владимира и царем из Москвы, прерывали сообщения изменников и ляхов между лаврою и Тушиным; не пускали к ним ни гонцов, ни хлеба, портили дороги, делали засеки. К счастью князя Михаила, главные вожди польские, гетман Рожинский и Сапега, оба гордые, властолюбивые, не могли быть единомышленными: видя его опасное наступление, съехались для совета и расстались в жаркой ссоре, чтобы действовать независимо друг от друга: гетман ускакал назад в Тушино, а Сапега возобновил бесполезные приступы к лавре, почти на глазах князя Михаила, коего войско умножалось.

К.Ф. Прокудин-Горский. Александровский кремль. Фотография. 1911 г.

Уже Слобода Александровская как бы представляла Россию и затмевала Москву своею важностию. Туда стремились взоры и сердца сынов отечества; туда и воины, толпами и порознь, конные и пешие, не многие в доспехах, все с мечом или копием и с ревностию. Новые дружины из Ярославля, боярин Шереметев из Владимира с низовою ратию, князь Иван Куракин и Лыков из Москвы с полками царскими присоединились к князю Михаилу. Ждали и сильнейшего вспоможения от Карла IX.

Делагарди писал к нему, что должно победить Сигизмунда не в Ливонии, а в России. Все благоприятствовало юному Герою: доверенность царя и союзников, усердие и единомышленность своих, смятение и раздор неприятелей. Наконец россияне видели, чего уже давно не видели: ум, мужество, добродетель и счастье в одном лице; видели мужа великого в прекрасном юноше и славили его с любовью, которая столь долго была жаждою, потребностию неудовлетворяемою их сердца, и нашла предмет столь чистый. Но сия любовь, способствуя успеху великого дела, избавлению отечества, имела и несчастное следствие.

Князь Михаил служил царю и царству по закону и совести, без всяких намерений властолюбия, в невинной, смиренной душе едва ли пленяясь и славою: не так мыслили за него другие, уже с бедственным навыком к переменам, низвержениям и беззакониям. Многим казалось, что если Бог восстановит Россию, то она в награду за свои великодушные усилия должна иметь царя лучшего, не Василия, который

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru предал государство разбойникам, сравнял Москву с Тушиным и едва, на главе слабой, удерживает венец, срываемый с него буйною чернию; а мысль о новом царе была мыслию о князе Михаиле – и человек, сильный духом, дерзнул всенародно изъяснить оную. Тот, кто господством ума своего решил судьбу первого бунта, способствовал успехам и гибели опасного Болотникова, изменил Василию и загладил измену важными услугами, – не только не пристал ко второму Лжедмитрию, но и не дал ему Рязани – думный дворянин Ляпунов вдруг, и торжественно, именем России, предложил царство Скопину, называя его в льстивом письме единым достойным венца, а Василия осыпая укоризнами.

Сию грамоту вручили князю Михаилу послы рязанские: не дочитав, он изодрал ее, велел схватить их как мятежников и представить царю. Послы упали на колени, обливались слезами, винули одного Ляпунова, клялися в верности к Василию. Еще более милосердый, нежели строгий, князь Михаил дозволил им мирно возвратиться в Рязань, надеясь, может быть, образумить ее дерзкого воеводу и сохранить в нем знаменитого слугу для отечества. Он сохранил Ляпунова, но не спас себя от клеветы: сказали Василию, что Скопин с удивительным великодушием милует злодеев, которые предлагают ему измену и царство. Подозрение гибельное уязвило Василиево сердце; но еще имели нужду в Герое, и злоба таилась.

Еще, невзирая на близость спасения, Москва тревожилась некоторыми удачами и дерзостью неприятеля. Млоцкий в набегах своих из Серпухова грабил обозы между Коломною и столицей. Там же явились многочисленные толпы разбойников с атаманом Салковым, хатунским крестьянином; присоединились к Млоцкому и побили воеводу, князя Литвинова-Мосальского, высланного царем очистить Коломенскую дорогу; а на Слободской злодействовал изменник князь Петр Урусов с шайками татар юртовских.

Н.Ф. Лоренц. Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский разрывает грамоту послов Ляпунова о призвании на царство. 1609 г. Гравюра. XIX в.

Цена хлеба снова возвысилась в Москве; открылась даже и нечаянная измена. Царский атаман Гороховый, будучи с козаками и детьми боярскими в Красном селе на страже, ночью впустил в него отряд Лжедмитриев: верные дети боярские имели время спастись, а козаки передались к Самозванцу, выжгли Красное село и бежали в Тушино. В другую ночь такие же изменники подвели неприятеля, выше Неглинной, к деревянному городу и зажгли стены; но москвитяне, отбив злодеев, утушили огонь. Между тем разбойник Салков в пятнадцати верстах от столицы одержал верх над воеводою московским Сукиным и занял Владимирскую дорогу. Надлежало избрать лучшего стратега, чтобы одолеть сего второго Хлопка: выступил князь Дмитрий Пожарский, уже знаменитый, – встретил на берегах Пехорки и совершенно истребил его злую шайку; осталось только тридцать человек, которые, вместе с их атаманом, дерзнули явиться в Москве с повинною! Другие отряды царские прогнали Млоцкого к Можайску. – Из Слободы князь Лыков и Борятинский с россиянами и шведами ходили к Суздаю и думали взять его незапно, в темную ночь: там бодрствовал Лисовский и встретил их неустрашимо: они уклонились от битвы.

В то время, когда князь Михаил, умножая, образуя войско и щитом своим уже прикрывая вместе и лавру и столицу, готовился действовать наступательно – когда Москва, долго отлученная от России, снова соединялась с нею, как глава с телом, видя вокруг себя уже немногие города под знаменами Лжедмитрия – в то время новый неприятель, не с шайками бродяг и разбойников, но с войском стройным, с предводителями искусными, с силами целой, знаменитой державы, находился в недрах России и делал, что ему угодно, как бы не возбуждая ни малейшего внимания ни в Москве, ни в стане Александровском!.. Обращаемся к Сигизмунду Василий не противился его вступлению в наше княжество Смоленское, ибо не имел сил противиться: оказалось, что сие вероломное нападение было для Василия лучшим средством избавиться от врага опаснейшего и ближайшего.

Веря слухам, что жители Смоленска нетерпеливо ждут Сигизмунда как избавителя, он (в сентябре месяце) подступил к сей древней столице княжества Мономахова с двенадцатью тысячами отборных всадников, пехотою немецкою, литовскими татарами и десятью тысячами козаков запорожских; расположился станом на берегу Днепра, между монастырями Троицким, Спасским, Борисоглебским и послал универсал, или манифест, к гражданам, объявляя, что Бог казнит Россию за Годунова и других властолюбцев, которые незаконно в ней царствовали и царствуют, воспаляя

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru междоусобие и призывая иноплеменников терзать ее недра; что шведы хотят овладеть Московским государством, истребить веру православную и дать нам свою ложную; что многие россияне тайными письмами убеждали его (Сигизмунда), венценосца истинно христианского, брата и союзника их царей законных, спасти отечество и церковь; что он, движимый любовью, единственно снисходя к такому слезному молению, идет с войском и с помощью Богоматери избавить Россию от всех неприятелей; что жители Смоленска в знак душевной радости должны встретить его с хлебом и солью.

Сигизмунд III

За мирное подданство Сигизмунд обещал им новые права и милости; за упрямство грозил огнем и мечом. На сию пышную грамоту ответствовали словесно воеводы, боярин Шеин и князь Горчаков, архиепископ Сергей, люди служивые и народ: «Мы в храме Богоматери дали обет не изменять государю нашему, Василию Иоанновичу, а тебе, литовскому королю, и твоим панам не раболепствовать во веки». Послав Сигизмундову грамоту в Москву, они писали к царю: «Не оставь сирот твоих в крайности. Людей ратных у нас мало. Жители уездные не хотели к нам присоединиться: ибо король обманывает их вольностью; но мы будем стоять усердно». Воеводы советовались с дворянами и гражданами; выжгли посады и слободы; заключились в крепости и выдержали осаду если не знаменитейшую Псковской или Троицкой, то еще долговременнейшую и равно блистательную в летописях нашей воинской славы.

Видя, что Смоленск надобно взять не красноречием, а силою, король велел громить стены пушками; но ядра или не достигали вершины косогора, где стоит крепость, или безвредно падали к подножию ее высоких, твердых башен, воздвигнутых Годуновым; а пальба осажденных, гораздо действительнейшая, выгнала ляхов из монастыря Спасского. Зная, вероятно, что в крепости более жен и детей, нежели воинов, Сигизмунд решился на приступ: 23 сентября, за два часа до света, ляхи подкрались к стене и разбили петардою Аврамовские ворота, но не могли вломиться в крепость.

26 сентября, также ночью, взяли острог Пятницкого конца; а в следующую ночь всеми силами приступили к Большим воротам: тут было дело кровопролитное, счастливое для осажденных, и неприятель, везде отбитый, с того времени уже не выходил из стана; только стрелял день и ночь в город, напрасно желая проломить стену, и вел подкопы бесполезные: ибо россияне, имея слухи или ходы в глубине земли, всегда узнавали место сей тайной работы, сами делали подкопы и взрывали неприятельские с людьми на воздух. Историки польские отдадут справедливость мужеству и разуму Шеина, также и блестящей смелости его сподвижников, сказывая, что однажды, среди белого дня, шесть воинов смоленских приплыли в лодке к стану маршала Дорогостайского, схватили знамя литовское и возвратились с ним в крепость.

Наступила зима. Сигизмунд, упрямством подобный Баторию, хотел непременно завоевать Смоленск; терял время и людей в праздной осаде и, думая свергнуть Шуйского, губил Самозванца!

Весть о вступлении Сигизмундовом в Россию встревожила не столько Москву, сколько Тушино, где скоро узнали, что шайки запорожцев, служа королю, берут города его именем и что Путивль, Чернигов, Брянск, вместе с иными областями Северскими, волею или неволею ему покорились, изменив Лжедмитрию. «Чего хочет Сигизмунд? – говорили тушинские и Сапегины ляхи с негодованием. – Лишить нас славы и возмездия за труды; взять даром, что мы в два года приобрели своею кровию и победами! Северская земля есть наша собственность: из ее доходов Димитрий обещал платить нам жалованье – и кто же в ней теперь властвует? Новые пришельцы, богатые грабежом; а мы остаемся в бедности, с одними ранами!»

Так говорили чиновники и дворяне: воеводы же главные негодовали еще сильнее; лишаясь надежды разделить с Лжедмитрием все богатства державы Российской и привыкнув видеть в нем не властителя, а клеветника, не могли спокойно воображать себя под знаменами республики наравне с другими воеводами королевскими. Сапега колебался: Рожинский действовал и заключил с своими товарищами новый союз: они клялись умереть или воцарить Лжедмитрия, назвались конфедератами и послали сказать Сигизмунду: «Если сила и беззаконие готовы исхитить из наших рук

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinniko1ai.ru
достояние меча и геройства, то не признаем ни короля королем, ни отечества отечеством, ни братьев братьями!»

Рожинский писал к своему монарху: «Ваше величество все знали и единственно нам предоставляли кончить войну за Димитрия, еще более для республики, нежели для нас выгодную; но вдруг, неожиданно, вы являетесь с полками, отнимаете у него землю Северскую, волнуете, смущаете россиян, усиливаете Шуйского и вредите делу, уже почти совершенному нами!.. Сия земля нашу кровию увлажена, нашу славою блистает. В сих могилах, от Днепра до Волги, лежат кости моих храбрых сподвижников... Уступим ли другому Россию? Скорее все мы, остальные, положим также свои головы... и враг Димитрия, кто бы он ни был, есть наш неприятель!»

Гетману Жолкевскому говорили послы конфедератов: «Издравле витязи республики, рожденные в недрах златой свободы, любили искать воинской славы в землях чуждых: так и мы своим мечом, истинным Марсовым ралом, возделывали землю Московскую, чтобы пожать на ней честь и корысть. Сколь же горестно нам видеть противников в единоплеменниках и братьях! В сей горести простираем руки к тебе, гетману отечественного воинства, нашему учителю в делах славы! Изъясни сенату, блюстителю законов и свободы, чего мы требуем справедливо: да удержит Сигизмунда...»

Тут паны и дворяне королевские воплем негодования прервали дерзкую речь; велели послам удалиться, язвительно издевались над ними; спрашивали в насмешку о здоровье их государя Димитрия, о втором бракосочетании царицы Марии – и дали им, от имени Сигизмундова, следующий ответ письменный: «Вам надлежало не посылать к королю, а ждать его посольства: тогда вы узнали бы, для чего он вступил в Россию. Отечество наше конечно славится редкою свободою; но и свобода имеет законы, без коих государство стоять не может. Закон республики не дозволяет воевать и королю без согласия чинов государственных; а вы, люди частные, своевольным нападением раздражаете опаснейшего из врагов ее: вами озлобленный Шуйский мстит ей крымцами и шведами. Легко призвать, трудно удалить опасность. Хвалитесь победами; но вы еще среди неприятелей сильных... Идите и скажите своим клеветам, что искать славы и корысти беззаконием, мятежничать и нагло оскорблять Верховную Власть есть дело не граждан свободных, а людей диких и хищных».

Станислав Жолкевский – польский полководец начала XVII века

Одним словом, казалось, что не подданные с государем и государством, а две особенные державы находятся в жарком прении между собою и грозят друг другу войною! Изъясняясь с некоторою твердостью, Сигизмунд не думал однако ж быть строгим для усмирения крамольников, ибо имел в них нужду и надеялся вернее обольстить, нежели утратить их: разведывал, что делается в Лжедимитриевом стане; узнал о несогласии Сапеги и Зборовского с Рожинским, о явном презрении умных ляхов к Самозванцу, о желании многих из них, вопреки клятвенно утвержденному союзу между ними, действовать заодно с королевским войском, – и торжественно назначил (в декабре 1609) послов в Тушино: панов Стадницкого, князя Збарского, Тишкевича, с дружиною знатною. Он предписал им, что говорить воинам и начальникам, гласно и тайно; дал грамоту к царю Василию, доказывая в ней справедливость своего нападения, но изъявляя и готовность к миру на условиях, выгодных для республики; дал еще особенную грамоту к патриарху, духовенству, синклиту, дворянству и гражданству московскому, в коей, уже снимая с себя личину, вызывался прекратить их жалостные бедствия, если они с благодарным сердцем прибегнут к его державной власти, и королевским словом уверял в целости нашего богослужения и всех уставов священных.

В таком же смысле писал Сигизмунд и к россиянам, служащим мнимому Димитрию; а к Самозванцу писали только сенаторы, называя его в титуле ясным князем и прося оказать послам достойную честь из уважения к республике, не сказывая, зачем они едут в стан тушинский.

Уже конфедераты, лишаясь надежды взять Москву, более и более опасаясь князя Михаила и страшась недостатка в хлебе, отнимаемом у них разъездами воевод царских, умерили свою гордость; ждали сих послов нетерпеливо и встретили пышно. Любопытный Самозванец вместе с Мариною смотрел из окна на их торжественный въезд

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru в Тушино, едва ли угадывая, что они везут ему гибель! Рожинский советовал им представиться Лжедмитрию: Стадницкий и Збараский отвечали, что имеют дело единственно до войска – и, после великолепного пира, созвали всех ляхов слушать наказ королевский.

Среди обширной равнины послы сидели в креслах: воеводы, чиновники, дворяне стояли в глубоком молчании. Сигизмунд объявлял, что извлекая меч на Шуйского за многие неприятельские действия россиян, спасает тем конфедератов, уже малочисленных, изнуренных долговременною войною и тесными соединенными силами москвитян и шведов; ждет добрых сынов отечества под свои хоругви, забывает вину дерзких, обещает всем жалованье и награды.

Выслушав речь посольскую, многие изъявили готовность исполнить волю Сигизмунда; другие желали, чтобы он, взяв Смоленск и Северскую землю от Дмитрия, мирно возвратился в отечество, а войско республики присоединил к конфедератам для завоевания всего царства Московского.

«Согласно ли с достоинством короля, – возражали послы, – иметь владенную грамоту на российские земли от того, кому большая часть россиян дает имя обманщика? и благоразумно ли проливать за него драгоценную кровь ляхов?» Конфедераты требовали по крайней мере двух миллионов золотых; требовали еще, чтобы Сигизмунд назначил пристойное содержание для мнимого Дмитрия и жены его. «Вспомните, – ответствовали им, – что у нас нет Перуанских рудников. Удовольствуйтесь ныне жалованьем обыкновенным; когда же Бог покорит Сигизмунду великую державу Московскую, тогда и прежняя ваша служба не останется без возмездия, хотя вы служили не государю, не республике, а человеку стороннему, без их ведома и согласия». О будущей доле Самозванца послы не сказали ни слова. Вожди и воины просили времени для размышления.

Что ж делал Самозванец, еще окруженный множеством знатных россиян, еще глава войска и стана? Как бы ничего не зная, сидел в высоких хоромах тушинских и ждал спокойного решения судьбы своей от людей, которые назывались его слугами; упоенный сновидением величия, боялся пробуждения и смыкал глаза под ударом смертоносным. Уже давно терпел он наглость ляхов и презрение россиян, не смея быть взыскательным или строгим: так гетман вспльчивый, в присутствии Лжедмитрия, изломал палку об его любимца, князя Вишневецкого, и заставил царика бежать от страха вон из комнаты; а Тишкевич в глаза называл Самозванца обманщиком. Многие россияне, долго лицемерив и честив бродягу, уже явно гнушались им, досаждали ему невниманием, словами грубыми и думали между собою, как избыть вместе и Шуйского и Лжедмитрия. Сие спокойствие злодея, в роковой час оставленного умом и смелостию, способствовало успеху послов Сигизмундовых.

Они пригласили к себе знатнейших россиян Лжедмитриева стана и, вручив им грамоту Сигизмундову, изъяснили, что хотя король вступил в Россию с оружием, но единственно для ее мира и благоденствия, желая утишить бунт, истребить бесстыдного Самозванца, низвергнуть тирана вероломного (Шуйского), освободить народ, утвердить веру и церковь.

«Сии люди, – пишет историк польский, – угнетенные долговременным злосчастьем, не могли найти слов для выражения своей благодарности: печальные лица их осветились радостью; они плакали от умиления, читали друг другу письмо королевское, целовали, прижимали к сердцу начертание его руки, восклицая: не можем иметь государя лучшего!»

Так замысел Сигизмундов на венец Мономахов был торжественно объявлен и торжественно одобрен россиянами; но какими? Сонмом изменников: боярином Михайлом Салтыковым, князем Василием Рубцем-Мосальским и клеветами их, вероломцами опытными, которые, нарушив три присяги и нарушая четвертую, не усомнились предать иноплеменнику и Лжедмитрия и Россию, чтобы спастись от мести Шуйского, ранним усердием снискать благоволение короля и под сению нового царствующего Дома вкусить счастливое забвение своих беззаконий! В сей думе крамольников присутствовал, как пишут, и муж добродетельный, пленник Филарет, ее невольный и безгласный участник.

Уверенные в согласии тушинских россиян иметь царем Сигизмунда, послы в то же время готовы были вступить в сношение и с Василием, как законным монархом: доставили ему грамоту королевскую и, вероятно, предложили бы мир на условии возвратить Литве Смоленск или землю Северскую: чем могло бы удовольствоваться

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
властолюбие Сигизмундово, если бы россияне не захотели изменить своему венценосцу. Но Василий, перехватив возмутительные письма королевские к духовенству, боярам и гражданам столицы, не отвечал Сигизмунду, в знак презрения: обнародовал только его вероломство и козни, чтобы исполнить негодования сердца россиян. Москва была спокойна; а в Тушине вспыхнул мятеж.

Н.В. Неврев. Дмитрий Самозванец у Вишневецкого. 1876 г.

Дав конфедератам время на размышление, послы Сигизмундовы уже тайно склонили князя Рожинского и главных воевод присоединиться к королю. Не хотели вдруг оставить Самозванца, боясь, чтобы многолюдная сволочь тушинская не передалась к Василию: условились до времени терпеть в стане мнимое господство Лжедмитриево для устрашения Москвы, а действовать по воле Сигизмунда, имея главную целию низвергнуть Шуйского. Но ослепление и спокойствие бродяги уже исчезли: угадывая или сведав замышляемую измену, он призвал Рожинского и с видом гордым спросил, что делают в Тушине вельможи Сигизмундовы и для чего к нему не являются? Гетман нетрезвый забыл лицемерие: отвечал бранью и даже поднял руку. Самозванец в ужасе бежал к Марине; кинулся к ее ногам; сказал ей: «Гетман выдает меня королю; я должен спастись: прости» – и ночью (29 декабря), надев крестьянское платье, с шутком своим, Петром Кошелевым, в навозных санях уехал искать нового гнезда для злодейства: ибо царство злодея еще не кончилось!

На рассвете узнали в тушинском стане, что мнимый Димитрий пропал: все изумились. Многие думали, что он убит и брошен в реку. Сделалось ужасное смятение: ибо знатная часть войска еще усердствовала Самозванцу, любя в нем атамана разбойников. Толпы с яростным криком приступили к гетману, требуя своего Димитрия и в то же время грабя обоз сего беглеца, серебряные и золотые сосуды, им оставленные. Гетман и другие начальники едва могли смирить мятежников, уверив их, что Самозванец, не убитый, не изгнанный, добровольно скрылся в чувстве малодушного страха, и что не бунтом, а твердостью и единодушием должно им выйти из положения весьма опасного. Не менее волновались и российские изменники, лишенные главы: одни бежали вслед за Самозванцем, другие в Москву; знатнейшие пристали к конфедератам и вместе с ними отправили посольство к Сигизмунду.

Между тем Марина, оставленная мужем и двором, не изменяла высокомерию и твердости в злосчасти; видя себя в стане под строгим надзором и как бы пленницею ненавистного ей гетмана, упрекала ляхов и россиян предательством; хотела жить или умереть царицею; ответствовала своему дяде, пану Стадницкому, который убеждал ее прибегнуть к Сигизмундовой милости и назвал в письме только дочерью Сендомирского воеводы, а не государынею московскою: «Благодарю за добрые желания и советы; но правосудие Всевышнего не даст злодею моему, Шуйскому, насладиться плодом вероломства. Кому Бог единожды дает величие, тот уже никогда не лишается сего блеска, подобно солнцу, всегда лучезарному, хотя и затмеваемому на час облаками».

Она писала к королю: «Счастье меня оставило, но не лишило права властительского, утвержденного моим царским венчанием и двукратною присягою россиян»; желала ему успеха в войне, не уступая венца Мономахова, – ждала случая действовать и воспользовалась первым.

Скоро сведали, где Лжедмитрий: он уехал в Калугу; стал близ города в монастыре и велел инокам объявить ее жителям, что король Сигизмунд требовал от него земли Северской, желая обратить ее в латинство, но получив отказ, склонил гетмана и все тушинское войско к измене; что его (Самозванца) хотели схватить или умертвить; что он удалился к ним, достойным гражданам знаменитой Калуги, надеясь с ними и с другими верными ему городами изгнать Шуйского из Москвы и ляхов из России или погибнуть славно за целостность государства и за святость веры. Дух буйности жил в Калуге, где оставались еще многие из сподвижников атамана Болотникова: они с усердием встретили злодея как государя законного, ввели в лучший дом, наделили всем нужным, богатыми одеждами, конями.

Прибежали из Тушина некоторые ближние чиновники Самозванцевы; пришел главный крамольник князь Григорий Шаховской с полками козаков из Царева-Займища, где он наблюдал движения Сигизмундовой рати. Составились дружины телохранителей и воинов, двор и правительство, достойное Лжецаря, коего первым указом в сем новом

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
вертепе злодейства было истребление ляхов и немцев за неприятельские действия Сигизмунда и шведов: их убивали, вместе с верными царю россиянами, во всех городах, еще подвластных Самозванцу: Туле, Перемышле, Козельске; грабили купцов иноземных на пути из Литвы к Тушину.

В Калуге утопили бывшего воеводу ее, ляха Скотницкого, подозреваемого Лжедмитрием в измене. Там же истерзали доброго окольного Ивана Ивановича Годунова, как усердного слугу Василиева. Взяв его в плен, свергнули с башни и еще живого кинули в реку; он ухватился за лодку: злодей Михайло Бутурлин отсек ему руку, и сей мученик верности утонул в глазах отчаянной жены своей, сестры Филаретовой. Быв дотол в некоторой зависимости от гетмана и других знатных клеветов, Самозванец уже мог действовать свободно, зверствовать до безумия, хвалясь особенно ненавистию ко всему нерусскому и говоря, что когда будет царем на Москве, то не оставит в живых ни единого иноплеменника, ни грудного младенца, ни зародыша в утробе матери! И кровию ляхов обагренный, тогда же искал в них еще усердия к его злодейству!

В тушинском стане читали тайные грамоты Лжедмитриеви: Самозванец писал, что возвратится к своим добрым сподвижникам с богатою казною, если они дадут ему новую клятву в верности и накажут главных виновников измены. Прибыли и тайные послы его, лях Казимирский и Глазун-Плещеев: они внушали ляхам и козакам, что один Димитрий может обогатить их, имея еще владения обширные и миллионы готовые. Люди, сколько-нибудь благоразумные, не слушали; но бродяги, грабители снова взволновались, и еще более, когда Марина, пользуясь смятением, явилась между воинами с растрепанными волосами, с лицом бледным, с глубокою горестию и слезами; не упрекала, но трогала видом и словами; убеждала не оставлять Димитрия, исполненного к ним любви и благодарности: не лишать себя праведного возмездия за труды, для него понесенные, – не обольщаться королевскою милостию, ничем незаслуженною и следственно ненадежною; ходила из ставки в ставку; каждого из чиновников называла именем, ласково приветствовала, молила соединиться с ее мужем.

Марина Мнишек. Рисунок с картины, написанной в 1606 году

Все было в движении; стремились видеть и слушать прелестную женщину, красноречивую от живых чувств и разительных обстоятельств судьбы ее. Говорили: «Послы королевские нас обманули и разлучили с Димитрием! Где тот, за кого мы умирали? От кого будем требовать награды?» Еще гетман и воеводы нашли средство обуздать ляхов; но донцы сели на коней и выступили полками из Тушина к Калуге. Гетман с своими латниками настиг их, изрубил более тысячи и заставил побежденных возвратиться.

Спокойствие было кратковременно. Не имев совершенного успеха в намерении взбунтовать тушинский стан и боясь мести гетмана, Марина, в одежде воина, с луком и за плечами, [11 февраля] ночью, в трескучий мороз ускакала верхом к мужу, провождаемая только слугою и служанкою. Поутру нашли в ее комнатах следующее письмо к войску: «Без друзей и ближних, одна с своею горестию, я должна спасать себя от наглости моих мнимых защитников.

В упоении шумных пиров клеветники гнусные равняют меня с женами презрительными, умышляют измену и ковы. Сохрани Боже, чтобы кто-нибудь дерзнул торговать мною и выдать меня человеку, которому ни я, ни мое царство не подвластны! Утесненная и гонимая, свидетельствуюсь Всевышним, что не престану блюсти своей чести и славы, и быв властительницею народов, уже никогда не соглашусь возвратиться в звание польской дворянки. Надеюсь, что храброе воинство не забудет присяги, моей благодарности и наград, ему обещанных, удаляюсь». Сие письмо читали всенародно в Тушине благоприятели Марины и произвели желаемое действие: новый мятеж, еще сильнейший прежних.

Неистовые, с обнаженными саблями окружив ставку гетмана, вопили: «Злодей! Ты выгнал злосчастную Марину твоею буйностию, в чаду высокоумия и пьянства! Ты, вероломец, подкупленный королем, чтобы обманом вырвать из наших рук казну московскую! Возврати нам Димитрия или умри, изменник!» Стреляли из pistols; хотели действительно убить Рожинского, выбрать иного начальника и немедленно идти к Самозванцу; но снова одумались, примирились с неустрашимым гетманом и

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinniko1ai.ru дали ему слово ждать ответа королевского. «Ни за что не ручаюсь, – писал Рожинский к Сигизмунду, – если ваше величество не благоволите удовлетворить желаниям войска и бояр московских, с нами соединенных».

Сии желания или требования были объявлены королю послами россиян и ляхов тушинских. В числе сорока двух первых находились Михаиле Салтыков и сын его Иван, князь Рубец-Мосальский и Юрий Хворостинин, Лев Плещеев, Молчанов (тот самый, который в Галиции выдавал себя за Димитрия), дьяки Грамотин, Андронов, Чичерин, Апраксин и многие дворяне. Сигизмунд принял их (31 января) с великою пышностью, сидя на престоле, в кругу сенаторов и знатных панов. Седовласый изменник Салтыков говорил длинную речь о бедствиях России, о доверенности ее к королю и замолчал от усталости. Сын его и дьяк Грамотин продолжали: один исчислил всех наших государей от Рюрика до Иоанна и Феодора; другой молил Сигизмунда быть заступником нашего православия и тем снискать милость Всевышнего.

Наконец боярин Салтыков предложил венец Мономахов не Сигизмунду, но юному королевичу Владиславу; а Грамотин заключил изображением выгод, безопасности, благоденствия обеих держав, которые со временем будут единою под скиптром Владислава. Литовский канцлер Лев Салега отвечивал, что Сигизмунд благодарит за оказываемую ему честь и доверенность, соглашается быть покровителем Российской державы и церкви и назначит сенаторов для переговоров о деле столь важном.

Переговоры начались немедленно, и послы изменников тушинских сказали сенаторам: «С того времени, как смерти Иоаннова наследника извелось державное племя Рюриково, мы всегда желали иметь одного венценосца с вами: в чем может удостоверить вас сей думный боярин Михайло Глебович Салтыков, зная все тайны государственные. Препятствием были грозное властвование Борисово, успехи Лжедимитрия, незаконное воцарение Шуйского и явление второго Самозванца, к коему мы пристали, не веря ему, но от ненависти к Василию, и только до времени. Обрадованные вступлением короля в Россию, мы тайно снеслись с людьми знатнейшими в Москве, сведали их единомыслие с нами и давно прибегнули бы к Сигизмунду, если бы ляхи Лжедимитриеи тому не противились. Ныне же, когда вожди и войско готовы повиноваться законному монарху, объявившему нам чистоту своих намерений, – ныне смело убеждаем его величество дать нам сына в цари: ибо ему самому, государю иной великой державы, нельзя оставить ее, ни управлять Московскою чрез наместника. Вся Россия встретит царя вожделенного с радостью; города и крепости отворят врата; патриарх и духовенство благословят его усердно. Только да не медлит Сигизмунд; да идет прямо к Москве и подкрепит войско, угрожаемое превосходными силами Скопина и шведов. Мы впереди: укажем ему путь и средства взять столицу; сами свергнем, истребим Шуйского, как жертву, уже давно обреченную на гибель. Тогда и Смоленск, осаждаемый с таким усилием тягостным, доселе бесполезным – тогда и все государство последует нашему примеру».

Но, боясь ли, как пишут, вверить судьбу шестнадцатилетнего королевича народу, ославленному строптивостию и мятежами, или от личного властолюбия не расположенный уступить Московское царство даже и сыну, Сигизмунд изъяснился двусмысленно. Сенаторы его ответствовали изменникам, что если Всевышний благословит доброе желание россиян; если грозные тучи, висящие над их державою, удалятся, и тихие дни в ней снова воссияют; если, в мире и согласии, духовенство, вельможи, войско, граждане все единодушно захотят Владислава в цари: то Сигизмунд конечно удовлетворит их общей воле – и готов идти к Москве, как скоро тушинская рать к нему присоединится.

В дальнейших объяснениях послы требовали, чтобы Владислав принял нашу веру: им сказали, что вера есть дело совести и не терпит насилия; что можно внушать и склонять, а не велеть. «Сии люди, – говорит польский историк, – мало заботились о правах и вольностях государственных: твердили единственно о церкви, монастырях, обрядах; только ими дорожили, как главным, существенным предметом, необходимым для их мира душевного и счастья».

Именем королевским сенаторы письменно утвердили неприкосновенность всех наших священных уставов и согласились, чтобы королевич, если Бог даст ему государство Московское, был венчан патриархом; обязались также соблюсти целостность России, ее законы и достоинства людей частных; а послы клялися оставить Шуйского и Самозванца, верно служить государю Владиславу, и доколе он еще не царствует, служить отцу его. В то же время король писал к сенату, что Москва в смятении и

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru князь Михаил в раздоре с Василием; что должно пользоваться обстоятельствами, расширить владения республики и завоевать часть России или всю Россию!

Не могли Салтыков и клеветы его быть слепыми: они видели, что король готовит царство себе, а не Владиславу; знали, что и Владислав не мог ни в коем случае принять нашего Закона: но ужасаясь близкого торжества Василиева, как своей гибели, и давно погрязнув в злодействах, не усомнились предать отечество из рук низкого Самозванца в руки венценосца иноверного; предлагали условия единственно для ослепления других россиян, и лицемерно восхищаясь мнимой готовностью Сигизмунда исполнить все их желания, громогласно благодарили его и плакали от радости. Пировали, обедали у короля, гетмана Жолкевского и Льва Сапеги. Сидя на возвышенном месте, король пил за здоровье послов: они пили за здоровье царя Владислава.

Написали грамоты к воеводам городов окрестных, славя великодушие Сигизмунда, убеждая их присягнуть королевичу, соединиться с братьями ляхами, и некоторых обольстили: Ржев и Зубцов поддались царю новому, мнимому. Но знаменитый Шейн, уже пять месяцев осаждаемый в Смоленске, к его славе и бедствию королевского войска, истребляемого трудами, битвами и морозами, не обольстился: вызванный из крепости изменниками для свидания, слушал их с презрением и возвратился верным, непоколебимым.

Довольный тушинскими россиянами, Сигизмунд тем менее был доволен тушинскими ляхами, коих послы снова требовали миллионов, и хотели, чтобы он, взяв Московское государство, дал Марине Новгород и Псков, а мужу ее княжество особенное. Опасаясь раздражить людей буйных и лишиться их важного, необходимого содействия, король обещал уступить им доходы земли Северной и Рязанской, милостиво наделить Марину и Лжедмитрия, если они смирятся, и немедленно прислать в Тушино вельможу Потоцкого с деньгами и с войском, чтобы истребить или прогнать князя Михаила, стеснить Москву и низвергнуть Шуйского. Но сей ответ не успокоил конфедератов: не верили обещаниям; ждали денег – а Сигизмунд медлил и морил людей под стенами Смоленска; не присылал ни серебра, ни войска к мятежникам: ибо его любимец Потоцкий, к досаде гетмана Жолкевского, распорядив осадю, не хотел двинуться с места, чтобы отсутствием не утратить выгод временщика.

Вести калужские еще более взволновали конфедератов: там Лжедмитрий снова усиливался и царствовал; там явилась и жена его, славимая как героиня. Выехав из Тушина, она сбилась с дороги и попала в Дмитров, занятый войском Сапеги, который советовал ей удалиться к отцу.

«Царица московская, – сказала Марина, – не будет жалкою изгнанницею в доме родительском», – и, взяв у Сапеги немецкую дружину для безопасности, прискакала к мужу, который встретил ее торжественно вместе с народом, восхищенным ее красотой в убранстве юного витязя. Калуга веселилась и пировала; хвалилась призраком двора, многолюдством, изобилием, покоем, – а тушинские ляхи терпели голод и холод, сидели в своих укреплениях как в осаде или, толпами выезжая на грабеж, встречали пули и сабли царских или Михайловых отрядов. Кричали, что вместе с Димитрием оставило их и счастье; что в Тушине бедность и смерть, в Калуге честь и богатство; не слушали новых послов королевских, прибывших к ним только с ласковыми словами; кляли измену своих предводителей и козни Сигизмундовы; хотели грабить стан и с сею добычею идти к Самозванцу. Но гетман, в последний раз, обуздал буйность страхом.

Уже князь Михаил действовал. Войско его умножилось, образовалось. Пришло еще 3000 шведов из Выборга и Нарвы. Готовились идти прямо на Сапегу и Рожинского, но хотели озаботить их и с другой стороны: послали воевод Хованского, Борятинского и Горна занять южную часть Тверской и северную Смоленской области, чтобы препятствовать сообщению конфедератов с Сигизмундом. Между тем чиновник Волуев с пятьюстами ратников должен был осмотреть вблизи укрепления Сапегины. Он сделал более: ночью (генваря 4) вступил в лавру, взял там дружину Жеребцова, утром напал на ляхов и возвратился к князю Михайлу с толпою пленников и с вестию о слабости неприятеля.

Войско ревностно желало битвы, надеясь поразить Сапегу и гетмана отдельно. Но дерзость первого уже исчезла: будучи в несогласии с Рожинским, оставив Лжедмитрия и еще не пристав к королю, едва ли имея 6000 сподвижников, изнуренных болезнями и трудами, Сапега увидел поздно, что не время мыслить о

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
завоевании монастыря, а время спастись: снял осаду (12 января) и бежал к Дмитрову. Иноки и воины лавры не верили глазам своим, смотря на сие бегство врага, столь долго упорного! Оглядели безмолвный стан изменников и ляхов; нашли там множество запасов и даже немало вещей драгоценных; думали, что Сапега возвратится – и чрез восемь дней послали наконец инок Макария со Святою водою в Москву, объявить царю, что лавра спасена Богом и князем Михаилом, быв шестнадцать месяцев в тесном obleжании. Уже сияя не только святостию, но и славою редкою – любовью к отечеству и Вере преодолев искусство и число неприятеля, нужду и язву – обратив свои башни и стены, дебри и холмы в памятники доблести бессмертной – лавра увенчала сей подвиг новым государственным благодеянием.

Н.Н. Дубовский. В обители. Троице-Сергиева Лавра. 1917 г.

Россияне требовали тогда единственно оружия и хлеба, чтобы сражаться; но союзники их, шведы, требовали денег: иноки троицкие, встретив князя Михаила и войско его с любовью, отдали ему все, что еще имели в житницах, а шведам несколько тысяч рублей из казны монастырской.

Глубина снегов затрудняла воинские действия: князь Иван Куракин с россиянами и шведами выступил на лыжах из лавры к Дмитрову и под стенами его увидел Сапегу. Началось кровопролитное дело, в коем россияне блестящим мужеством заслужили громкую хвалу шведов, судей непристрастных; победили, взяли знамена, пушки, город Дмитров и гнали неприятеля легкими отрядами к Клину, нигде не находя ни жителей, ни хлеба в сих местах, опустошенных войною и разбоями. Предав ляхов тушинских судьбе их, Сапега шел день и ночь к калужским и смоленским границам, чтобы присоединиться к королю или Лжедмитрию, смотря по обстоятельствам.

До сего времени Сапега был щитом для Тушина, стоя между им и Слободой Александровскою: сведав о бегстве его – сведав тогда же, что воеводы, отряженные князем Михаилом, заняли Старицу, Ржев и приступают к Белому – конфедераты не хотели медлить ни часу в стане, угрожаемом вблизи и вдаль царскими войсками; но смиренные ужасом, изъявили покорность гетману: он вывел их с распущенными знаменами, при звуке труб и под дымом пылающего, им зажженного стана, чтобы идти к королю. Изменники, клеветы Салтыкова, соединились с ляхами; гнуснейшие из них ушли к Самозванцу; менее виновные в Москву и в другие города, надеясь на милосердие Василиево или свою неизвестность, – и чрез несколько часов остался только пепел в уединенном Тушине, которое 18 месяцев кипело шумным многолюдством, величалось именем царства и боролось с Москвою!

Жарко преследуемый дружинами князя Михаила, изгнанный из крепких стен Иосифовской обители и разбитый в поле мужественным Волуевым (который в сем деле освободил знаменитого пленника Филарета), Рожинский, князь племени Гедиминова, еще юный летами, от изнурения сил и горести кончил бурную жизнь в Волоколамске, жалуясь на измену счастья, безумие второго Лжедмитрия, крамольный дух сподвижников и медленность Сигизмундову: полководец искусный, как уверяют его единоземцы, или только смелый наездник и грабитель, как свидетельствуют наши летописи. Смерть начальника рушила состав войска: оно рассеялось; толпы бежали к Сигизмунду, толпы к Лжедмитрию и Сапеге, который стал на берегах Угры, в местах еще изобильных хлебом, и предлагал своему государю условия для верной ему службы, сносаясь и с Калугою. – Так исчезло главное, страшное ополчение удальцов и разбойников чужеземных, изменников и злодеев российских, быв на шаг от своей цели, гибели нашего отечества, и вдруг остановлено великодушным усилием добрых россиян, и вдруг уничтожено действиями грубой политики Сигизмундовой!.. Один Лисовский с изменником атаманом Просовецким, с шайками козаков и вольницы, держался еще несколько времени в Суздале, но весною ушел оттуда в мятежный Псков, разграбив на пути монастырь Колязинский, где честный воевода Давид Жеребцов пал в битве. Наконец вся внутренность государства успокоилась.

Так успел Герой-юноша в своем деле великом!

За пять месяцев пред тем оставив царя почти без царства, войско в оцепенении ужаса, среди врагов и предателей – найдя везде отчаяние или зложелательство, но умев тронуть, оживить сердца добродетельною ревностию, собрать на краю государства новое войско отечественное, благовременно призвать иноземное,

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
восстановить целость России от запада до востока, рассеять сонмы неприятелей многочисленных и взять одною угрозою крепкие, годовые их станы – князь Михаил двинулся из лавры, им освобожденной, к столице, им же спасенной, чтобы вкусить сладость добродетели, увенчанной славою.

Россияне и шведы, одни с веселием, другие с гордостью, шли как братья, воеводы и воины, на торжество редкое в летописях мира. Царь велел знатным чиновникам встретить князя Михаила: народ предупредил чиновников; стеснил дорогу Троицкую; поднес ему [2 марта] хлеб и соль, бил челом за спасение государства Московского, давал имя отца отечества; благодарил и сподвижника его, Делаярди. Василий также благодарил обоих, с слезами на глазах, с видом искреннего умиления. Казалось, что одно чувство всех одушевляло, от царя до последнего гражданина.

Москва, быв еще недавно столицей без государства, окруженная неприятельскими владениями, смятенная внутренними крамолами, терзаемая голодом, и ввечеру не зная, кого утреннее солнце осветит в ней на престоле, законного ли венценосца российского или бродягу, клевету разбойников иноземных, – Москва снова возвышала главу над обширным царством, простирая руку к Ильмену и к Енисею, к морю Белому и Каспийскому, – опираясь в стенах своих на легионы победоносные и наслаждаясь спокойствием, славою, изобилием; видела в князе Михаиле виновника сей разительной перемены и не щадила ни его смирения, ни его безопасности: где он являлся, везде торжествовал и слышал клики живейшей к нему любви, естественной, справедливой, но опасной: ибо зависть, уже не окованная страхом, готовила жало на знаменитого подвижника России, и раздражаемая сим народным восторгом, тем более кипела ядом, в слепой злобе не предвидя, что будет сама его жертвою!

Еще не спаслось, а только спасалось отечество – и князь Михаил среди светлых пиров столицы не упоенный ни честью, ни славою, требовал указа царского довершить великое дело: истребить Лжедмитрия в Калуге, изгнать Сигизмунда из России, очистить южные пределы ее, успокоить государство навеки, имея все для успеха несомнительного: войско, доблесть, счастье или милость Небесную. Но судьба Шуйского противилась такому концу благословенному: не в его бедственное царствование отечество наше должно было возродиться для величия!

Низвержение Василия и междоцарствие. 1610–1611 гг
В то время, когда всякой час был дорог, чтобы совершенно избавить Россию от всех неприятелей, смятенных ужасом, ослабленных разделением – когда все друзья отечества изъявляли князю Михаилу живейшую ревность, а князь Михаил живейшее нетерпение царю идти в поле – минуло около месяца в бездействии для отечества, но в деятельных происках злобы личной.

Робкие в бедствиях, надменные в успехах, низкие душою, трепетав за себя более, нежели за отечество, и мысля, что все труднейшее уже сделано, – что остальное легко и не превышает силы их собственного ума или мужества, ближние царедворцы в тайных думах немедленно начали внушать Василию, сколь юный князь Михаил для него опасен, любимый Россияною до чрезмерности, явно уважаемый более царя и явно в цари готовимый единомыслием народа и войска.

Славя Героя, многие дворяне и граждане действительно говорили нескромно, что спаситель России должен и властвовать над нею; многие нескромно уподобляли Василия Саулу, а Михаила Давиду. Общее усердие к знаменитому юноше питалось и суеверием: какие-то гадатели предсказывали, что в России будет венценосец, именем Михаил, назначенный Судьбою умирить государство: «Чрез два года благодатное воцарение Филаретова сына оправдало гадателей», – пишет историк чужеземный; но россияне относили мнимое пророчество к Скопину и видели в нем если не совместника, то преемника дяди его, к особенной досаде любимого Василиева брата, Дмитрия Шуйского, который мыслил, вероятно, правом наследия уловить державство: ибо шестидесятилетний царь не имел детей, кроме новорожденной дочери, Анастасии.

Князь Дмитрий, духом слабый, сердцем жестокий, был первым наушником и первым клеветником: не довольствуясь истиною, что народ желает царства Михаилу, он сказал Василию, что Михаил в заговоре с народом, хочет похитить верховную власть и действует уже как царь, отдав шведам Кексгольм без указа государева. Еще Василий ужасался или стыдился неблагодарности: велел умолкнуть брату – даже выгнал его с гневом; ежедневно приветствовал, честил героя – но медлил снова вверить ему войско!

Узнав о наветах, князь Михаил спешил изъясниться с царем; говорил спокойно о своей невинности, свидетельствуясь в том чистою совестью, службою верною, а всего более оком Всевышнего; говорил свободно и смело о безумии зависти преждевременной, когда еще всякая остановка в войне, всякое охлаждение, несогласие и внушение личных страстей могут быть гибельны для отечества. Василий слушал не без внутреннего смятения: ибо собственное сердце его уже волновалось завистию и беспокойством: он не имел счастья верить добродетели! Но успокоил Михаила ласкою; велел ему и думным боярам условиться с генералом Делагарди о будущих воинских действиях; утвердил договор Выборгский и Колязинский; обещал немедленно заплатить весь долг шведам.

Между тем умный Делагарди в частых свиданиях с ближними царедворцами заметил их худое расположение к князю Михаилу и предостерегал его как друга: двор казался ему опаснее ратного поля для Героя. Оба нетерпеливо желали идти к Смоленску и неохотно участвовали в пирах московских. 23 апреля [1610 г.] князь Дмитрий Шуйский давал обед Скопину. Беседовали дружественно и весело.

Жена Дмитриева, княгиня Екатерина – дочь того, кто жил смертоубийствами: Малюты Скуратова – явилась с ласкою и чашею пред гостем знаменитым: Михаил выпил чашу... и был принесен в дом, исходя кровию, беспрестанно лившеюся из носа; успел только исполнить долг христианина и предал свою душу Богу, вместе с судьбою отечества!.. Москва в ужасе онемела.

Сию незапную смерть юноши, цветущего здравием, приписали яду, и народ, в первом движении, с воплем ярости устремился к дому князя Дмитрия Шуйского: дружина царская защитила и дом и хозяина. Уверяли народ в естественном конце сей жизни драгоценной, но не могли уверить. Видели или угадывали злорадство и винили оное в злодействе без доказательств: ибо одна скоропостижность, а не род Михайловой смерти (напомнившей Борисову), утверждала подозрение, бедственное для Василия и его ближних.

Не находя слов для изображения общей скорби, летописцы говорят единственно, что Москва оплакивала князя Михаила столь же неутешно, как царя Феодора Иоанновича: любив Феодора за добродушие и теряя в нем последнего из наследственных венценосцев Рюрикова племени, она страшилась неизвестности в будущем жребии государства; а кончина Михайлова, столь неожиданная, казалась ей явным действием гнева Небесного: думали, что Бог осуждает Россию на верную гибель, среди преждевременного торжества вдруг лишив ее защитника, который один вселял надежду и бодрость в души, один мог спасти государство, снова ввергаемое в пучину мятежей без кормчего!

Россия имела государя, но россияне плакали как сироты, без любви и доверенности к Василию, омраченному в их глазах и несчастным царствованием и мыслию, что князь Михаил сделался жертвою его тайной вражды. Сам Василий лил горькие слезы о Герое: их считали притворством, и взоры подданных убегали царя, в то время когда он, знаменуя общественную и свою благодарность, оказывал необыкновенную честь усопшему: отпевали, хоронили его великолепно, как бы державного: дали ему могилу пышную, где лежат наши венценосцы: в Архангельском соборе; там, в приделе Иоанна Крестителя, стоит уединенно гробница сего юноши, единственного добродетелию и любовью народною в век ужасный! От древних до новейших времен России никто из подданных не заслуживал ни такой любви в жизни, ни такой горести и чести в могиле!.. Именуя Михаила Ахиллом и Гектором российским, летописцы не менее славят в нем и милость беспримерную, уветливость, смирение Ангельское, прибавляя, что огорчать и презирать людей было мукою для его нежного сердца. В двадцать три года жизни успев стяжать (доля редкая!) лучезарное бессмертие, он скончался рано не для себя, а только для отечества, которое желало ему венца, ибо желало быть счастливым!

А.Е. Земцов. Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский на пиру у князя Воротынского. 1610 г.

Все переменялось – и завистники Скопина, думав, что Россия уже может без него обойтись, скоро увидели противное. Союз между царем и царством, восстановленный Михаилом, рушился, и злополучие Василиево, как бы одоленное на время Михайловым

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
счастьем, снова явилось во всем ужасе над государством и государем.

Надлежало избрать военачальника: избрали того, кто уже давно был нелюбим, а в сие время ненавидим: князя Дмитрия Шуйского. Россияне вышли в поле с унынием и без ревности: шведы ждали обещанных денег. Не имея готового серебра, Василий требовал его от иноков лавры; но иноки говорили, что они, дав Борису 15 000, расстриге 30 000, самому Василию 20 000 рублей, остальную казною едва могут исправить стены и башни свои, поврежденные неприятельскою стрельбою.

Царь силою взял у них и деньги и множество церковных сосудов, золотых и серебряных для сплавки. Иноки роптали: народ изъявлял негодование, уподобляя такое дело святотатству. Одни шведы, изъявив участие в народной скорби о Михаиле, ими также любимом, казались утешенными и довольными, получив жалованье – и Делагарди выступил вслед за князем Дмитрием к Можайску, чтобы освободить Смоленск. Ждали еще новых союзников, не бывалых под хоругвями христианскими: крымских царевичей с толпами разбойников, чтобы примкнуть к ним несколько дружин московских и вести их к Калуге для истребления Самозванца. Не думали о стыде иметь нужду в таких сподвижниках! Довольно было сил: недоставало только человека, коего в бедствиях государственных и миллионы людей не заменяют... Орошая слезами, искренними или притворными, тело Михаила, Василий погребал с ним свое державство, и два раза спасенный от близкой гибели, уже не спасся в третий!

Первая страшная весть пришла в Москву из Рязани, где Ляпунов, явный злодей царя, сильный духом более, нежели знатностию сана, не обольтив Михаила властолюбием беззаконным и предвидя неминуемую для себя опалу в случае решительного торжества Василиева, именем Героя верности дерзнул на бунт и междоусобие. Что Москва подозревала, то Ляпунов объявил всенародно за истину несомнительную: Дмитрия Шуйского и самого Василия убийцами, отравителями Скопина; звал мстителей и нашел усердных: ибо горестная любовь к усопшему Михаилу представляла и бунт за него в виде подвига славного!

Княжество Рязанское отложилось от Москвы и Василия, все, кроме Зарайска: там явился племянник Ляпунова с грамотою от дяди; но там воеводствовал князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Заслуживая будущую свою знаменитость и храбростию и добродетелию, князь Дмитрий выгнал гонца крамолы, прислал мятежную грамоту в Москву и требовал вспоможения: царь отрядил к нему чиновника Глебова с дружиною, и Зарайск остался верным. Но в то же время стрельцы московские, посланные к Шацку (где явился воевода Лжедмитриев, князь Черкасский, и разбил царского воеводу, князя Литвинова) были остановлены на пути Ляпуновым и передались к нему добровольно. Чего хотел сей мятежник! Свергнуть Василия, избавить Россию от Лжедмитрия, от ляхов, и быть государем ее, как утверждает один историк; другие пишут вероятнее, что Ляпунов желал единственно гибели Шуйских, имея тайные сношения с знатнейшим крамольником, боярином князем Василием Голицыным в Москве и даже с Самозванцем в Калуге, но недолго: он презрел бродягу, как орудие срамное, видя и без того легкое исполнение желаемого им и многими иными врагами царя несчастного.

Бунт Ляпунова встревожил Москву: другие вести были еще ужаснее. Князь Дмитрий Шуйский и Делагарди шли к Смоленску, а ляхи к ним навстречу. Доселе опасливый, нерешительный, Сигизмунд вдруг оказал смелость, узнав, что Россия лишилась своего Героя и, веря нашим изменникам, Салтыкову с клеветами, что сия кончина есть падение Василия, ненавистного Москве и войску. Еще Сигизмунд не хотел оставить Смоленск; но дав гетману Жолкевскому две тысячи всадников и тысячу пехотных воинов, велел ему с сею горстию людей искать неприятеля и славы в поле. Гетман двинулся сперва к Белому, теснимому Хованским и Горном: имея 6500 россиян и шведов, они уклонились от битвы и спешили присоединиться к Дмитрию Шуйскому, который стоял в Можайске, отделив шесть тысяч детей боярских с князем Елецким и Волуевым в Царево-Займище, чтобы там укрепиться и служить щитом для главной рати. Будучи вдесятеро сильнее неприятеля, Шуйский хотел уподобиться Скопину осторожностию: медлил и тратил время.

Тем быстрее действовал гетман: соединился с остатками тушинского войска, приведенного к нему Зборовским, и (13 июня) подступил к Займищу; имел там выгоду в битве с россиянами, но не взял укреплений – и сведал, что Шуйский и Делагарди идут от Можайска на помощь к Елецкому и Волуеву. Сподвижники гетмана смутились: он убеждал их в необходимости кончить войну одним смелым ударом; говорил о чести и доблести, а ждал успеха от измены: ибо клеветы Салтыкова окружали, вели его, – сносились со своими единомышленниками в царском войске, знали общее уныние,

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
негодование и ручались Жолкевскому за победу; ручались и беглецы шведские, немцы, французы, шотландцы, являясь к нему толпами и сказывая, что все их товарищи, недовольные Шуйским, готовы передаться к ляхам. Шведы действительно, едва вышедши из Москвы, начали снова требовать жалованья и бунтовать: князь Дмитрий дал им еще десять тысяч рублей, но не мог удовлетворить, ни сам Делагарди смирить сих мятежных корыстолюбцев: они шли нехотя и грозили, казалось, более союзникам, нежели врагам. Такие обстоятельства изъясняют для нас удивительное дело Жолкевского, еще более проницательного, нежели смелого.

Оставив малочисленную пехоту в обозе у Займища, гетман ввечеру (23 июня) с десятью тысячами всадников и с легкими пушками выступил навстречу к Шуйскому столь тихо, что Елецкий и Волуев не заметили сего движения и сидели спокойно в укреплениях, воображая всю рать неприятельскую пред собою; а гетман, принужденный идти верст двадцать медленно, ночью, узкою, худою дорогою, на рассвете увидел, близ села Клушина, между полями и лесом, плетнями и двумя деревеньками, обширный стан тридцати тысяч россиян и пяти тысяч шведов, нимало не готовых к бою, беспечных, сонных.

Шимон Богушович. Битва при Клушине. До 1620 г.

Он еще ждал усталых дружин и пушек; зажег плетни и треском огня, пламенем, дымом пробудил спящих. Изумленные внезапным явлением ляхов, Шуйский и Делагарди спешили устроить войско: конницу впереди, пехоту за нею, в кустарнике, – россиян и шведов особенно. Гетман с трубным звуком ударил вместе на тех и других: конница московская дрогнула; но подкрепленная новым войском, стеснила неприятеля в своих густых толпах, так что Жолкевский, стоя на холме, едва мог видеть хоругвь республики в облаках пыли и дыма. Шведы удержали стремление ляхов сильным залпом. Гетман пустил в дело запасные дружины; стреляя из всех пушек в шведов; напал на россиян сбоку – и победил. Конница наша, обратив тыл, смешала пехоту; шведы отступили к лесу; французы, немцы, англичане, шотландцы передались к ляхам.

Сделалось неописанное смятение. Все бежало без памяти: сто гнало тысячу. Князь Шуйский, Андрей Голицын и Мезецкий засели было в стане с пехотою и пушками; но узнав вероломство союзников, также бежали в лес, усыпая дорогу разными вещами драгоценными, чтобы прелестию добычи остановить неприятеля. Делагарди – в искренней горести, как пишут, – ни угрозами, ни молением не удержав своих от бесчестной измены, вступил в переговоры: дал слово гетману не помогать Василию и, захватив казну Шуйского, 5450 рублей деньгами и мехов на 7000 рублей, с генералом Горном и четырьмястами шведов удалился к Новугороду, жалуясь на малодушие россиян столько же, как и на мятежный дух англичан и французоз, письменно обещая царю новое вспоможение от короля шведского, а королю легкое завоевание северо-западной России для Швеции!

Но стыд союзников уменьшался стыдом россиян, которые, в бедственном ослеплении, жертвовали нелюбви к царю любовью к отечеству, не хотели мужествовать за мнимого убийцу Михайлова, думая, кажется, что победа ляхов губит только несчастного Василия, и гнусным бегством от врага слабого предали ему Россию. Без сомнения оказав ум необыкновенный, гетман хвалился числом своих и неприятелей, скромно уступал всю честь геройству сподвижников и всего искреннее славил ревность тушинских изменников, сына и друзей Михайла Салтыкова, которые находились в сей битве, действуя тайно, чрез лазутчиков, на царское войско. Не многие легли в деле: один знатный князь Яков Борятинский пал, сражаясь; воевода Бутурлин отдался в плен. Гораздо более кололи, секли и топтали россиян в погоне.

Одиннадцать пушек, несколько знамен, бархатная хоругвь князя Дмитрия Шуйского, его карета, шлем, меч и булава, также немало богатства, сукон, собелей, присланных царем для шведов, были трофеями и добычею ляхов. Несчастный князь Дмитрий скакал не оглядываясь, увязил коня в болоте, пеший достиг Можайска и, сказав гражданам, что все погибло, с сею вестью спешил к державному брату в столицу.

Деятельный гетман в тот же день возвратился к Займищу, где россияне, ночью, были пробуждены шумом и кликом: ляхи громогласно извещали их о следствиях клушинской битвы. Князь Елецкий и Волуев не хотели верить: гетман на рассвете показал им

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru царские знамена и пленников, требуя, чтобы они мирно сдались не ляхам, а новому царю своему, Владиславу, будто бы уже избранному знатною частью России. Елецкий и Волуев убеждали гетмана идти к Москве и начать с нею переговоры: им ответствовали: «Когда вы сдадитесь, то и Москва будет наша».

Волуев, более Елецкого властвуя над умами сподвижников, решил их недоумение: присягнул Владиславу, на условиях, заключенных Михайлом Салтыковым и клеветами его с Сигизмундом; другие также присягнули и вместе с ляхами, уже братьями, пошли к столице... Смелый в битвах, Жолкевский изъявил смелость и в важном деле государственном: он без указа королевского желал воцарить юного Владислава, по удостоверению изменников тушинских и собственному, что нет иного, лучшего, надежнейшего способа кончить сию войну с истинною славою и выгодой для республики! Гетман мирно занял Можайск и другие места окрестные именем королевича, везде гоня пред собою рассеянные остатки полков шуйского.

В одно время столица узнала о сем бедствии и читала воззвание Жолкевского к ее жителям, распространенное в ней деятельными единомышленниками Салтыкова. «Виною всех ваших зол, – писал гетман, – есть Шуйский: от него царство в крови и в пепле. Для одного ли человека гибнуть миллионам? Спасение пред вами: победоносное войско королевское и новый царь благодатный: да здравствует Владислав!»

Еще Василий, не изменяясь духом, верный твердости в злосчастьи, писал указы, чтобы из всех городов спешили к нему последние люди воинские, и в последний раз, для спасения царства; ободрял москвитян, давал деньги стрельцам; хотел писать к гетману, назначил гонца, но отменил, чтобы не унизиться бесполезно в таких обстоятельствах, когда не переговорами, а битвами надлежало спастись. Города не выслали в Москву ни одного воина: рязанский мятежник Ляпунов не велел им слушаться царя, вместе с князем Василием Голицыным крамольствуя и в столице, волнуемой отчаянием...

Грозы внешние еще умножились: явился и Лжедмитрий в поле с бесстыдным Сапегою, который за несколько тысяч рублей, доставленных ему из Калуги, снова обязался служить злодею. Они надеялись предупредить гетмана и взять Москву, думая, что она в смятении ужаса скорее сдастся дерзкому бродяге, нежели ляхам. Сей подлый неприятель еще казался опаснейшим царю: сведав, что союзники, вызванные им из гнезда разбоев, сыновья хана, уже близ Серпухова, Василий отрядил туда знатных мужей: князя Воротынского, Лыкова и чиновника Измайлова с дружиною детей боярских и с пушками, чтобы вести их против Самозванца; но крымцы, встретив его в Боровском уезде, после дела кровопролитного ушли назад в степи, а Воротынский и Лыков едва спаслись бегством в Москву.

В.К. Демидов. Предсмертный подвиг князя М.К. Волконского, сражающегося с ляхами в Пафнутьевском монастыре в Боровске в 1610 году. 1841 г.

Все кончилось для Василия! Снова торжествовал Самозванец; снова обратились к нему изменники и счастье. Сапегины ляхи осадили крепкий монастырь Пафнутиев, где начальствовали верный князь Михайло Волконский и два предателя: первый сражался как Герой; но младшие чиновники Змеев и Челищев впустили неприятеля. Волконский пал в сече над гробом Св. Пафнутия (оставив для веков память своей доблести в гербе Боровска), а ляхи наполнили ограду и церковь трупами иноков, стрельцов и жителей монастырских. Коломна, дотоле непоколебимая в верности, вдруг изменила, возмущенная сотником Бобыниным. Не слушая доброго епископа Иосифа, народ кричал, что Василию уже не быть царем и что лучше служить Димитрию, нежели Сигизмунду.

Воеводы коломенские, бояре князь Туренин и Долгорукий, в ужасе сами присягнули обманщику: также и воевода коширский князь Ромодановский вместе с гражданами. Едва уцелел и Зарайск, спасенный твердостью князя Пожарского: видя бунт жителей и не страшась ни угроз, ни смерти, он с усердною дружиною выгнал их из крепости и восстановил тишину договором, заключенным с ними, остаться верными Василию, если Василий останется царем, или служить царю новому, кого изберет Россия. В сем случае ревностным сподвижником князя Дмитрия был достойный протоиерей Никольский. Но усмирение Зарайска не отвратило губельного мятежа в столице.

Лжедмитрий спешил к Москве и расположился станом в селе Коломенском, памятном

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
первою славою юного князя Михаила, коего уже не имело отечество для надежды! Что мог предпринять царь злосчастный, победенный гетманом и Самозванцем, угрожаемый Ляпуновым и крамолою, малодушием и злоумыслием, без войска и любви народной? Рожденный не в век Катонов и Брутов, он мог предаться только в волю Божию: так и сделал, спокойно ожидая своего жребия и еще держась рукою за кормило государственное, хотя уже и бесполезное в час гибели; еще давал повеления, не внимаемые, не исполняемые, будучи уже более зрителем, нежели действителем с того времени, как узнали в Москве о бунте или неповиновении городов, видели под ее стенами знамена Лжедмитриевы и ежечасно ждали Сигизмундовых с гетманом.

Дворец опустел: улицы и площади кипели народом; все спрашивали друг у друга, что делается, и что делать? Ненавистники Василиевы уже громогласно требовали его свержения; кричали: «Он сел на престол без ведома земли Русской: для того земля разделилась; для того льется кровь христианская. Братья Василиевы ядом умертвили своего племянника, а нашего отца-защитника. Не хотим царя Василия!» Ни Самозванца, ни ляхов! – прибавляли многие, благороднейшие духом, следуя внушению Ляпунова Рязанского, брата его Захарии и князя Василия Голицына. Они превозмогли числом и знатностью единомышленников; гнушась Лжедмитрием, думали усювестить его клеветов, чтобы усилиться их союзом, и предложили им свидание. Еще люди чиновные окружали злодея тушинского: князя Сицкий и Засекин, дворяне Нагой, Сунбулов, Плещеев, дьяк Третьяков и другие. Съехались в поле, у Даниловского монастыря, как братья; мирно рассуждали о чрезвычайных обстоятельствах государства и вернейших средствах спасения; наконец взаимно дали клятву, москвитяне оставить Василия, изменники предать им Лжедмитрия, избрать вместе нового царя и выгнать ляхов.

Сей договор объявили столице брат Ляпунова и дворянин Хомутов, выехав с сонмом единомышленников на лобное место, где, кроме черни, находилось и множество людей сановных, лучших граждан, гостей и купцов: все громким кликом изъявили радость; все казались уверенными, что новый царь необходим для России. Но тут не было ни знатного духовенства, ни синклита: пошли в Кремль, взяли патриарха, бояр; вывели их к Серпуховским воротам, за Москву-рекою, и в виду неприятельского стана – указывая на разъезды Лжедмитриевой конницы и на Смоленскую дорогу, где всякое облако пыли грозило явлением гетмана, – предложили им избавить Россию от стыда и гибели, избавить Россию от Шуйского; соблюдали умеренность в речах: укоряли Василия только несчастием. Говорили, что «земля Северская и все бывшие слуги Лжедмитриевы немедленно возвратятся под сень отечества, как скоро не будет Шуйского, для них ненавистного и страшного; что государство бессильно только от разделения сил: соединится, усмирится... и враги исчезнут!»

Раздался один голос в пользу закона и царя злосчастного: Ермогенов; с жаром и твердостью патриарх изъяснил народу, что нет спасения, где нет благословения свыше; что измена царю есть злодейство, всегда казнимое Богом, и не избавит, а еще глубже погрузит Россию в бездну ужасов. Весьма немногие бояре, и весьма не твердо, стояли за Шуйского; самые его искренние и ближние уклонились, видя решительную общую волю; сам патриарх с горестию удалился, чтобы не быть свидетелем дела мятежного, – и сия народная Дума единодушно, единогласно приговорила:

«1) бить челом Василию, да оставит царство и да возьмет себе в удел Нижний-Новгород.

2) Уже никогда не возвращать ему престола, но блюсти жизнь его, царицы, братьев Василиевых.

3) Целовать крест всем миром в неизменной верности к церкви и государству для истребления их злодеев, ляхов и Лжедмитрия.

4) Всею землею выбрать в цари, кого Бог даст; а между тем управлять ею боярам, князю Мстиславскому с товарищами, коих власть и суд будут священны.

5) В сей думе верховной не сидеть Шуйским, ни князю Дмитрию, ни князю Ивану.

6) Всем забыть вражду личную, месть и злобу; всем помнить только Бога и Россию».

В действии беззаконном еще блистал призрак великодушия: щадили царя свергаемого и хотели умереть за отечество, за честь и независимость.

Послали к Василию, еще венценосцу, знатного боярина, его свояка, князя Ивана Воротынского, с главными крамольниками, Захарию Ляпуновым и другими, объявить ему приговор Думы. Дотоле тихий Кремлевский дворец наполнился людьми и шумом: ибо вслед за послами стремилось множество дерзких мятежников и любопытных. Василий ожидал их без трепета, вспоминая, может быть, невольно о таком же стремлении шумных сонмов под его собственным предводительством, к сему же дворцу, в день расстригиной гибели!.. Захария Ляпунов, увидев царя, сказал: «Василий Иоаннович! ты не умел царствовать: отдай же венец и скипетр».

Шуйский отвечив: «Как смеешь!»... и вынул нож из-за пояса. Наглый Ляпунов, великан ростом, силы необычайной, грозил ему своею тяжкою рукою... Другие хотели сладкоречием убедить царя к повиновению воле Божией и народной. Василий отвергнул все предложения, готовый умереть, но венценосцем, и волю мятежников, испровергающих закон, не признавая народной. Он уступил только насилию, и был, вместе с юною супругою [17 июля], перевезен из палат Кремлевских в старый дом свой, где ждал участи Борисова семейства, зная, что шаг с престола есть шаг к могиле.

В столице господствовало смятение, и скоро еще умножилось, когда народ сведал, что тушинские изменники обманули московских. Ляпунов и клеветы его немедленно объявили первым, в новом свидании с ними у монастыря Даниловского, что Шуйский сведен с престола и что Москва, вследствие договора, ждет от них связанного Лжедмитрия для казни. Тушинцы отвечивали: «Хвалим ваше дело. Вы свергнули царя незаконного: служите же истинному: да здравствует сын Иоаннов! Если вы клятвопреступники, то мы верны в обетах. Умрем за Димитрия!»

Достоинно осмеянные злодеями, москвитяне изумились. Сим часом думал еще воспользоваться Ермоген: вышел к народу, молил, заклинал снова возвести Василия на царство; но убеждениям доброго патриарха не внимали: страшились мести Василиевой и тем скорее хотели себя успокоить.

Всеми оставленный, многим ненавистный или противный, не многим жалкий, царь сидел под стражею в своем боярском доме, где за четыре года пред тем, в ночном совете знаменитейших россиян, им собранных и движимых, решилась гибель Отрепьева. Там, в следующее утро, явились Захария Ляпунов, князь Петр Засекин, несколько сановников с чудовскими иноками и священниками, с толпою людей вооруженных, и велели Шуйскому готовиться к пострижению, еще гнушаясь новым царевубийством и считая келию надежным преддверием гроба. «Нет! – сказал Василий с твердостью: – никогда не буду монахом» – и на угрозы отвечивал видом презрения; но смотря на многих известных ему москвитян, с умилением говорил им: «Вы некогда любили меня... и за что возненавидели? за казнь ли Отрепьева и клеветов его? Я хотел добра вам и России; наказывал единственно злодеев – и кого не миловал?»

Б.А. Чориков. Царь Василий Иванович Шуйский вступает в монашество. 1610 г.

Вопль Ляпунова и других неистовых заглушил речь трогательную. Читали молитвы пострижения, совершали обряд священный и не слышали уже ни единого слова от Василия: он безмолвствовал, и вместо его произносил страшные обеты монашества князь Туренин. Постригли и несчастную царицу, Марию, также безмолвную в обетах, но красноречивую в изъявлении любви к супругу: она рвалась к нему, стенала, называла его своим государем милым, царем великим народа недостойного, ее супругом законным и в рясе инока. Их разлучили силою: отвели Василия в монастырь Чудовский, Марию в Ивановский; двух братьев Василиевых заключили в их домах. Никто не противился насилию безбожному, кроме Ермогена: он торжественно молился за Шуйского в храмах, как за помазанника Божия, царя России, хотя и невольника; торжественно клял бунт и признавал иноком не Василия, а князя Туренина, который вместо его связал себя обетами монашества. Уважение к сану и лицу первосвященника давало смелость Ермогену, но бесполезную.

Так Москва поступила с венценосцем, который хотел снискать ее и России любовь подчинением своей воли закону, бережливостию государственною, беспристрастием в наградах, умеренностию в наказаниях, терпимостию общественной свободы, ревностию к гражданскому образованию – который не изумлялся в самых чрезвычайных бедствиях, оказывал неустрашимость в бунтах, готовность умереть верным

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru достоинству монаршему, и не был никогда столь знаменит, столь достоин престола, как свергаемый с оного изменою: влекомый в келию толпою злодеев, несчастный Шуйский являлся один истинно великодушным в мятежной столице... Но удивительная судьба его ни в унижении, ни в славе, еще не совершилась!

Доселе властвовала беспрекословно сторона Ляпуновых и Голицына, решительных противников и Шуйского, и Самозванца, и ляхов: она хотела своего царя – и в сем смысле Дума писала от имени синклита, людей приказных и воинских, стольников, стряпчих, дворян и детей боярских, гостей и купцов, ко всем областным воеводам и жителям, что Шуйский, вняв челобитью земли Русской, оставил государство и мир для спасения отечества; что Москва целовала крест не поддаваться ни Сигизмунду, ни злодею тушинскому; что все россияне должны восстать, устремиться к столице, сокрушить врагов и выбрать всею землею самодержца вождя.

В сем же смысле ответствовали бояре и гетману Жолкевскому, который, узнав в Можайске о Василиевом низвержении, объявил им грамотою, что идет защитить их в бедствиях. «Не требуем твоей защиты, – писали они: – не приближайся, или встретим тебя как неприятеля». Но Дума боярская, присвоив себе верховную власть, не могла утвердить ее в слабых руках своих, ни утишить всеобщей тревоги, ни обуздать мятежной черни. Самозванец грозил Москве нападением, гетман к ней приближался, народ вольничал, холопы не слушались господ, и многие люди чиновные, страшась быть жертвою безначалия и бунта, уходили из столицы, даже в стан к Лжедмитрию, единственно для безопасности личной. В сих обстоятельствах ужасных сторону Ляпуновых и Голицына превозмогла другая, менее благоприятная для народной гордости, хотя и менее лукавая: ибо ее главою был князь Федор Мстиславский, известный добродушием и верностию, чуждый властолюбия и козней.

В то время, когда Москва без царя, без устройства, всего более опасалась злодея тушинского и собственных злодеев, готовых душегубствовать и грабить в стенах ее, когда отечество смятенное не видало между своими ни одного человека, столь знаменитого родом и делами, чтобы оно могло возложить на него венец единодушно, с любовью и надеждою – когда измены и предательства в глазах народа унизили самых первых вельмож и два несчастные избрания доказали, сколь трудно бывшему подданному державствовать в России и бороться с завистью: тогда мысль искать государя вне отечества, как древние новгородцы искали князей в земле Варяжской, могла естественно представиться уму и добрых граждан.

Мстиславский, одушевленный чистым усердием – вероятно, после тайных совещаний с людьми важнейшими – торжественно объявил боярам, духовенству, всем чинам и гражданам, что для спасения царства должно вручить скипетр... Владиславу. Кто мог сам и не хотел быть венценосцем, того мнение и голос имели силу; имели оную и домогательства единомышленников Салтыкова, особенно Волуева, и наконец явные выгоды сего избрания. Жолкевский, грозный победитель, делался нам усердным другом, чтобы избавить Москву от злодеев: он писал о том (31 июля) к Думе боярской, вместе с Иваном Салтыковым и Волуевым, которые сообщили ей договор тушинских послов с Сигизмундом и новейший, заключенный гетманом в Цареве-Займище для целостности веры и государства.

Надеялись, что король пленится честью видеть сына монархом великой державы и дозволит ему переменить Закон, или Владислав юный, еще не твердый в догматах латинства, легко склонится к нашим и вопреки отцу, когда сядет на престол Московский, увидит необходимость единоверия для крепкого союза между царем и народом, возмужает в обычаях православия и, будучи уважаем как венценосец знаменитого державного племени, будет любим как истинный россиянин духом. Еще благородная гордость страшилась унижения взятъ невольню властителя от ляхов, молить их о спасении России и тем оказать ее постыдную слабость. Еще духовенство страшилось за веру, и патриарх убеждал бояр не жертвовать церкви никаким выгодам государственным: уже не имея средства возвратить венец Шуйскому, он предлагал им в цари или князя Василия Голицына или юного Михаила, сына Филаретова, внука первой супруги Иоанновой. Духовенство благоприятствовало Голицыну, народ Михаилу, любезному для него памяти Анастасии, добродетелию отца и даже тезоименитством с усопшим Героем России...

Так Ермоген бессмертный предвещал ей волю Небес! Но время еще не наступило – и гетман уже стоял под Москвою, на Сетуни, против Коломенского и Лжедмитрия: ни Голицын, крамольник в синклите и беглец на поле ратном, ни юноша, питомец келий, едва известный свету, не обещали спасения Москве, извне теснимой двумя неприятелями, внутри волнуемой мятежом; каждый час был дорог – и большинство

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
голосов в Думе, на самом лобном месте, решило: «Принять совет Мстиславского!»

Сигизмундов план-чертеж изображает Москву в пределах современного Садового кольца, ориентирован на запад. В верхних углах листа помещены гербы Сигизмунда III и Москвы, в правом нижнем углу – посвящение Сигизмунду III. Внизу по центру листа помещена компасная роза. 1610 г.

Немедленно послали к гетману спросить, друг ли он Москве или неприятель? «Желаю не крови вашей, а блага России, – отвечал Жолкевский: – предлагаю вам державство Владислава и гибель Самозванца». Дали взаимно аманатов: вступили в переговоры, на Девичьем поле, в шатре, где бояре, князя Мстиславский, Василий Голицын и Шереметев, окольный князь Мезецкий и дьяки думные Телепнев и Луговской с честью встретили гетмана, объявляя, что Россия готова признать Владислава царем, но с условиями, необходимыми для ее достоинства и спокойствия.

Дьяк Телепнев, развернув свиток, прочитал сии условия, столь важные, что гетман ни в каком случае не мог бы принять их без решительного согласия королевского: король же не только медлил дать ему наказ, но и не отвечал ни слова на все его донесения после Клушинского дела, заботясь единственно о взятии Смоленска и с гордостью являя гетмановы трофеи, знамена и пленников, Шеину непреклонному! Жолкевский, равно смелый и благоразумный, скрыв от бояр свое затруднение, спокойно рассуждал с ними о каждой статье предлагаемого договора: отвергал и соглашался королевским именем. Выслушав первое требование, чтобы Владислав крестился в нашу веру, он дал им надежду, но устранил обязательство, говоря: «да будет королевич царем, и тогда, внимая гласу совести и пользы государственной, может добровольно исполнить желание России». Устранил, до особенного Сигизмундова разрешения, и другие статьи:

«1) Владиславу не сноситься с папою о Законе.

2) Утвердить в России смертную казнь для всякого, кто оставит греческую веру для латинской.

3) Не иметь при себе более пятисот ляхов.

4) Соблюсти все титулы царские (следственно Государя Киевского и Ливонского) и жениться на россиянке».

Но все прочее, как согласное с договором Салтыкова и Волуева, было одобрено Жолкевским, хотя и не вдруг: ибо он с умыслом замедлял переговоры, тщетно ожидая вестей от короля; наконец уже не мог медлить, опасаясь нетерпения россиян и своих ляхов, готовых к бунту за невыдачу им жалованья, – и 17 августа подписал следующие достопамятные условия:

«1) Святейшему патриарху, всему духовенству и синклиту, дворянам и дьякам думным, стольникам, дворянам, стряпчим, жильцам и городским дворянам, головам стрелецким, приказным людям, детям боярским, гостям и купцам, стрельцам, козакам, пушкарям и всех чинов служивым и жилецким людям Московского государства бить челом великому государю Сигизмунду, да пожалует им сына своего, Владислава, в цари, коего все россияне единодушно желают, целуя святой крест с обетом служить верно ему и потомству его, как они служили прежним великим государям московским.

2) Королевичу Владиславу венчаться царским венцом и диадемою от святейшего патриарха и духовенства греческой церкви, как издревле венчались самодержцы российские.

3) Владиславу-царю блюсти и чтить святыя храмы, иконы и мощи целебные, патриарха и все духовенство; не отнимать имения и доходов у церквей и монастырей; в духовные и святительские дела не вступаться.

4) Не быть в России ни латинским, ни других исповеданий костелам и молебным храмам; не склонять никого в римскую, ни в другие веры, и жидам не въезжать для торговли в Московское государство.

- 5) Не переменять древних обычаев. Бояре и все чиновники, воинские и земские, будут, как и всегда, одни россияне; а польским и литовским людям не иметь ни мест, ни чинов: которые же из них останутся при государе, тем может он дать денежное жалованье или поместья, не стесняя чести московских, боярских и княжеских родов честию новых выходцев иноземных.
- 6) Жалованье, поместья и вотчины россиян неприкосновенны. Если же некоторые наделены сверх достоинства, а другие обижены, то советоваться государю с боярами и сделать, что уложат вместе.
- 7) Основанием гражданского правосудия быть Судебнику, коего нужное исправление и дополнение зависит от государя, Думы боярской и земской.
- 8) Уличенных государственных и гражданских преступников казнить единственно по осуждению царя с боярами и людьми думными; имение же казненных наследуют их невинные жены, дети и родственники. Без сего торжественного суда боярского никто не лишается ни жизни, ни свободы, ни чести.
- 9) кто умрет бездетен, того имение отдавать ближним его или кому он прикажет; а в случае недоумения решить такие дела государю с боярами.
- 10) Доходы государственные остаются прежние; а новых налогов не вводить государю без согласия бояр, и с их же согласия дать льготу областям, поместьям и вотчинам разоренным в сии времена смутные.
- 11) Земледельцам не переходить ни в Литву, ни в России от господина к господину, и всем крепостным людям быть навсегда такими.
- 12) Великому государю Сигизмунду, Польше и Литве утвердить с великим государем Владиславом и с Россиею мир и любовь навеки и стоять друг за друга против всех неприятелей.
- 13) Ни из России в Литву и Польшу, ни из Литвы и Польши в Россию не переводить жителей.
- 14) Торговле между обоими государствами быть свободною.
- 15) Королю уже не приступать к Смоленску и немедленно вывести войско из всех городов российских; а платеж из московской казны за убытки и на жалованье рати литовской и польской будет уставлен в договоре особенном.
- 16) Всех пленных освободить без выкупа, все обиды и насилия предать вечному забвению.
- 17) Гетману отвести Сапегу и других ляхов от Лжедмитрия, вместе с боярами взять меры для его истребления идти к Можайску, как скоро уже не будет сего злодея, и там ждать указа королевского.
- 18) Между тем стоять ему с войском у Девичьего монастыря и не пускать никого из своих людей в Москву, для нужных покупок, без дозволения бояр и без письменного вида.
- 19) Дочери воеводы Сендомирского, Марине, ехать в Польшу и не именоваться государынею Московскою.
- 20) Отправиться великим послам российским к государю Сигизмунду и бить челом, да крестится государь Владислав в веру греческую, и да будут приняты все иные условия, оставленные гетманом на разрешение его королевского величества».

Итак россияне, быв недовольны собственным желанием царя Василия умерить самодержавие, в четыре года переменили мысли и хотели еще более ограничить верховную власть, уделяя часть ее не только боярам, в правосудии и в налогах, но и Земской думе в гражданском законодательстве. Они боялись не самодержавия вообще (как увидим в истории 1613 года), но самодержавия в руках иноплеменного, еще иноверного монарха, избираемого в крайности, невольно и без любви, – и для того предписали ему условия, согласные с выгодами боярского властолюбия и с видами хитрого Жолкевского, который, любя вольность, не хотел приучить наследника Сигизмундова, будущего монарха польского, к беспредельной власти в

Утвердив договорную грамоту подписями и печатями – с одной стороны, Жолкевский и все его чиновники, а с другой, бояре – звали народ к присяге. Среди Девичьего поля, в сени двух шатров великолепных, стояли два алтаря, богато украшенные; вокруг алтарей духовенство, патриарх, святители, с иконами и крестами, за духовенством бояре и сановники, в одеждах блестящих серебром и золотом; далее бесчисленное множество людей, ряды конницы и пехоты, с распущенными знаменами, ляхи и россияне. Все было тихо и чинно. Гетман с своими воеводами вступил в шатер, приблизился к алтарю, положил на него руку и дал клятву в верном соблюдении условий, за короля и королевича, Республику Польскую и Великое княжество Литовское, за себя и войско.

Тут два архиерея, обратясь к боярам и чиновникам, сказали громогласно: «Волею святейшего патриарха, Ермогена, призываем вас к исполнению торжественного обряда: целуйте крест, вы, мужи думные, все чины и народ, в верности к царю и великому князю Владиславу Сигизмундовичу ныне благополучно избранному да будет Россия, со всеми ее жителями и достоянием, его наследственную державою!»

Раздался звук литавр и бубнов, гром пушечный и клик народный: «Многие лета государю Владиславу! Да царствует с победою, миром и счастьем!» Тогда началась присяга: бояре и сановники, дворянство и купечество, воины и граждане, числом не менее трехсот тысяч, как уверяют, целовали крест с видом усердия и благоговения. Тогда изменники прежние, Иван Салков, Волуев и клеветы их, ревностные участники и главные пособники договора, обнялись с москвитянами, уже как с братьями в общей измене Василию и в общем подданстве Владиславу!..

Гонцы от Думы боярской спешили во все города, объявить им нового царя, конец смятением и бедствиям; а гетман великолепным пиром в стане угостил знатнейших россиян и каждого из них одарил щедро, раздав им всю добычу Клушинской битвы, коней азиатских, богатые чаши, сабли, и не оставив ничего драгоценного ни у себя, ни у своих чиновников, в надежде на сокровища московские. Первый вельможа, князь Мстиславский, отплатил ему таким же роскошным пиром и такими же дарами богатыми.

А.М. Васнецов. Гонцы. Ранним утром в Кремле. 1913 г.

Одним словом, умный гетман достиг цели – и Владислав, хотя только Москвою избранный, без ведома других городов, и следственно незаконно, подобно Шуйскому, остался бы, как вероятно, царем России и переменял бы ее судьбу ослаблением самодержавия – и переменял бы тем, может быть, и судьбу Европы на многие веки, если бы отец не имел ум Жолкевского!

Но еще крест и Евангелие лежали на алтарях Девичьего поля, когда вручили гетману грамоту Сигизмундову, привезенную Федором Андроновым, печатником и думным дьяком, усердным слугою ляхов, изменником государства и православия: Сигизмунд писал к гетману, чтобы он занял Москву именем королевским, а не Владиславовым; о том же писал к нему и с другим, знатнейшим послом, Госевским. Гетман изумился. Торжественно заключить и бесстыдно нарушить условия; вместо юноши беспорочного и любезного представить России в венценосцы старого, коварного врага ее, виновника или питателя наших мятежей, известного ревнителя латинской веры и братства иезуитского; действовать одною силою с войском малочисленным против целого народа, ожесточенного бедствиями, озлобленного ляхами, казалось гетману более, нежели дерзостью – казалось безумием. Он решился исполнить договор, утаить волю королевскую от россиян и своих сподвижников, сделать требуемое честью и благом республики, вопреки Сигизмунду и в надежде склонить его к лучшей политике.

Согласно с договором, надлежало прежде всего отвлечь ляхов от Самозванца. Сей злодей думал ослепить Жолкевского разными льстивыми уверениями: клялся царским словом выдать королю 300 000 злотых и в течение десяти лет ежегодно платить республике столько же, а королевичу 100 000 – завоевать Ливонию для Польши и Швецию для Сигизмунда – не стоять и за Северскую землю, когда будет царем; но Жолкевский, известив Сапегу, что Россия есть уже царство Владислава, убеждал его присоединиться к войску республики, а бродягу упасть к ногам королевским, обещая ему за такое смирение Гродно или Самбор в удел. Послы гетмановы нашли

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinniko1ai.ru
Лжедмитрия в обители Угрешской, где жила Марина: выслушав их предложение, он сказал: «Хочу лучше жить в избе крестьянской, нежели милостию Сигизмундовою!»

Тут Марина вбежала в горницу; пылая гневом, злословила, поносила короля и с насмешкою промолвила: «Теперь слушайте мое предложение: пусть Сигизмунд уступит царю Димитрию Краков и возьмет от него, в знак милости, Варшаву!» Ляхи также гордились и не слушали гетмана, который, видя необходимость употребить силу, вместе с князем Мстиславским и пятнадцатью тысячами москвитян, выступил против своих мятежных единоплеменников. Уже начиналось и кровопролитие; но малочисленное и худое войско Лжедмитриево не могло обещать себе победы: Сапега выехал из рядов, снял шапку пред Жолкевским, дал ему руку в знак братства – и чрез несколько часов все усмирилось. Ляхи и россияне оставили Лжедмитрия: первые объявили себя до времени слугами республики; последние целовали крест Владиславу и между ими бояре князь Туренин и Долгорукий, воеводы коломенские; а Самозванец и Марина ночью (26 августа) ускакали верхом в Калугу, с атаманом Заруцким, с шайкою козаков, татар и россиян немногих.

Гетман действовал усердно: бояре усердно и прямодушно. Началось беспрекословно царствование Владислава в Москве и в других городах: в Коломне, Туле, Рязани, Твери, Владимире, Ярославле и далее. Молились в храмах за государя нового; все указы писались, все суды производились его именем; спешили изобразить оное на медалях и монетах. Многие радовались искренно, алкая тишины после таких мятежей бурных. Многие – и в их числе патриарх – скрывали горесть, не ожидая ничего доброго от ляхов. Всего более торжествовали старые изменники тушинские, первые имел мысль о Владиславе: Михайло Салтыков, князь Рубец-Мосальский и Федор Мещерский, дворяне Кологривов, Василий Юрьев, Молчанов, быв дотоле у Сигизмунда, явились в столице с видом лицемерного умиления, как бы великодушные изгнанники и страдальцы за любовь к отечеству, им возвращаемому милостию Божиею, их невинностию и добродетелию.

Они целою толпою пришли в храм Успения и требовали благословения от Ермогена, который, велел удалиться одному Молчанову, мнимому еретику и чародею, сказал другим: «Благословляю вас, если вы действительно хотите добра государству; но если вы ляхи душою, лукавствуете и замышляете гибель православия, то клянусь именем церкви». Обливаясь слезами, Михайло Салтыков уверял, что государство и православие спасены навеки – уверял, может быть, непритворно, желая, чего желала столица вместе с знатною частию России: Владислава царствования на заключенных условиях. Сам гетман не имел иной мысли, ежедневными письмами убеждая Сигизмунда не разрушать дела, счастливо совершенного добрым Гением республики, а бояр московских пленя изображением золотого века России под державою венценосца юного, любезного, готового внимать их мудрым наставлениям и быть сильным единственно силою закона. Жолкевский не хотел явно властвовать над Думою, довольствуясь единственно внушениями и советами. Так он доказывал ей необходимость изгладить в сердцах память минувшего общим примирением, забыть вину клеветников Самозванца, оставить им чины и дать все выгоды россиян беспорочных.

Бояре не согласились, отвечая: «Возможно ли слугам обманщика равняться с нами?..» И сделали неблагоприятно, как мыслил Жолкевский: ибо многие из сих людей, оскорбленные презрением, снова ушли к Самозванцу в Калугу. Но гетман умел выслать из Москвы двух человек, опасаясь их знаменитости и тайного неудовольствия: князя Василия Голицына, одобренного духовенством искателя державы, и Филарета, коего сыну желали венца народ и лучшие граждане: оба, как устроил гетман, должны были в качестве великих послов ехать к Сигизмунду, чтобы вручить ему хартию Владислава избрания, а Владиславу утварь царскую, – требовать их согласия на статьи договора, не решенные гетманом, и между тем служить королю аманатами; ответственность своею головою за верность россиян! Товарищами Филарета и Голицына были окольный князь Мезецкий, думный дворянин Сукин, дьяки Луговский и Сыдавный-Васильев, архимандрит Новоспасский Евфимий, келарь лавры Авраамий, угрешский игумен Иона и Вознесенский протоиерей Кирилл.

Медаль Сигизмунда III, выпущенная в память о взятии Смоленска в 1611 году

Отпев молебен с коленопреклонением в соборе Успенском, дав послам благословение на путь и грамоту к юному Владиславу о величии и православии России, Ермоген

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
заклинал их не изменять церкви, не пленяться мирскою лестию – и ревностный Филарет с жаром произнес обет умереть верным. Сие важное, великолепное посольство, сопровождаемое множеством людей чиновных и пятьюстами воинских, выехало одиннадцатого сентября из Москвы... А чрез десять дней ляхи были уже в стенах Кремлевских!

Таким образом случилось первое нарушение договора, по коему надлежало гетману отступить к Можайску. Употребили лукавство. Опасаясь непостоянства россиян и желая скорее иметь все в руках своих, гетман склонил не только Михаила Салтыкова с тушинскими изменниками, но и Мстиславского, и других бояр легкоумных, хотя и честных, требовать вступления ляхов в Москву для усмирения мятежной черни, будто бы готовый призвать Лжедмитрия. Не слушали ни патриарха, ни вельмож благоразумнейших, еще ревностных к государственной независимости. Впустили иноземцев ночью; велели им свернуть знамена, идти безмолвно в тишине пустых улиц, – и жители на рассвете увидели себя как бы пленниками между воинами королевскими: изумились, негодовали, однако ж успокоились, веря торжественному объявлению Думы, что ляхи будут у них не господствовать, а служить: хранить жизнь и достояние Владиславовых подданных.

Сии мнимые хранители заняли все укрепления, башни, ворота в Кремле, Китае и Белом городе; овладели пушками и снарядами, расположились в палатах царских и в лучших домах целыми дружинами для безопасности. По крайней мере не дерзали своевольствовать, ни грабить, ни оскорблять жителей; избрали чиновников, для доставления запасов войску, и судей, для разбора всяких жалоб. Гетман властвовал, но только указами Думы; изъяснял снисходительность к народу, честил бояр и духовенство. Дворец Кремлевский, где пили и веселились сонмы иноплеменных ратников, уподоблялся шумной гостинице; Кремлевский дом Борисов, занятый Жолкевским, представлял благолепие истинного дворца, ежечасно наполняясь, как в Феодорово время, знатнейшими россиянами, которые искали там совета в делах отечества и милостей личных: так гетман именем царя Владислава дал первому боярину, князю Мстиславскому, не хотевшему быть венценосцем, сан конюшего и слуги. Утратив честь, хвалились тишиною, даром умного Жолкевского!

Довольные тем, что он не впустил Сапеги с шайками разбойников в столицу, выдав ему из царской казны 10 000 злотых и склонив его идти на зиму в Северскую землю, россияне спокойно видели несчастного Василия в руках ляхов: вопреки намерению бояр удалить сего невольного инока в Соловки, гетман послал его с литовскими приставами в Иосифовскую обитель, чтобы иметь в нем залог на всякий случай. Россияне снесли также избрание ляха Госевского в предводители осьмнадцати тысяч московских стрельцов, которые со времен расстриги, едва не спасенного ими, уже чувствовали свою силу и могли быть опасны для иноплеменников: Госевский снискал их любовь ласкою, щедростию и пирами. «Упорствовал в зложелательстве к нам, – пишут ляхи, – только осьмидесятилетний патриарх, боясь государя иноверного; но и его, уже хладное, загрубелое сердце смягчалось приветливостию и любезным обхождением гетмана, в частых с ним беседах всегда хвалившего греческую веру, так что и патриарх казался наконец искренним ему другом». Ермоген был другом единственно отечества и в глубокой старости еще пылал духом, как увидим скоро!

Утвердив спокойствие в Москве и заняв отрядами все города Смоленской дороги для безопасного сношения с королем, гетман ждал нетерпеливо вестей из его стана; ждал согласия души слабой на дело смелое, великое – и решительно уверял бояр в немедленном прибытии к ним Владислава... Но Судьба, благословенная для России, влекла ее к другому назначению, готовя ей новые искушения и новые имена для бессмертия!

Как несчастный царь Василий с своими братьями завидовал князю Михаилу Шуйскому, так Сигизмунд с своими панами завидовал гетману, хотя слава обоих великих мужей была славою их отечества и государя: ослепление страстей, удивительное для разума, и тем не менее обыкновенное в действиях человеческих! Недоброжелатели гетмановы, Потоцкие и друзья их, говорили королю: «Не успехи случайные, но правила твердые, внушаемые зрелою мудростию, должны быть нам руководством в деле столь важном. Извлекая меч, ты, государь, объявил, что думаешь единственно о благе республики: теперь, имея случай распространить ее владения, можешь ли упустить его только для чести видеть сына на престоле Московском? Отдашь ли пятнадцатилетнего юношу, без советников и блюстителей, в руки людей, упоенных духом мятежа и крамолы? Что ответствует за их верность и безопасность сего престола, обливающего кровию? Не скажет ли народ твой, ревнитель свободы, что ты пленяешься властию самодержавною? Если же царство Российское столь завидно, то,

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
взяв Смоленск, иди в Москву и собственною рукою, как победитель, возьми ее державу!»

Хотя рассудительные вельможи, Лев Сапега и другие, умоляли короля немедленно принять договор гетманов, немедленно отпустить Владислава в Москву, дать ему Жолкевского в наставники и легион поляков в блюстители, обогатить казну республики казною царскою, удовлетворить ею всем требованиям войска, – наконец утвердить вечный союз Литвы с Россиею; но король следовал мнению первых советников: хотел сам быть царем или завоевателем России – и в сем расположении ждал послов московских, Филарета и Голицына, коих личное избрание – то есть удаление – должно было содействовать видам хитрого гетмана, но обратилось единственно во славу их великодушной твердости, без пользы для Литвы, без пользы и для России, кроме чести иметь таких мужей государственных!

Менее других веря гетману, или Сигизмунду, они еще с дороги известили Думу, что вопреки условиям ляхи грабят в уездах Осташкова, Ржева и Зубцова; что Сигизмунд велит дворянам российским присягать ему и Владиславу вместе, обещая им за то жалованье и земли.

7 октября послы увидели Смоленск и стан королевский, куда их не впустили: указали им место на пустом берегу Днепра, где они расположились в шатрах терпеть ненастье, холод и голод... Те, которые предлагали царство Владиславу, требовали пищи от Сигизмунда, жалуясь на бедность, следствие долговременных опустошений и мятежей в России; а вельможи литовские отвечали: «Король здесь на войне и сам терпит нужду!» Представленные Сигизмунду (12 октября), Голицын, Мезецкий и дьяки, – один за другим, как обыкновенно – торжественными речами изъяснили вину своего посольства и, сказав, что Шуйский добровольно оставил царство, именем России били челом о Владиславе. Вместо короля гордо отвечивал канцлер Сапега: «Всеблагый Бог богов назначил степени для монархов и подданных. Кто дерзает возноситься выше своего звания, того он казнит и низвергает: казнил Годунова и низвергнул Шуйского, венценосцев, рожденных слугами!.. Вы узнаете волю королевскую». И чрез несколько дней объявили им сию волю!

Как ни важны были статьи договора, устранившиеся Жолкевским; хотя патриарх и бояре в наказе, данном послам, велели им неотступно «требовать и молить слезно, чтобы королевич – находившийся тогда в Литве – принял греческую веру от Филарета и смоленского епископа, ехал в Москву уже православный и тем отвратил соблазн, нетерпимый и в Польше, где государи должны быть всегда одной веры с народом»: но царствование Владислава зависело единственно от согласия королевского на статьи, утвержденные гетманом: ибо россияне целовали крест первому без всякой оговорки, довольствуясь надеждою склонить его к своему Закону уже в царском сане. Главным делом для послов было возвратиться в Москву с Владиславом, дать отца сиротам, жизнь, душу составу государственному, полумертвому без государя... И что же? Вельможи королевские объявили им в самом начале переговоров, что Владислав малолетний не может устроить царства смятенного; что Сигизмунд должен прежде утишить оное и занять Смоленск, будто бы преклонный к Лжедмитрию. Послы отвечали: «Королевич молод, но Бог устроит державу разумом его и счастьем, нашим радением и вашими советами, вельможи думные. Смоленск не имеет нужды в войнах иноземных: оказав столько верности во времена самые бедственные, столько доблести в защите против вас, изменит ли чести ныне, чтобы служить бродяге? Ручаемся вам душами за боярина Шеина и граждан: они искренне, вместе с Россиею, присягнут Владиславу».

«Для чего же и не Сигизмунду? – возразили паны: – государи суть земные Боги, и воля их священна. Вы оскорбляете короля своим недоверием, дерзая разделять отца с сыном: Смоленск должен присягнуть им обоим». Филарет и Голицын изумились. «Мы избрали Владислава, а не Сигизмунда, – сказали они. – И вы, избрав шведского принца в короли, не целовали креста родителю его, Иоанну».

«Сравнение нелепое! – воскликнули паны. – Иоанн не спасал нашей республики, как Сигизмунд спасает Россию: ибо, взяв Смоленск, древнюю собственность Литвы, пойдет с войском к Калуге, чтобы истребить Лжедмитрия и тем успокоить Москву, где еще не все жители усердствуют королевичу, – где много людей зломысленных и мятежных».

«Нет надобности Сигизмунду, – говорили послы, – и для великого монарха унижительно идти самому против злодея калужского: пусть велит только Жолкевскому соединиться с россиянами, чтобы общими силами истребить его, как уставлено в

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
договоре! Поход королевский внутрь государства разоренного еще умножил бы зло. Ты, Лев Сапега, бывал в России; знал ее богатство, многолюдство, цветущие города и селения: ныне осталась единственно тень их, пепелища, обгорелые стены; жители изгнаны, отведены пленниками в Литву, разбежались в иные земли... А кто виновен? Ваши грабители еще более, нежели самозванцы: да удалятся же навеки, и Россия будет, что была, – по крайней мере в течение времени. Гнусный Лжедмитрий и без вашего содействия исчезнет. Упорнейшие из клеветников тушинских и целые города, обольщенные именем Димитрия, возвратились под сень отечества, как скоро услышали о новом царе законном. Вы говорите о московских мятежниках: их не знаем, видев собственными глазами, что все, от мала до велика, и там и в других городах целовали крест Владиславу с живейшею радостью. Нет, синклит и народ немедленно казнили бы первого, кто дерзнул бы изменить святому обету верности. Одним словом, исполните только договор, утвержденный клятвою гетмана от имени короля и республики. Дело было кончено, к обоюдному удовольствию: не вымышляйте нового, чтобы нашедши не потерять и не каяться. В случае вероломства какие откроются бедствия! Вы знаете, что государство Московское обширно: еще не все разрушено, не все пало; есть Новгород Великий, многолюдная земля Поморская и Низовая; есть царство Казанское, Астраханское и Сибирское! Не снесут обмана и восстанут... Господь да спасет и вас и нас от следствий ужасных!»

Послы велели дьяку читать гетмановы условия: паны не хотели слушать; но вдруг как бы одумались и, ссылаясь на сей договор, требовали миллионов в уплату жалованья королевскому и даже Сапегину войску. «За то ли, – спросил Голицын, – что Сапега, клеветник низкого злодея, обнажил наши церкви, иконы, гробы Святых и пил кровь христиан? Да и войско королевское что сделало и делает в России? Губит людей и достояние; какое право на мзду и благодарность? Но когда успокоится держава, тогда царь Владислав, патриарх, бояре и чины государственные условятся с Сигизмундом о вознаграждении ваших убытков. Договор помним; хотели напомнить его вам и спрашиваем: дает ли король сына на престол Московский?»... Жалуется, сказали наконец паны (октября 23). Тут Филарет, Голицын, Мезецкий встали и поклонились до земли, изъявляя радость, славя мудрость Сигизмундову и счастливое царствование Владислава; а Лев Сапега в ответ на статьи, не решенные гетманом, объявил королевским именем:

- 1) что в крещении и женитьбе Владислава волен Бог и Владислав;
- 2) что он не будет сноситься о вере с папою;
- 3) что смертная казнь для отступников греческого исповедания в России утверждается;
- 4) что о числе ляхов, коим быть при особе царя, послы могут условиться с ним самим;
- 5) что все иные желанья и требования россиян предложатся сейму в Варшаве, где, с его согласия, король даст им сына в цари, но прежде заняв Смоленск, истребив Лжедмитрия и совершенно умирив Россию...

Тут исчезла радость послов! Паны изъясняли им, что если бы Сигизмунд, не сделав ничего, выступил из России, то вольные ляхи и козаки, числом не менее восьмидесяти тысяч в ее пределах, соединились бы с Лжедмитрием; что король хочет Смоленска не для себя, а для Владислава: ибо оставит ему все в наследство, и Литву и Польшу; что смоленские граждане должны присягнуть королю единственно из чести! Но Филарет и Голицын, видя намерение Сигизмунда только манить Россию Владиславом и взять ее себе в добычу или раздробить, выразили негодование столь сильно, что гневные папы уже не хотели говорить с ними, воскликнув: «Конец терпению и Смоленску! На вас будет его пепел и кровь жителей!»

О сем худом успехе посольства свести в Москве с равною горестию и бояре благонамеренные и гетман честолюбивый, который, все еще уверяя их в непрременном исполнении своего договора, решился употребить крайнее средство: оставить Москву, только им утишаемую, и лично объясниться с королем. Сами россияне удерживали, заклинали его не предавать столицы опасностям безначалия и мятежей. Пожав руку у князя Мстиславского, он сказал ему: «Еду довершить мое дело и спокойствие России»; а ляхам: «Я дал слово боярам, что вы будете вести себя примерно для вашей собственной безопасности; поручаю вам царство Владислава, честь и славу республики».

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
Преемникам его, то есть истинным градоначальникам Москвы, надлежало быть ляху Госевскому, с усердной помощью Михаила Салтыкова и дьяка Федора Андропова, названного государственным казначеем. Устроив все для хранения тишины, Жолкевский сел в колесницу и тихо ехал Москвою, провождаемый синклитом и толпами жителей. Улицы и кровли домов были наполнены людьми. Везде раздавались громкие клики: желали ему счастливого пути и скорого возвращения! Сие торжество гетманово ознаменовалось делом бесславнейшим для Боярской думы: она выдала бывшего царя своего иноплеменнику!

Жолкевский взял с собою двух братьев Василиевых – и народ московский любопытно смотрел, как их везли в особенных колесницах пред гетманом! Жене князя Дмитрия Шуйского дозволили ехать с мужем; а несчастную царицу удалили в Суздальскую девичью обитель. Гетман заехал в Иосифов монастырь, взял там самого Василия и в мирской, литовской одежде, как узника, повез к Сигизмунду! «О время стыда и бесчувствия! – восклицает современник. – Мы забыли Бога! Какой ответ дадим ему и людям? Что скажем чужим государствам себе в оправдание, самовольно отдав царство и царя в плен иноверным? Не многие злодействовали; но мы видели и терпели, не имея великодушия умереть за добродетель».

Ян Матейко. Представление пленного царя Василия Шуйского Сенату и Сигизмунду II в Варшаве в 1611 году

Так лучшие россияне скорбели внутренно и в искреннем негодовании готовились, еще не зная и не думая, к восстанию отчаянному: час приближался!

Гетмана встретили пышно воеводы королевские и сенаторы; говорили ему речи и славили его как Героя. Жолкевский, вместе с трофеями, представил Сигизмунду и своего державного пленника в богатой одежде. Все взоры устремились на Василия, безмолвного и неподвижного. Хотели, чтобы он поклонился королю: Царь московский, ответствен за Василия, не кланяется королям. Судьбами Всевышняго я пленник, но взят не вашими руками: выдан вам моими подданными изменниками. «Его твердость, величие, разум заслужили удивление ляхов, – говорит летописец. – И Василий, лишенный венца, сделался честью России».

Он еще имел нужду в сей твердости, чтобы великодушно сносить неволю, и тем заплатить последний долг отечеству в удостоверение, что оно могло без стыда именовать его четыре года своим венценосцем!.. Изъявив гетману благодарность за мнимую славу иметь такого пленника и за мнимое взятие Москвы, король не хотел однако ж утвердить его договора. Напрасно Жолкевский доказывал, грозил: доказывал, что воцарением королевича Московская и Польская держава будут навеки единою к их обоюдному счастью и что никогда первая не признает Сигизмунда царем; грозил новою, жестокою, необозримою в бедствиях войною. Считая гетмана пристрастным к своему делу и жадным к личной славе, Сигизмунд не верил ему; твердил, что занятие Смоленска необходимо для блага республики и для его королевской чести; наконец велел самому Жолкевскому склонять послов московских к уступчивости миролюбивой.

С отчаянием в сердце гетман должен был исполнить королевскую волю; но, властвуя над собою, в переговорах с Филаретом и Голицыным казался убежденным в ее справедливости, и требовал от них Смоленска единственно в залог временный, для безопасного сообщения войска Сигизмундова с Литвою. «Вы боялись, – сказал он, – впустить нас и в Москву; а впустив, радовались! Не упорствуйте, или договор, заключенный мною с вами, столь благонамеренный, столь благословенный для обеих держав, уничтожится неминуемо. Король думает, что не взять Смоленска есть для него бесчестие; возьмет силою и только из уважения к моему ходатайству медлит: секира лежит у корня!»

Не хотели дать времени послам списаться с Москвою, говоря: «Не Москва указывает королю, а король Москве»; требовали неукоснительного решения. В сих обстоятельствах Филарет и князь Голицын советовались с чиновниками и дворянами посольскими; желали знать мнение и смоленских детей боярских, которые приехали с ними, усердно служив Шуйскому до его низвержения. Все ответствовали: «Не вводить в Смоленск ни единого ляха. Если король дерзнет лить кровь, то она будет на нем, вероломном; им, не вами священный договор рушится».

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinniko1ai.ru
Дети боярские примолвили: «Наши матери и жены в Смоленске: пусть там гибнут; но города верного не отдавайте ляхам. И знайте, что вы не можете отдать его: защитники смоленские не послушаются вас как изменников».

С твердостью отказав панам, Филарет и Голицын еще слезно заклинали их не испровергать дела гетманова и быть навеки братьями россиян; но тщетно!

Т. Маковский. Станислав Жолкевский показывает на варшавском сейме 1611 года царя Василия Шуйского. 1613 г. Гравюра с картины Т. Долабелла

21 ноября ляхи, новым подкопом взорвав Грановитую башню и часть городской стены, с немцами и козаками устремились к смоленской крепости; приступали три раза и были славно отражены Шеиным, в глазах Сигизмунда, гетмана и наших послов!.. Еще переговоры длились, хотя и бесполезно. Послы российские жили в тесном заключении: им не дозволяли писать в Смоленск; мешали сношениям их с Москвою и с другими городами, так что они долгое время не имели никаких вестей, никаких предписаний от Думы боярской, слыша единственно от панов, что шведы воюют Россию, и Самозванец усиливается в Калуге, ожидая к себе крымцев и турков в сподвижники; что король датский готовится взять Архангельск; что все восстают, все идут на Россию; что она гибнет и может быть спасена только великодушным Сигизмундом.

Россия действительно гибла и могла быть спасена только Богом и собственной добродетелию! Столица, без осады, без приступа взятая иноплемениками, казалась нечувствительною к своему уничтожению и стыду. Бояре сидели в Думе и писали указы, но слушаясь Госевского, который, уже зная Сигизмундову волю отвергнуть договор гетманов и предвидя следствия, употреблял все нужные меры для своей безопасности: высылал стрельцов из Москвы, чтобы уменьшить в ней число людей ратных; велел истребить все рогатки на улицах; запретил жителям носить оружие, толпиться на площадях, выходить ночью из домов и везде усилил стражу.

Выгнали дворян и богатейших купцов из Китая и Белого города за вал деревянного, чтобы в их домах поместить немцев и ляхов. Однако ж благоразумные предписания гетмановы исполнялись строго: не касались ни чести, ни собственности жителей, ни святыни церквей; наглость унимали и наказывали без милосердия. Один лях выстрелил в икону Богоматери, другой обесчестил девицу: их судили и первого сожгли, а второго высекли кнутом. Еще тишина царствовала, и москвитяне пировали с ляхами, скрывая взаимное опасение и неприязнь, называясь братьями и нося камень за пазухою, как говорит историк-очевидец.

Ляхи не верили терпению россиян, а россияне доброму намерению ляхов, видя их незаконное господство в столице, угодное только немногим знатным крамольникам: Салтыкову, Рубцу-Мосальскому и другим тушинским злодеям, которые хотя и предлагали иноплеменику условия благовидные для нашей свободы, но вместо Владислава готовы были отдать Россию и Сигизмунду без всяких условий, чтобы под его державою спастись от праведной казни. Сильные мечом ляхов, они законодательствовали в робкой Думе, утверждая князя Мстиславского и других бояр слабых в надежде, что Сигизмунд даст им сына в цари, невзирая на свою медленность и требования несправедливые. Прошло около двух месяцев. Дума знала, что наши послы живут у короля в неволе; знала о приступе ляхов к Смоленску и все еще ждала Владислава!

Долго молчал, король написал к ней, что он не продаст России в жертву злодею калужскому и гнусным его сообщникам: должен искоренить их, смирить мятежный Смоленск – и тогда возвратится в Литву, чтобы на сейме, в присутствии наших послов, утвердить договор московский. Между тем король от собственного имени давал указы Думе о вознаграждении бояр и сановников, к нему усердных: Салтыковых, Мосальского, Хворостина, Мещерского, Долгорукого, Молчанова, печатника Грамотина и других, разоренных Шуйским: жаловал чины и места, земли и деньги; одним словом, уже действовал как властелин России, не имея ни тени права, – и Дума уважала его волю, как будто бы нераздельную с волею царя малолетнего! И люди знатные ездили из Москвы в стан королевский просить милостей, равно незаконных и срамных!.. Уже народ, менее Думы терпеливый, изъявлял досаду, не видя Владислава, и бояре, опасаясь мятежа, заклинали Сигизмунда удовлетворить сему нетерпению без отлагательства и без сейма: о

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinniko1ai.ru
Владиславе не было слуха, а король заботился единственно о взятии Смоленска!

В таком положении могла ли столица с ее мнимым правительством быть главою и душою государства? Все волновалось в неустройстве, без связи в частях целого, без единства в движениях. Областные жители, присягнув королевичу, с неудовольствием слышали о господстве ляхов в столице, с негодованием видели их чиновников, разосланных гетманом и Госевским для собрания дани на жалованье королевскому войску. Везде кричали: «Мы присягали Владиславу, а не гетману и не Госевскому!»

Жалобы еще удвоились от неистовства ляхов, которые вели себя благоразумно в одной Москве: презирая договор, они не только не выходили из наших городов, не только самовольствовали в них и грабили, но и жгли, мучили, убивали россиян. Где нет защиты от правительства, там нет к нему и повиновения.

Новгородцы затворили ворота и долго не хотели впустить боярина Ивана Салтыкова, известного друга гетманова, присланного к ним Думою с дружинами стрельцов, чтобы выгнать шведов из северной России: ибо союзник Делагарди, после несчастной Клушинской битвы отступая к финляндским границам, уже действовал как неприятель; занял Ладогу, осадил Кексгольм и с горстиею воинов мыслил отнять царство у Владислава, сам собою, без ведома Карлова, торжественно предлагая одного из шведских принцев нам в государи.

Дав клятву новгородцам не вводить к ним ни одного ляха, Салтыков убедил их, как подданных Владиславовых, содействовать ему в изгнании шведов и в усмирении мятежников: вытеснил первых из Ладоги, но не мог выгнать из России, – ни смирить Пскова, где еще царствовало имя Лжедмитрия, и где злодействовал Лисовский, торгуя добычею разбоев и святотатства, пируя с жителями как с братьями и грабя их как неприятель. Великие Луки, занятые его сподвижником, изменником Просовецким, Яма, Иваньгород, Копорье, Орешек также упорствовали в верности к Самозванцу, от ненависти к ляхам. Сия ненависть произвела тогда еще новую, разительную измену. Знаменитая именем царства, Казань, в счастливейшие дни тушинского злодея быв верною Москве, вдруг пристала к нему, уже почти всеми отверженному и презренному! Ее чернь и граждане, сведав о вступлении гетмана в столицу, возмутились; объявили, что лучше хотят служить калужскому царю, нежели зловерной Литве, и целовали крест Лжедмитрию, следуя внушению лазутчиков и слуг его, которые были им тогда посланы в Астрахань и находились в Казани.

Воевода, славный любимец Иоаннов, Бельский, уговаривал народ не присягать ни Владиславу, ни Лжедмитрию, а будущему венценосцу московскому, без имени; стыдил, заклинал – и был жертвою яростной черни, подстрекаемой дьяком Шульгиным: Бельского схватили, кинули с высокой башни и растерзали – того, кто служил шести царям, не служа ни отечеству, ни добродетели; лукавствовал, изменял... и погиб в лучший час своей государственной жизни как страдалец за достоинство народа российского! Другой воевода казанский, боярин Морозов, и люди чиновные не дерзнули противиться ослепленным гражданам и вместе с ними писали к жителям северных областей, что Москва сделалась Литвою, а Калуга столицей отечества; что имя Дмитрия должно соединить всех истинных россиян для восстановления государства и церкви. Но казанцы присягнули уже тени!

Никем не тревожимый в Калуге и до времени нужный Сигизмунду как пугалище для Москвы, Самозванец, имея тысяч пять козаков, татар и россиян, еще грозил и Москве и Сигизмунду, мучил ляхов, захватываемых его шайками в разъездах, и говорил: «Христиане мне изменили: итак, обращаюсь к магометанам; с ними завуюю Россию или не оставлю в ней камня на камне: доколе я жив, ей не знать покоя». Он думал, как пишут, удалиться в Астрахань, призвать к себе всех донцов и ногаев, основать там новую державу и заключить братский союз с турками! Между тем веселился, безумствовал и, хваляся дружбою магометан, то ласкал, то казнил их, на свою гибель. Судьба его решилась незапно.

Хан или царь касимовский Ураз-Магмет во время Лжедмитриева бегства из Тушина не пристал ни к ляхам, ни к россиянам и с новым усердием явился к нему в Калуге: но сын ханский донес, что отец его мыслит тайно уехать в Москву, – и Лжедмитрий, без всякого исследования, велел палачам своим Михайлу Бутурлину и Михневу умертвить несчастного Ураз-Магмета и кинуть в Оку; а князя ногайского Петра Араслана Урусова, хотевшего мстить сыну-клеветнику посадил в темницу. Чрез несколько дней освобожденный и снова ласкаемый Самозванцем, Араслан уже пылал злобою непримиримую и, выехав с ним на охоту (декабря 11), в месте уединенном

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru прострелил его насквозь пулею, сказав: «Я научу тебя топить ханов и сажать мурз в темницу», отсек ему голову и с ногами ушел в Тавриду, прославив себя злодейским истреблением злодея, который едва не овладел обширнейшим царством в мире, к стыду России не имев ничего, кроме подлой души и безумной дерзости.

С вестию о сем убийстве прискакал в Калугу шут Лжедмитриев, Кошелев, быв свидетелем оною. Сделалось страшное смятение. Ударили в набат. Марина отчаянная, полунагая, ночью с зажженным факелом бегала из улицы в улицу, требуя мести – и к утру не осталось ни единого татарина живого в Калуге: их всех, хотя и невинных в Араслановом деле, безжалостно умертвили козаки и граждане. Обезглавленный труп Лжедмитриев с честью предали земле в Соборной церкви, и Марина, в отчаянии не теряя ни ума, ни властолюбия, немедленно объявила себя беременною; немедленно и родила... сына, торжественно крещенного и названного царевичем Иоанном, к живейшему удовольствию народа.

Готовился новый обман, но россияне чиновные, которые еще находились между последними клеветами Самозванца: князь Дмитрий Трубецкой, Черкасский, Бутурлин, Микулин и другие, уже не хотели служить ни срамной вдове двух обманщиков, ни ее сыну, действительному или мнимому; целовали крест государю законному, тому, кто волю Божию и всенародно утвердится на Московском престоле; дали знать о сем Думе боярской; овладели Калугою и взяли Марину под стражу.

Россия, казалось, ждала только сего происшествия, чтобы единоклассным движением явить себя еще не мертвою для чувств благородных: любви к отечеству и к независимости государственной. Что может народ в крайности уничижения без вождей смелых и решительных? Два мужа, избранные Провидением начать великое дело... и быть жертвою оною, бодрствовали за Россию: один старец ветхий, но адамант церкви и государства – патриарх Ермоген; другой, крепкий мышцею и духом, стремительный на пути закона и беззакония – Ляпунов Рязанский.

Первому надлежало увенчать свою добродетель: второму примириться с добродетелию. Ляпунов враждовал, Ермоген усердствовал несчастному Шуйскому: новые бедствия отечества согласили их. Оба, уступив силе, признали Владислава, но с условием – и не безмолвствовали, когда, нарушая договор, гетман овладел столицею. Сигизмунд давал указы от своего имени и громил Смоленск, а ляхи злодействовали в мнимом Владиславовом царстве.

Ляпунов знал все, что делалось в королевском стане, где находился его брат в числе дворян с Филаретом и Голицыным. Сей человек дерзкий и лукавый – известный Захария, один из главных виновников Василиева низвержения, в личине изменника пирувал с вельможными панами, грубо смеялся над послами, винил их в упрямстве, но обманывал ляхов: наблюдал, выведывал и тайно сносился с братом, как ревностный противник Владислава царствования. Так и некоторые из послов, светские и духовные, лицемерно изъявляли доброжелательство к Сигизмунду и были милостиво уволены им в Москву, обещая содействовать в ней его видам: думный дворянин Сукин, дьяк Васильев, архимандрит Евфимий и келарь Авраамий; но возвратились единственно для того, чтобы огласить в столице и в России вероломство гетманово или Сигизмундово. Уже Ермоген в искренних беседах с людьми надежными, Ляпунов в переписке с духовенством и чиновниками областей, убеждал их не терпеть насилия иноплемеников. Убеждения действовали, негодование возрастало – и как скоро услышали москвитяне о смерти Лжедмитрия, страшилища для их воображения, то, радуясь и славя Бога, вдруг заговорили смело о необходимости соединиться душами и головами для изгнания ляхов. Тщетно Сигизмунд – уже знав, вероятно, о гибели Самозванца и лишась предлога оставаться в России, будто бы для его истребления – писал (от 13 декабря) к боярам, что «Владислав скоро будет в Москву, а войско королевское идет против калужского злодея»: Россия уже не хотела Владислава!

Дума, в своем ответе, благодарила Сигизмунда за милость, требуя однако ж скорости и прибавляя, что россияне уже не могут терпеть сиротства, будучи стадом без пастыря или великим зверем без главы: но патриарх, удостоверенный в единомыслии добрых граждан, объявил торжественно, что Владиславу не царствовать, если не крестится в нашу веру и не вышлет всех ляхов из державы Московской. Ермоген сказал: столица и государство повторили. Уже не довольствовались ропотом. Москва, под саблю ляхов, еще не двигалась, ожидая часа; но в пределах соседственных блеснули мечи и копыта: начали вооружаться. Город сносился с городом; писали и наказывали друг к другу словесно, что пришло время стать за веру и Государство. Особенное действие имели две грамоты, всюду разосланные из

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinniko1ai.ru
Москвы: одна к ее жителям от уездных смолян, другая от москвитян ко всем россиянам.

Смоляне писали: «Оболенные королем, мы ему не противились. Что же видим? гибель душевную и телесную. Святые церкви разорены; ближние наши в могиле или в узах. Хотите ли такой же доли? Вы ждете Владислава и служите ляхам, угождая извергам, Салтыкову и Андронову; но Польша и Литва не уступят своего будущего венценосца вам, оставленным изменами. Нет, король и сейм, долго думав, решились взять Россию без условий, вывести ее лучших граждан и господствовать в ней над развалинами. Восстаньте, доколе вы еще вместе и не в узах; поднимите и другие области, да спасутся души и царство! Знаете, что делается в Смоленске: там горсть верных стоит неуклонно под щитом Богоматери и разит сонмы иноплемеников!»

Москвитяне писали к братьям во все города: «Не слухом слышим, а глазами видим бедствие неизглаголанное. Заклинаем вас именем Судии живых и мертвых: восстаньте и к нам спешите! Здесь корень царства, здесь знамя отечества, здесь Богоматерь, изображенная евангелистом Лукою; здесь светильники и хранители церкви, митрополиты Петр, Алексей, Иона! Известны виновники ужаса, предатели студные: к счастью, их мало; не многие идут во след Салтыкову и Андронову – а за нас БОГ, и все добрые с нами, хотя и не явно до времени: святейший патриарх Ермоген, прямой учитель, прямой наставник, и все христиане истинные! Дадите ли нас в плен и в латинство?»

Кроме Рязани, Владимир, Суздаль, Нижний, Романов, Ярославль, Кострома, Вологда ополчились усердно, для избавления Москвы от ляхов, по мысли Ляпунова и благословию Ермогена.

[1611 г.] Что же сделало так называемое правительство, Боярская дума, сведав о сем движении, признаке души и жизни в государстве истерзанном?.. Донесло Сигизмунду на Ляпунова, как на мятежника, требуя казни его брата и единомышленника, Захарии; велело послать, Филарету и Голицыну, уважать Сигизмундову волю и ехать в Литву к Владиславу, если так будет угодно королю; велело Шеину впустить ляхов в Смоленск; выслало даже войско с князем Иваном Куракиным для усмирения мнимого бунта во Владимире.

Но Филарет и Голицын уже все знали и благоприветствовали великому начинанию Ляпунова; заметили, что грамота боярская не скреплена патриархом, и не хотели повиноваться; дали тайно знать и смоленскому воеводе, чтобы он не исполнял указы Думы, – и доблестный Шеин отвечал королевским панам: «исполните прежде договор гетманов»; длил время в сношениях с ними и ждал избавления, готовый и на славную гибель. С другой стороны войско союзных городов близ Владимира встретило и разбило Куракина. Сим междуособным кровопролитием рушилась государственная власть Думы, оттоле признаваемая единственно невольною Москвою.

Ляпунов, остановив все доходы казенные и не велел пускать хлеба в столицу, всенародно объявил вельмож синклита богоотступниками, преданными славе мира и враждебному Западу, не пастырями, а губителями христианского стада. Таковы действительно были Салтыков и клеветы его; не таковы Мстиславский и другие, единственно запутанные в их сетях, единственно слабодушные, и с любовью к отечеству без умения избрать для него лучшее в обстоятельствах чрезвычайных: страшась народных мятежей более, нежели государственного уничтожения, они думали спасти Россию Владиславом, верили гетману, верили Сигизмунду – не верили только добродетели своего народа и заслужили его презрение, уступив добрую славу трем из мужей думных, князьям Андрею Голицыну, Воротынскому и Засекину, которые не таили своего единомыслия с Ермогеном, обличали предательство или заблуждение других бояр и были отданы под стражу в виде крамольников.

Уже москвитяне, слыша о ревностном восстании городов, переменились в обхождении с ляхами: быв долго смиренны, начали оказывать неуступчивость, строптивость, дух враждебный и сварливый, как было пред гибелью расстриги. Кричали на улицах: «Мы по глупости выбрали ляха в цари, однако ж не с тем, чтобы идти в неволю к ляхам; время разделаться с ними!» В грубых насмешках давали им прозвание хохлов, а купцы за все требовали с них вдвое.

Уже начинались ссоры и драки. Госевский требовал от своих благоразумия, терпения и неусыпности. Они бодрствовали день и ночь, не снимая с себя доспехов, ни седел с коней; ежедневно, три и четыре раза, били тревогу; имели везде лазутчиков;

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru осматривали на заставах возы с дровами, сеном, хлебом и находили в них иногда скрытое оружие. Высылали конные дружины на дороги, перехватили тайное письмо из Москвы к областным жителям и сведили, что они в заговоре с ними и что патриарх есть глава его; что москвитяне надеются не оставить ни одного ляха живого, как скоро увидят войско избавителей под своими стенами. Невзирая на то, Госевский еще не смел употребить средств жестоких, ни обезоружить стрельцов и граждан, ни свергнуть патриарха; довольствовался угрозами, сказав Ермогену, что святость сана не есть право быть возмутителем. Более наглости оказали злодеи российские. Михайло Салтыков требовал, чтобы Ермоген не велел ополчаться Ляпунову. «Не велю, – отвечив патриарх, – если увижу крещенного Владислава в Москве и ляхов, выходящих из России; велю, если не будет того, и разрешаю всех от данной королевичу присяги».

Салтыков в бешенстве выхватил нож: Ермоген осенил его крестным знаменем и сказал громогласно: «Сие знамение против ножа твоего, да взыдет вечная клятва на главу изменника! – И взглянув на печального Мстиславского, примолвил тихо: – Твое начало: ты должен первый умереть за веру и государство; а если пленишься кознями сатанинскими, то Бог истребит корень твой на земле живых – и сам умрешь какую смертью?»

Предсказание исполнилось, говорит летописец: ибо Мстиславский никак не хотел одобрить народного восстания и писал от имени синклита грамоту за грамотою к королю, что обстоятельства ужасны и время дорого; что одна столица еще не изменяет Владиславу, а держава в безначалии готова разделиться; что Ивановгород и Псков, обольщенные генералом Делагарди, желают иметь царем шведского принца; что Астрахань и Казань, где господствует злочастие Магометово, умышляют предаться шаху Аббасу; что области низовые, степные, восточные и северные до пустынь сибирских возмущены Ляпуновым; но что немедленное прибытие королевича еще может все исправить, спасти Россию и честь королевскую. Изменники же, Салтыков и Андронов, звали в Москву не Владислава, а самого короля с войском, отвечив ему за успех, то есть за порабощение России обманом и насилием.

Но Сигизмунд, вопреки настоянию бояр и даже многих польских сенаторов, вопреки собственному обету, не думал отправить сына в Москву; не думал и сам идти к ней с войском, как предлагали ему наши изменники; сильно, упорно хотел одного: взять Смоленск – и ничего не делал; писал только указы синклиту уже вместе, от себя и Владислава, именуя его однако же не царем, а просто королевичем; уверял бояр и всю Россию, что желает ее мира и счастья, умиленный нашими бедствиями и будучи ревностным заступником греческого православия; желает соединить ее с республикою узами любви и блага общего, под нераздельным державством своего рода; что виною всего зла есть упрямство Шеина и князя Василия Голицына, не желающих ни Владислава, ни тишины; что до усмирения Смоленска нельзя предпринять ничего решительного для успокоения государства.

Между тем, как бы уже спокойно властвуя над Россиею, Сигизмунд непрестанно извещал Думу о своих милостях: производил дворян в стольники и бояре, раздавал имения, вершил дела старые, предписывал казне платить долги купцам иноземным еще за Иоанна, в то время когда указы ее были уже ничтожны для России; когда города один за другим восставали на ляхов; когда и жители Смоленской области стерегли, истребляли их в разъездах, тревожа нападениями и в стане, откуда многие россияне, дотоле служив королю, уходили служить отечеству: так Иван Никитич Салтыков, пожалованный в бояре Сигизмундом, мнимый доброхот его, мнимый противник Ермогена, Филарета и Голицына, с целою дружиною ушел к Ляпунову. Напрасно Госевский ждал вспоможения от короля: видя необходимость действовать только собственными силами, он выслал шайки днепровских козаков и московского изменника Исаю Сунбулова воевать места рязанские. Ляпунов, имея еще мало рати, выгнал толпы неприятельские из Пронска, но чрез несколько дней был осажден ими в сем городе и спасен князем Дмитрием Пожарским, уже ревностным его сподвижником: обратив их в бегство и скоро разбив наголову у Зарайска, добрый князь Дмитрий избавил вместе и Ляпунова от плена и землю Рязанскую от грабежа; блеснул новым лучом славы и, с чистою душою пристав к великому делу, дал ему новую силу... Козаки бежали в Украину, предвидя несгоду злодейства, а Сунбулов в Москву с худюю вестью для изменников и ляхов, устрашаемых и восстанием областей и ножами москвитян. Но Госевский хвалился презрением к россиянам: надеялся управиться с боязливою Москвою, вопреки неблагоразумию короля соблюсти ее как важное завоевание для республики и с малым числом удалых воинов победить многолюдную сволочь.

Рать Ляпунова и других областных начальников была действительно странною смесью людей воинских и мирных граждан с бродягами и хищниками, коими в сии бедственные времена кипела Россия, и которые искали единственно добычи под знаменами силы, законной или незаконной: грабив прежде с ляхами, они шли тогда на ляхов, чтобы также грабить, и более мешать, нежели способствовать добру. Так атаман Просовецкий, быв клеветом и став неприятелем Лисовского, имел даже близ Пскова кровопролитную с ним битву как разбойник с разбойником, вдруг явился в Суздаль как честный слуга России, привел к Ляпунову тысяч шесть козаков и сделался одним из главных воевод народного ополчения! Всех звали в союз, чтобы только умножить число людей.

Приняли князя Дмитрия Трубецкого, атамана Заруцкого и всю остальную дружину тушинскую: ибо сии долго упорные мятежники вдруг воспламенились усердием к государственной чести, отвергнули указ московских бояр, не дав клятвы в верности к Владиславу, и выгнали из Калуги посла их князя Никиту Трубецкого. Звали и бесстыдного Сапегу, который, не хотев удалиться в Северскую землю, писал из Перемышля к калужанам, что он служит не королю, не королевичу, а вольности, – не слушает бояр, убеждающих его идти на Ляпунова, и готов стоять за независимость России. Чего надлежало ждать и в святом предприятии от такого несчастного состава? не единства, а раздора и беспорядка. Но кто верил таинственной силе добра, мог чаять успеха благословенного, видя, сколь многие и сколь ревностно шли умирать за отечество сирое, кинув дома и семейства. Раздор и беспорядок должныствовали уступить великодушию!

Около трех месяцев готовились – и наконец (в марте) выступили к Москве: Ляпунов из Рязани, князь Дмитрий Трубецкой из Калуги, Заруцкий из Тулы, князь Литвинов-Мосальский и Артемий Измайлов из Владимира, Просовецкий из Суздаля, князь Федор Волконский из Костромы, Иван Волинский из Ярославля, князь Козловский из Романова, с дворянами, детьми боярскими, стрельцами, гражданами, земледельцами, татарами и козаками; были на пути встречаемы жителями с хлебом и солью, иконами и крестами, с усердными кликами и пальбою; шли бодро, но тихо – и сия, вероятно невольная, неминуемая по обстоятельствам медленность имела для Москвы ужасное следствие.

Сабля Д.М. Пожарского. Иллюстрация из научного труда Ф.Г. Солнцева «Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению императора Николая I»

В то время, когда ее граждане с нетерпением ждали избавителей, бояре, исполняя волю Госевского, в последний раз заклинали Ермогена удалить бурю, спасти Россию от междоусобия и Москву от крайнего бедствия: писать к Ляпунову и сподвижникам его, чтобы они шли назад и распустили войско. Ты дал им оружие в руки, говорил Салтыков: ты можешь и смирить их. «Все смирится, – отвечивал патриарх, – когда ты, изменник, с своею литвою исчезнешь; но в царственном граде видя ваше злое господство, в святых храмах кремлевских оглашаясь латинским пением (ибо ляхи в доме Годунова устроили себе божницу), благословляю достойных вождей христианских утолить печаль отечества и церкви».

Дерзнули наконец приставить воинскую стражу к непреклонному иерарху; не пускали к нему ни мирян, ни духовенства; обходились с ним то жестоко и бесчинно, то с уважением, опасаясь народа. В неделю Страстную дозволили Ермогену священнодействовать и взяли меры для обуздания жителей, которые в сей день обыкновенно стекались из всех частей города и ближних селений в Китай и Кремль, быть зрителями великолепного обряда церковного. Ляхи и немцы, пехота и всадники, заняли Красную площадь с обнаженными саблями, пушками и горящими фитилями. Но улицы были пусты! Патриарх ехал между уединенными рядами иноверных воинов; узду его ослати держал, вместо царя, князь Гундуков, за коим шло несколько бояр и сановников, унылых, мрачных видом. Граждане не выходили из домов, воображая, что ляхи умышляют незапное кровопролитие и будут стрелять в толпы народа безоружного. День прошел мирно; также и следующий. Госевский, имея только 7000 воинов против двух или трех сот тысяч жителей, не хотел кровопролития: ни москвитяне. Первый, слыша, что Ляпунов и Заруцкий уже недалеко, мыслил идти к ним навстречу и разбить их отдельно; а москвитяне, готовые к восстанию, откладывали его до появления избавителей. Но взаимная злоба вспыхнула, не дав ни Госевскому выступить из Москвы, ни воеводам российским спасти ее. Кто начал? Неизвестно; но вероятнее, ляхи, с досадою терпел насмешки, грубости жителей и

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru думая, что лучше управиться с ними заблаговременно, нежели поставить себя между их тайно острымы ножами и войском городов союзных, – наконец удовлетворяя своему алчному корыстолюбию разграблением богатой столицы. Так началось и свершилось ее бедствие ужасное.

19 марта, во вторник Страстной недели, в час Обедни, услышали в Китае-городе тревогу, вопль и стук оружия. Госевский прискакал из Кремля: увидел кровопролитие между ляхами и россиянами, хотел остановить, не мог, и дал волю первым, которые действовали наступательно, резали купцов и грабили лавки; вломилась в дом к боярину верному, князю Андрею Голицыну, и бесчеловечно умертвили его.

Жители Китая искали спасения в Белом городе и за Москвою-рекою: конные ляхи гнали, топтали, рубили их; но в Тверских воротах были удержаны стрельцами. Еще сильнейшая битва закипела на Сретенке: там явился витязь знаменитый, отряженный ли вперед Ляпуновым или собственною ревностью приведенный одушевить Москву: князь Дмитрий Пожарский. Он кликнул добрых, устроил дружины, снял пушки с башен и встретил ляхов ядрами и пулями, отбил и втоптал в Китай. Иван Бутурлин в Яузских воротах и Колтовский за Москвою-рекою также стали против них с воинами и народом. Бились еще в улицах Тверской, Никитской и Чертольской, на Арбате и Знаменке. Госевский подкреплял своих; но число россиян несравненно более умножалось: при звуке набата старые и малые, вооруженные дрекольем и топорами, бежали в пыл сечи; из окон и с кровель разили неприятеля камнями и чурками, дровами: стреляли из-за них и двигали сие укрепление вперед, где ляхи отступали. Уже москвитяне везде имели верх, когда приспел из Кремля с немцами капитан Маржерет, верный слуга Годунова и расстрига, изгнанный Шуйским и принятый гетманом в королевскую службу: торгуя верностию и жизнью, сей честный наемник ободрил ляхов неустрашимостию и, некогда лил кровь свою за россиян, жадно облился их кровию.

А.М. Васнецов. У Мясницких ворот Белого города в XVII веке. 1926 г.

Битва снова сделалась упорною; многолюдство однако ж преодолевало, и москвитяне теснили неприятеля к Кремлю, его последней ограде и надежде. Тут, в час решительный, услышали голос: «огня! огня!», и первый вспыхнул в Белом городе дом Михаила Салтыкова, зажженный собственною рукою хозяина: гнусный изменник уже не мог иметь жилища в столице отечества, им преданного иноплеменнику! Зажгли и в других местах: сильный ветер раздувал пламя в лицо москвитянам, с густым дымом, несносным жаром, в улицах тесных. Многие кинулись тушить, спасать дома; битва ослабела, и ночь прекратила ее, к счастью изнуренного неприятеля, который удержался в Китае-городе, опираясь на Кремль. Там все затихло; но другие части Москвы представляли шумное смятение. Белый город пылал; набат гремел без умолку; жители с воплем гасили огонь, или бегали, искали, кликали жен и детей, забытых в часы жаркого боя. После такого дня, и предвидя такой же, никто не думал успокоиться.

Ляхи в пустых домах Китая-города, среди трупов, отдыхали; а в Кремле, при свете зарева, бодрствовали и рассуждали вожди их, что делать? Там еще находилось мнимое правительство российское с знатнейшими сановниками, воинскими и гражданскими: ужасаясь мысли желать победы иноплеменникам, дымящимся кровию москвитян, но малодушно боясь и мести своего народа, или не веря успеху восстания, Мстиславский и другие легкоумные вельможи, упорные в верности к Владиславу, были в изумлении и бездействии; тем ревностнее действовали изменники ожесточенные: прервав навеки связь с отечеством, заслужив его ненависть и клятву церковную, пылая адскою злобою и жаждою губительства, они сидели в сей ночной Думе ляхов и советовали им разрушить Москву для их спасения.

Госевский принял совет – и в следующее утро 2000 немцев с отрядом конным вышли из Кремля и Китая в Белый город и к Москве-реке, зажгли в разных местах дома, церкви, монастыри и гнали народ из улицы в улицу не столько оружием, сколько пламенем. В сей самый час прискакали к стенам уже пылающего деревянного города от Ляпунова воевода Иван Плещеев, из Можайска королевский полковник Струе, каждый для вспоможения своим, оба с легкими дружинами, равными в силах, не в мужестве. Ляхи напали: россияне обратили тыл – и вождь первых, кликнув: «за мною, храбрые!» сквозь пыл и треск деревянных падающих стен вринулся в город,

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinniko1ai.ru
где жители, осыпаясь искрами и головнями, задыхаясь от жара и дыма, уже не хотели сражаться за пепелище: бежали во все стороны, на конях и пешие, не с богатством, а только с семействами. Несколько сот тысяч людей вдруг рассыпалось по дорогам к лавре, Владимиру, Коломне, Туле; шли и без дорог, вязли в снегу, еще глубоко; цепенели от сильного, холодного ветра; смотрели на горящую Москву и вопили, думая, что с нею исчезает и Россия! Некоторые засели в крепкой Симоновской обители ждать избавителей. Но оставленная народом и войском в жертву огню и ляхам, Москва еще имела ратоборца: князь Дмитрий Пожарский еще стоял твердо в облаках дыма, между Сретенкою и Мясницкою, в укреплении, им сделанном: бился с ляхами и долго не давал им жечь за каменную городскую стену; не берег себя от пуль и мечей, изнемог от ран и пал на землю. Верные ему до конца немногие сподвижники взяли и спасли будущего спасителя России: отвезли в лавру...

Б.А. Чориков. Ранение князя Пожарского

До самой ночи уже беспрепятственно губив огнем столицу, ляхи с гордостью победителей возвратились в Китай и Кремль, любоваться зрелищем, ими произведенным: бурным пламенным морем, которое, разливаясь вокруг их, обещало им безопасность, как они думали, не заботясь о дальнейших, вековых следствиях такого дела и презирая месть россиян!

Москва пустая горела двое суток. Где угасал огонь, там ляхи, выезжая из Китая, снова зажигали, в Белом городе, в Деревянном и в предместьях. Наконец везде утухло пламя, ибо все сделалось пеплом, среди коего возвышались только черные стены, церкви и погреба каменные. Сия громада золы, в окружности на двадцать верст или более, курилась еще несколько дней, так что ляхи в Китае и Кремле, дыша смрадом, жили как в тумане – но ликовали: грабили казну царскую: взяли всю утварь наших древних венценосцев, их короны, жезлы, сосуды, одежды богатые, чтобы послать к Сигизмунду или употребить вместо денег на жалованье войску; сносили добычу, найденную в гостином дворе, в жилищах купцов и людей знатных; сдирали с икон оклады; делили на равные части золото, серебро, жемчуг, камни и ткани драгоценные, с презрением кидая медь, олово, холсты, сукна; рядились в бархаты и штофы; пили из бочек венгерское и мальвазию. Изобиловали всем роскошным, не имея только нужного: хлеба!

Бражничали, играли в зернь и в карты, распутствовали и пьяные резали друг друга!.. А россияне, их клеветы гнусные или невольники малодушные, праздновали в Кремле Светлое Воскресение и молились за царя Владислава, с иерархом достойным такой паствы: Игнатием, угодником расстригиным, коего вывели из Чудовской обители, где он пять лет жил опальным иноком, и снова называли патриархом, свергнув и заключив Ермогена на Кирилловском подворье. Сей муж бессмертный, один среди врагов неистовых и россиян презрительных – между памятниками нашей славы, в ограде, священной для веков могилами Димитрия Донского, Иоанна III, Михаила Шуйского – в темной келии сиял добродетелию как лучезарное светило отечества, готовое угаснуть, но уже воспламенив в нем жизнь и ревность к великому делу!

Междоцарствие. 1611–1612 гг

Весть о бедствии Москвы, распространив ужас, дала новую силу народному движению. Ревностные иноки лавры, едва услышав, что делается в столице, послали к ней всех ратных людей монастырских, написали умиленные грамоты к областным воеводам и заклинали их угасить ее дымящийся пепел кровию изменников и ляхов. Воеводы уже не медлили и шли вперед, на каждом шагу встречая толпы бегущих москвитян, которые, с воплем о мести, примыкали к войску, поручая жен и детей своих великодушью народа.

25 марта ляхи увидели на Владимирской дороге легкий отряд россиян, козаков атамана Просовецкого; напали – и возвратились, хвалясь победою. В следующий день пришел Ляпунов от Коломны, Заруцкий от Тулы; соединились с другими воеводами близ обители Угрешской и 28 марта двинулись к пепелищу московскому. Неприятель, встретив их за Яузскими воротами, скоро отступил к Китаю и Кремлю, где россияне, числом не менее ста тысяч, но без устройства и взаимной доверенности, осадили шесть или семь тысяч храбрецов иноземных, исполненных к ним презрения.

Ляпунов стал на берегах Яузы, князь Дмитрий Трубецкий с атаманом Заруцким против Воронцовского поля, ярославское и костромское ополчение у ворот Покровских,

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
Измайлов у Сретенских, князь Литвинов-Мосальский у Тверских, внутри обожженных стен Белого города. Тут прибыл к войску келарь Авраамий с Святою водою от лавры, оживить сердца ревностию, укрепить мужеством. Тут, на завоеванных кучах пепла водрузив знамена, воины и воеводы с торжественными обрядами дали клятву не чтить ни Владислава царем, ни бояр московских правителями, служить церкви и государству до избрания государя нового, не крамольствовать ни делом, ни словом, – блюсти закон, тишину и братство, ненавидеть единственно врагов отечества, злодеев, изменников, и сражаться с ними усердно.

Битвы начались. Делая вылазки, осажденные дивились несметности россиян и еще более умным распоряжениям их вождей – то есть Ляпунова, который в битве 6 апреля стяжал имя львообразного стратпига: его звучным голосом и примером одушевляемые россияне кидались пешие на всадников, резались человек с человеком, и втеснив неприятеля в крепость, ночью заняли берег Москвы-реки и Неглинной. Ляхи тщетно хотели выгнать их оттуда; нападали конные и пешие, имели выгоды и невыгоды в ежедневных схватках, но видели уменьшение только своих: во многолюдстве осаждающих урон был незаметен. Россияне надеялись на время: ляхи страшились времени, скудные людьми и хлебом.

Госевский желал прекратить бесполезные вылазки, но сражался иногда невольно, для спасения кормовщиков, высылаемых им тайно, ночью, в окрестные деревни; сражался и для того, чтобы иметь пленников для размена. Известив короля о сожжении Москвы и приступе россиян к ее пепелищу, он требовал скорого вспоможения, ободрял товарищей, советовался с гнусным Салтыковым – и еще испытал силу души Ермогеновой. К старцу ветхому, изнуренному добровольным постом и тесным заключением, приходили наши изменники и сам Госевский с увещаниями и с угрозами: хотели, чтобы он велел Ляпунову и сподвижникам его удалиться.

Ответ Ермогенов был тот же: «Пусть удалятся ляхи!» Грозил ему злою смертью: старец указывал им на небо, говоря: «Боюсь Единого, там живущего!» Невидимый для добрых россиян, великий иерарх сообщался с ними молитвою; слышал звук битв за свободу отечества и тайно, из глубины сердца, пылающего неугасимым огнем добродетели, слал благословение верным подвижникам!

К несчастью, между сими подвижниками господствовало несогласие: воеводы не слушались друг друга, и ратные действия без общей цели, единства и связи, не могли иметь и важного успеха. Решили торжественно избрать начальника; но вместо одного выбрали трех: верные Ляпунова, чиновные мятежники тушинские князя Дмитрия Трубецкого, грабители-козаки атамана Заруцкого, чтобы таким зловещим выбором утвердить мнимый союз россиян добрых с изменниками и разбойниками, коих находилось множество в войске. Трубецкий, сверх знатности, имел по крайней мере ум стратига и некоторые еще благородные свойства, усердствуя оказать себя достойным высокого сана; Заруцкий же, вместе с ним выслужив боярство в Тушине, имел одну смелую предприимчивость для удовлетворения своим гнусным страстям, не зная ничего святого, ни Бога, ни отечества.

Сии ратные триумвиры сделались и государственными: ибо войско представляло Россию. Они писали указы в города, требуя запасов и денег еще более, нежели людей: города повиновались, многолетствовали в церквах благоверным князьям и боярам, а в своих донесениях били челом синклиту великого Российского государства и давали, что могли. Казань, стыдясь своего заблуждения, снова присоединилась к отечеству, целовала крест быть в любви, в единопдушии со всею землею и выслала дружины к Москве: области низовые и поморские также. Пришли и смоленские уездные дворяне и дети боярские, бежав от Сигизмунда. Ляхи гнались за ними и многих из них умертвили, как изменников: остальные тем ревностней желали участвовать в народном подвиге россиян. Пришел и Сапега с своими шайками и занял Поклонную гору, объявляя себя другом России. Ему не верили; предложения его выслушали, но отвергнули. Атаман разбойников, осыпанный пеплом наших городов, утучненный нашею кровию, хотел, как пишут, венца Мономахова: вероятнее, что он хотел миллионов, предлагая свои услуги. Не обольстив россиян, Сапега ударил на часть их стана против Лужников; отбитый, напал с другой стороны, близ Тверских ворот: не мог одолеть многолюдства, и, по совету Госевского, взяв от него 1500 ляхов в сподвижники и князя Григория Ромодановского в путеводители, удалился к Переславлю, чтобы грабить внутри России и тревожить осаждающих. Вслед за ним Ляпунов отрядил несколько легких дружин: Сапега разбил их в Александровской Слободе, осадил Переславль, жег, злодействовал, где хотел – и россияне московского стана, видя за собою дым пылающих селений, вдруг услышали, в Китае и Кремле, необыкновенный шум, громкие восклицания, звон колоколов, стрельбу из

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinniko1ai.ru
пушек и ружей: ждали вылазки, но узнали, что ляхи только веселились и праздновали счастливую честь о скором прибытии к ним гетмана с сильным войском – весть еще несправедливую, которая однако ж решила Ляпунова и товарищей его не медлить. Они изготовились в тишине, и за час до рассвета (22 мая) приступив к Китаю-городу, взяли одну башню, где находилось 400 ляхов.

Место было важно: россияне могли оттуда громить пушками внутренность Китая. Госевский избрал смелых и велел им, чего бы то ни стоило, вырвать сию башню из рук неприятеля: с обнаженными саблями, под картечью, ляхи шли к ней узкою стеною, человек за человеком; кинулись на пушки, рубили, выгнали россиян и мужественно отбили все их новые приступы. В других местах Ляпунов, везде первый, и Трубецкой имели более успеха: очистили весь Белый город, взяли укрепления на Козьем болоте, башни Никитскую, Алексеевскую, ворота Тресвятские, Чертольские, Арбатские, везде после жаркого кровопролития. Чрез пять дней сдался им и Девичий монастырь с двумя ротами ляхов и пятьюстами немцев. В то же время россияне сделали укрепления за Москвою-рекою, стреляли из них в Кремль и препятствовали сношению осажденных с Сигизмундом, от коего Госевский, стесненный, изнуряемый, с малым числом людей и без хлеба, ждал избавления.

Но король все еще думал только о Смоленске. Донесение Госевского о сожжении Москвы и наступательном действии многочисленного российского войска, полученное Сигизмундом вместе с трофеями (или с частию разграбленной ляхами утвари и казны царской), не переменяло его мыслей. Паны в новой беседе с Филаретом и Голицыным (8 апреля), жалея о несчастье столицы, следствии ее мятежного духа, спрашивали их мнения о лучшем способе изгладить зло. Со слезами отвечив митрополит: «Уже не знаем! Вы легко могли предупредить сие зло; исправить едва ли можете». Послы соглашались однако ж писать к Ергогену, боярам и войску об унятии кровопролития, если Сигизмунд обяжется немедленно выступить из России: чего он никак не хотел, упорно требуя Смоленска, и в гневе велел им наконец готовиться к ссылке в Литву. «Ни ссылки, ни Литвы не боимся, – сказал умный дьяк Луговской: – но делами насилия достигнете ли желаемого?»

Угроза совершилась: вопреки всему священному для государей и народов, взяли послов... еще мало: ограбили их как в темном лесу или в вертепе разбойников; отдали воинам, повезли в ладях к Киеву; бесчестили, срамили мужей, винимых только в добродетели, в ревности ко благу отечества и к исполнению государственных условий!.. Один из ляхов еще стыдился за короля, республику и самого себя: Жолкевский. Сигизмунд предлагал ему главное начальство в Москве и в России. «Поздно!» – отвечив гетман и с негодованием удалился в свои местности, мимо коих везли Филарета и Голицына: он прислал к ним, в знак уважения и ласки, спросить о здоровье. Знаменитые страдальцы написали к Жолкевскому: «Вспомни крестное целование: вспомни душу! В чем клялся ты московскому государству? и что делается? Есть Бог и вечное правосудие!»

Не страшась сего правосудия, король в письмах к боярам московским хвалился своею милостию к России, благодарил за их верность и непричастие к бунту Ергогена и Ляпунова, обещал скорое усмирение всех мятежей, а Госевскому скорое избавление, дозволяя ему употреблять на жалованье войску не только сокровища царские, но и все имение богатых москвитян – и возобновил приступы к Смоленску, снова неудачные. Шеин, воины его и граждане оказывали более, нежели храбрость: истинное геройство, безбоязненность неизменную, хладнокровную, нечувствительность к ужасу и страданию, решительность терпеть до конца, умереть, а не сдаться.

Уже двадцать месяцев продолжалась осада: запасы, силы, все истощилось, кроме великодушия; все сносили, безмолвно, не жалуясь, в тишине и в повиновении, львы для врагов, агнцы для начальников. Осталась едва пятая доля защитников, не столько от ядер, пуль и сабель неприятельских, сколько от трудов и болезней; смертоносная цинга, произведенная недостатком в соли и в уксусе, довершила бедствие – но еще сражались! Еще ляхи имели нужду в злодейской измене, чтобы овладеть городом: беглец смоленский Андрей Дедишин указал им слабое место крепости: новую стену, деланную в осень наскоро и непрочно. Сию стену беспрестанною пальбою обрушили – и в полночь (3 июня) ляхи вломились в крепость, тут и в других местах, оставленных малочисленными россиянами для защиты пролома.

Бились долго в развалинах, на стенах, в улицах, при звуке всех колоколов и святом пении в церквах, где жены и старцы молились. Ляхи, везде одолевая, стремились к главному храму Богоматери, где заперлись многие из граждан и купцов с их семействами, богатством и пороховою казною. Уже не было спасения: россияне зажгли порох и взлетели на воздух с детьми, имением – и славою! От страшного взрыва, грома и треска неприятель оцепенел, забыв на время свою победу и с равным ужасом видя весь город в огне, в который жители бросали все, что имели драгоценного, и сами с женами бросались, чтобы оставить неприятелю только пепел, а любезному отечеству пример добродетели. На улицах и площадях лежали груды тел сожженных. Смоленск явился новым Сагунтом, и не Польша, но Россия могла торжествовать сей день, великий в ее летописях.

Еще один воин стоял на высокой башне с мечом окровавленным и противился ляхам: доблий Шеин. Он хотел смерти; но пред ним плакали жена, юная дочь, сын малолетний: тронутый их слезами, Шеин объявил, что сдается вождю ляхов – и сдался Потоцкому. Верить ли летописцу, что сего Героя сковали цепями в стане королевском и пытали, доведываясь о казне смоленской, будто бы им сокрытой? Король взял к себе его сына; жену и дочь отдал Льву Сапеге; самого Шеина послал в Литву узником.

Пленниками были еще архиепископ Сергей, воевода князь Горчаков и триста или четыреста детей боярских. Во время осады изгибло в городе, как уверяют, не менее семидесяти тысяч людей; она дорого стоила и ляхам: едва третья доля королевской рати осталась в живых, огнем лишенная добычи, а с нею и ревности к дальнейшим подвигам, так что слушая торжественное благодарение Сигизмундово, за ее великое дело, и новые щедрые обеты его, воины смеялись, столько раз мнимые наградами и столько раз обманутые. Но Сигизмунд восхищался своим блестящим успехом; дал Потоцкому грамоту на староство Каменецкое, три дни угощал сподвижников, велел изобразить на медалях завоевание Смоленска и с гордостью известил о том бояр московских, которые ответствовали, что, сетуя о гибели единокровных братьев, радуются его победе над непослушными и славят Бога!.. Торжество еще разительнейшее ожидало Сигизмунда, но уже не в России.

Историки польские, строго осуждая его неблагоразумие в сем случае, пишут, что если бы он, взяв Смоленск, немедленно устремился к Москве, то войско осаждающих, видя с одной стороны наступление короля, с другой смелого витязя Сапегу, а пред собою неодолимого Госевского, рассеялось бы в ужасе как стадо овец; что король вошел бы победителем в Москву, с Думою боярскою умирил бы государство, или дав ему Владислава, или присоединив оное к республике, и возвратился бы в Варшаву завоевателем не одного Смоленска, но целой державы Российской. Заключение едва ли справедливое: ибо тысяч пять усталых воинов, с королем, мало уважаемым ляхами и ненавидимым россиянами, не сделали бы, вероятно, более того, что сделал после новый его военачальник, как увидим: не пременило бы судьбы, назначенной Провидением для России!

Сей военачальник, гетман литовский, Ходкевич, знаменитый опытностью и мужеством, доколе действовал с успехом против шведов, был вызван из Ливонии, чтобы идти с войском к Москве, вместо Сигизмунда, который нетерпеливо желал успокоиться на лаврах и немедленно уехал в Варшаву, где сенат и народ с веселием приветствовали в нем Героя. Но блестящее торжество для него и республики совершилось в день достопамятный, когда Жолкевский явился в столице с своим державным пленником, несчастным Шуйским. Сие зрелище, данное тщеславию, надмевало ляхов от монарха до последнего шляхтича и было, как они думали, несомнительным знаком их уже решенного первенства над нами, концом долговременного борения между двумя великими народами славянскими.

Утром (19 октября), при несметном стечении любопытных, гетман ехал Краковским предместьем ко дворцу с дружиною благородных всадников, с вельможами коронными и литовскими, в шестидесяти каретах; за ними, в открытой богатой колеснице, на шести белых аргамаках, Василий, в парчовой одежде и в черной лисьей шапке, с двумя братьями, князьями Шуйскими, и с капитаном гвардии; далее Шеин, архиепископ Сергей и другие смоленские пленники в особенных каретах. Король ждал их во дворце, сидя на троне, окруженный сенаторами и чиновниками, в глубокой тишине. Гетман ввел царя-невольника и представил Сигизмунду Лицо Василия изображало печаль, без стыда и робости: он держал шапку в руке и легким наклоном головы приветствовал Сигизмунда.

Все взоры были устремлены на сверженного монарха с живейшим любопытством и наслаждением: мысль о превратностях Рока и жалость к злосчастью не мешала восторгу ляхов. Продолжалось молчание: Василий также внимательно смотрел на лица вельмож польских, как бы искал знакомых между ими, и нашел: отца Маринина, им спасенного от ужасной смерти, и в сию минуту счастливого его бедствием!..

Наконец гетман прервал безмолвие высокопарною речью, не весьма искреннею и скромною: «дивился в ней разительным переменам в судьбе государств и счастью Сигизмунда; хвалил его мужество и твердость в обстоятельствах трудных; славил завоевание Смоленска и Москвы; указывал на царя, преемника великих самодержцев, еще недавно ужасных для республики и всех государей соседственных, даже султана и почти целого мира; указывал и на Дмитрия Шуйского, предводителя ста осьмидесяти тысяч воинов храбрых; исчислял царства, княжения, области, народы и богатство, коими владели сии пленники, всего лишенные умом Сигизмундовым, взятые, повергаемые к ногам королевским..»

Тут (пишут ляхи) Василий, кланяясь Сигизмунду, опустил правую руку до земли и приложил себе к устам: Дмитрий Шуйский ударил челом в землю, а князь Иван три раза, и заливаясь слезами. Гетман поручал их Сигизмундову великодушию; доказывал историю, что и самые знаменитейшие венценосцы не могут назваться счастливыми до конца своей жизни, и ходатайствовал за несчастных».

Царь Шуйский перед королем Сигизмундом III в 1611 году. Около 1640 года.
Мастерская Томмазо Долабелла

Великодушие Сигизмунда состояло в обуздании мстительных друзей воеводы Сендомирского, которые пылали нетерпением сказать торжественно Василию, что «он не царь, а злодей и недостойн милосердия, изменив Димитрию, упоив стогны московские кровию благородных ляхов, обесчестив послов королевских, венчанную Марину, ее вельможного отца, и в бедствии, в неволе дерзая быть гордым, упрямым, как бы в посмеяние над судьбою»: упрек достохвальный для царя злополучного и несогласный с известием о мнимом уничтожении его пред королем!

Насытив глаза и сердце зрелищем лестным для народного самолюбия, послали Василия в Гостинский замок, близ Варшавы, где он чрез несколько месяцев (12 сентября 1612) кончил жизнь бедственную, но не бесславную; где умерли и его братья, менее твердые в уничтожении и в неволе. Чтобы увековечить свое торжество, Сигизмунд воздвигнул мраморный памятник над могилою Василия и князя Дмитрия в Варшаве, в предместьи Краковском, в новой часовне у церкви Креста Господня, со следующею надписью: «Во славу Царя Царей, одержав победу в Клушине, заняв Москву, возвратив Смоленск республике, пленив великого князя московского, Василия, с братом его, князем Дмитрием, главным воеводою российским, король Сигизмунд, по их смерти, велел здесь честно схоронить тела их, не забывая общей судьбы человеческой, и в доказательство, что во дни его царствования не лишались погребения и враги, венценосцы беззаконные!»

Во времена лучшие для России, в государствование Михаила, Польша должна была отдать ей кости Шуйских; во времена еще славнейшие, в государствование Петра Великого, отдала сему ревностному заступнику Августа II и другой памятник нашей незгоды: картину взятия Смоленска и Василиева позора в неволе, писанную искусным художником Долабеллою. Рукою могущества стерты знамения слабости!

Еще имея некоторый стыд, король не явил Филарета, Голицына и Мезецкого в виде пленников в Варшаве: их, вместе с Шеиным, томили в неволе девять лет, славных особенно для Филаретовой добродетели: ибо не только литовские единоверцы наши, но и вельможи польские, дивясь его твердости, разуму, великодушию, оказывали искреннее к нему уважение. Он дожил, к счастью, до свободы; дожил и знаменитый Шеин, к несчастью своему и к горести России!..

Между тем, невзирая на падение Смоленска, на торжество Сигизмундово и важные приготовления гетмана Ходкевича, воеводы московского стана имели бы время и способ одолеть упорную защиту Госевского, если бы они действовали с единомышленною ревностию; но с Ляпуновым и Трубецким сидел в совете, начальствовал в битвах, делил власть государственную и воинскую.. Злодей, коего умысел гнусный уже не был

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru тайною. Атаман Заруцкий, сильный числом и дерзостью своих козаков-разбойников, алчный, ненасытный в любостяжании, пользуясь смутными обстоятельствами, не только хватал все, что мог, целые города и волости себе в добычу – не только давал козакам опустошать селения, жить грабежом, как бы в земле неприятельской, и плавал с ними в изобилии, когда другие воины едва не умирали с голоду в стане: но мыслил схватить и царство!

Томмазо Долабелла. Победа Сигизмунда III над Смоленском в 1611 году

Марина была в руках его: тщетно писав из Калуги жалобные грамоты к Сапеге, чтобы он спас ее честь и жизнь от свирепых россиян, сия бесстыдная кинулась в объятия козака, с условием, чтобы Заруцкий возвел на престол Лжедмитриева сына-младенца и, в качестве правителя, властвовал с нею! Что нелепое и безумное могло казаться тогда несбыточным в России? Лицемерно пристав к Трубецкому и Ляпунову – взяв под надзор Марину, переведенную в Коломну – имея дружелюбные сношения и с Госевским, обманывая россиян и ляхов, Заруцкий умножал свои шайки прелестию добычи, искал единомышленников, в пользу лжецаревича Иоанна, между людьми чиновными, и находил, но еще не довольно для успеха вероятного. Ков огласился – и Ляпунов предпринял, один, без слабого Трубецкого, если не вдруг обличить злодея в атамане многолюдных шаек, то обуздать его беззакония, которые давали ему силу Ляпунов сделал, что все дворяне, дети боярские, люди служивые написали челобитную к триумвирам о собрании Думы земской, требуя уставов для благоустройства и казни для преступников. К досаде Заруцкого и даже Трубецкого, сия Дума составила из выборных войска, чтобы действовать именем отечества и чинов государственных, хотя и без знатного духовенства, без мужей синклита. Она утвердила власть триумвиров, но предписала им правила; устала:

«1) Взять поместья у людей сильных, которые завладели ими в мятежные времена без земского приговора, раздать скудным детям боярским или употребить доходы оных на содержание войска; взять также все данное именем Владислава или Сигизмунда, сверх старых окладов, боярам и дворянам, оставшимся в Москве с Литвою; взять поместья у всех худых россиян, не хотящих в годину чрезвычайных опасностей ехать на службу отечества или самовольно уезжающих из московского стана; взять в казну все доходы питейные и таможенные, незаконно присвоенные себе некоторыми воеводами (вероятно Заруцким).

2) Снова учредить ведомство поместное, казенное и дворцовое для сборов хлебных и денежных.

3) Уравнять, землями и жалованьем, всех сановников без разбора, где кто служил: в Москве ли, в Тушине или в Калуге, смотря по их достоинству и чину.

4) Не касаться имения добрых россиян, убитых или плененных Литвою, но отдать его их семействам или соблюсти до возвращения пленников; не касаться также имения церквей, монастырей и патриаршего; не касаться ничего, данного царем Василием в награду сподвижникам князя Михаила Скопина-Шуйского и другим воинам за верную службу.

5) Назначить жалованье и доходы сановникам и детям боярским, коих поместья заняты или опустошены Литвою, и которые стоят ныне со всею землею против изменников и врагов.

6) Для посылок в города употреблять единственно дворян раненых и неспособных к бою, а всем здоровым возвратиться к знаменам.

7) Кто ныне умрет за отечество или будет изувечен в битвах, тех имена да внесутся в Разрядные книги, вместе с неложным описанием всех дел знаменитых, на память векам.

8) Атаманам и козакам строго запретить всякие разъезды и насилия; а для кормов посылать только дворян добрых с детьми боярскими. Кто же из людей воинских дерзнет грабить в селениях и на дорогах, тех казнить без милосердия: для чего восстановится старый московский приказ, разбойный или земский.

9) Управлять войском и землею трем избранным властителям, но не казнить никого

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinniko1ai.ru
смертию и не ссылатъ без торжественнаго земскаго приговора, без суда и вины законной; кто же убьет человека самовольно, того лишитъ жизни, как злодея.

10) А если избранные властители не будут радеть вседушно о благе земли и следовать уставленным здесь правилам или воеводы не будут слушаться их беспрекословно, то мы вольны всею землею переменить властителей и воевод, и выбрать иных, способных к бою и делу земскому».

Сию важную, уставную грамоту, ознаменованную духом умеренности, любви к общему государственному благу и снисхождения к несчастным обстоятельствам времени, подписали триумвиры (Ляпунов вместо Заруцкого, вероятно безграмотного), три дьяка, окольников и личных, родственников и клеветников, князь Иван Голицын, Вельяминов, Иван Шереметев и множество людей бесчиновных от имени двадцати пяти городов и войска. Дали и старались исполнить закон; восстановили хотя тень правительства, бездушного в самодержавии без самодержца.

Но Ляпунов уже занимался и главным делом: вопросом, где искать лучшего царя для одушевления России? Уже переменяя мысли, он думал, подобно Мстиславскому и другим, что сей лучший царь должен быть иноземец державнаго племени, без связей наследственных и личных, родственников и клеветников, врагов и завистников между подданными. Недоставало времени обозреть все державы христианские, искать далеко, сноситься долго: ближайшее казалось и выгоднейшим, обещая нам, вместо вражды, мир и союз. Ляхи нас обманули: мы еще могли испытать шведов, менее противных российскому народу. Ненависть к ляхам кипела во всех сердцах: ненависть к шведам была только историческим воспоминанием новгородским – и даже Новгород, как уверяют, мыслил в случае крайности поддаться скорее шведам, нежели Сигизмунду что предлагал Делагарди сам собою, того уже ревностно хотел Карл IX: дать нам сына в цари; уполномочил воеводу своего для всех важных договоров с Россиею и писал к ее чинам государственным, что Сигизмунд, будучи орудием иезуитов или папы, желает властвовать над нею единственно для искоренения греческой веры; что король испанский в заговоре с ними и намерен занять Архангельск или гавань Св. Николая; но что Россия в тесном союзе с Швециею может презирать и ляхов и папу и короля испанскаго. Россия видела шведов в Клушине! Могла однако ж извинять их неверность неверностию своих и помнила, что они с незабвенным князем Михаилом освободили Москву. Ляпунов решился вступить в переговоры с генералом Делагарди.

Желая утвердить вечную дружбу с нами, шведы в сие время продолжали бессовестную войну свою в древних областях новгородских и, тщетно хотев взять Орешек, взяли наконец Кексгольм, где из трех тысяч россиян, истребленных битвами и цингюю, оставалось только сто человек, вышедших свободно, с имением и знаменами: ибо неприятель еще страшился их отчаяния, сведав, что они готовы взорвать крепость и взлететь с нею на воздух! Дикие скалы корельские прославились великодушием защитников, достойных сравнения с Героями лавры и Смоленска!

К сожалению, новгородцы не имели такого духа и, хвалясь ненавистью к одному врагу, к ляхам, как бы беспечно видели завоевания другого: уже Делагарди стоял на берегах Волхова! Боярин Иван Салтыков, начальствуя в Новгороде, внутренне благоприятствовал, может быть, Сигизмунду, по крайней мере, действовал усердно против шведов; но его уже не было. Сведав, что он намерен идти с войском к Москве, новгородцы встревожились; не верили сыну злодея и ревнителю Владиславова царствования, опасаясь в нем готового сподвижника ляхов; призвали Салтыкова из Ладожскаго стана, удостоверили крестным обетом в личной безопасности – и посадили на кол, возбужденные к делу столь гнусному злым дьяком Самсоновым!

Король Швеции Густав II Адольф (в молодости) и его брат принц Карл Филипп. Густав Адольф был единственным шведским монархом, которому была оказана честь называться Великим. 1610 г.

Издыхая в муках, злосчастный клялся в своей невинности; говорил: «не знаю отца, знаю только отечество и буду везде резаться с ляхами...» Жертва беззакония человеческого и правосудия Небеснаго: ибо сей юный, умный боярин в день Клушинской битвы усерднее других изменников способствовал торжеству ляхов и сраму россиян!.. На место Салтыкова Ляпунов прислал воеводу Бутурлина, а вслед

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru за ним и князя Троекурова, думного дворянина Собакина, дьяка Васильева, чтобы немедленно условиться во всем с генералом Делагарди, который с пятью тысячами воинов находился уже близ Хутынской обители. Переговоры начались в его стане. «Судьба России, – сказал ему Бутурлин, – не терпит венценосца отечественного: два бедственные избрания доказали, что подданному нельзя быть у нас царем благословенным».

Ляпунов хотел мира, союза с шведами и принца их, юного Филиппа, в государи; а Делагарди прежде всего хотел денег и крепостей в залог нашей искренности: требовал Орешка, Ладоги, Ямы, Копорья, Иванягорода, Гдова. «Лучше умереть на своей земле, нежели искать спасения такими уступками», – ответствовали российские сановники и заключили только перемирие, чтобы списаться с Ляпуновым. Наученный обманом Сигизмунда, сей властитель не думал делиться Россией с шведами; соглашался однако ж впустить их в Невскую крепость и выдать им несколько тысяч рублей из казны новгородской, если они поспешат к Москве, чтобы вместе с верными россиянами очистить ее престол от тени Владиславовой – для Филиппа. Все зависело от Делагарди, как прежде от Сигизмунда, – и Делагарди сделал то же, что Сигизмунд: предпочел город державе!.. Если бы он неукоснительно присоединился к нашему войску под столицу, чтобы усилить Ляпунова, разделить с ним славу успеха, истребить Госевского и Сапегу, отразить Ходкевича, восстановить Россию: то венец Мономахов, исторгнутый из рук литовских, возвратился бы, вероятно, потомству варяжскому, и брат Густава Адольфа или сам Адольф, в освобожденной Москве законно избранный, законно утвержденный на престоле Великою Думою земскою, включил бы Россию в систему держав, которые, чрез несколько лет, Вестфальским миром основали равновесие Европы до времен новейших!

Но Делагарди, снискав личную приязнь Бутурлина, бывшего гетманова пленника и ревностного ненавистника ляхов, вздумал, по тайному совету сего легкомысленного воеводы, как пишут – захватить древнюю столицу Рюрикову, чтобы возвратить ее московскому царю-шведу или удержать как важное приобретение для Швеции. Срок перемирия минул, и Делагарди, жалуясь, что новгородцы не дают ему денег, изъявляют расположение неприятельское, укрепляются, жгут деревянные здания близ вала, ставят пушки на стенах и башнях, приблизился к Колмову монастырю, устроил войско для нападения, тайно высматривал места и дружелюбно угощал послов Ляпунова. Бутурлин с ним не разлучался, празднуя в его стане. Другие воеводы также беспечно пили в Новгороде; не берегли ни стен, ни башен; жители ссорились с людьми ратными; купцы возили товары к шведам.

Ночью с 15 на 16 июля Делагарди, объявив своим чиновникам, что враждебный Новгород, великий именем, славный богатством, не страшный силами, должен быть их легкою добычею и важным залогом, с помощью одного слуги изменника, Ивана Швала, внезапно вломился в западную часть города, в Чудинцовские ворота. Все спали: обыватели и стража. Шведы резали безоружных.

Скоро раздался вопль из конца в конец, но не для битвы: кидались от ужаса в реку, спасались в крепость, бежали в поле и в леса; а Бутурлин Московскою дорогою с детьми боярскими и стрельцами, имев однако ж время выграбить лавки и дома знатнейших купцов. Сражалась только горсть людей под начальством головы стрелецкого, Василия Гаютина, атамана Шарова, дьяков Голенищева и Орлова; не хотела сдаться и легла на месте. Еще один дом на Торговой стороне казался неодолимою твердынею: шведы приступали и не могли взять его. Там мужествовал протоиерей Софийского храма, Аммос, с своими друзьями, в глазах митрополита Исидора, который на стенах крепости пел молебны и, видя такую доблесть, издали давал ему благословение крестом и рукою, сняв с него какую-то эпитимию церковную. Шведы сожгли наконец и дом и хозяина, последнего славного новгородца в истории!

Уже не находя сопротивления, они искали добычи; но пламя объяло вдруг несколько улиц, и воевода боярин князь Никита Одоевский, будучи в крепости с митрополитом, немногими детьми боярскими и народом малодушным, предложил генералу Делагарди мирные условия. Заключили, 17 июля, следующий договор, от имени Карла IX и Новагорода, с ведома бояр и народа московского, утверждая всякую статью крестным целованием за себя и потомство:

«1) Быть вечному миру между обеими державами, на основании Теузинского договора. Мы, новгородцы, отвергнув короля Сигизмунда и наследников его, литву и ляхов вероломных, признаем своим защитником и покровителем короля шведского с тем,

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
чтобы России и Швеции вместе противиться сему врагу общему и не мириться одной без другой.

2) Да будет царем и великим князем Владимирским и Московским сын короля шведского, Густав Адольф или Филипп. Новгород целует ему крест в верности и до его прибытия обязывается слушать военачальника Иакова Делагарди во всем, что касается до чести упомянутого сына королевского и до государственного, общего блага; вместе с ним, Иаковом, утвердить в верности к королевичу все города своего княжества, оборонять их и не жалеть для того самой жизни. Мы, Исидор митрополит, воевода князь Одоевский и все иные сановники, клянемся ему, Иакову, быть искренними в совете и ревностными на деле; немедленно сообщать все, что узнаем из Москвы и других мест России; без его ведома не замышлять ничего важного, особенно вредного для шведов, но предостерегать и хранить их во всех случаях; также объявить добросовестно все приходы казенные, наличные деньги и запасы, чтобы удовлетворять войско, снабдить крепости всем нужным для их безопасности и тем успешнее смирить непослушных королевичу и Великому Новгороду.

3) Взаимно и мы, Иаков Делагарди и все шведские сановники, клянемся, что если княжество Новгородское и государство Московское признают короля шведского и наследников его своими покровителями, заключив союз, против ляхов, на вышеозначенных условиях: то король даст им сына своего, Густава или Филиппа, в цари, как скоро они единодушно, торжественным посольством, изъявят его величеству свое желание; а я, Делагарди, именем моего государя обещаю Новгороду и России, что их древняя греческая вера и богослужение останутся свободны и невредимы, храмы и монастыри целы, духовенство в чести и в уважении, имение святительское и церковное неприкосновенно.

4) Области Новгородского княжества и другие, которые захотят также иметь государя моего покровителем, а сына его царем, не будут присоединены к Швеции, но останутся российскими, исключая Кексгольм с уездом; а что Россия должна за наем шведского войска, о том король, дав ей сына в цари и смилив все мятежи ее, с боярами и народом сделает расчет и постановление особенное.

5) Без ведома и согласия российского правительства не вывозить в Швецию ни денег, ни воинских снарядов и не сманивать россиян в шведскую землю, но жить им спокойно на своих древних правах, как было от времени Рюрика до Феодора Иоанновича.

6) В судах, вместе с российскими сановниками должно заседать такое же число и шведских для наблюдения общей справедливости. Преступников, шведов и россиян, наказывать строго; не укрывать ни тех, ни других и, в силу Теузинского договора, выдавать обидчиков истцам.

7) Бояре, чиновники, дворянство и люди воинские сохраняют отчины, жалованье, поместья и права свои; могут заслужить и новые, усердием и верностью.

8) Будут награждаемы и достойные шведы, за их службу в России, имением, жалованьем, землями, но единственно с согласия вельмож российских, и не касаясь собственности церковной, монастырской и частной.

9) Утверждается свобода торговли между обеими державами.

10) Козакам дерптским, ямским и другим из шведских владений открыть путь в Россию и назад, как было уставлено до Борисова царствования.

11) Крепостные люди, или холопы, как издревле ведется, принадлежат господам и не могут искать вольности.

12) Пленники, российские и шведские, освобождаются.

13) Сии условия тверды и ненарушимы как для Новгорода, так и для всей Московской державы, если она признает государя шведского покровителем, а королевича Густава или Филиппа царем. О всем дальнейшем, что будет нужно, король условится с Россиею по воцарении его сына.

14) Между тем, ожидая новых повелений от государя моего, я, Делагарди, введу в Новгород столько воинов, сколько нужно для его безопасности; остальную же рать

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru употреблю или для смирения непослушных, или для защиты верных областных жителей; а княжеством Новгородским, с помощью Божию, митрополита Исидора, воеводы князя Одоевского и товарищей его, буду править радетельно и добросовестно, охраняя граждан и строгостию удерживая воинов от всякого насилия.

15) Жители обязаны шведскому войску давать жалованье и припасы, чтобы оно тем ревностнее содействовало общему благу.

16) Боярам и ратным людям не дозволяется, без моего ведома, ни выезжать, ни вывозить своего имения из города.

17) Сии взаимные условия ненарушимы для Новагорода, и в таком случае, если бы, сверх чаяния, государство Московское не приняло оных: в удостоверение чего мы, воевода Иаков Делагарди, полковники и сотники шведской рати, даем клятву, утвержденную нашими печатями и рукоприкладством.

18) И мы, Исидор митрополит с духовенством, бояре, чиновники, купцы и всякого звания люди новгородские, также клянемся в верном исполнении договора нашему покровителю, его величеству Карлу IX и сыну его, будущему государю нашему, хотя бы, сверх чаяния, Московское царство и не приняло сего договора».

О вере избираемого не сказано ни слова: Делагарди без сомнения успокоил новгородцев, как Жолкевский москвитян, единственно надеждою, что королевич исполнит их желание и будет сыном нашей церкви. В крайности обстоятельств молчала и ревность к православию! Думали только спастись от государственной гибели, хотя и с соблазном, хотя и с опасностью для веры.

Шведы, вступив в крепость, нашли в ней множество пушек, но мало воинских и съестных припасов и только пятьсот рублей в казне, так что Делагарди, мыслив обогатиться несметными богатствами новгородскими, должен был требовать денег от короля: ибо войско его нетерпеливо хотело жалованья, волновалось, бунтовало, и целые дружины с распущенными знаменами бежали в Финляндию.

К счастью шведов, новгородцы оставались зрителями их мятежа и дали генералу Делагарди время усмирить его, верно исполняя договор, утвержденный и присягою всех дворян, всех людей ратных, которые ушли к Бутурлиным, но возвратились из Бронниц. Сам же Бутурлин, если не изменник, то безумец, жив несколько дней в Бронницах, чтобы дожидаться там своих пожитков из Новагорода, им злодейски ограбленного, спешил в стан московский, вместе с Делагардиевым чиновником, Георгом Бромме, известить наших воевод, что шведы, взяв Новгород как неприятели, готовы как друзья стоять за Россию против ляхов.

Но стан московский представлялся уже не Россиею вооруженною, а мятежным скопищем людей буйных, между коими честь и добродетель в слезах и в отчаянии укрывались! – Один россиянин был душою всего и пал, казалось, на гроб отечества. Врагам иноплеменным ненавистный, еще ненавистнейший изменникам и злодеям российским, тот, на кого атаман разбойников, в личине государственного властителя, изверг Заруцкий, скрежетал зубами – Ляпунов действовал под ножами. Уважаемый, но мало любимый за свою гордость, он не имел, по крайней мере, смирения Михайлова; знал цену себе и другим; снисходил редко, презирал явно; жил в избе, как во дворце недоступном, и самые знатные чиновники, самые раболепные уставали в ожидании его выхода, как бы царского.

Хищники, им унимаемые, пылали злобою и замыслили убийство в надежде угодить многим личным неприятелям сего величавого мужа. Первое покушение обратилось ему в славу; двадцать козаков, кинутых воеводою Плещеевым в реку за разбой близ Угрешской обители, были спасены их товарищами и приведены в стан московский. Сделался мятеж: грабители, вступаясь за грабителей, требовали головы Ляпунова. Видя остервенение злых и холодность добрых, он в порыве негодования сел на коня и выехал на Рязанскую дорогу, чтобы удалиться от недостойных сподвижников.

Козаки догнали его у Симонова монастыря, но не дерзнули тронуть: напротив того убеждали остаться с ними. Он ночевал в Никитском укреплении, где в следующий день явилось все войско: кричало, требовало, слезно молило именем России, чтобы ее главный поборник не жертвовал ею своему гневу, Ляпунов смягчился или одумался: занял прежнее место в стане и в совете, одолев врагов или только углубив ненависть к себе в их сердце.

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
Мятеж утих; возник гнусный ков, с участием и внешнего неприятеля. Имея тайную связь с атаманом-триумвиром, Госевский из Кремля подал ему руку на гибель человека, для обоих страшного: вместе умыслили и написали именем Ляпунова указ к городским воеводам о немедленном истреблении всех козаков в один день и час. Сию подложную, будто бы отнятую у гонца бумагу представил товарищам атаман Заварзин: рука и печать казались несомнительными.

Звали Ляпунова на сход: он медлил; наконец уверенный в безопасности двумя чиновниками, Толстым и Потемкиным, явился среди шумного сборища козаков; выслушал обвинения; увидел грамоту и печать; сказал: «Писано не мною, а врагами России»; свидетельствовался Богом; говорил с твердостью; смыкал уста и буйных; не усомнился единственно злодеев: его убили, и только один россиянин, личный неприятель Ляпунова, Иван Ржевский, стал между им и ножами: ибо любил отечество; не хотел пережить такого убийства и великодушно принял смерть от извергов: жертва единственная, но драгоценная, в честь героя своего времени, главе восстания, животворцу государственному, коего великая тень, уже примиренная с законом, является лучезарно в преданиях истории, а тело, искаженное злодеями, осталось, может быть, без христианского погребения и служило пищею врагам, в упрек современникам неблагодарным, или малодушным, и к жалости потомства!

Козаки

Следствия были ужасны. Не умев защитить мужа силы, достойного стратига и властителя, войско пришло в неописанное смятение; надежда, доверенность, мужество, устройство исчезли. Злодейство и Заруцкий торжествовали; грабительства и смертоубийства возобновились не только в селах, но и в стане, где неистовые козаки, расхитив имение Ляпунова и других, умертвили многих дворян и детей боярских. Многие воины бежали из полков, думая о жизни более, нежели о чести, и везде распространили отчаяние; лучшие, благороднейшие искали смерти в битвах с ляхами...

В сие время явился Сапега от Переславля, а Госевский сделал вылазку: напали дружно и снова взяли все от Алексеевской башни до Тверских ворот, весь Белый город и все укрепления за Москвою-рекою. Россияне везде противились слабо, уступив малочисленному неприятелю и монастырь Девичий. Сапега вошел в Кремль с победою и запасами. Хотя Россия еще видела знамена свои на пепле столицы, но чего могла ждать от войска, коего срамными главами оставались тушинский лжебоярин и злодей, сообщник Марины, вместе с изменниками, атаманом Просовецким и другими, не воинами, а разбойниками и губителями?

И что была тогда Россия? Вся полуденная беззащитною жертвою грабителей ногайских и крымских: пепелищем кровавым, пустынею; вся юго-западная, от Десны до Оки, в руках ляхов, которые, по убиении Лжедмитрия в Калуге, взяли, разорили верные ему города: Орел, Болхов, Белев, Карачев, Алексин и другие; Астрахань, гнездо мелких самозванцев, как бы отделилась от России и думала существовать в виде особенного царства, не слушаясь ни Думы боярской, ни воевод московского стана; шведы, схватив Новгород, убеждениями и силою присвоивали себе наши северо-западные владения, где господствовало безначалие, – где явился еще новый, третий или четвертый Лжедмитрий, достойный предшественников, чтобы прибавить новый стыд к стыду россиян современных и новыми гнусностями обременить историю, – и где еще держался Лисовский с своими злодейскими шайками. Высланный наконец жителями из Пскова и не впущенный в крепкий Ивановгород, он взял Вороночь, Красный, Заволочье; напал на малочисленные отряды шведов; грабил, где и кого мог. Тихвин, Ладога сдались генералу Делагарди на условиях новгородских. Орешек не сдавался...

Сергей Михайлович Соловьев

Царствование Бориса Годунова

1. Избрание на престол Годунова. На вопрос патриарха и бояр: «Кому приказываешь царство?» – умирающий Феодор отвечал: «Во всем царстве и в вас волен Бог: как Ему угодно, так и будет».

По смерти Феодора поспешили присягнуть жене его, царице Ирине, чтоб избежать междуцарствия. Но Ирина отказалась от престола, уехала из дворца в Новодевичий монастырь, где и постриглась под именем Александры. Несмотря на то, дела

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru производились ее именем, действительно же во главе правления стоял патриарх; ему, следовательно, принадлежал и первый голос в деле царского избрания, а Иов был самый ревностный приверженец Годунова.

Итак, за Годунова был патриарх, за Годунова было долголетнее пользование царскою властью при Феодоре, доставлявшее ему большие средства, повсюду правительственные должности занимали люди, всем ему обязанные; при Феодоре он сам и родственники его приобретали огромное богатство, также и могущественное средство приобретать доброжелателей; за Годунова было то обстоятельство, что сестра его признавалась царицею правительствующею: кто же мимо родного брата мог взять скипетр из рук ее?

Патриарх с духовенством, боярами и гражданами московскими отправился в Новодевичий монастырь просить царицу, чтоб благословила брата на престол, просили и самого Годунова принять царство, но он отказался, ибо хотел быть избран в цари всею Россиею, собором, на котором бы находились выборные из всех городов, советные люди, как тогда говорили. На соборе большинство составляли духовенство и дворянство второстепенное, которые были давно за Годунова или шли за мнением патриарха.

17 февраля 1598 года на соборе патриарх объявил, что, по его мнению, также по мнению всего духовенства, бояр и всех москвичей, мимо Бориса Феодоровича Годунова другого государя искать нечего, и советные люди отвечали, что их мнение такое же. Отправились опять к Годунову, который жил вместе с сестрою в Новодевичьем монастыре, и опять получили отказ. Тогда патриарх пошел в монастырь с крестным ходом и со множеством народа; патриарх с духовенством и боярами вошли в келью к царице и долго упрашивали ее со слезами, стоя на коленях, чтоб благословила брата на царство; на монастыре и около монастыря народ, стоя на коленях, вопил о том же. Царица наконец благословила, и Годунов принял царство. Говорят, будто народ пригнан был неволею, – грозили, что, если кто не пойдет, с того будут взыскивать деньги.

Царь Борис Годунов

2. Сношения царя Бориса с державами европейскими и азиатскими. Так был избран в цари Борис Годунов. Царствование его относительно западных, самых опасных соседей, Польши и Швеции, началось при самых благоприятных обстоятельствах: эти державы, так недавно грозившие Москве страшным союзом своим под одним королем, теперь находились в открытой и ожесточенной вражде; шведы отказались повиноваться Сигизмунду Польскому и провозгласили королем своим дядю его Карла, в котором Сигизмунд, разумеется, видел похитителя своего престола.

Оба государства, и Швеция и Польша, вследствие этого искали союза с Борисом, который, подобно Иоанну IV, не спускал глаз с Ливонии, считая прибалтийские берега необходимыми для своего государства. Приобрести эту желанную страну или часть ее было теперь легко, но для этого было средство прямое, решительное: заключить тесный союз с королем шведским и действовать с ним вместе против Польши.

Но Годунов по характеру своему не был способен к средствам решительным, прямым и открытым. Он думал, что Швеция уступит ему Нарву, а Польша – Ливонию или часть ее, если только он будет грозить Швеции союзом с Польшею, а Польше – союзом с Швециею, но этими угрозами он только раздражал и Швецию и Польшу, а не пугал их, обнаруживая политику мелочную, двоедушную.

Он боялся войны: сам не имел ни духа ратного, ни способностей воинских, воеводам не доверял и потому хлопотал, чтоб Ливония сама поддалась ему, для чего поддерживал неудовольствие ее жителей против польского правительства, но эти средства, не подкрепляемые действиями прямыми и решительными, не вели ни к чему. Чтоб иметь наготове вассального короля для Ливонии, как Иоанн IV имел Магнуса, Борис вызвал в Москву шведского принца Густава, племянника королю Карлу.

Годунов хотел также выдать за этого Густава дочь свою Ксению; но Густав не захотел отказаться от протестантизма и был отослан в Углич. Нужно было искать другого жениха Ксении между иностранными принцами, и жениха нашли в Дании: принц

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
Иоанн, брат короля Христиана, согласился ехать в Москву, чтоб быть зятем царским и князем удельным. Иоанн был принят в Москве с большим торжеством, очень ласково от будущего тестя, но скоро потом сделалась у него горячка, от которой он и умер на двадцатом году жизни.

Отношения к Крыму были благоприятны: хан, живший не в ладу с султаном турецким, принуждаемый принимать участие в войнах последнего и видя, с другой стороны, могущество Москвы, невозможность приходить врасплох на ее украин, ибо в степях являлись одна за другою русские крепости, должен был смириться и соглашаться с московскими послами, которые объявили, что государь их не боится ни хана, ни султана, что рати его бесчисленны.

Но если отношения к Крыму видимо принимали благоприятный оборот, то иначе шли дела за Кавказом: рано еще, не по силам было Московскому государству бороться в этих далеких краях с могущественными турками и персиянами. Александр Кахетинский, признавая себя слугою Бориса, сносился в то же время с сильным Аббасом, шахом персидским, и позволил сыну своему Константину принять магометанство, но и это не помогло: Аббас хотел совершенного подданства Кахетии и велел отступнику Константину убить отца и брата за преданность Москве. Преступление было совершено; с другой стороны, в Дагестане русские вторично утвердились было в Тарках, но турки вытеснили их отсюда, а кумыки перерезали при отступлении: семь тысяч русских пали вместе с воеводами, и владычество Москвы исчезло в этой стране.

3. Окончание борьбы с Кучумом Сибирским. В Закавказье Москва не могла защищать единоверцев своих от могущественных народов магометанских, зато беспрепятственно утверждалась ее власть за Уральскими горами. В Сибири Кучум был еще жив и не переставал враждовать против русских.

В 1598 году за ним погнался воевода Воейков, нашел Кучума на реке Оби и поразил; семейство Кучума попало в плен к русским, старик сам-третей ушел в лодке вниз по Оби. В этой решительной битве у русских было четыреста, а у Кучума пятьсот человек войска! Лишенный всех средств противиться далее, Кучум ушел к ногаям и был там убит.

Русские продолжали строить города в Сибири, заводить хлебопашество; кроме служилых людей и хлебопашцев в новопостроенные сибирские города переводились из других городов и купцы; проводились дороги.

4. Распоряжение Бориса относительно крестьян и просвещения. Что касается внутренних распоряжений Годунова в Европейской России, то он определил, сколько крестьянин должен платить землевладельцу и сколько работать на него, позволил временно переход крестьян от мелких землевладельцев к мелким же, но не к богатым, чтоб последние не могли переманивать крестьян от бедных.

Годунов старался облегчить народ от податей, старался о распространении просвещения. Он хотел вызвать из-за границы ученых людей и основать школы, где бы иностранцы учили русских людей разным языкам. Но духовенство не согласилось на это. Тогда Борис придумал другое средство: уже давно был обычай посылать русских молодых людей в Константинополь учиться там по-гречески; теперь царь хотел сделать то же относительно других стран и языков: выбрали несколько молодых людей и отправили их учиться – одних в Любек, других в Англию, некоторых во Францию и Австрию.

Борис Годунов. Роспись Грановитой палаты Московского Кремля

Борис очень любил иностранцев, составил из немцев, преимущественно из ливонцев, отряд войска; немцы эти получали большое жалованье и поместья; покровительствовал иностранным купцам, иностранных медиков своих держал, как бояр. Такое расположение царя к иностранцам, убеждение в превосходстве их над русскими относительно просвещения, убеждение в необходимости учиться у них возбудило в некоторых русских желание подражать иностранцам и начать это подражание со внешнего вида: и свои и чужие говорят о пристрастии русских к иноземным обычаям и одеждам во время Годунова, о введении обычая брить бороды.

5. Начало смуты; доносы и опалы. Для большинства русского народа Борис в два первых года своего царствования оставался таким же, каким был во время правления своего при царе Феодоре, т. е. «наружностью и умом всех людей превосходил, много устроил в Русском государстве похвальных вещей; старался искоренять разбои, воровства, корчемства, но не мог искоренить; был он светлодушен, милостив и нищелюбив, но в военном деле был неискусен. Цвел он добродетелями, и если бы зависть и злоба не помрачили его добродетелей, то мог бы древним царям уподобиться. Он принимал доносы от клеветников на невинных, отчего возбудил против себя негодование вельмож всей русской земли; отсюда поднялось на него много бед, которые и привели его к гибели».

Таким образом, по свидетельству современников, вся беда для Годунова произошла оттого, что он не мог уподобиться древним царям, не имел достаточно величия духа, чтоб, восшедши на престол, позабыть все старые боярские свои вражды, унизились до страха пред своими прежними соперниками, страдал мелкою болезненною подозрительностью; эту подозрительность и враждою он раздражил против себя вельмож, которые и были виновниками его падения.

Первая опала от подозрительного Бориса постигла Богдана Бельского, известного нам по смуте в начале царствования Феодора, сосланного вследствие этой смуты и возвращенного из ссылки Годуновым. Царь послал Бельского строить в степи город Борисов; Бельский, будучи очень богат, не щадил издержек для угощения ратных людей, строивших город, бедным из них давал деньги, платье и этим заслужил от них громкие похвалы. Это старание Бельского приобрести народную любовь – старание, увенчавшееся успехом, возбудило подозрительность и злобу Бориса, тем более что Бельский был человек действительно подозрительный; Бельского схватили и сослали в один из дальних городов в тюрьму.

Подозрительность Бориса разыгралась. Желая знать, что говорят о нем знатные люди и не умышляют ли чего-нибудь дурного, он начал поощрять холопей к доносам на господ своих. Доносчики получали награды, и язва эта быстро разлилась, заразила людей всех званий; следствиями доносов были пытки, казни, заточения; ни при одном государе таких бед никто не видал, говорят современники. Подан был донос на Романовых от дворового человека одного из них, Александра Никитича. Романовых забрали под стражу вместе со всеми родственниками и приятелями их, пытали, пытали и людей их, но не могли ничего сведать.

В 1601 году старшего из Романовых, Федора Никитича, постригли под именем Филарета и сослали в Антониев Сийский монастырь; жену его Аксинью Ивановну, урожденную Шестову, также постригли под именем Марфы и сослали в один из заонежских погостов; Александра Никитича Романова сослали к Белому морю, Михайлу Никитича – в Пермскую область, Ивана Никитича – в Пельым, Василия Никитича – в Яренск; мужа сестры их, князя Бориса Черкасского, с женою и с племянником ее, сыном Федора Никитича, маленьким Михаилом (будущим царем), – на Белоозеро. Только двое из братьев пережили свое несчастье – Филарет и Иван Никитич; остальные померли от жестокости приставов, отправленных с ними в места заточения.

б. Голод и разбои. В то время как доноски свирепствовали в Москве, страшное физическое бедствие постигло Россию: от сильных неурожаев в продолжение трех лет, с 1601 до 1604, сделался голод небывалый, к которому присоединилось еще моровое поветрие. За голодом и мором следовали разбои: люди, спасавшиеся от голодной смерти, составляли шайки, чтоб вооруженною рукою кормиться на счет других. Преимущественно эти шайки составлялись из холопей, которыми наполнены были дома знатных и богатых людей.

Во время голода, найдя обременительным для себя кормить толпу холопей, господа выгоняли их от себя; число этих холопей, лишенных приюта и средств к пропитанию, увеличилось еще холопами опальных бояр, Романовых и других, ибо этих холопей Годунов запретил всем принимать к себе. Эти люди, из которых многие были привычны к военному делу, шли к границам, в северскую Украину (нынешние губернии Орловская, Курская, Черниговская), которая уже и без того была наполнена людьми, ждавшими только случая начать неприятельские действия против государства; еще царь Иоанн IV, желая умножить народонаселение этой страны людьми воинственными, способными защитить ее от татар и поляков, позволял преступникам спасаться от наказания бегством в украинские города.

Б.А. Чориков. Голод при царе Борисе Годунове. 1601 г. Гравюра. XIX в.

Вследствие всего этого теперь, после голода, образовались в украине многочисленные разбойничьи шайки, от которых не было проезда не только по пустым местам, но и под самую Москву; атаманом их был Хлопка Косолап. Царь выслал против них войско под начальством воеводы Ивана Басманова, который сошелся с Хлопкою под Москвою; разбойники бились отчаянно и убили Басманова; несмотря на то, царское войско одолело их; полумертвого Хлопку взяли в плен, товарищей его, пробиравшихся назад в Украину, ловили и вешали, но в украине было много им подобных – черная роль ее только что начиналась, начинали ходить слухи о Самозванце.

7. Появление Самозванца. В последних годах XVI века появился в Москве бойкий, смысленный, грамотный молодой человек, сирота, сын галицкого служилого человека Богдана Отрепьева Юрий. Он проживал во дворах вельмож, подозрительных царю, а поэтому сам сделался подозрителен. Беда грозит молодому человеку, он спасается от нее пострижением под именем Григория, скитается из монастыря в монастырь, попадает наконец в Чудов и поступает даже к патриарху Иову для книжного письма. Но здесь дерзкие речи, что он будет царем на Москве, навлекли на него новую беду; царь Борис велел одному дьяку сослать Отрепьева в Кириллов Белозерский монастырь, но дьяк не исполнил царского приказа, молодой монах убежал из Чудова монастыря и после долгих странствований по разным местам пробрался за литовскую границу в сопровождении двух других монахов.

В польских владениях он скинул с себя монашескую рясу, поучился немного в школе города Гащи, потом побывал у казаков запорожских и наконец поступил в службу к польскому вельможе князю Адаму Вишневецкому которому при первом удобном случае открыл, что он московский царевич Димитрий, сын царя Иоанна Васильевича, спасенный от убийц, подосланных Годуновым, которые вместо него убили другого, подставленного ребенка.

8. Успехи Самозванца в Польше. Вишневецкий поверил, и весть о московском царевиче, чудесно спасшемся от смерти, быстро распространилась между соседними панями, которые начали принимать Отрепьева с царскими почестями; у одного из них, сандомирского воеводы Юрия Мнишка, жившего в Самборе, Самозванцу очень понравилась дочь Марина. Мнишки были ревностные католики; принятие католицизма всего более помогало Отрепьеву, ибо становило на его сторону духовенство польское и особенно могущественных иезуитов; Лжедмитрий позволил францисканским монахам обратить себя в католицизм.

Г.Г. Мясоедов. Бегство Григория Отрепьева из корчмы на литовской границе. 1862 г.

В начале 1604 года Мнишек привез Лжедмитрия в Краков, где папский нунций Рангони представил его королю Сигизмунду. Король находился в большом затруднении: с одной стороны, ему хотелось помочь Самозванцу и таким образом завести смуту в Московском государстве; с другой стороны, страшно было нарушить перемирие, оскорбить могущественного Годунова, который мог жестоко отомстить Польше за свою обиду наступательным союзом с Швециею.

Н.В. Неврев. Присяга Лжедмитрия I польскому королю Сигизмунду III на введение в России католицизма. 1874 г.

Сигизмунд решился употребить такую хитрость: он признал Отрепьева московским царевичем, хотя и не публично, назначил ему ежегодное содержание, но не хотел помогать ему явно войском от имени правительства польского, а позволил вельможам частным образом помогать царевичу. Вести дело поручено было Мнишку который с торжеством привез царевича в Самбор, где тот предложил руку свою Марине. Предложение было принято, но свадьба отложена до утверждения Димитрия на престоле московском.

9. Меры Годунова против Лжедмитрия. Мнишек собрал для будущего зятя 1600 человек всякого сброда в польских владениях, но подобных людей было много в степях и окраинах Московского государства; следовательно, сильная помощь ждала Самозванца впереди. Московские беглецы, искавшие случая безопасно и с выгодой возвратиться в отечество, первые приехали к нему и провозгласили истинным царевичем; донские казаки, стесненные при Борисе более чем когда-либо прежде, откликнулись также немедленно на призыв Лжедмитрия.

Как скоро Лжедмитрий объявился в Польше, то слухи о нем начали с разных сторон приходить в Москву. Борис объявил прямо боярам, что это они подставили Самозванца, и начал принимать меры против страшного врага, которого нельзя было сокрушить одною военною силою. Отправлены были грамоты в Польшу к королю, вельможам, воеводам пограничным с объявлением, что тот, кто называет себя царевичем Димитрием, есть беглый монах Отрепьев.

В Москве патриарх Иов и князь Василий Шуйский уговаривали народ не верить слухам о царевиче; патриарх проклял Гришку Отрепьева со всеми его приверженцами и разослал по областям грамоты с известием об этом проклятии и с увещанием не верить спасению царевича. Но средства эти оказались тщетными: северская окраина волновалась от подметных грамот Лжедмитриевых; воеводы царские прямо говорили, что «трудно воевать против природного государя» (т. е. против Димитрия); в Москве на пирах пили здоровье Димитрия.

10. Вступление Лжедмитрия в московские пределы. В октябре 1604 года Лжедмитрий вошел в области Московского государства. Северские города начали ему сдаваться, не сдался один Новгород Северский, где засел воевода Петр Федорович Басманов, любимец царя Бориса. Борис выслал войско под начальством первого боярина, князя Мстиславского, который сошелся с войсками Самозванца под Новгородом Северским; несмотря на малочисленность своего войска в сравнении с войском царским, Самозванец разбил Мстиславского, ибо у русских, пораженных сомнением – не сражаются ли они против законного государя? – не было рук для сечи, как говорят очевидцы. Так как Мстиславский был ранен в битве, то вместо него начальствовать над войском был прислан князь Василий Иванович Шуйский.

Самозванец 21 января 1605 года ударил на царское войско при Добрыничах, но, несмотря на храбрость необыкновенную, потерпел поражение вследствие многочисленности пушек в царском войске. Годунов сильно обрадовался, думал, что дело с Самозванцем кончено, но радость его не была продолжительна, ибо скоро пришли вести, что Самозванец не истреблен, а усиливается; 4000 донских казаков явились к нему в Путивль, где заперся он, а между тем московские воеводы ничего не сделали, не пользовались своею победою.

11. Смерть Бориса и провозглашение Лжедмитрия царем. В таком нерешительном положении находились дела, когда 13 апреля 1605 года умер царь Борис скоропостижно. После него остался сын Феодор, которого все свидетельства единогласно осыпают похвалами как молодого человека, наученного всякой премудрости, ибо действительно отец успел дать ему хорошее по времени и по средствам образование. Жители Москвы спокойно присягнули Феодору.

К войску вместо Шуйского, отозванного в Москву, отправлен был Басманов, прославившийся защитою Новгорода Северского. Но Басманов увидал, что ничего нельзя было сделать с войском, которое и прежде не имело рук от недоумения, а теперь еще более было ослаблено нравственно вследствие смерти Бориса. Видя это, видя, что воеводы, самые способные, могшие придать одушевление войску, не хотят Годунова, Басманов решился изменить сыну своего благодетеля и вместе с князьями Голицыными (Васильем и Иваном Васильевичами) и Михаилом Глебовичем Салтыковым 7 мая объявил войску, что истинный царь есть Димитрий, и полки без сопротивления провозгласили его государем.

Самозванец двинулся по дороге в Москву, где 1 июня Плещеев и Пушкин возмутили народ и свели с престола царя Феодора; скоро приехали в Москву из стана Самозванца князь Василий Голицын и Василий Масальский, свергнули патриарха Иова, разослали в заточение Годуновых и родственников их и зверски умертвили царя Феодора Борисовича и мать его, царицу Марью; царевна Ксения Борисовна осталась в живых и после была пострижена под именем Ольги.

Царствование Лжедмитрия

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
20 июня 1605 года Лжедмитрий с торжеством въехал в Москву. Богдан Бельский, снова возвращенный в Москву, торжественно с Лобного места свидетельствовал перед народом, что новый царь есть истинный димитрий.

Но другое втихомолку свидетельствовал князь Василий Шуйский: он поручил одному купцу и одному лекарю разглашать в народе, что новый царь – самозванец. Басманов узнал о слухах, узнал, от кого они идут, и донес царю. Шуйский был схвачен, и Лжедмитрий отдал дело на суд собору из духовенства, вельмож и простых людей; собор осудил Шуйского на смерть; уже был он выведен на место казни, как прискакал гонец с объявлением помилования; Шуйского вместе с братьями сослали в галицкие пригороды, но, прежде нежели они достигли места ссылки, их возвратили в Москву, отдали имение и боярство.

Известить области о восшествии на престол нового царя должен был патриарх; так как Иов был свергнут, то на его место возвели рязанского архиепископа Игнатия, родом грека, который первый из архиереев признал Лжедмитрия истинным царем. Но признание Игнатия не могло окончательно утвердить нового царя на престоле; это могло сделать только признание матери, царицы Марфы. Ее привезли в Москву, Лжедмитрий встретил ее в селе Тайнинском, имел свидание наедине, в шатре, после чего народ был свидетелем взаимных нежностей матери и сына. Вскоре по приезде матери Лжедмитрий венчался на царство по обыкновенному обряду, причем объявлены были милости мнимым родственникам царским, гонимым при Годунове, Нагим и Романовым. Филарет Никитич Романов был сделан ростовским митрополитом.

Не проходило дня, в который бы царь не присутствовал в думе, где удивлял бояр здравым смыслом, находчивостью при решении трудных дел, начитанностью; указывая на невежество бояр, он обещал позволить им ездить в чужие земли для образования; объявил, что хочет держать народ в повиновении не строгостью, но щедростью.

Если и на Годунова сильно жаловались за то, что он очень любил иностранцев, отчего началось подражание иностранным обычаям, то гораздо больше поводов к подобным жалобам подавал Лжедмитрий, который, побывав сам на чужой стороне, пристрастился к тамошним обычаям и по живости природы своей не мог сообразоваться с церемонною, сидячею жизнью прежних царей.

Самозванец. Гравюра. 1605 г.

Желание как можно скорее видеть невесту свою в Москве, равно как желание быть в союзе с католическими державами для общей войны против турок заставляли Лжедмитрия дорожить дружбою польского короля Сигизмунда, но он не хотел для этой дружбы жертвовать выгодами своего государства: так, в угоду королю он не только не хотел отказаться от титула царя, но еще принял титул императора, объявил, что не уступит ни клочка русской земли Польше; в сношениях с папою Лжедмитрий также уклонялся от обязательства ввести католицизм в Московское государство.

Несмотря на то, приезд в Москву Марины Мнишек со множеством поляков, которые вели себя дерзко, женитьба царя на польке некрещеной возбуждали неудовольствие в Москве, которым спешил воспользоваться князь Василий Шуйский вместе с другими боярами. Шуйский по горькому опыту знал, что нельзя подвинуть народа против царя одним распусшением слухов о самозванстве, знал, что большинство московского народа предано Лжедмитрию как государю доброму и ласковому, и потому начал действовать с большою осторожностью.

Особенно надеялся он на осмнадцатитысячное войско, собранное под Москвою царем для предполагавшегося похода на Крым; для безопасности же от большинства москвичей, преданных Лжедмитрию, заговорщики положили по первому набату броситься во дворец, с криком: «Поляки бьют государя!» – окружить царя как будто для защиты и убить его. Несмотря, однако, на эту осторожность и хитрость, умысел легко мог бы не иметь успеха, если бы заговорщикам не помогла необыкновенная доверчивость Лжедмитрия, который смеялся над поляками, уведомлявшими его о народном волнении, не хотел принимать никаких доносов от немецких телохранителей и пренебрег всеми мерами осторожности.

17 мая 1606 года около четырех часов утра раздался набат в Москве, и толпы

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru заговорщikov хлынули на Красную площадь, где уже сидели на конях бояре. Шуйский повел народ в Кремль «на злого еретика», как он выразился. Лжедмитрий проснулся от набата и выслал Басманова справиться, в чем дело. Басманов в отчаянии прибежал назад к царю, крича, что вся Москва собралась на него. Когда уже бояре вошли во дворец, то Басманов вышел к ним и стал уговаривать их не выдавать народу Лжедмитрия, но был убит. Лжедмитрий увидел, что сопротивление бесполезно, выскочил из окна и разбился.

Стрельцы, стоявшие на карауле, подняли его, привели в чувство и приняли было его сторону, но заговорщики закричали: «Пойдем в Стрелецкую слободу, истребим семейства стрельцов, если они не хотят нам выдать обманщика!» Стрельцы испугались и сказали боярам: «Спросим царицу: если она скажет, что он не сын ей, то Бог в нем волен». Сам Лжедмитрий требовал, чтоб спросили мать его или вывели его на Лобное место и дали объясниться с народом. Но объясниться ему не дали; пришел князь Голицын и сказал, что царица Марфа называет своим сыном того, который убит в Угличе, а от этого отрекается. Тогда Лжедмитрия убили и труп его вместе с трупом Басманова выставили на Красной площади в маске с дудкою и волянкою. Между тем другие толпы народа били поляков. Тесть самозванца Мнишек с родственниками, равно как послы королевские, приехавшие на свадьбу, были спасены боярами, Марину также не тронули и отвезли из дворца к отцу.

Б.А. Чориков. Смерть Дмитрия Самозванца. 1606 г.

Тот, кто назывался царем Димитрием, был убит; начали думать об избрании нового царя. Виднее всех бояр московских по уму, энергии, знатности рода были два князя, Василий Иванович Шуйский и Василий Васильевич Голицын; оба имели сильные стороны, но Голицын не мог с успехом бороться против Шуйского, который гораздо больше выдался вперед в последнее время; он был первым обличителем самозванца, главою заговора, вождем народа против злого еретика. Для людей, совершивших последний переворот, кто мог быть лучшим царем, как не вождь их в этом деле? Бояре хотели созвать выборных из всех городов, чтоб по совету всей земли избран был государь такой, который был бы всем люб.

Но Шуйский не хотел дожидаться собора, не будучи уверен, что собор кончится в его пользу, ибо дело истребления самозванца, которым он прославился, было дело чисто московское, да и не все москвичи его одобряли.

19 мая утром на Красной площади толпился народ, точно так же как и 17 мая. Вышли бояре и духовенство и предложили избрать патриарха (ибо Игнатий был свергнут как приверженец Лжедмитрия) и разослали грамоты для созвания советных людей из городов на собор, который должен избрать государя. Но в народе закричали, что царь нужнее патриарха, а царем должен быть князь Василий Иванович Шуйский. Этому крику никто не смел противоречить, и Шуйский был провозглашен царем, после чего в патриархи был избран Гермоген, митрополит казанский.

Царствование Василия Иоанновича Шуйского

1. Причины новых смут. Вступивши на престол, Шуйский целовал крест, что ему, «не осудя истинным судом с боярами своими, никого смерти не предавать, вотчин, двор и имения у братьев, жены и детей преступника не отнимать, если они не виноваты, доносов ложных не слушать, но исследовать всякое дело как можно обстоятельнее, а ложных доносчиков казнить, смотря по вине, какую возвели на другого».

Разослана была по областям грамота от имени бояр и всех людей московских с известием о гибели Лжедмитрия и возведении на престол Шуйского. В этой грамоте говорилось, что Гришка Отрепьев овладел царством с бесовской помощью, всех людей прельстил чернокнижеством. Но эта странная грамота могла произвести только недоумение в жителях областей: недавно извещали их из Москвы, что Годунов свергнут истинным царем Димитрием; теперь уверяют, что этот Димитрий был обманщик, злодей, еретик и чернокнижник; объявляют, что он погиб за свое злодейство; но как погиб? – это остается тайной; объявляют, что избран новый царь; но как и кем? – неизвестно; советные люди из областей не участвовали в избрании Шуйского: новый царь сел на престол тайком от земли, с нарушением формы уже священной, по которой царь, не по наследству вступающий на престол, должен был выбираться по совету всей земли, а не одних москвичей.

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinniko1ai.ru

Таким образом, эта известительная грамота Шуйского порождала только неудовольствие и недоверчивость; не доверяя человеку, который без ведома всех сел на престол, не знали, кому теперь верить, и наступило смутное время.

Но если в областях были недовольны, то много недовольных было и в Москве. Народ был недоволен тем, что с воцарением Шуйского бояре стали иметь гораздо больше власти, чем сам царь; некоторые из бояр были недовольны, потому что сами хотели быть на престоле; другие не хотели видеть царем Шуйского по прежним отношениям; люди, участвовавшие в гибели Лжедмитрия и провозгласившие царем Шуйского, были недовольны, потому что Шуйский был скупой старик и не осыпал их милостями. Но все эти недовольные не могли отважиться прямо на свержение Шуйского, ибо некого было выставить лучшего на его место.

Для всех недовольных нужен был предлог к восстанию, нужно было лицо, во имя которого можно было действовать, лицо столь могущественное, чтоб могло свергнуть Шуйского, и вместе столь ничтожное, чтоб не могло быть препятствием для достижения каждому своей цели; одним словом, нужен был самозванец: Шуйского можно было свергнуть только так, как свергнут был Годунов.

Царь и Великий князь Василий Иоаннович Шуйский. Миниатюра из «Царского титулярника». 1672 г.

Но кроме недовольных московских, желавших иметь предлог к восстанию против Шуйского, самозванец чрезвычайно понравился казакам, которые увидели в нем средство мучить государство и жить безнаказанно на его счет; еще при жизни Лжедмитрия терские казаки (жившие на реке Терек) провозгласили одного из своих, муромца Илью Коровина, царевичем Петром, сыном царя Феодора Иоанновича, которого будто бы Годунов подменил на девочку Феодосию. Но кроме этого царевича Петра скоро явился опять и дядя его, царь Димитрий.

2. Восстание южных областей в пользу самозванца. 17 мая, когда заговорщики были заняты истреблением самозванца и поляков, один из приверженцев Лжедмитрия, Молчанов, успел скрыться из дворца, из Москвы и направил путь к литовским границам, везде распуская по дороге слухи, что он царь Димитрий, спасающийся от убийц.

В самой Москве в народе пошли слухи о возможности этого спасения; маска, надетая на лицо мертвого Лжедмитрия, подала повод к толкам, что тут скрывалась подстанка; тем более могли верить в спасение Димитрия жители областей, которые ничего не знали. Сам Шуйский видел, что ему нельзя разуверить народ касательно слухов о спасении Лжедмитрия и что гораздо благоразумнее вооружиться против прав его, дабы самозванец, и спасшийся, по мнению некоторых, от убийц, оставался все же самозванцем. Для этого Шуйский велел с большим торжеством перенести из Углича в Москву мощи царевича Димитрия и сам нес их всею Москвою до Архангельского собора, прославляя святость невинного младенца, падшего под ножами убийц, но в Москве помнили очень хорошо, что этот же самый Шуйский объявил, что царевич умертвил сам себя в припадке падучей болезни.

Шуйскому не верили. Народ был в недоумении; опять, как при появлении первого самозванца, он был поражен нравственным бессилием, ибо человек недоумевающий, неуверенный не способен к действию твердому и решительному. Но в то время как у добрых были отняты таким образом руки, у злых, обрадовавшихся смуте, руки развязывались на злые дела.

Возмутилась северская Украина по призыву путивльского воеводы, князя Григория Шаховского; там, в северской стране, подле Шаховского начинает играть важную роль Иван Болотников, прежде бывший холопом и теперь недавно возвратившийся из татарского плена. Болотников обратился к подобным себе, обещая волю, богатство и почести под знаменами Димитрия, и под эти знамена начали стекаться преступники, спасшиеся в Украину от наказания, беглые холопы и крестьяне, казаки; к ним приставали в городах посадские люди и стрельцы.

Они начали в городах хватать воевод и сажать их в тюрьмы; крестьяне и холопы начали нападать на господ своих, мужчин убивали, жен и дочерей заставляли выходить за себя замуж. Царские войска, высланные против Болотникова, были

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru поражены, боярский сын Пашков возмущил Тулу, Венев и Каширу; воевода Сунбулов и дворянин Прокофий Ляпунов возмущили княжество Рязанское. На востоке, по Волге, в Перми, Вятке, восстали также крестьяне, холопы, инородцы; поднялась за Лжедмитрия и отдаленная Астрахань.

3. Борьба Шуйского с Болотниковым и появление второго Лжедмитрия. Болотников переправился за Оку, снова разбил царских воевод в семидесяти верстах от Москвы, беспрепятственно приблизился к самой столице и стал в селе Коломенском, подметными письмами поднимая московскую чернь против высших сословий.

Царствование Шуйского казалось конченным, но дворяне, соединившиеся с Болотниковым, Ляпунов и Сунбулов с товарищами, увидели, с кем у них общее дело, и поспешили отделиться; они предпочли снова служить Шуйскому и явились с повинною в Москву, где были приняты с радостью и награждены. Тверь, Смоленск остались верны царю Василию и прислали своих ратных людей к нему на помощь. Племянник царский, молодой даровитый воевода князь Михайла Васильевич Скопин-Шуйский, поразил Болотникова благодаря особенно отступлению от него Пашкова с дворянами. Болотников принужден был бежать на юг и заперся в Туле, куда пришли к нему казацкий самозванец Лжепетр и Шаховский.

Тогда Шуйский принял меры решительные: он собрал до ста тысяч человек войска и в мае 1607 года сам повел его осаждать Тулу. Осажденные писали в Польшу к друзьям Мнишека, чтоб те выслали им непременно какого-нибудь Лжедмитрия, и второй Лжедмитрий наконец явился. Какого он был происхождения – носились разные слухи, но верного между ними не было ни одного; известно о нем только то, что он был человек умный, грамотный и глубоко развращенный. Он открылся жителям Стародуба, те провозгласили его тотчас же государем, и вся северская страна последовала их примеру. Около самозванца начала собираться дружина, умножавшаяся выходцами из Литвы; но с этою малочисленною дружиною Лжедмитрий не мог идти на освобождение Тулы, и участь ее была решена: удручаемые голодом, осажденные принуждены были сдаться; Шаховского сослали в пустынь на Кубенское озеро, Болотникова утопили, Лжепетра повесили.

4. Самозванец в Тушине. Шуйский с торжеством возвратился в Москву, а между тем самозванец усиливался: к нему пришел из Литвы знаменитый наездник Лисовский, спасающийся от смертной казни, которая грозила ему в отечестве, пришло несколько знатных панов, из которых князь Рожинский сделался гетманом у самозванца; пришли казаки запорожские, донские – последние под начальством Заруцкого. Но казакам было мало одного самозванца; у них явилось их несколько под разными именами, все сыновья и внуки Иоанна Грозного. Эти мелкие самозванцы пропадали без вести, а главный начал успешно свои действия.

Весною 1608 года самозванец с гетманом своим Рожинским двинулся к Болхову, поразил здесь царское войско и поспешно пошел к Москве, где в это время шли переговоры о мире между боярами и послами короля польского: заключено было трехлетнее перемирие, с тем что Шуйский отпускает в Польшу Мнишека с дочерью и всех задержанных после убийства самозванца поляков, а король обязывается отозвать всех поляков, поддерживающих второго самозванца, и вперед никаким самозванцам не верить и за них не вступаться; Юрию Мнишеку не признавать зятем второго Лжедмитрия, дочери своей за него не выдавать, и Марине не называться московскою государынею.

Посланники королевские послали сказать Рожинскому и товарищам его об этих условиях перемирия, но те отвечали, что ничьего приказа слушаться не хотят.

1 июня Лжедмитрий приблизился к Москве и расположился станом по Волоколамской дороге, в селе Тушине, между реками Москвою и Восточною. В битве под самою Москвою на реке Ходынке самозванец потерпел неудачу; несмотря на то, и для Шуйского мало было утешительного в будущем: ни один поляк не оставлял тушинского стана – напротив, приходили один за другим новые отряды, между прочими пришел Ян Сапега, староста усвятский, которого имя вместе с именем Лисовского получило такую знаменитость в нашей истории. Но нужнее всех этих подкреплений для самозванца было присутствие Марины в его стане.

Узнав, что в исполнение договора Мнишек с дочерью отпущены в Польшу, Лжедмитрий послал перехватить их на дороге, что и было исполнено; старый Мнишек решился продать дочь тушинскому вору за богатые обещания, и Марина волею-неволею должна была играть роль царицы в Тушине, роль незавидную, потому что вор обходился с

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinniko1ai.ru
нею очень грубо.

5. Успехи тушинцев на севере. Если со стороны поляков было такое явное нарушение договора, если вор утверждался в Тушине с польскою помощью, то Шуйскому естественно было обратиться с просьбою о помощи к врагу Польши и короля ее Карлу IX Шведскому тем более что последний уже давно предлагал эту помощь. Царь отправил племянника своего, князя Скопина-Шуйского, в Новгород, где он и начал переговоры со шведами относительно вспомогательных войск.

Но в то время как шведы еще только обещали пособить Шуйскому, поляки самозванцевы действовали в пользу своего союзника под Москвой и на севере. Сапега, хотевший действовать отдельно, пошел к Троицкому монастырю и осадил его вместе с Лисовским. Сапега и Лисовский думали скоро управиться с монастырем, но встретили сильное сопротивление: все приступы их были отбиты, осадные работы уничтожены, причем монахи ревностно помогали ратным людям, составлявшим гарнизон укрепленного монастыря.

Троицкий монастырь благодаря религиозному одушевлению защитников святого места, защитников гроба чудотворцева от хищных иноверцев держался, но многие другие города северные достались в руки тушинцам, захваченные врасплох среди смуты, недоумения, сомнений, овладевших гражданами.

Так, захвачены были Суздаль, Владимир, Переяславль Залесский, Ростов; в последнем городе тушинцы захватили митрополита Филарета и отослали его самозванцу, который велел провозгласить его патриархом. Ростовские беглецы смутили и напугали жителей Ярославля, лучшие из которых, покинув дома, разбежались, остальные отправили повинную в Тушино. Двадцать два города присягнули царю тушинскому, по большей части неволею, застигнутые врасплох, увлекаемые примером других городов, в тяжком недоумении, на чьей стороне правда.

6. Восстание народа на севере против тушинцев. Но скоро из этого недоумения жители городов и сел были выведены поведением тушинцев, которые прежде всего думали о деньгах, врывались в дома знатных людей, в лавки к купцам, брали товары без денег, обижали народ на улицах, поборам не было конца.

Услышав об этих насилиях, жители отдаленных северных городов, еще не занятых тушинцами, начали пересылать друг другу грамоты с убеждением поразмыслить, повременить присягою Димитрию; Лжедимитрием, самозванцем, вором они его не называют, ибо не знают на этот счет ничего верного. Если положение городских жителей было тяжело, то еще тягостнее было положение сельских жителей: казаки не знали меры своим неистовствам, вследствие чего крестьянские восстания против тушинцев вспыхнули в разных местах; начали один за другим восставать против них и города.

7. Борьба Москвы с Тушином. В это время, когда северные города, выведенные из терпения насилиями тушинцев, изгоняют их, истребляют воевод, верных Лжедимитрию, как врагов Московского государства (ибо вопрос о государях, о законности того или другого из них по-прежнему не решен для жителей городов), снаряжают ратных людей на помощь этому государству, царь московский Василий продолжает бороться с соседом своим, царем тушинским.

Мы видели, что сначала под знамена самозванца собрались люди из самых низких слоев народонаселения: крестьянин шел к самозванцу для того, чтоб не быть больше крестьянином, чтоб получить выгоднейшее положение, стать помещиком вместо прежнего своего помещика; но теперь, когда подле старой столицы, Москвы, поднялась другая столица, Тушино, с своим особым царем, у которого был свой двор, свое войско, свое управление, то сильное движение произошло во всех сословиях: торговый человек шел из Москвы в Тушино, чтобы сделаться приказным человеком, дьяком; подьячий шел, чтоб сделаться думным дворянином; наконец, люди значительные, князья, но молодые, не надеявшиеся по разным обстоятельствам когда-либо или скоро подвинуться к высшим чинам, шли в Тушино, где тотчас получали желаемое.

Было два царя, московский и тушинский, оба нуждались в слугах, и вот нашлось много людей, которым показалось выгодным удовлетворять требованиям обеих сторон и получать двойную плату. Некоторые, поцеловавши крест в Москве Шуйскому, уходили в Тушино, целовали там крест Лжедимитрию и, взявши у него жалованье, возвращались назад в Москву; Шуйский принимал их ласково, давал награды за

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru раскаяние, но скоро узнавал, что эти раскаявшиеся опять отправились в Тушино требовать жалованья от самозванца. Такие люди получили название перелетов, от легкости, с какой переходили из Москвы в Тушино и обратно. Собирались родные и знакомые, обедали вместе, а после обеда одни отправлялись во дворец к царю Василию, а другие ехали в Тушино.

Шуйского вообще не любили в Москве, но добрые граждане не хотели менять его на какого-нибудь боярина, тем менее на царя тушинского, ибо хорошо знали, чем грозит торжество вора. Вот почему попытки свергнуть Шуйского не удавались, хотя царь жил в постоянной тревоге.

Но зато и тушинский царь не был более спокоен; вся зима 1608–1609 годов прошла в смутах и бунтах, что и мешало вору действовать решительно против Москвы; на весну взбунтовались войсковые слуги, поставили сами себе начальников, ходили по областям и грабили, а к господам своим в Тушино не хотели возвратиться; для укрощения бунтовщиков надобно было выслать целые роты; притом силы самозванца были разделены, разные отряды его войска действовали в разных местах. Под Москвой поэтому происходили битвы частные, но мелкие.

Летом 1609 года произошла значительная битва между речками Ходынкою и Химкою: сначала поляки были победили, но потом русские оправались и прогнали их. Эта битва была последним важным делом между Москвою и Тушином, потому что с двух сторон союзники и враги шли избавить Москву от Тушина.

8. Движение князя Скопина-Шуйского. От Новгорода шел к Москве князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский с пятью тысячами шведов, которых прислал на помощь царю Василию король Карл IX; шведы были под начальством генерала Делагарди; в благодарность за эту помощь Шуйский должен был уступить Швеции город Корелу с уездом и обязался вечным союзом против Польши.

Р.ф. Штейн. Князь Михаил Скопин-Шуйский встречает шведского воеводу Делагарди близ Новгорода. 1609 г.

Весною 1609 года Скопин начал наступательные движения на тушинцев, очистил от них Старую Русу, Торопец, Торжок, Порхов, Орешек, воевода которого, Михайла Глебович Салтыков, приверженец обоих самозванцев, ушел в Тушино. Поразив тушинцев в двух битвах, Скопин приближался к Москве, куда с другой стороны, с востока, шел боярин Шереметев, также приводя города в подданство царю Василию.

Таким образом, север очищался, и главные рати Шуйского с востока и запада сходились к Москве, чтоб под ее стенами дать решительный бой царю тушинскому. Самозванец был сильно встревожен, но гроза поднималась над ним еще и с другой стороны.

9. Вступление польского короля в пределы Московского государства и следствия этого вступления для Тушина. В начале царствования Шуйского королю польскому Сигизмунду, угрожаемому дома сильным возмущением подданных, было не до Москвы. Но возмущение это окончилось торжеством короля, который имел теперь возможность заняться делами внешними, а между тем в дела Московского государства вмешалась Швеция, держава, ему враждебная, и Шуйский заключил с Карлом IX вечный союз против Польши.

При таких обстоятельствах Сигизмунд не мог оставаться более в покое; с другой стороны, послы польские, возвратившиеся из Москвы, уверяли короля, что бояре за него, что стоит только ему показаться с войском в пределах московских, как бояре заставят Шуйского отказаться от престола и провозгласят царем королевича Владислава, сына Сигизмундова. Но, имея власть сильно ограниченную, король Сигизмунд не мог заботиться только о своих фамильных интересах; он прежде всего должен был дать обещание сенату и сейму, что в предстоящей войне с Москвою будет заботиться только о выгодах государства польского.

Вот почему Сигизмунд спешил приобрести для Польши какое-нибудь важное место в московских владениях. Таким местом был Смоленск, издавна предмет спора между Москвою и Литвою. Сигизмунда уведомили, что воевода смоленский Шейн и жители охотно сдадутся ему; особенно торопил короля Лев Сапега, канцлер литовский, и 21

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
сентября 1609 года король стоял под стенами Смоленска. Сигизмунд послал в Смоленск грамоту, в которой писал, что пришел не для пролития крови русской, но для защиты русских людей и будет стараться больше всего о сохранении православной русской веры. Но смольнян нельзя было обмануть подобными уверениями; как соседи Литвы, они хорошо знали, что в ней делается, как там Сигизмунд из ревности к католицизму позволял притеснять православную русскую веру; они отвечали королю, что у них дано обещание: за православную веру, за святые церкви и за царя всем помереть, а литовскому королю и его панам отнюдь не поклониться. С самого начала осада Смоленска пошла неудачно для короля: приступ был отбит, подкопы не удавались.

Не Смоленск, но Тушино испытало на себе весь вред от королевского похода: когда здесь узнали об этом походе, то началось сильное волнение; поляки кричали, что Сигизмунд пришел затем, чтоб отнять у них заслуженные награды и воспользоваться выгодами, которые они приобрели своею кровью и трудами.

Приехали в Тушино послы Сигизмундовы с требованием, чтоб все поляки оставили Лжедмитрия и соединились с войском королевским. Начались переговоры, сопровождавшиеся сильными волнениями; от этих переговоров зависела вся будущность Лжедмитрия, а между тем на него, называвшегося царем, никто не обращал внимания; польские вожди, поставленные в неприятное положение, срывали на нем сердца, бранились с ним, грозили побоями.

Тогда Лжедмитрий решился бежать из Тушина и вечером, переодевшись в крестьянское платье, уехал в Калугу. После отъезда самозванца Рожинскому с товарищами ничего больше не оставалось, как вступить в соглашение с королем. Но в Тушине было много русских: что им было теперь делать? Двинуться за самозванцем они не могли: поляки бы их не пустили; да и трудно им было надеяться, что самозванец успеет поправить свои обстоятельства. Они не могли решиться просить помилования у Шуйского, променять положение верное на участь, еще неизвестную даже и в случае помилования.

Русским тушинцам, как и польским, оставался один выход – вступить в соглашение с королевскими послами, которые убеждали их отдаться под покровительство Сигизмундово. Они приняли это покровительство и отправили своих уполномоченных под Смоленск, к королю.

31 января 1610 года послы от русских тушинцев были торжественно представлены королю; явились люди разных чинов: тут был и боярин Михайла Глебович Салтыков; тут были князья и дьяки; между дьяками первое место занимал Грамотин, человек самой подозрительной нравственности, но грамотный, ловкий, смелый делец; тут был и Федор Андронов, бывший московский кожевник, поднявшийся в Смутное время, умевший приблизиться к первому Лжедмитрию, умевший найти почетное место и при втором в Тушине.

Эти люди объявили, что согласны признать царем московским сына королевского Владислава, и написали условия: неприкосновенность православной русской веры; неприкосновенность прав высших сословий; перемена законов зависит от бояр и всей земли; никого не казнить, не осудя прежде с боярами и думными людьми; людей великих чинов невинно не понижать, а меньших людей возвышать по заслугам.

В этом последнем условии сказалось влияние дьяков и людей, подобных Андронову, которых было много в тушинском стане; незнатные, выхваченные бурями Смутного времени снизу наверх, хотят удержать свое положение и требуют, чтоб новое правительство возвышало людей низших сословий по заслугам, которые они ему окажут. Выговорено было и другое любопытное условие, в котором видно влияние Салтыкова и других приверженцев первого Лжедмитрия, видно влияние долгого пребывания русских в Тушине вместе с чужеземцами, – выговорено, что для науки вольно каждому из народа московского ездить в другие государства христианские. Но, выговорив для себя свободный выезд за границу, тушинцы вытребовали, чтоб переход крестьянский был запрещен и чтоб король не давал вольности холопам.

Между тем в Тушине продолжалось волнение; Марина тайком убежала из стана сперва к Сапеге, который снял осаду Троицкого монастыря в начале 1610 года и расположился в Дмитрове; отсюда уже Марина отправилась в Калугу к мужу, который не терял еще надежды, поддерживаемый преимущественно казаками. Наконец, в первых числах марта 1610 года Рожинский зажег тушинский стан или, скорее, город и пошел по дороге к Волоколамску.

Так Москва без битвы освободилась от Тушина; скоро и Сапега оставил Дмитров и двинулся также к Волоколамску, вследствие чего князь Скопин мог беспрепятственно вступить в Москву.

10. Торжество Скопина и смерть его. Знаменитому воеводе было не более двадцати четырех лет от роду. В один год приобрел он себе славу, которую другие полководцы приобретали подвигами жизни многолетней, и, что еще важнее, приобрел сильную любовь всех добрых граждан, желавших земле успокоения от смут; в то время как старый нелюбимый дядя его Василий не мог ничего сделать для государства, сидя в осаде, и вследствие этого бездействия исчезал для земли, самая видная, царственная деятельность принадлежала Скопину: с его именем для добрых граждан связана была надежда на избавление, на лучшее будущее.

Наружность и характер Скопина много содействовали также приобретению любви народной: это был красивый молодой человек, обнаруживший светлый ум, зрелость суждения не по летам, в деле ратном искусный, храбрый и осторожный вместе, ловкий в обхождении с иностранцами; кто знал его, все отзывались об нем как нельзя лучше. Таков был человек, которому, по-видимому, суждено было очистить Московское государство от воров и поляков, поддержать колебавшийся престол старого дяди, примирить русских людей с фамилией Шуйских, упрочить ее на престоле царском, ибо по смерти бездетного Василия голос всей земли не мог не указать на любимца народного. Но если граждане спокойные, найдя себе точку опоры в племяннике царском, для блага земли и самого Скопина должны были терпеливо дожидаться кончины царя Василия, чтоб законно возвести на престол своего избранника, чистого от нареканий в искательствах властолюбивых, то не хотел спокойно дожидаться этого Ляпунов, не умевший сдерживать своих порывов, не признававший необходимости средств чистых для достижения цели высокой, для прочности дела. Ляпунов отправил к Скопину посланников, которые поздравили его царем от имени Ляпунова и подали грамоту, наполненную укорицами против царя Василия.

Князь М.В. Скопин-Шуйский. Парсуна. Начало XVII века

В первую минуту Скопин разорвал грамоту и велел схватить присланных, но потом позволил им упросить себя и отослал их назад в Рязань, не донеся в Москву. Этим воспользовались, чтоб заподозрить Скопина в глазах дяди.

21 марта 1610 года Скопин с Делагарди имел торжественный въезд в Москву и был встречен москвичами с восторгом. Царь Василий встретил племянника также очень ласково, но иначе вел себя брат царский, князь Димитрий Иванович Шуйский, который считал себя наследником престола и, увидав себе страшного соперника в Скопине, возненавидел его. Делагарди, слыша толки о зависти и ненависти, остерегал Михаила, уговаривал его как можно скорее оставить Москву и выступить к Смоленску против Сигизмунда, положение которого было вовсе не блестящее: Смоленск не сдавался, северские города нужно было брать с большими усилиями, со страшною резнею. Рожинский с тушинскими поляками, остановившийся в Иосифовом Волоколамском монастыре, умер там; после его смерти поляки были вытеснены из монастыря русскими и шведскими их союзниками, причем должны были покинуть русских, выведенных ими из Тушина, и в том числе митрополита Филарета, который, таким образом, получил возможность уехать в Москву.

Одна часть этих тушинских беглецов ушла к Лжедмитрию в Калугу, другая решилась соединиться с королем, но самозванец и Сигизмунд оба не много выигрывали от этой помощи; первый видел московские отряды под самую Калугу, а король, который поспешил под Смоленск с малыми силами в надежде на смуты, терзавшие Московское государство, теперь должен был бояться неравной борьбы с врагами сильными и раздраженными. Видя опасность, он попытался было войти в переговоры с московским царем, но Василий, ободренный благоприятным оборотом дел, отклонил их. Счастье, впрочем, улыбнулось Шуйскому на очень короткое время.

23 апреля князь Скопин на пиру у князя Воротынского занемог кровотечением и после двухнедельной болезни умер. Пошел общий, хотя неосновательный слух об отраве, и преступление было приписано князю Димитрию Шуйскому; подозревали и самого царя Василия. Смерть Скопина и это подозрение были губительны для Шуйского,

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinniko1ai.ru
ибо один Скопин был крепкою связью между царем и народом, поддерживая в последнем надежду на лучшее будущее. Но теперь будущее для народа нисколько уже не связывалось с фамилиею Шуйских: царь Василий стар и бездетен, брата его Димитрия и прежде не любили, не уважали, а теперь обвиняли в отравлении племянника.

Когда, таким образом, смертью Скопина порвана была связь русских людей с Шуйскими, когда взоры многих невольно и тревожно обращались в разные стороны, ища опоры для будущего, раздался голос, призывавший к выходу из тяжелого положения: то был голос знакомый, голос Ляпунова. Рязанский воевода поднимается против Шуйского, требует его свержения, в Калуге заводит переговоры с самозванцем, в Москве совещается с князем Василием Васильевичем Голицыным, который сильно желает занять престол по свержении Шуйского.

11. Сведение царя Василия с престола. В то время когда уже Ляпунов поднял восстание в Рязани, войско московское вместе с вспомогательным шведским отрядом выступило против поляков по направлению к Смоленску. Кто же был главным воеводою?

Князь Димитрий Шуйский, обвиняемый в отравлении племянника, не любимый и без того за гордость, презираемый за изнеженность! Король, узнав о выступлении этого войска, отправил навстречу к нему гетмана Станислава Жолкевского, который напал на Шуйского 24 июня при деревне Клушине и благодаря особенно измене иностранных союзников Шуйского разбил последнего наголову.

После этой победы Жолкевский, провозглашая царем королевича Владислава, пошел к Москве, а с другой стороны спешил к ней из Калуги самозванец, надеявшийся, что москвичи в крайности скорее поддадутся ему, чем признают царем польского королевича. Захар Ляпунов, брат Прокофия, уже волновал Москву; 17 июля толпы народа собрались на Красной площади, отсюда за теснотою места двинулись за Москву-реку, к Серпуховским воротам, и здесь бояре и всякие люди приговорили бить челом царю Василию Ивановичу, чтоб он царство оставил, потому что кровь многая льется, в народе говорят, что он государь несчастлив, и не хотят его города украинские, которые отступили к вору.

Василий должен был согласиться с этим приговором, выехал из дворца в свой прежний боярский дом. Но этим не удовольствовались: 19 июля Захар Ляпунов с товарищами насильно постригли его в монахи и свезли в Чудов монастырь, постригли также и жену его; двоих братьев посадили под стражу.

Междоцарствие

1. Провозглашение царем королевича Владислава. По свержении Шуйского во главе правительства стала дума боярская; все должны были присягать – до избрания нового царя повиноваться боярам. Но где было взять нового царя? Большинство, и большинство огромное, не хотело поляка Владислава, чернь благоприветствовала Лжедимитрию, но знатные и средние люди не хотели о нем и слышать как о воре, царе казацком.

Патриарх Гермоген требовал избрания царя из вельмож русских, предлагал им князя Василия Васильевича Голицына или четырнадцатилетнего Михаила Федоровича Романова, сына митрополита Филарета Никитича. Но это желание выбрать царя из своих не могло на этот раз осуществиться: в Можайске стоял гетман Жолкевский, требуя, чтоб Москва признала царем Владислава, а в селе Коломенском стоял Лжедимитрий.

Временному правительству московскому не было возможности отбиваться от Жолкевского и Лжедимитрия вместе, особенно когда у последнего были приверженцы между низшим народонаселением города, некогда было созывать собор для избрания царя всю землю, надобно было выбирать из двоих готовых искателей престола, Лжедимитрия и Владислава.

Узнавши, что приверженцы Лжедимитрия хотят впустить его войско тайно в Москву, первый боярин, князь Мстиславский, послал сказать Жолкевскому, чтоб тот шел немедленно под столицу. Когда он подошел под Москву, то начались переговоры между ним и боярами. Жолкевский объявил, что он согласен только на те условия избрания Владислава, которые были приняты русскими тушинцами под Смоленском, но так как бояре требовали, чтоб королевич принял православие до приезда своего в Москву, то это условие положено было передать на решение короля.

27 августа происходила торжественная присяга московских жителей королевичу Владиславу, но чрез два дня после этой присяги приехал из-под Смоленска Федор Андронов с письмом от короля, который требовал от гетмана, чтоб Московское государство было упрочено за ним самим, а не за сыном его. Вслед за Андроновым приехал поляк Гонсевский с подробнейшим наказом для гетмана, но не только сам гетман, даже и Гонсевский, узнав положение дел, счел невозможным исполнить желание короля, которого одно имя, по собственному признанию поляков, было ненавистно московскому народу.

Жолкевский не обнаружил ни в чем намерений королевских, исполнил свое обещание, данное боярам, отогнал самозванца от Москвы опять в Калугу и начал настаивать на скорейшее отправление послов к Сигизмунду для испрошения Владислава в цари и для окончательного улажения дела.

Это посольство давало гетману случай удалить из Москвы подозрительных людей, на которых патриарх указывал народу как на достойных занять престол. Жолкевский уговорил Голицына принять на себя посольство: удалив из Москвы, отдавши в руки королевские искателя престола, гетман удалил с тем вместе самого видного по способностям и деятельности боярина, с остальными легче было управиться. Михаил Феодорович Романов был еще очень молод, его нельзя было включить в посольство, и потому Жолкевский постарался, чтоб послом от духовенства назначили отца Михайлова, митрополита Филарета, как человека, соединявшего в себе высоту сана с знатностью происхождения, чего не имели другие архиереи.

Рембрант Харменс ван Рейн. Польский дворянин

2. Посольство Филарета Никитича и князя Б. Б. Голицына к королю; вступление поляков в Москву; отъезд Жолкевского и переговоры великих послов с панями под Смоленском. Филарет и Голицын отправились под Смоленск к королю; Жолкевский остался под Москвою с небольшим своим войском, остался в положении очень опасном: он видел, что русские только вследствие крайней необходимости согласились принять на престол иноземца и никогда не согласятся принять иноверца, а Сигизмунд никогда не согласится позволить сыну принять православие.

Но самозванец помогал гетману: из страха пред простым народом, который не переставал обнаруживать расположение свое к Лжедмитрию, бояре сами предложили Жолкевскому ввести польское войско в Москву; патриарх сначала сильно этому противился, но потом уступил, и ночью с 20 на 21 сентября поляки тихо вступили в Москву. Жолкевский для собственной выгоды хотел предотвратить всякое враждебное столкновение между поляками и русскими: решение распрей между ними предоставлено было равному числу судей из обоих народов, суд был беспристрастный и строгий. Гетман привлек к себе стрельцов обходительностью, подарками и угощениями, подружился с патриархом.

Несмотря, однако, на все эти приятные отношения и ловкие меры, Жолкевский знал, что восстание вспыхнет при первой вести о нежелании короля отпустить Владислава в Москву, знал, что эта весть может прийти очень скоро, и потому поспешил уехать из Москвы, оставя на свое место Гонсевского. Гетман взял с собою к королю сверженного царя Василия Шуйского с двоими его братьями из опасения, чтоб они смут не наделали.

Двое других подозрительных лиц, Филарет и Голицын, были уже под Смоленском во власти короля, в совете которого было решено не отпускать Владислава в Москву на том основании, что он еще молод, требует искусного воспитания, которое трудно получить в Москве, по той же молодости не способен успокоить внутренние волнения; выбранный по необходимости, будет свержен при первом удобном случае, а главное побуждение к свержению уже готово – иноверие. Положено было не отказывать русским прямо в королевиче, помянуть обещаниями, оставляя правление за королем. На этом основании паны объявили великим послам Филарету и Голицыну, что король не может отпустить своего пятнадцатилетнего сына в Москву, хочет прежде сам успокоить Московское государство, после чего паны начали настаивать на самом важном для Польши – чтоб Смоленск сдался на имя королевское.

Послы никак не хотели на это согласиться, требовали, чтоб Владислав немедленно

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru был отпущен в Москву, ибо только такой немедленный приезд его туда уничтожит недоверчивость и прекратит все смуты. Время проходило в бесполезных спорах, причем паны, раздражаемые самой несправедливостью своих требований, позволяли себе жесткие выходы против послов. Приезд гетмана Жолкевского под Смоленск несколько не подвинул дела. Видя непреклонность главных послов, обратились к второстепенным, обещаниями склонили некоторых изменить своему делу, бросить главных послов и отправиться в Москву, чтоб там действовать в пользу короля. Хотели поколебать и думного дьяка Томилу Луговского, суля милости королевские, предлагали ему ехать под Смоленск и уговаривать его жителей к сдаче.

Но Томила остался непреклонен и отвечал: «Как мне это сделать и вечную клятву на себя навести? Не только Господь Бог и люди Московского государства мне за это не потерпят, и земля меня не понесет. Я прислан от Московского государства в челобитчиках, и мне первому соблазн ввести? По Христову слову, лучше навязать на себя камень и вринуться в море. Присланы мы к королевскому величеству не о себе промыслить и челом бить, но о всем Московском государстве».

3. Поведение Салтыкова и Андропова в Москве; восстание восточных городов против Владислава и смерть второго Лжедмитрия. Но не все так думали, как Томила Луговской. Первый боярин, князь Мстиславский, принял от короля сан конюшего; другие писали униженные письма к литовскому канцлеру Льву Сапеге, чтоб похлопотал об них у короля; многие отправились сами к королю под Смоленск бить челом о милостях: до нас дошло множество грамот Сигизмундовых, жалованных разным русским людям на поместья, звания, должности. Таким образом, временное правительство московское, дума боярская, молча согласилось признать короля правителем до приезда Владислава; большая часть бояр, впрочем, этим и ограничивалась, но не ограничивался этим Михайла Глебович Салтыков, который прямо вел дело к тому, чтоб царем был провозглашен не Владислав, а Сигизмунд.

Но одного Салтыкова было мало, а потому в Смоленском стане признали полезным принять услуги и другого рода людей, именно тех тушинцев, которые готовы были на все, чтоб только выйти из толпы. Виднее всех этих людей был Федор Андронов; он умел приблизиться к королю и к его советникам до такой степени, что король приказал московским боярам сделать его государственным казначеем. Андронов в этом новом звании служил верою и правдою королю; все требования Гонсевского он исполнял беспрекословно; лучшие вещи из казны царской были отосланы к королю; некоторые взял себе Гонсевский; Андронов постарался также, чтоб на всех главных местах управления посажены были его тушинские товарищи.

Бояре сильно оскорбились, когда увидели рядом с собою в думе торгового мужика Андропова с важным званием казначея; особенным бесчестием для себя считали они то, что этот торговый мужик осмеливался говорить против старых бояр – Мстиславского, Воротынского, – распоряжаясь всем, пользуясь полной доверенностью короля и Гонсевского. Но если сердились Мстиславские, Воротынские, Голицыны, то еще больше сердился на Андропова боярин Салтыков, который за свою преданность королю хотел играть главную роль и должен был, однако, делиться властью с торговым мужиком. Между этими людьми немедленно же началось соперничество, они доносили друг на друга канцлеру Льву Сапеге, причем каждый выставлял свои заслуги королю и королевству Польскому в прошедшем, свое рвание для будущего; так, Салтыков писал Сапеге: «Пусть король идет в Москву не мешкая, распустив слух, что идет на вора в Калуге. Как будет король в Можайске, то отпиши ко мне сейчас же, а я бояр и всех людей приведу к тому, что пришлют бить челом королю, чтоб пожаловал в Москву, государство сына своего очищал и на вора наступал».

Но Салтыков встречал сильное сопротивление своим замыслам в патриархе, который, блюдя за выгодами Церкви, никак не хотел согласиться на призвание короля в Москву. Народ стоял на стороне патриарха, и, чем яснее обнаруживались замыслы Сигизмунда и его русских клеветов, тем сильнее становилось волнение в пользу вора калужского. По подозрению в сношениях с Лжедмитрием поляки посадили под стражу князя Андрея Голицына (брата Василия Васильевича), Ивана Михайловича Воротынского и Засекина. Казань и Вятка явно присягнули самозванцу и разослали грамоты по другим городам, убеждая их сделать то же самое. Но города переписывались о присяге Лжедмитрию, когда уже его не было в живых: 11 декабря он был убит крещеным татаринном Петром Урусовым, который поклялся отомстить ему за служилого татарского царя касимовского, умерщвленного по приказу Лжедмитрия.

4. Первое общее восстание против поляков. Смерть вора была вторым поворотным событием в истории Смутного времени, считая первым вступление короля Сигизмунда

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru в пределы Московского государства, – вступление, поведшее, с одной стороны, к уничтожению тушинского стана, с другой – к свержению Шуйского. Теперь, по смерти самозванца, у короля и московских приверженцев его не было более предлога требовать дальнейшего движения Сигизмундова в русские области.

Лучшие люди в Москве и по областям, которые согласились призвать царем Владислава только из страха покориться казацкому царю, теперь освобождались от этого страха и могли действовать свободнее против поляков. Как только в Москве узнали, что вор убит, то русские люди обрадовались и стали друг с другом говорить, как бы всей земле, всем людям соединиться и стать против литовских людей, чтоб они из земли Московской вышли все до одного.

Салтыков и Андронов писали к Сигизмунду, что патриарх призывает к себе всяких людей явно и говорит: если королевич не крестится в христианскую веру и все литовские люди не выйдут из Московской земли, то королевич нам не государь; такие же слова патриарх и в грамотах писал во многие города, а москвичи всякие люди хотят стоять против поляков. Но и тут, при всеобщей готовности стоять против поляков, первый двинулся Ляпунов в Рязани. И другие города начали опять переписываться друг с другом, увещевать друг друга стать за веру православную, вооружиться на поляков, грозящих ей гибелью.

Первые подали голос жители волостей смоленских, занятых, опустошенных поляками. Смольняне писали, что они покорились полякам, дабы не лишиться православного христианства и не подвергнуться конечной гибели, и, несмотря на то, подвергаются ей: вера поругана, церкви разорены, все разграблено. Москвичи, получив эту грамоту, разослали ее в разные города с приложением собственной увещательной грамоты. Области поднялись на этот призыв к соединению для защиты веры, собирались под знамена служилые люди, дворяне и дети боярские, горожане складывались и давали им содержание.

5. Причины неудачи первого ополчения. Несмотря, однако, на сильное одушевление и ревность к очищению государства от врагов иноверных, предприятие не могло иметь успеха по двум причинам: во-первых, потому, что во главе его становился Ляпунов, человек страстный, не могший принести свои личные отношения в жертву общему делу. Выдвинутый бурями Смутного времени на высокое место, стремясь страстно к первенству, Ляпунов ненавидел людей, которые загораживали ему дорогу, опираясь на свое прежнее значение, на значение своих предков. Ставши главным вождем ополчения, он не только не хотел сделать никакой уступки людям знатным, но находил особенное удовольствие унижать их, величась перед ними своим новым положением, и тем самым возбуждать негодование, вражду, смуты.

Другой, еще более важной причиной неуспеха было то, что Ляпунов, издавна неразборчивый в средствах, и теперь, при восстании земли для очищения государства, для установления порядка, подал руку – кому же? – врагам всякого порядка, людям, жившим смутой, – казакам. С ним соединились казаки, бывшие под начальством Заруцкого, Просовецкого, князя Димитрия Тимофеевича Трубецкого – все тушинских бояр и воевод. Трубецкой и Заруцкий приглашали отовсюду казаков, обещая крепостным людям волю и жалованье.

6. Сожжение Москвы. В это время, когда и дворяне, и казаки с разных сторон, с разными целями спешили к Москве, Салтыков с товарищами предложил боярам просить короля, чтоб отпустил Владислава в Москву; к великим послам Филарету и Голицыну написать, чтоб отдались во всем на волю королевскую, а к Ляпунову – чтоб не затевал восстания. Бояре согласились, но не согласился Гермоген.

«Положиться на королевскую волю, – говорил он, – значит целовать крест самому королю, а не королевичу, и я таких грамот не благословляю вам писать, а к Прокофью Ляпунову напишу, что если королевич на Московское государство не будет, в православную христианскую веру не крестится и Литвы из Московского государства не выведет, то благословляю всех идти под Москву и помереть за православную веру».

Салтыков начал бранить Гермогена и вынул даже нож; но патриарх, перекрестив его, сказал: «Крестное знамение да будет против твоего окаянного ножа, будь ты проклят в сем веке и в будущем!»

Таким образом, приказ послам положиться во всем на волю королевскую был отправлен за подписью одних бояр, без патриарховой. На этом основании Филарет и

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
Голицын отказались исполнить приказ; они говорили: «Отпускали нас патриарх, бояре и все люди Московского государства, а не одни бояре; теперь мы стали безгосударны, и патриарх у нас человек начальный, без патриарха теперь о таком великом деле советовать непригоже».

Видя непоколебимость этого начального человека, поляки посадили его под стражу, никого не велели пускать к нему, всем русским людям в Москве запретили ходить с оружием, а сами сильно вооружались, предвидя осаду.

19 марта 1611 года, во вторник на Страстной неделе, поляки начали принуждать извозчиков, чтоб шли помогать им тащить пушки на башню. Извозчики не согласились, начался спор, крик; немцы, находившиеся в польской службе, думая, что началось народное восстание, ринулись на толпу и стали бить русских; поляки последовали примеру немцев, и началась страшная резня безоружного народа в Китай-городе, где погибло до семи тысяч человек; но в Белом городе русские имели время собраться, вооружиться, прогнали неприятеля в Кремль и Китай, причем важную помощь народу оказал князь Димитрий Михайлович Пожарский, прославившийся при Шуйском защитой Зарайска от Лжедмитрия.

Загнанные в Кремль и Китай-город, обхваченные со всех сторон восставшим народонаселением, поляки зажгли Москву в нескольких местах, и весь город, кроме Кремля и Китая, выгорел. Но поляки торжествовали недолго среди пепла и развалин московских: 25 марта, в понедельник на Святой неделе, ополчение Ляпунова, Заруцкого и других воевод, в числе ста тысяч человек, подошло к Москве и осадило неприятеля, который вскоре был приведен в бедственное положение по недостатку съестных припасов.

7. Заточение Филарета и Голицына и взятие Смоленска. В то же время под Смоленском паны вымогали на послах Филарете и Голицыне, чтоб они согласились впустить поляков в Смоленск; те не согласились, и 12 апреля их схватили, ограбили и отправили в заточение в Мариенбург, в Пруссию.

П.П. Чистяков. Патриарх Гермоген в темнице отказывается подписать грамоту поляков

3 июня Смоленск был взят приступом после геройского сопротивления жителей, которое сами поляки сравнивают с сопротивлением сагунтинцев. Шеина пытали, отправили в оковах в Литву. Радость о взятии Смоленска была неописанная в Литве и Польше; думали, что этим взятием все кончено; забыли, что в Москве горсть поляков осаждена многочисленным неприятелем.

Вместо того чтоб тотчас же идти к ним на помощь, король принужден был распустить войско и отправился на сейм в Варшаву, куда повезли и пленного царя московского Василия Шуйского с братьями; давши народу варшавскому невиданное зрелище – торжественный въезд пленного московского царя, Шуйских заключили в Гостынский замок, где Василий Иванович с братом Димитрием скоро умерли.

8. Смерть Ляпунова. Осажденные в Москве поляки остались без помощи и были спасены только раздором, господствовавшим в стане осаждавших.

30 июня 1611 года «Московского государства разных земель царевичи (татарские), бояре, окольные и всякие служилые люди, которые стояли за дом Пресвятой Богородицы и за православную христианскую веру, приговорили и выбрали всю землю бояр и воевод: князя Димитрия Тимофеевича Трубецкого, Ивана Мартыновича Заруцкого да думного дворянина Прокофья Петровича Ляпунова, чтоб они строили землю и всяким земским и ратным делом промышляли; если же они всяких земских и ратных дел делать не станут, то всю землю вольно их переменить, а на их место выбрать других, поговоря со всею землею».

Но между этими избранными троеначальниками была великая ненависть и гордость, ни один не хотел быть меньше другого, всякий хотел один владеть. Ляпунов попрекал Трубецкому и Заруцкому Тушином, от гордости его отецким детям много позора было: не только дети боярские, но и сами бояре должны были приходиться к нему на поклон и стояли у его избы долгое время, никого к себе прямо не пускал, а к казакам был очень жесток, и за то была на него ненависть большая. Этой ненавистью воспользовался Гонсевский, чтоб погубить Ляпунова, который был ему опаснее всех

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
других воевод как воевода дворянский, а не казацкий и как человек, который превосходил своих товарищей способностями и энергиею.

На одной из стычек поляки взяли в плен донского казака, который был побратимом атамана Заварзина; Заварзин начал стараться, как бы освободить товарища, и выпросил у Гонсевского позволение повидаться с ним и переговорить. Гонсевский воспользовался этим случаем, велел написать грамоту от имени Ляпунова, в которой тот писал во все города: «Где поймают казака – бить и топить». Под руку Ляпунова искусно было подписано на грамоте, которую пленный казак отдал Заварзину, а Заварзин, возвратившись в стан, показал ее казакам.

Казаки, по обычаю своему, собрались в круге, куда вызвали Ляпунова, и стали кричать, что он изменник; Ляпунов отрекался, что он грамоты не писал; начался спор и кончился тем, что Ляпунов лежал мертвый под казацкими саблями; с ним вместе убили Ивана Никитича Ржевского, который был Ляпунову большой недруг, но тут, видя его правду, за него стал и умер с ним вместе.

Со смертью Ляпунова дворяне остались без вождя во власти казаков; многие из них были побиты, многие изувечены, другие разъехались по домам; нашлись и такие, которые купили у Заруцкого воеводства и разные другие должности и отправились по городам наверх стывать заплаченные деньги; казаки ездили по дорогам станицами, грабили и побивали.

9. Взятие Новгорода шведами и появление третьего самозванца. В то время, когда казаки убийством Ляпунова и разогнанием лучших дворян остановили успехи ополчения под Москвою, на северо-западе Новгород Великий достался в руки шведам. После Клушинского сражения Делагарди отступил со своим отрядом на северо-запад, и когда Москва присягнула врагу короля его, Владиславу Польскому, то начал враждебно действовать против русских, забирать их города. Но когда произошло восстание против Владислава и поляков, то вожди ополчения завели сношения со шведами насчет избрания в цари одного из сыновей Карла IX.

Переговоры затянулись, потому что и шведы, подобно полякам, требовали прежде всего денег и городов, а между тем в Новгороде происходили смуты, ссоры между воеводами, подавшие Делагарди надежду овладеть городом. Надежда исполнилась: в ночь на 16 июля по указанию одного изменника шведы вошли в Новгород так, что никто не видал, общего сопротивления не было, частные геройские сопротивления не помогли: в одном месте выставили сильное сопротивление стрелецкий голова Гаятин, дьяк Голенищев, Орлов и казачий атаман Шаров с сорока казаками; в другом – софийский протопоп Аммос, погибший в пламени со всеми своими товарищами.

Новгород покорился шведам с условием, что один из сыновей королевских будет царем русским, но обязался признать покровителем своим самого короля. В Новгороде были шведы, в Псковской области явился новый самозванец, Лжедмитрий; подмосковное ополчение Трубецкого и Заруцкого продолжало осаду, битвы происходили здесь с переменным счастьем: литовский гетман Ходкевич, пришедший осенью на помощь к осажденным, не мог ничего сделать и отступил после нескольких не очень удачных для себя сшибок; неудача его происходила оттого, что у него было всего две тысячи войска, да и это войско делилось на партии.

Бояре, осажденные вместе с поляками в Кремле, видели, что только немедленное прибытие короля или королевича с войском может спасти их, и потому отправили к Сигизмунду новое посольство, составленное из князя Юрия Никитича Трубецкого и Михайлы Глебовича Салтыкова, готовых удовлетворить всем требованиям королевским. Но русские люди в областях ждали спасения не от короля из Польши и не от казаков, стоящих под Москвою: гибель Ляпунова открыла им глаза насчет казаков, и они решились покончить с ними.

Так, жители Казани писали пермичам: «Под Москвою, господа, поборника по Христовой вере Прокофья Петровича Ляпунова казаки убили, но мы согласились: быть всем в соединении, за Московское и Казанское государство стоять, дурного ничего друг над другом не делать, быть всем по-прежнему, казаков в города не пускать, стоять на том крепко до тех пор, пока Бог даст на Московское государство государя, а выбрать нам государя всею землею; если же казаки станут выбирать государя одни по всей воле, то нам такого государя не хотеть».

10. Троицкие грамоты. Таким образом, смерть Ляпунова не привела в отчаяние русских людей; нравственные силы народа были напряжены по-прежнему, и

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru по-прежнему раздавались увещания к единодушному стоянию за веру отцовскую. Прежде призывал к восстанию за веру начальный человек, патриарх; теперь не было его слышно из темницы кремлевской, но вместо грамот патриарших шли призывные грамоты от властей Троицкого Сергиева монастыря, от архимандрита Дионисия и келаря Авраамия Палицына. Смиранный и уступчивый, когда дело шло о нем самом, Дионисий шел впереди, обнаруживал необыкновенную твердость, когда дело шло о благе общем, о служении страждущим.

Когда Москва была разорена и казаки свирепствовали в окрестных областях, толпы беглецов, изломанных, обоженных, истерзанных, с разных сторон устремились к Троицкому монастырю. Приведенные в отчаяние множеством этих несчастных, монахи, слуги и крестьяне монастырские не знали что делать; Дионисий воодушевил их и заставил подавать деятельную помощь несчастным: монастырь Троицкий превратился в больницу и богадельню, а в келье архимандричьей сидели писцы борзые, сочиняли увещательные послания и рассылали по городам и полкам, призывая к очищению земли.

11. Минин и Пожарский. В октябре 1611 года увещательная троицкая грамота явилась в Нижнем Новгороде; когда в соборной церкви протопоп прочел ее пред всем народом, то земский староста (градский глава) мясной торговец Кузьма Минич Сухорукий начал говорить: «Если мы захотим помочь Московскому государству, то нечего нам жалеть имения, не пожалеем ничего: дома свои продадим, жен и детей заложим и будем бить челом – кто бы вступился за православную веру и был у нас начальником». Положено было скликать служилых людей и собирать деньги им на жалованье. Но прежде чем скликать ратных людей, надобно было найти воеводу.

Изображение архимандрита Троице-Сергиевой Лавры Дионисия. Иллюстрация из научного труда Ф.Г. Солнцева «Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению императора Николая I»

В это время в Суздальской области жил воевода, известный князь Димитрий Михайлович Пожарский, долечивавшийся от ран, полученных им при разорении Москвы. Минин снесся с ним, уладил дело и сказал народу, что не за кем больше посылать, кроме князя Пожарского. На просьбу нижегородцев Пожарский отвечал: «Рад я вашему совету, готов хоть сейчас ехать, но выберите прежде из посадских людей, кому со мною у такого великого дела быть и казну собирать». Когда нижегородцы отвечали, что у них нет на примете такого человека, то Пожарский сказал: «Есть у вас Кузьма Минин, бывал он человек служилый, ему это дело за обычай».

Тогда нижегородцы стали бить челом Кузьме, чтоб принял за дело; Минин отказывался до тех пор, пока нижегородцы не сдались на всю его волю, пока не написали приговора, что не пожалеют ничего для великого дела.

12. Пожарский в Ярославле. Как скоро разнеслось везде, что нижегородцы поднялись и готовы на всякие жертвования, то ратные люди стали собираться к ним отовсюду. Пожарский с нижегородцами разослал повсюду грамоты, в которых говорилось: «Теперь мы, Нижнего Новгорода всякие люди, идем на помощь Московскому государству; к нам приехали из многих городов дворяне, и мы приговорили имение свое и дома с ними разделить, жалованье им дать. И вам бы, господа, также идти на литовских людей поскорее. От казаков ничего не опасайтесь: как будем все в соборе, то всей землей совет учиним и ворами ничего дурного сделать не дадим. Непременно быть бы вам с нами в одном совете и на поляков идти вместе, чтоб казаки по-прежнему рати не разогнали».

В.А. Котарбинский. Больной князь Дмитрий Пожарский принимает московских послов. 1882 г.

Так кончился 1611 и начался 1612 год. Весть о новом ополчении добрых граждан встревожила одинаково и осажденных поляков в Москве, и осаждающих казаков. Поляки прислали к Гермогену русских людей, которые стали его уговаривать отписать к нижегородскому ополчению, чтоб не ходило под Москву; Гермоген отвечал: «Да будут благословенны те, которые идут для очищения Московского

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru государства, а вы, изменники, будьте прокляты». Скоро после этого Гермоген скончался (17 февраля 1612 года) от недостатка в пище.

В то время как добрые граждане приговорили пожертвовать всем для успокоения государства, казаки подмосковного стана приговорили присягнуть третьему, псковскому самозванцу и послать отряды на север, чтоб мешать нижегородскому ополчению. Но Пожарский предупредил казаков и в первых числах апреля занял Ярославль, важный пункт, обеспечивающий соединение с северными областями.

Скоро пришла весть, что подмосковное ополчение отказалось от третьего самозванца, который был схвачен в Пскове, но ополчение Пожарского должно было надолго остановиться в Ярославле: во-первых, надобно было подождать ратных людей, шедших из отдаленных областей, потом нужно было выгнать казацкие шайки, разбойничавшие в северных уездах, нужно было обезопасить себя и от шведов, занимавших Новгород.

С казаками управились силой; шведов положено было манить переговорами насчет избрания одного из их королевичей в цари русские. Для прекращения внутренних смут, споров между начальными людьми о старшинстве вызван был в посредники бывший ростовский митрополит Кирилл, которому и удалось утишить распри. Но когда все уладилось и ополчение готово было выступить из Ярославля, Пожарский чуть-чуть не погиб от ножа убийцы вследствие казацкого заговора.

13. Пожарский в Москве. Понятно, с каким чувством после этого Пожарский и все ополчение должны были выступать в поход под Москву, где под видом союзников должны были встретить убийц.

К счастью, число казаков под Москвой очень уменьшилось: Заруцкий с преданными ему казаками покинул стан, взял в Коломне Марину с маленьким ее сыном Иваном, которого она имела от тушинского вора, и пошел на юго-восток, к степям, приволью казаков и самозванцев. Число поляков, сидевших в Кремле и в Китай-городе, также очень уменьшилось: многие из них самовольно оставили службу и ушли в Польшу; уехал и Гонсевский, на место которого принял начальство Струсь. Но зато опять шел к Москве гетман Ходкевич; Пожарский упредил его и 18 августа подошел к Москве.

Трубецкой с казаками требовали, чтоб новое ополчение стало с ними вместе; но ратные люди, пришедшие с Пожарским, помнили участь Ляпунова и объявили: «Отнюдь нам вместе с казаками не стаивать». Вечером 21 августа явился под Москву и Ходкевич. Чтоб загородить ему дорогу в Кремль, русское войско стало по обоим берегам Москвы-реки – Пожарский на левом, Трубецкой на правом. Двадцать второго числа гетман напал на Пожарского, но был отбит; двадцать четвертого он двинулся по правой стороне реки к Кремлю; казаки в решительную минуту отказались биться и ушли в свой стан, но троцкий келарь Авраамий Палицын успел уговорить их вступить в дело; тогда общими усилиями дворян и казаков, и особенно благодаря смелому движению Минина с отборным отрядом, дело кончилось в пользу русских: Ходкевич был отбит и ушел к литовским границам, не успев снабдить осажденных съестными припасами.

14. Очищение Китай-города и Кремля от поляков. 22 октября казаки пошли на приступ и взяли Китай-город. В Кремле поляки держались еще месяц, терпя страшный голод, заставлявший есть человеческое мясо; наконец сдались на условия, чтоб им была оставлена жизнь.

Сперва были выпущены из Кремля бояре – князя Мстиславский, Воротынский, Иван Никитич Романов с племянником Михаилом Федоровичем; потом вышел Струсь с товарищами, а 27 ноября ополчение и народ с торжеством вошли в очищенный от врагов Кремль. Трубецкой и Пожарский после отбития Ходкевича жили согласно и вместе управляли делами, потому что Пожарский, не будучи нисколько похож на Ляпунова, отличался скромностью и уступил Трубецкому первенство как старшему по чину: Трубецкой был боярин, а Пожарский – стольник.

Но казаки Трубецкого не давали покоя дворянам Пожарского; пропивая и проигрывая все получаемое, казаки были постоянно бедны, постоянно требовали жалованья и волновались в случае отказа, кричали, что побьют начальных людей; едва между ними и дворянами не дошло до боя.

15. Неудачный поход короля Сигизмунда против Москвы и избрание царя Михаила

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
Феодоровича Романова. Ратные люди, думая, что с очищением Кремля все кончено, начали разъезжаться из Москвы, как вдруг пришла весть, что сам король Сигизмунд идет с войском к столице.

В Москве сильно испугались, ибо ни войска, ни съестных припасов в достаточном количестве для осады не было. Страх, впрочем, был непродолжителен: король с тем небольшим войском, какое у него было, не мог даже взять и Волоколамска и ушел назад в Польшу. Отступление Сигизмунда дало досуг заняться избранием царя всею землею. Разосланы были грамоты по городам, чтоб присланы были в Москву духовные власти и выборные из дворян, детей боярских, торговых, посадских и уездных людей; чтоб выбраны были лучшие люди, крепкие и разумные, и чтоб духовенство и эти выборные договорились в своих городах накрепко и взяли у всяких людей полные договоры насчет царского избрания.

Э.Э. Лиснер. Изгнание польских интервентов из Московского Кремля. 1612 г.

Когда выборные съехались, назначен был трехдневный пост, после которого начались соборы. Положили прежде всего не выбирать иностранцев, выбирать своих, русских; тут начались козни, смуты и волнения: всякий хотел по своей мысли делать, всякий хотел своего, некоторые хотели сами престола, подкупали и засылали; образовались партии, но ни одна из них не брала верх; наконец произнесено было имя, которое согласило всех, имя Михаила Феодоровича Романова.

21 февраля 1613 года был последний собор: каждый чин подал письменное мнение, и все эти мнения найдены сходными, все чины указывали на одного человека – Михаила Феодоровича. Пошли несколько духовных лиц и один боярин на Лобное место и спросили у народа, наполнявшего Красную площадь, кого он хочет в цари. «Михаила Феодоровича Романова», – был ответ.

Василий Осипович Ключевский
Лекция XLII

Скрытые причины Смуты открываются при обзоре событий Смутного времени в их последовательном развитии и внутренней связи. Отличительной особенностью Смуты является то, что в ней последовательно выступают все классы русского общества, и выступают в том самом порядке, в каком они лежали в тогдашнем составе русского общества, как были размещены по своему сравнительному значению в государстве на социальной лестнице чинов. На вершине этой лестницы стояло боярство; оно и начало Смуту.

ЦАРЬ БОРИС. Царь Борис законным путем земского соборного избрания вступил на престол и мог стать основателем новой династии как по своим личным качествам, так и по своим политическим заслугам. Но бояре, много натерпевшиеся при Грозном, теперь при выборном царе из своей братии не хотели довольствоваться простым обычаем, на котором держалось их политическое значение при прежней династии. Они ждали от Бориса более прочного обеспечения этого значения, т. е. ограничения его власти формальным актом, «чтобы он государству по предписанной грамоте крест целовал», как говорит известие, дошедшее от того времени в бумагах историка XVIII в. Татищева.

Борис поступил с обычным своим двоедушием: он хорошо понимал молчаливое ожидание бояр, но не хотел ни уступить, ни отказать прямо, и вся затеянная им комедия упрямого отказа от предлагаемой власти была только уловкой с целью уклониться от условий, на которых эта власть предлагалась.

Бояре молчали, ожидая, что Годунов сам заговорит с ними об этих условиях, о крестоцеловании, а Борис молчал и отказывался от власти, надеясь, что земский собор выберет его без всяких условий. Борис перемолчал бояр и был выбран без всяких условий. Это была ошибка Годунова, за которую он со своей семьей жестоко поплатился. Он сразу дал этим чрезвычайно фальшивую постановку своей власти. Ему следовало всего крепче держаться за свое значение земского избранника, а он старался приспособиться к старой династии по вымышленным завещательным распоряжениям.

Соборное определение смело уверяет, будто Грозный, поручая Борису своего сына Федора, сказал: «По его преставлении тебе приказываю и царство сие». Как будто

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
Грозный предвидел и гибель царевича Димитрия, и бездетную смерть Федора. И царь Федор, умирая, будто «вручил царство свое» тому же Борису.

Все эти выдумки – плод приятельского усердия патриарха Иова, редактировавшего соборное определение. Борис был не наследственный вотчинник Московского государства, а народный избранник, начинал особый ряд царей с новым государственным значением. Чтобы не быть смешным или ненавистным, ему следовало и вести себя иначе, а не пародировать погибшую династию с ее удельными привычками и предрассудками.

Б.А. Чориков. Избрание Бориса Годунова на царство

Большие бояре с князьями Шуйскими во главе были против избрания Бориса, опасаясь, по выражению летописца, что «быти от него людям и себе гонению». Надобно было рассеять это опасение, и некоторое время большое боярство, кажется, ожидало этого.

Один сторонник царя Василия Шуйского, писавший по его внушению, замечает, что большие бояре, князья Рюриковичи, сродники по родословцу прежних царей московских и достойные их преемники, не хотели избирать царя из своей среды, а отдали это дело на волю народа, так как и без того они были при прежних царях велики и славны не только в России, но и в дальних странах. Но это величие и славу надобно было обеспечить от произвола, не признающего ни великих, ни славных, а обеспечение могло состоять только в ограничении власти избранного царя, чего и ждали бояре.

Борису следовало взять на себя почин в деле, превратив при этом земский собор из случайного должностного собрания в постоянное народное представительство, идея которого уже бродила в московских умах при Грозном и созыва которого требовал сам Борис, чтобы быть всенародно избранным. Это примирило бы с ним оппозиционное боярство и – кто знает? – отвратило бы беды, постигшие его с семьей и Россию, сделав его родоначальником новой династии. Но «проныр лукавый» при недостатке политического сознания перехитрил самого себя.

Когда бояре увидели, что их надежды обмануты, что новый царь расположен править так же самовластно, как правил Иван Грозный, они решили тайно действовать против него. Русские современники прямо объясняют несчастья Бориса негодованием чиновников всей Русской земли, от которых много напастных зол на него восстало. Чувя глухой ропот бояр, Борис принял меры, чтобы оградить себя от их козней: была сплетена сложная сеть тайного полицейского надзора, в котором главную роль играли боярские холопы, доносившие на своих господ, и выпущенные из тюрем воры, которые, шныряя по московским улицам, подслушивали, что говорили о царе, и хватали каждого, сказавшего неосторожное слово.

Донос и клевета быстро стали страшными общественными язвами: доносили друг на друга люди всех классов, даже духовные; члены семейств боялись говорить друг с другом; страшно было произнести имя царя – сыщик хватал и доставлял в застенки. Доносы сопровождалась опалами, пытками, казнями и разорением домов. «Ни при одном государе таких бед не бывало», по замечанию современников. С особенным озлоблением накинута Борис на значительный боярский кружок с Романовыми во главе, в которых, как в двоюродных братьях царя Федора, видел своих недоброжелателей и соперников.

Пятерых Никитичей, их родных и приятелей с женами, детьми, сестрами, племянниками разбросали по отдаленным углам государства, а старшего Никитича, будущего патриарха Филарета, при этом еще и постригли, как и жену его. Наконец, Борис совсем обезумел, хотел знать домашние помыслы, читать в сердцах и хозяйничать в чужой совести. Он разослал всюду особую молитву, которую во всех домах за трапезой должны были произносить при заздравной чаше за царя и его семейство. Читая эту лицемерную и хвастливую молитву, проникаешься сожалением, до чего может потеряться человек, хотя бы и царь.

Всеми этими мерами Борис создал себе ненавистное положение. Боярская знать с вековыми преданиями скрылась по подворьям, усадьбам и дальним тюрьмам. На ее место повывезли из щелей неведомые Годуновы с товарищи и завистливой шайкой

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
околожили престол, наполнили двор. На место династии стала родня, главой которой явился земский избранник, превратившийся в мелкодушного полицейского труса. Он спрятался во дворце, редко выходил к народу и не принимал сам челобитных, как это делали прежние цари. Всех подозревая, мучась воспоминаниями и страхами, он показал, что всех боится, как вор, ежеминутно опасющийся быть пойманным, по удачному выражению одного жившего тогда в Москве иностранца.

ЛЖЕДИМИТРИЙ I. В гнезде наиболее гонимого Борисом боярства с Романовыми во главе, по всей вероятности, и была высижена мысль о самозванце. Винули поляков, что они его подстроили; но он был только испечен в польской печке, а заквашен в Москве. Недаром Борис, как только услышал о появлении Лжедмитрия, прямо сказал боярам, что это их дело, что они подставили самозванца.

Этот неведомый кто-то, воссевший на московский престол после Бориса, возбуждает большой анекдотический интерес. Его личность доселе остается загадочной, несмотря на все усилия ученых разгадать ее. Долго господствовало мнение, идущее от самого Бориса, что это был сын галицкого мелкого дворянина Юрий Отрепьев, в иночестве Григорий. Не буду рассказывать о похождениях этого человека, вам достаточно известных.

Упомяну только, что в Москве он служил холопом у бояр Романовых и у князя Черкасского, потом принял монашество, за книжность и составление похвалы московским чудотворцам взят был к патриарху в книгописцы и здесь вдруг с чего-то начал говорить, что он, пожалуй, будет и царем на Москве. Ему предстояло за это заглохнуть в дальнем монастыре; но какие-то сильные люди прикрыли его, и он бежал в Литву в то самое время, когда обрушились опалы на романовский кружок. Тот, кто в Польше назвался царевичем Димитрием, признавался, что ему покровительствовал В. Щелкалов, большой дьяк, тоже подвергавшийся гонению от Годунова.

Трудно сказать, был ли первым самозванцем этот Григорий или кто другой, что, впрочем, менее вероятно. Но для нас важна не личность самозванца, а его личина, роль, им сыгранная. На престоле московских государей он был небывалым явлением. Молодой человек, роста ниже среднего, некрасивый, рыжеватый, неловкий, с грустно-задумчивым выражением лица, он в своей наружности вовсе не отражал своей духовной природы: богато одаренный, с бойким умом, легко разрешавшим в Боярской думе самые трудные вопросы, с живым, даже пылким темпераментом, в опасные минуты доводившим его храбрость до удалства, податливый на увлечения, он был мастер говорить, обнаруживал и довольно разнообразные знания.

Лжедмитрий I. Парсуна. Начало XVII века

Он совершенно изменил чопорный порядок жизни старых московских государей и их тяжелое, угнетательное отношение к людям, нарушал заветные обычаи священной московской старины, не спал после обеда, не ходил в баню, со всеми обращался просто, обходительно, не по-царски. Он тотчас показал себя деятельным управителем, чуждался жестокости, сам вникал во все, каждый день бывал в Боярской думе, сам обучал ратных людей.

Своим образом действий он приобрел широкую и сильную привязанность в народе, хотя в Москве кое-кто подозревал и открыто обличал его в самозванстве. Лучший и преданнейший его слуга П.Ф. Басманов под рукой признавался иностранцам, что царь – не сын Ивана Грозного, но его признают царем потому, что присягали ему, и потому еще, что лучшего царя теперь и не найти. Но сам Лжедмитрий смотрел на себя совсем иначе: он держался как законный, природный царь, вполне уверенный в своем царственном происхождении; никто из близко знавших его людей не подметил на его лице ни малейшей морщины сомнения в этом. Он был убежден, что и вся земля смотрит на него точно так же.

Марина Мнишек. Парсуна. Начало XVII века

Дело о князьях Шуйских, распространявших слухи о его самозванстве, свое личное

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru дело, он отдал на суд всей земли и для того созвал земский собор, первый собор, приблизившийся к типу народнопредставительского, с выборными от всех чинов или сословий. Смертный приговор, произнесенный этим собором, Лжедмитрий заменил ссылкой, но скоро вернул ссыльных и возвратил им боярство. Царь, сознававший себя обманщиком, укравшим власть, едва ли поступил бы так рискованно и доверчиво, а Борис Годунов в подобном случае, наверное, разделался бы с попавшимися келейно в застенке, а потом переморил бы их по тюрьмам. Но как сложился в Лжедмитрии такой взгляд на себя, это остается загадкой столько же исторической, сколько и психологической. Как бы то ни было, но он не усидел на престоле, потому что не оправдал боярских ожиданий. Он не хотел быть орудием в руках бояр, действовал слишком самостоятельно, развивал свои особые политические планы, во внешней политике даже очень смелые и широкие, хлопотал поднять против турок и татар все католические державы с православной Россией во главе.

По временам он ставил на вид своим советникам в думе, что они ничего не видали, ничему не учились, что им надо ездить за границу для образования, но это он делал вежливо, безобидно. Всего досаднее было для великородных бояр приближение к престолу мнимой незнатной родни царя и его слабость к иноземцам, особенно к католикам. В Боярской думе рядом с одним кн. Мстиславским, двумя князьями Шуйскими и одним кн. Голицыным в звании бояр сидело целых пятеро каких-нибудь Нагих, а среди окольных значились три бывших дьяка. Еще более возмущали не одних бояр, но и всех москвичей своевольные и разгульные поляки, которыми новый царь наводнил Москву. В записках польского гетмана Жолкевского, принимавшего деятельное участие в московских делах Смутного времени, рассказана одна небольшая сцена, разыгравшаяся в Кракове, выразительно изображающая положение дел в Москве.

В самом начале 1606 г. туда приехал от Лжедмитрия посол Безобразов известить короля о вступлении нового царя на московский престол. Справив посольство по чину, Безобразов мигнул канцлеру в знак того, что желает поговорить с ним наедине, и назначенному выслушать его пану сообщил данное ему князьями Шуйскими и Голицыными поручение – попенять королю за то, что он дал им в цари человека низкого и легкомысленного, жестокого, распутного мота, недостойного занимать московский престол и не умеющего прилично обращаться с боярами; они-де не знают, как от него отделаться, и уж лучше готовы признать своим царем королевича Владислава.

Очевидно, большая знать в Москве что-то затевала против Лжедмитрия и только боялась, как бы король не заступился за своего ставленника. Своими привычками и выходками, особенно легким отношением ко всяким обрядам, отдельными поступками и распоряжениями, заграничными сношениями Лжедмитрий возбуждал против себя в различных слоях московского общества множество нареканий и неудовольствий, хотя вне столицы, в народных массах популярность его не ослабевала заметно.

Однако главная причина его падения была другая. Ее высказал коновод боярского заговора, составившегося против самозванца, кн. В.И. Шуйский. На собрании заговорщиков накануне восстания он откровенно заявил, что признал Лжедмитрия только для того, чтобы избавиться от Годунова. Большим боярам нужно было создать самозванца, чтобы низложить Годунова, а потом низложить и самозванца, чтобы открыть дорогу к престолу одному из своей среды. Они так и сделали, только при этом разделили работу между собою: романовский кружок сделал первое дело, а титулованный кружок с кн. В.И. Шуйским во главе исполнил второй акт. Те и другие бояре видели в самозванце свою ряженую куклу, которую, подержав до времени на престоле, потом выбросили на задворки. Однако заговорщики не надеялись на успех восстания без обмана.

Всего больше роптали на самозванца из-за поляков; но бояре не решались поднять народ на Лжедмитрия и на поляков вместе, а разделили обе стороны и 17 мая 1606 г. вели народ в Кремль с криком: «Поляки бьют бояр и государя». Их цель была окружить Лжедмитрия будто для защиты и убить его.

В. ШУЙСКИЙ. После царя-самозванца на престол вступил кн. В.И. Шуйский, царь-заговорщик. Это был пожилой, 54-летний боярин небольшого роста, невзрачный, подслеповатый, человек неглупый, но более хитрый, чем умный, донельзя изолгавшийся и изынтриганившийся, прошедший огонь и воду, выдавший и плаху и не попробовавший ее только по милости самозванца, против которого он исподтишка действовал, большой охотник до наушников и сильно побаивавшийся колдунов.

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
Свое царствование он открыл рядом грамот, опубликованных по всему государству, и в каждом из этих манифестов заключалось по меньшей мере по одной лжи. Так, в записи, на которой он крест целовал, он писал: «Поволил он крест целовать на том, что ему никого смерти не предавать, не осудя истинным судом с боярами своими».

На самом деле, как сейчас увидим, целуя крест, он говорил совсем не то. В другой грамоте, писанной от имени бояр и разных чинов людей, читаем, что по низложению Гришки Отрепьева Освященный собор, бояре и всякие люди избирали государя «всем Московским государством» и избрали князя Василия Ивановича, всея Руси самодержца. Акт говорит ясно о соборном избрании царя, но такого избрания не было.

Правда, по низвержении самозванца бояре думали, как бы сговориться со всей землей и вызвать в Москву из городов всяких людей, чтобы «по совету выбрать государя такого, который бы всем был люб». Но князь Василий боялся городских, провинциальных избирателей и сам посоветовал обойтись без земского собора. Его признали царем келейно немногие сторонники из большого титулованного боярства, а на Красной площади имя его прокричала преданная ему толпа москвичей, которых он поднял против самозванца и поляков; даже и в Москве, по летописцу, многие не ведали про это дело.

В третьей грамоте от своего имени новый царь не побрезговал лживым или поддельным польским показанием о намерении самозванца перебить всех бояр, а всех православных крестьян обратить в лютерскую и латынскую веру. Тем не менее воцарение кн. Василия составило эпоху в нашей политической истории. Вступая на престол, он ограничил свою власть и условия этого ограничения официально изложил в разосланной по областям записи, на которой он целовал крест при воцарении.

ПОДКРЕСТНАЯ ЗАПИСЬ В. ШУЙСКОГО. Запись слишком сжата, неотчетлива, производит впечатление спешного черного наброска. В конце ее царь дает всем православным христианам одно общее клятвенное обязательство судить их «истинным, праведным судом», по закону, а не по усмотрению. В изложении записи это условие несколько расчленено.

Дела о наиболее тяжких преступлениях, караемых смертью и конфискацией имущества преступника, царь обязуется вершить непременно «с бояры своими», т. е. с думой, и при этом отказывается от права конфисковать имущество у братья и семьи преступника, не участвовавших в преступлении. Вслед за тем царь продолжает: «Да и доводов (доносов) ложных мне не слушать, а сыскивать всякими сысками накрепко и ставить с очей на очи», а за ложный донос по сыску наказывать смотря по вине, взведенной на оболганного. Здесь речь идет как будто о деяниях менее преступных, которые разбирались одним царем, без думы, и точнее определяется понятие истинного суда. Так, запись, по-видимому, различает два вида высшего суда: суд царя с думой и единоличный суд царя.

Запись оканчивается условием особого рода: царь обязуется «без вины опалы своей не класти». Опала, немилость государя, падала на служилых людей, которые чем-либо вызвали его недовольство. Она сопровождалась соответственными несправности опального или государеву недовольству служебными лишениями, временным удалением от двора, от «пресветлых очей» государя, понижением чина или должности, даже имущественной карой, отобранием поместья или городского подворья. Здесь государь действовал уже не судебной, а дисциплинарной властью, охраняющей интересы и порядок службы. Как выражение хозяйской воли государя, опала не нуждалась в оправдании и при старомосковском уровне человечности подчас принимала формы дикого произвола, превращаясь из дисциплинарной меры в уголовную кару: при Грозном одно сомнение в преданности долгу службы могло привести опального на плаху.

Царь Василий дал смелый обет, которого потом, конечно, не исполнил, опалиться только за дело, за вину, а для разыскания вины необходимо было установить особое дисциплинарное производство.

ЕЕ ХАРАКТЕР И ПРОИСХОЖДЕНИЕ. Запись, как видите, очень односторонняя. Все обязательства, принятые на себя царем Василием по этой записи, направлены были исключительно к ограждению личной и имущественной безопасности подданных от произвола сверху, но не касались прямо общих оснований государственного порядка, не изменяли и даже не определяли точнее значения, компетенции и взаимного

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru отношения царя и высших правительственных учреждений. Царская власть ограничивалась советом бояр, вместе с которым она действовала и прежде; но это ограничение связывало царя лишь в судебных делах, в отношении к отдельным лицам.

Впрочем, происхождение подкрестной записи было сложнее ее содержания: она имела свою закулисную историю. Летописец рассказывает, что царь Василий тотчас по своем провозглашении пошел в Успенский собор и начал там говорить, чего искони веков в Московском государстве не важивалось: «Целую крест всей земле на том, что мне ни над кем ничего не делати без собору, никакого дурна».

Бояре и всякие люди говорили царю, чтобы он на том креста не целовал, потому что в Московском государстве того не повелось; но он никого не послушал. Поступок Василия «оказался боярам революционной выходкой: царь призывал к участию в своей царской судной расправе не Боярскую думу, исконную сотрудницу государей в делах суда и управления, а земский собор, недавнее учреждение, изредка созываемое для обсуждения чрезвычайных вопросов государственной жизни.

В этой выходке увидели небывалую новизну, попытку поставить собор на место думы, переместить центр тяжести государственной жизни из боярской среды в народное представительство. Править с земским собором решался царь, побоявшийся воцариться с его помощью. Но и царь Василий знал, что делал. Обязавшись пред товарищами накануне восстания против самозванца править «по общему совету» с ними, подкинутый земле кружком знатных бояр, он являлся царем боярским, партийным, вынужденным смотреть из чужих рук. Он, естественно, искал земской опоры для своей некорректной власти и в земском соборе надеялся найти противовес Боярской думе. Клятвенно обязуясь перед всей землей не карать без собора, он рассчитывал избавиться от боярской опеки, стать земским царем и ограничить свою власть учреждением, к тому непривычным, т. е. освободить ее от всякого действительного ограничения.

Подкрестная запись в том виде, как она была обнародована, является плодом сделки царя с боярами. По предварительному негласному уговору царь делил свою власть с боярами во всех делах законодательства, управления и суда. Отстояв свою думу против земского собора, бояре не настаивали на обнародовании всех вынужденных ими у царя уступок: с их стороны было даже неблагоприятно являть всему обществу, как чисто удалось им ошипать своего старого петуха.

Подкрестная запись усиленно отмечала значение Боярской думы только как полномочной сотрудницы царя в делах высшего суда. В то время высшему боярству только это и было нужно. Как правительственный класс, оно делило власть с государями в продолжение всего XVI в.; но отдельные лица из его среды много терпели от произвола верховной власти при царях Иване и Борисе. Теперь, пользуясь случаем, боярство и спешило устранить этот произвол, оградить частные лица, т. е. самих себя, от повторения испытанных бедствий, обязав царя призывать к участию в политическом суде Боярскую думу, в уверенности, что правительственная власть и впредь останется в его руках в силу обычая.

ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ. При всей неполноте своей подкрестная запись царя Василия есть новый, дотоле небывалый акт в московском государственном праве: это – первый опыт построения государственного порядка на основе формально ограниченной верховной власти. В состав этой власти вводился элемент, или, точнее, акт, совершенно изменявший ее характер и постановку. Мало того, что царь Василий ограничивал свою власть: крестной клятвой он еще скреплял ее ограничение и являлся не только выборным, но и присяжным царем.

Присяга отрицала в самом существе личную власть царя прежней династии, сложившуюся из удельных отношений государя-хозяина: разве домохозяева присягают своим слугам и постояльцам? Вместе с тем царь Василий отказывался от трех прерогатив, в которых наиболее явственно выражалась эта личная власть царя. То были: 1) «опала без вины», царская немилость без достаточного повода, по личному усмотрению; 2) конфискация имущества у не причастной к преступлению семьи и родни преступника – отказом от этого права упразднялся старинный институт политической ответственности рода за родичей; наконец, 3) чрезвычайный следственно-полицейский суд по доносам с пытками и оговорами, но без очных ставок, свидетельских показаний и других средств нормального процесса.

Эти прерогативы составляли существенное содержание власти московского государя, выраженное изречениями деда и внука, словами Ивана III: кому хочу, тому и дам

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru княжение, и словами Ивана IV: жаловать своих холопей вольны мы и казнить их вольны же. Клятвенно стряхивая с себя эти прерогативы, Василий Шуйский превращался из государя холопов в правомерного царя подданных, правящего по законам.

ВТОРОЙ СЛОЙ ПРАВЯЩЕГО КЛАССА ВСТУПАЕТ В СМУТУ Но боярство, как правительственный класс, в продолжение Смуты не действовало единодушно, раскололось на два слоя: от первостепенной знати заметно отделяется среднее боярство, к которому примыкают столичное дворянство и приказные дельцы, дьяки. Этот второй слой правящего класса деятельно вмешивается в Смуту с воцарением Василия. Среди него и выработался другой план государственного устройства, тоже основанный на ограничении верховной власти, но гораздо шире захватывавший политические отношения сравнительно с подкрестной записью царя Василия.

Акт, в котором изложен этот план, составлен был при следующих обстоятельствах. Царем Василием мало кто был доволен. Главными причинами недовольства были некорректный путь В. Шуйского к престолу и его зависимость от кружка бояр, его избравших и игравших им как ребенком, по выражению современника. Недовольны наличным царем – стало быть, надобен самозванец: самозванство стало стереотипной формой русского политического мышления, в которую отливало всякое общественное недовольство. И слухи о спасении Лжедмитрия I, т. е. о втором самозванце, пошли с первых минут царствования Василия, когда второго Лжедмитрия еще не было и в заводе.

Во имя этого призрака уже в 1606 г. поднялись против Василия Северская земля и заокские города с Путивлем, Тулой и Рязанью во главе. Мятежники, пораженные под Москвой царскими войсками, укрылись в Туле и оттуда обратились к пану Мнишку в его мастерскую русского самозванства с просьбой выслать им какого ни на есть человека с именем царевича Димитрия. Лжедмитрий II, наконец, нашелся и, усиленный польско-литовскими и казацкими отрядами, летом 1608 г. стоял в подмосковном селе Тушине, подводя под свою воровскую руку самую сердцевину Московского государства, междуречье Оки – Волги.

Международные отношения еще более осложнили ход московских дел. Я упоминал уже о вражде, шедшей тогда между Швецией и Польшей из-за того, что у выборного короля польского Сигизмунда III отнял наследственный шведский престол его дядя Карл IX. Так как второго самозванца хотя и негласно, но довольно явно поддерживало польское правительство, то царь Василий обратился за помощью против тушинцев к Карлу IX. Переговоры, веденные племянником царя князем Скопиным-Шуйским, окончились посылкой вспомогательного шведского отряда под начальством генерала Делагарди, за что царь Василий принужден был заключить вечный союз со Швецией против Польши и пойти на другие тяжкие уступки. На такой прямой вызов Сигизмунд отвечал открытым разрывом с Москвой и осенью 1609 г. осадил Смоленск.

Оборона Смоленска. Гравюра. 1609–1611 гг.

В тушинском лагере у самозванца служило много поляков под главным начальством князя Рожинского, который был гетманом в тушинском стане. Презираемый и оскорбляемый своими польскими союзниками, царик в мужицком платье и на навозных санях едва ускользнул в Калугу из-под бдительного надзора, под каким его держали в Тушине. После того Рожинский вступил в соглашение с королем, который звал его поляков к себе под Смоленск. Русские тушинцы вынуждены были последовать их примеру и выбрали послов для переговоров с Сигизмундом об избрании его сына Владислава на московский престол. Посольство состояло из боярина Михаила Глебовича Салтыкова, из нескольких дворян столичных чинов и из полудюжины крупных дьяков московских приказов. В этом посольстве не встречаем ни одного яркознатного имени. Но в большинстве это были люди не худых родов. Заброшенные личным честолюбием или общей смутой в бунтовской полурусский-полупольский тушинский стан, они, однако, взяли на себя роль представителей Московского государства, Русской земли. Это была с их стороны узурпация, не дававшая им никакого права на земское признание их фиктивных полномочий. Но это не лишает их дела исторического значения. Общение с поляками, знакомство с их вольнолюбивыми понятиями и нравами расширило политический кругозор этих русских авантюристов, и они поставили королю условием избрания его сына в цари не только сохранение древних прав и вольностей московского народа, но и прибавку новых, какими этот

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
народ еще не пользовался.

Но это же общение, соблазняя москвичей зрелищем чужой свободы, обостряло в них чувство религиозных и национальных опасностей, какие она несла с собою: Салтыков заплакал, когда говорил перед королем о сохранении православия. Это двойственное побуждение сказалось в предосторожностях, какими тушинские послы старались обезопасить свое отечество от призываемой со стороны власти, иноверной и иноплеменной.

ДОГОВОР 4 февраля 1610 г. Ни в одном акте Смутного времени русская политическая мысль не достигает такого напряжения, как в договоре М. Салтыкова и его товарищей с королем Сигизмундом. Этот договор, заключенный 4 февраля 1610 г. под Смоленском, излагал условия, на которых тушинские уполномоченные признавали московским царем королевича Владислава. Этот политический документ представляет довольно разработанный план государственного устройства. Он, во-первых, формулирует права и преимущества всего московского народа и его отдельных классов, во-вторых, устанавливает порядок высшего управления.

В договоре прежде всего обеспечивается неприкосновенность русской православной веры, а потом определяются права всего народа и отдельных его классов. Права, ограждающие личную свободу каждого подданного от произвола власти, здесь разработаны гораздо разностороннее, чем в записи царя Василия. Можно сказать, что самая идея личных прав, столь мало заметная у нас прежде, в договоре 4 февраля впервые выступает с несколько определенными очертаниями. Все судятся по закону, никто не наказывается без суда.

На этом условии договор настаивает с особенной силой, повторительно требуя, чтобы, не сыскав вины и не осудив судом «с бояры всеми», никого не карать. Видно, что привычка расправляться без суда и следствия была особенно наболевшим недугом государственного организма, от которого хотели излечить власть возможно радикальнее. По договору, как и по записи царя Василия, ответственность за вину политического преступника не падает на его невиновных братьев, жену и детей, не ведет к конфискации их имущества. Совершенной новизной поражают два других условия, касающихся личных прав: больших чинов людей без вины не понижать, а малочинных возвышать по заслугам; каждому из народа московского для науки вольно ездить в другие государства христианские, и государь имущества за то отнимать не будет. Мелькнула мысль даже о веротерпимости, о свободе совести.

Договор обязывает короля и его сына никого не отводить от греческой веры в римскую и ни в какую другую, потому что вера есть дар Божий и ни совращать силой, ни притеснять за веру не годится: русский волен держать русскую веру, лях – ляхскую. В определении сословных прав тушинские послы проявили меньше свободомыслия и справедливости.

Договор обязывает блюсти и расширять по заслугам права и преимущества духовенства, думных и приказных людей, столичных и городских дворян и детей боярских, частью и торговых людей. Но «мужикам хрестьянам» король не дозволяет перехода ни из Руси в Литву, ни из Литвы на Русь, а также и между русскими людьми всяких чинов, т. е. между землевладельцами. Холопы остаются в прежней зависимости от господ, а вольности им государь давать не будет. Договор, сказали мы, устанавливает порядок верховного управления. Государь делит свою власть с двумя учреждениями, земским собором и Боярской думой. Так как Боярская дума вся входила в состав земского собора, то последний в московской редакции договора 4 февраля, о которой сейчас скажем, называется думою бояр и всей земли.

В договоре впервые разграничивается политическая компетенция того и другого учреждения. Значение земского собора определяется двумя функциями. Во-первых, исправление или дополнение судебного обычая, как и Судебника, зависит от «бояр и всей земли», а государь дает на то свое согласие. Обычай и московский Судебник, по которым отправлялось тогда московское правосудие, имели силу основных законов. Значит, земскому собору договор усвоил учредительный авторитет. Ему же принадлежал и законодательный почин: если патриарх с Освященным собором, Боярская дума и всех чинов люди будут бить челом государю о предметах, не предусмотренных в договоре, государю решать возбужденные вопросы с Освященным собором, боярами и со всею землей «по обычаю Московского государства». Боярская дума имеет законодательную власть: вместе с ней государь ведет текущее законодательство, издает обыкновенные законы. Вопросы о налогах, о жалованье служилым людям, об их поместьях и вотчинах решаются государем с боярами и

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinniko1ai.ru думными людьми; без согласия думы государь не вводит новых податей и вообще никаких перемен в налогах, установленных прежними государями. Думе принадлежит и высшая судебная власть: без следствия и суда со всеми боярами государю никого не карать, чести не лишать, в ссылку несылать, в чинах не понижать.

И здесь договор настойчиво повторяет, что все эти дела, как и дела о наследствах после умерших бездетно, государю делать по приговору и совету бояр и думных людей, а без думы и приговора бояр таких дел не делать.

МОСКОВСКИЙ ДОГОВОР 17 августа 1610 г. Договор 4 февраля был делом партии или класса, даже нескольких средних классов, преимущественно столичного дворянства и дьячества. Но ход событий дал ему более широкое значение. Племянник царя Василия князь М.В. Скопин-Шуйский со шведским вспомогательным отрядом очистил от тушинцев северные города и в марте 1610 г. вступил в Москву. Молодой даровитый воевода был желанным в народе преемником старого бездетного дяди. Но он внезапно умер. Войско царя, высланное против Сигизмунда к Смоленску, было разбито под Клушином польским гетманом Жолневским. Тогда дворяне с Захаром Ляпуновым во главе свели царя Василия с престола и постригли.

Москва присягнула Боярской думе как временному правительству. Ей пришлось выбирать между двумя соискателями престола: Владиславом, признания которого требовал шедший к Москве Жолкевский, и самозванцем, тоже подступавшим к столице в расчете на расположение к нему московского простонародья. Боясь вора, московские бояре вошли в соглашение с Жолкевским на условиях, принятых королем под Смоленском.

Однако договор, на котором 17 августа 1610 г. Москва присягнула Владиславу не был повторением акта 4 февраля. Большая часть статей изложена здесь довольно близко к подлиннику; другие сокращены или распространены, иные опущены или прибавлены вновь. Эти пропуски и прибавки особенно характерны. Первостепенные бояре вычеркнули статью о возвышении незнатных людей по заслугам, заменив ее новым условием, чтобы «московских княжеских и боярских родов приезжими иноземцами в отечестве и в чести не теснить и не понижать». Высшее боярство зачеркнуло и статью о праве московских людей выезжать в чужие христианские государства для науки: московская знать считала это право слишком опасным для заветных домашних порядков. Правящая знать оказалась на низшем уровне понятий сравнительно со средними служилыми классами, своими ближайшими исполнительными органами – участь, обычно постигающая общественные сферы, высоко поднимающиеся над низменной действительностью.

Договор 4 февраля – это целый основной закон конституционной монархии, устанавливающий как устройство верховной власти, так и основные права подданных, и притом закон, совершенно консервативный, настойчиво оберегающий старину, как было прежде, при прежних государях, по стародавнему обычаю Московского государства. Люди хватаются за писанный закон, когда чувствуют, что из-под ног ускользает обычай, по которому они ходили. Салтыков с товарищами живее первостепенной знати чувствовали совершившиеся перемены, больше ее терпели от недостатка политического устава и от личного произвола власти, а испытанные перевороты и столкновения с иноземцами усиленно побуждали их мысль искать средств против этих неудобств и сообщали их политическим понятиям более широты и ясности. Старый колеблющийся обычай они и стремились закрепить новым, писанным законом, его осмыслявшим.

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ДВОРЯНСТВО И ЗЕМСКИЙ ПРИГОВОР 30 июня 1611 г. Вслед за средним и высшим столичным дворянством вовлекается в Смуту и дворянство рядовое, провинциальное. Его участие в Смуте становится заметным также с начала царствования Василия Шуйского.

Первым выступило дворянство заокских и северских городов, т. е. южных уездов, смежных со степью. Тревоги и опасности жизни вблизи степи воспитывали в тамшнем дворянстве боевой, отважный дух. Движение поднято было дворянами городов Путивля, Венева, Каширы, Тулы, Рязани. Первым поднялся еще в 1606 г. воевода отдаленного Путивля князь Шаховской, человек неродовитый, хотя и титулованный. Его дело подхватывают потомки старинных рязанских бояр, теперь простые дворяне, Ляпуновы и Сунбуловы. Истым представителем этого удалого полустепного дворянства был Прокофий Ляпунов, городской рязанский дворянин, человек решительный, заносчивый и порывистый; он раньше других чувал, как поворачивает ветер, но его рука хваталась за дело прежде, чем успевала подумать о том голова. Когда кн.

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru

Скопин-Шуйский только еще двигался к Москве, Прокофий послал уже поздравить его царем при жизни царя Василия и этим испортил положение племянника при дворе дяди. Товарищ Прокофья Сунбулов уже в 1609 г. поднял в Москве восстание против царя. Мятежники кричали, что царь – человек глупый и нечестивый, пьяница и блудник, что они восстали за свою братию, дворян и детей боярских, которых будто бы царь с потаковниками своими, большими боярами, в воду сажает и до смерти побивает. Значит, это было восстание низшего дворянства против знати.

Р. Молво. Князь Скопин-Шуйский отвергает замысел Ляпунова. 1609 г.

В июле 1610 г. брат Прокофья Захар с толпой приверженцев, все неважных дворян, свел царя с престола, причем против них были духовенство и большие бояре. Политические стремления этого провинциального дворянства недостаточно ясны. Оно вместе с духовенством выбирало на престол Бориса Годунова назло боярской знати, очень радело этому царю из бояр, но не за бояр и дружно восстало против Василия Шуйского, царя чисто боярского. Оно прочило на престол сперва кн. Скопина-Шуйского, а потом кн. В.В. Голицына. Впрочем, есть акт, несколько вскрывающий политическое настроение этого класса.

Присягнув Владиславу, московское боярское правительство отправило к Сигизмунду посольство просить его сына на царство и из страха перед московской чернью, сочувствовавшей второму самозванцу, ввело отряд Жолкевского в столицу; но смерть вора тушинского в конце 1610 г. всем развязала руки, и поднялось сильное народное движение против поляков: города списывались и соединялись для очищения государства от иноземцев. Первым восстал, разумеется, Прокофий Ляпунов со своей Рязанью. Но прежде чем собравшееся ополчение подошло к Москве, поляки перерезались с москвичами и сожгли столицу (март 1611 г.). Ополчение, осадив уцелевшие Кремль и Китай-город, где засели поляки, выбрало временное правительство из трех лиц, из двух казацких вождей, кн. Трубецкого и Заруцкого, и дворянского предводителя Прокофья Ляпунова.

В руководство этим «троеначальникам» дан был приговор 30 июня 1611 г. Главная масса ополчения состояла из провинциальных служилых людей, вооружившихся и продольствовавших на средства, какие были собраны с людей тяглых, городских и сельских. Приговор составлен был в лагере этого дворянства; однако он называется приговором «всей земли», и троеначальников выбирали будто бы «всею землею». Таким образом, люди одного класса, дворяне-ополченцы, объявляли себя представителями всей земли, всего народа. Политические идеи в приговоре мало заметны, зато резко выступают сословные притязания. Выборные троеначальники, обязанные «строить землю и промышлять всяким земским и ратным делом», однако по приговору ничего важного не могли сделать без лагерного всеземского совета, который является высшей распорядительной властью и присваивает себе компетенцию гораздо шире земского собора по договору 4 февраля.

Приговор 30 июня больше всего занят ограждением интересов служилых людей, регулируя их отношения поземельные и служебные, говорит о поместьях, вотчинах, а о крестьянах и дворовых людях вспоминает только для того, чтобы постановить, что беглые или вывезенные в Смутное время люди должны быть возвращены прежним владельцам. Ополчение два с лишком месяца простояло под Москвой, еще ничего важного не сделало для ее выручки, а уже выступило всевластным распорядителем земли. Но когда Ляпунов озлобил против себя своих союзников казаков, дворянский лагерь не смог защитить своего вождя и без труда был разогнан казацкими саблями.

УЧАСТИЕ НИЗШИХ КЛАССОВ В СМУТЕ. Наконец, вслед за провинциальными служилыми людьми и за них цепляясь, в Смуту вмешиваются люди «жилецкие», простонародье тяглое и нетяглое. Выступив об руку с провинциальными дворянами, эти классы потом отделяются от них и действуют одинаково враждебно как против боярства, так и против дворянства.

Зачинщик дворянского восстания на юге князь Шаховской, «всей крови заводчик», по выражению современника-летописца, принимает к себе в сотрудники дельца совсем недворянского разбора: то был Болотников, человек отважный и бывалый, боярский холоп, попавший в плен к татарам, испытавший и турецкую каторгу и воротившийся в отечество агентом второго самозванца, когда он еще не имелся налицо, а был только задуман.

Движение, поднятое дворянами, Болотников повел в глубь общества, откуда сам вышел, набирал свои дружины из бедных посадских людей, бездомных казаков, беглых крестьян и холопов – из слоев, лежавших на дне общественного склада, и натравлял их против воевод, господ и всех власть имущих. Поддержанный восставшими дворянами южных уездов, Болотников со своими сбродными дружинами победоносно дошел до самой Москвы, не раз побив царские войска. Но здесь и произошло разделение этих на минуту и по недоразумению соединившихся враждебных классов.

Болотников шел напролом: из его лагеря по Москве распространялись прокламации, призывавшие холопов избивать своих господ, за что они получают в награду жен и имения убитых, избивать и грабить торговых людей; вора и мошенникам обещали боярство, воеводство, всякую честь и богатство. Прокофий Ляпунов и другие дворянские вожди, присмотревшись, с кем они имеют дело, что за народ составляет рать Болотникова, покинули его, передались на сторону царя Василия и облегчили царскому войску поражение сбродных отрядов. Болотников погиб, но его попытка всюду нашла отклик: везде крестьяне, холопы, поволжские инородцы – все беглое и обездоленное поднималось за самозванца. Выступление этих классов и продлило Смуту, и дало ей другой характер. До сих пор это была политическая борьба, спор за образ правления, за государственное устройство. Когда же поднялся общественный низ, Смута превратилась в социальную борьбу, в истребление высших классов низшими.

Сама кандидатура поляка Владислава имела некоторый успех только благодаря участию, принятому в Смуте низшими классами: степенные люди скрепя сердце соглашались принять королевича, чтобы не пустить на престол вора тушинского, кандидата черни. Польские паны в 1610 г. говорили на королевском совете под Смоленском, что теперь в Московском государстве простой народ поднялся, встал на бояр, чуть не всю власть в руках своих держит. Тогда всюду обнаружилось резко социальное разъединение, всякий значительный город стал ареной борьбы между низом и верхом общества; повсюду «добрые», зажиточные граждане говорили, по свидетельству современника, что лучше уж служить королевичу, чем быть побитыми от своих холопей или в вечной неволе у них мучиться, а худые люди по городам вместе с крестьянами бежали к вору тушинскому, чая от него избавления от всех своих бед. Политические стремления этих классов совсем неясны; да едва ли и можно предполагать у них что-либо похожее на политическую мысль. Они добивались в Смуте не какого-либо нового государственного порядка, а просто только выхода из своего тяжелого положения, искали личных льгот, а не сословных обеспечений.

Холопы поднимались, чтобы выйти из холопства, стать вольными казаками, крестьяне – чтобы освободиться от обязательств, какие привязывали их к землевладельцам, и от крестьянского тягла, посадские люди – чтобы избавиться от посадского тягла и поступить в служилые или приказные люди. Болотников призывал под свои знамена всех, кто хотел добиться воли, чести и богатства. Настоящим царем этого люда был вор тушинский, олицетворение всякого неурядка и беззакония в глазах благонамеренных граждан.

Таков был ход Смуты. Рассмотрим ее главнейшие причины и ближайшие следствия.

Лекция XLIII

Объяснить причины Смуты – значит указать обстоятельства, ее вызвавшие, и условия, так долго ее поддерживавшие. Обстоятельства, вызвавшие Смуту, нам уже известны: это было насильственное и таинственное пресечение старой династии и потом искусственное восстановление ее в лице самозванцев. Но как эти поводы к Смуте, так и глубокие внутренние ее причины возымели свою силу только потому, что возникли на благоприятной почве, возделанной тщательными, хотя и непредусмотрительными, усилиями царя Ивана и правителя Бориса Годунова в царствование Федора. Это было тягостное, исполненное тупого недоумения настроение общества, какое создано было неприкрытыми безобразиями опричнины и темными годуновскими интригами.

ХОД СМУТЫ. В ходе Смуты вскрываются ее причины. Смута была вызвана событием случайным – пресечением династии. Вымирание семьи, фамилии, насильственное или естественное, – явление, чуть не ежедневно нами наблюдаемое, но в частной жизни оно мало заметно.

Другое дело, когда кончается целая династия. У нас в конце XVI в. такое событие повело к борьбе политической и социальной, сначала к политической – за образ

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
правления, потом к социальной – к усобице общественных классов. Столкновение политических идей сопровождалось борьбой экономических состояний. Силы, стоявшие за царями, которые так часто сменялись, и за претендентами, которые боролись за царство, были различные слои московского общества. Каждый класс искал своего царя или ставил своего кандидата на царство; эти цари и кандидаты были только знаменами, под которыми шли друг на друга разные политические стремления, а потом разные классы русского общества.

Смута началась аристократическими происками большого боярства, восставшего против неограниченной власти новых царей. Продолжали ее политические стремления столичного гвардейского дворянства, вооружившегося против олигархических замыслов первостатейной знати, во имя офицерской политической свободы. За столичными дворянами поднялось рядовое провинциальное дворянство, пожелавшее быть властителем страны; оно увлекло за собою неслужилые земские классы, поднявшиеся против всякого государственного порядка, во имя личных льгот, т. е. во имя анархии. Каждому из этих моментов Смуты сопутствовало вмешательство казацких и польских шаек, донских, днепровских и вислинских отбросов московского и польского государственного общества, обрадовавшихся легкости грабежа в замутившейся стране.

В первое время боярство пыталось соединить классы готового распасться общества во имя нового государственного порядка; но этот порядок не отвечал понятиям других классов общества. Тогда возникла попытка предотвратить беду во имя лица, искусственно воскресив только что погибшую династию, которая одна сдерживала вражду и соглашала непримиримые интересы разных классов общества. Самозванство было выходом из борьбы этих непримиримых интересов. Когда не удалась, даже повторительно, и эта попытка, тогда, по-видимому, не оставалось никакой политической связи, никакого политического интереса, во имя которого можно было бы предотвратить распадение общества. Но общество не распалось: расшатался лишь государственный порядок. Когда надломились политические скрепы общественного порядка, оставались еще крепкие связи рациональные и религиозные: они и спасли общество.

Казацкие и польские отряды, медленно, но постепенно вразумляя разоряемое ими население, заставили, наконец, враждующие классы общества соединиться не во имя какого-либо государственного порядка, а во имя национальной, религиозной и простой гражданской безопасности, которой угрожали казаки и ляхи. Таким образом, Смута, питавшаяся рознью классов земского общества, прекратилась борьбой всего земского общества со вмешавшимися во внутреннюю усобицу сторонними силами, противоземской и чуженародной.

ГОСУДАРСТВО – ВОТЧИНА. Видим, что в ходе Смуты особенно явственно выступают два условия, ее поддерживавшие: это – самозванство и социальный разлад. Они и указывают, где надо искать главных причин Смуты.

Я уже имел случай отметить одно недоразумение в московском политическом сознании: государство, как союз народный, не может принадлежать никому, кроме самого народа; а на Московское государство и московский государь, и народ Московской Руси смотрели как на вотчину княжеской династии, из владений которой оно выросло. В этом вотчинно-династическом взгляде на государство я и вижу одну из основных причин Смуты. Указанное сейчас недоразумение было связано с общей скудостью или неготовностью политических понятий, далеко отстававших от стихийной работы народной жизни.

В общем сознании, повторю уже сказанное, Московское государство все еще понималось в первоначальном удельном смысле, как хозяйство московских государей, как фамильная собственность Калитина племени, которое его завело, расширяло и укрепляло в продолжение трех веков. На деле оно было уже союзом великорусского народа и даже завязывало в умах представление о всей Русской земле как о чем-то целом; но мысль еще не поднялась до идеи народа как государственного союза. Реальными связями этого союза продолжали служить воля и интерес хозяина земли. И надобно прибавить, что такой вотчинный взгляд на государство был не династическим притязанием московских государей, а просто категорией тогдашнего политического мышления, унаследованной от удельного времени. Тогда у нас и не понимали государства иначе, как в смысле вотчины, хозяйства государя известной династии, и если бы тогдашнему заурядному московскому человеку сказали, что власть государя есть вместе и его обязанность, должность, что, правя народом, государь служит государству, общему благу, это показалось бы путаницей понятий,

Отсюда понятно, как московские люди того времени могли представлять себе отношение государя и народа к государству. Им представлялось, что Московское государство, в котором они живут, есть государство московского государя, а не московского или русского народа. Для них были нераздельными понятиями не государство и народ, а государство и государь известной династии; они скорее могли представить себе государя без народа, чем государство без этого государя. Такое воззрение очень своеобразно выразилось в политической жизни московского народа. Когда подданные, связанные с правительством идеей государственного блага, становятся недовольны правящей властью, видя, что она не охраняет этого блага, они восстают против нее.

Когда прислуга или постояльцы, связанные с домохозяином временными условными выгодами, видят, что они этих выгод не получают от хозяина, они уходят из его дома. Подданные, поднимаясь против власти, не покидают государства, потому что не считают его чужим для себя; слуга или квартирант, недовольный хозяином, не остается в его доме, потому что не считает его своим.

Люди Московского государства поступали как недовольные слуги или жильцы с хозяином, а не как непослушные граждане с правительством. Они нередко роптали на действия правившей ими власти; но пока жила старая династия, народное недовольство ни разу не доходило до восстания против самой власти. Московский народ выработал особую форму политического протеста: люди, которые не могли ужиться с существующим порядком, не восставали против него, а выходили из него, «брели розно», бежали из государства.

Московские люди как будто чувствовали себя пришельцами в своем государстве, случайными, временными обывателями в чужом доме; когда им становилось тяжело, они считали возможным бежать от неудобного домовладельца, но не могли освоиться с мыслью о возможности восставать против него или заводить другие порядки в его доме. Так, узлом, связывавшим все отношения в Московском государстве, была не мысль о народном благе, а лицо известной династии, и государственный порядок признавался возможным только при государе именно из этой династии. Потому, когда династия пресеклась и, следовательно, государство оказалось ничьим, люди растерялись, перестали понимать, что они такое и где находятся, пришли в брожение, в состояние анархии. Они даже как будто почувствовали себя анархистами поневоле, по какой-то обязанности, печальной, но неизбежной: некому стало повиноваться – стало быть, надо бунтовать.

ВЫБОРНЫЙ ЦАРЬ. Пришлось выбирать царя земским собором. Но соборное избрание по самой новизне дела не считалось достаточным оправданием новой государственной власти, вызвало сомнения, тревогу. Соборное определение об избрании Бориса Годунова предвидит возражение людей, которые скажут про избирателей: «Отделимся от них, потому что они сами себе поставили царя». Кто скажет такое слово, того соборный акт называет неразумным и проклятым.

В одном очень распространенном памфлете 1611 г. рассказывается, как автору его в чудесном видении было поведено, что сам господь укажет, кому владеть Российским государством; если же поставят царя по своей воле, «навек не будет царь». В продолжение всей Смуты не могли освоиться с мыслью о выборном царе; думали, что выборный царь – не царь, что настоящим, законным царем может быть только прирожденный, наследственный государь из потомства Калиты, и выборного царя старались пристроить к этому племени всякими способами, юридическим вымыслом, генеалогической натяжкой, риторическим преувеличением.

Бориса Годунова по его избранию духовенство и народ торжественно приветствовали как наследственного царя, «здравствоваша ему на его государеве вотчине», а Василий Шуйский, формально ограничивший свою власть, в официальных актах писался «самодержцем», как титуловались природные московские государи. При такой неподатливости мышления в руководящих кругах появление выборного царя на престоле должно было представляться народной массе не следствием политической необходимости, хотя и печальной, а чем-то похожим на нарушение законов природы: выборный царь был для нее такой же несообразностью, как выборный отец, выборная мать. Вот почему в понятие об «истинном» царе простые умы не могли, не умели уложить ни Бориса Годунова, ни Василия Шуйского, а тем паче польского королевича Владислава: в них видели узурпаторов, тогда как один призрак природного царя в лице пройдохи неведомого происхождения успокаивал династически-легитимные

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
совести и располагал к доверию.

Смута и прекратилась только тогда, когда удалось найти царя, которого можно было связать родством, хотя и не прямым, с угасшей династией: царь Михаил утвердился на престоле не столько потому, что был земским всенародным избранником, сколько потому, что доводился племянником последнему царю прежней династии. Сомнение в народном избрании, как в достаточном правомерном источнике верховной власти, было немаловажным условием, питавшим Смуту, а это сомнение вытекало из укоренившегося в умах убеждения, что таким источником должно быть только вотчинное преемство в известной династии. Потому это неумение освоиться с идеей выборного царя можно признать производной причиной Смуты, вышедшей из только что изложенной основной.

ТЯГЛОВОЙ СТРОЙ ГОСУДАРСТВА. Я отметил социальный разлад как одну из резко выразившихся особенностей Смутного времени. Этот разлад коренился в тягловом характере московского государственного порядка, и это – другая основная причина Смуты.

Во всяком правомерно устроенном государственном порядке предполагается как одна из основ этой правомерности надлежащее соответствие между правами и обязанностями граждан, личными или сословными. Московское государство XVI в. в этом отношении отличалось пестрым совмещением разновременных и разнохарактерных социально-политических отношений. В нем не было ни свободных и полноправных лиц, ни свободных и автономных сословий. Однако общество не представляло безразличной массы, как в восточных деспотиях, где равенство всех покоится на общем бесправии. Общество расчленено, делится на классы, сложившиеся еще в удельные века. Тогда они имели только гражданское значение: это были экономические состояния, различавшиеся занятиями. Теперь они получили политический характер: между ними распределялись специальные, соответствовавшие их занятиям государственные повинности. Это еще не сословия, а простые служебные разряды, на должностном московском языке называвшиеся чинами. Государственная служба, падавшая на эти чины, не была для всех одинакова: одна служба давала подлежащим ей классам большую или меньшую власть распоряжаться, приказывать; другим классам их служба оставляла только обязанность повиноваться, исполнять. На одном классе лежала обязанность править, другие классы служили орудиями высшего управления или отбывали ратную службу, третьи несли разные податные обязанности.

Неодинаковой расценкой видов государственного служения создавалось неравенство государственного и общественного положения разных классов. Низшие слои, на которых лежали верхние, разумеется, несли на себе наибольшую тяжесть и, конечно, тяготились ею. Но и высший правительственный класс, которому государственная служба давала возможность командовать другими, не видел прямого законодательного обеспечения своих политических преимуществ. Он правил не в силу присвоенного ему на то права, а фактически, по давнему обычаю: это было его наследственное ремесло. Московское законодательство вообще было направлено прямо или косвенно к определению и распределению государственных обязанностей, но не формулировало и не обеспечивало ничьих прав, ни личных, ни сословных; государственное положение лица или класса определялось лишь его обязанностями. То, что в этом законодательстве похоже на сословные права, было не что иное, как частные льготы, служившие вспомогательными средствами для исправного отбывания повинностей. Да и эти льготы давались классам не в целом их составе, а отдельным местным обществам по особым условиям их положения.

Известное городское или сельское общество получало облегчение в налогах или изъятие в подсудности, но потребности установить общие сословные права городского или сельского населения в законодательстве еще не заметно. Само местное сословное самоуправление с его выборными властями основано было на том же начале повинности и соединенной с ней ответственности личной, своею головой, или общественной, целым миром; оно, как мы видели, было послушным орудием централизации. Правами обеспечиваются частные интересы лиц или сословий. В московском государственном порядке господство начала повинности оставляло слишком мало места частным интересам, личным или сословным, принося их в жертву требованиям государства. Значит, в Московском государстве не было надлежащего соответствия между правами и обязанностями ни личными, ни сословными. Кое-как уживались с тяжелым порядком под гнетом внешних опасностей, при слабом развитии личности и общественного духа. Царствование Грозного с особенной силой дало обществу почувствовать этот недостаток государственного строя.

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
Произвол царя, беспричинные казни, опалы и конфискации вызвали ропот, и не только в высших классах, но и в народной массе, «тугу и ненависть на царя в миру», и в обществе проснулась смутная и робкая потребность в законном обеспечении лица и имущества от усмотрения и настроения власти.

ОБЩЕСТВЕННАЯ РОЗНЬ. Но эта потребность вместе с общим чувством тяжести государственного порядка сама по себе не могла бы привести к такому глубокому потрясению государства, если бы не пресекалась династия, это государство построившая. Она служила венцом в своде государственного здания; с ее исчезновением разрывался узел, которым сдерживались все политические отношения. Что прежде терпеливо переносили, покоряясь воле привычного хозяина, то казалось невыносимым теперь, когда хозяина не стало.

В записках дьяка И. Тимофеева читаем картинную притчу о бездетной вдове богатого и властного человека, дом которого расхищает челядь покойника, вышедшая из «своего рабского устройства» и предавшаяся своеволию. В образе такой беспомощной вдовы публицист представил положение своей родной земли, оставшейся без «природного» царя-хозяина. Тогда все классы общества поднялись со своими особыми нуждами и стремлениями, чтобы облегчить свое положение в государстве. Только наверху общества этот подъем происходил не так, как внизу его. Верхние классы старались законодательным путем упрочить и расширить свои сословные права даже на счет нижних классов; в этих последних незаметно сословного интереса, стремления приобрести права или облегчить тягости для целых классов. Здесь каждый действовал в свою голову, спеша выйти из тяжелого положения, в какое поставила его суровая и неравномерная разверстка повинностей, и перескочить в другое, более льготное состояние или захватом урвать что-нибудь у зажиточных людей.

Наблюдательные современники усиленно отмечают как самый резкий признак Смуты это стремление общественных низов прорваться наверх и столкнуть оттуда верховников. Один из них, келарь А. Палицын, пишет, что тогда всякий стремился подняться выше своего звания, рабы хотели стать господами, люди невольные перескакивали к свободе, рядовой военный принимался боярствовать, люди сильные разумом ставились ни во что, «в прах вменяемы бываху» этими своевольниками и ничего не смели сказать им неугодного. Встреча столь противоположных стремлений сверху и снизу неминуемо вела к ожесточенной классовой вражде.

Эта вражда – производная причина Смуты, вызванная к действию второю, основной. Почин в этом разрушении общественного порядка наблюдатели-современники приписывают вершинам общества, высшим классам и прежде всего новым, ненаследственным носителям верховной власти, хотя уже Грозный своей опричниной подал ободрительный пример в этом деле. Зло упрекая царя Бориса в надменном намерении перестроить земский порядок и обновить государственное управление, эти наблюдатели винят его в том, что за наущничество он начал поднимать на высокие степени худородных людей, непривычных к правительственному делу и безграмотных, едва умевших подписывать деловой акт, медленно кое-как проволочить по бумаге свою трясущую руку, точно чужую. Этим он поселил ненависть в знатных и опытных дельцах.

Так же поступали и другие следовавшие за ним неистинные цари. Прицая за это, наблюдатели с сожалением вспоминают прежних природных государей, которые знали, какому роду какую честь и за что давать, «худородным же ни». Еще больше неурядицы внес царь Борис в общество, устройством доносов подняв холопов на господ, а боярскими опалами выгнав на улицу толпы челяди опальных бояр и этим заставив ее броситься в разбой. И царь Василий обеими руками сеял общественную смуту, одним указом усилив прикрепление крестьян, а другими стеснив господскую власть над холопами. Высшие классы усердно содействовали правительству в усилении общественного разлада. По свидетельству А. Палицына, при царе Федоре вельможами, особенно из родни и сторонников правителя Годунова, а по примеру их и другими овладела неистовая страсть к поработению, стремление заманивать к себе в кабалу всякими средствами и кого ни попало.

Но настал трехлетний голод (1601–1604 гг.), и господа, не желая или будучи не в состоянии кормить нахватанную челядь, выгоняли ее без отпускных из своих домов, а когда голодные холопы поряжались к другим господам, прежние преследовали их за побег и снос.

САМОЗВАНСТВО. В неблагоприятном образе действий правительства и общества, так

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru печально поддержанном самой природой, вскрылась такая неурядица общественных отношений, такой социальный разброд, с которым по пресечении династии трудно было сладить обычными правительственными средствами.

Эта вторая причина Смуты, социально-политическая, в соединении с первой, династической, сильно, хотя и косвенно, поддержала Смуту тем, что обострила действие первой, выразившейся в успехах самозванцев. Поэтому самозванство можно признать тоже производной причиной Смуты, вышедшей из совокупного действия обеих коренных. Вопрос, как могла возникнуть самая идея самозванства, не включает в себе какого-либо народно-психологического затруднения.

Таинственность, какою окружена была смерть царевича Димитрия, порождала противоречивые толки, из которых воображение выбирало наиболее желательные, а всего более желала благополучного исхода, чтобы царевич оказался в живых и устранил тягостную неизвестность, которой заволакивалось будущее. Расположены были, как всегда в подобных случаях, безотчетно верить, что злодейство не удалось, что провидение и на этот раз постояло на страже мировой правды и приготовило возмездие злодеям.

Ужасная судьба царя Бориса и его семьи была в глазах встревоженного народа поразительным откровением этой вечной правды Божией и всего более помогла успеху самозванства. Нравственное чувство нашло поддержку в чутье политическом, столько же безотчетном, сколько доступном по своей безотчетности народным массам.

Самозванство было удобнейшим выходом из борьбы непримиримых интересов, взбудораженных пресечением династии: оно механически, насильственно соединяло под привычной, хотя и поддельной, властью элементы готового распасться общества, между которыми стало невозможно органическое, добровольное соглашение.

Выводы. Так можно объяснить происхождение Смуты. Почвой для нее послужило тягостное настроение народа, общее чувство недовольства, вынесенное народом из царствования Грозного и усиленное правлением Б. Годунова.

Повод к Смуте дан был пресечением династии со следовавшими затем попытками искусственного ее восстановления в лице самозванцев. Коренными причинами Смуты надобно признать народный взгляд на отношение старой династии к Московскому государству, мешавший освоиться с мыслью о выборном царе, и потом самый строй государства с его тяжелым тягловым основанием и неравномерным распределением государственных повинностей, порождавшим социальную рознь: первая причина вызвала и поддерживала потребность воскресить погибший царский род, а эта потребность обеспечивала успех самозванства; вторая причина превратила династическую интригу в социально-политическую анархию.

Смуте содействовали и другие обстоятельства: образ действий правителей, становившихся во главе государства после царя Федора, конституционные стремления боярства, шедшие вразрез с характером московской верховной власти и с народным на нее взглядом, низкий уровень общественной нравственности, как ее изображают современные наблюдатели, боярские опалы, голод и мор в царствование Бориса, областная рознь, вмешательство казаков. Но все это были не причины, а или только симптомы Смуты, или условия, ее питавшие, но ее не породившие, или, наконец, следствия, ею же вызванные к действию.

Смута является на рубеже двух смежных периодов нашей истории, связанная с предшествующим своими причинами, с последующим – своими следствиями. Конец Смуте был положен вступлением на престол царя, ставшего родоначальником новой династии: это было первое ближайшее следствие Смуты.

ВТОРОЕ ОПОЛЧЕНИЕ. В конце 1611 г. Московское государство представляло зрелище полного видимого разрушения. Поляки взяли Смоленск; польский отряд сжег Москву и укрепился за уцелевшими стенами Кремля и Китай-города; шведы заняли Новгород и выставили одного из своих королевичей кандидатом на московский престол; на смену убитому второму Лжедмитрию в Пскове уселся третий, какой-то Сидорка; первое дворянское ополчение под Москвой со смертью Ляпунова расстроилось. Между тем страна оставалась без правительства.

М.И. Скотти. Минин и Пожарский. 1850 г.

Боярская дума, ставшая во главе его по низложению В. Шуйского, упразднилась сама собою, когда поляки захватили Кремль, где сели и некоторые из бояр со своим председателем кн. Мстиславским. Государство, потеряв свой центр, стало распадаться на составные части; чуть не каждый город действовал особняком, только пересылаясь с другими городами. Государство преобразилось в какую-то бесформенную, мятущуюся федерацию. Но с конца 1611 г., когда изнемогли политические силы, начинают пробуждаться силы религиозные и национальные, которые пошли на выручку гибнувшей земли.

Призывные грамоты архимандрита Дионисия и келаря Авраамия, расходившиеся из Троицкого монастыря, подняли нижегородцев под руководством их старосты мясника Кузьмы Минина. На призыв нижегородцев стали стекаться оставшиеся без дела и жалованья, а часто и без поместий служилые люди, городские дворяне и дети боярские, которым Минин нашел и вождя, князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Так составилось второе дворянское ополчение против поляков. По боевым качествам оно не стояло выше первого, хотя было хорошо снаряжено благодаря обильной денежной казне, самоотверженно собранной посадскими людьми нижегородскими и других городов, к ним присоединившихся. Месяца четыре ополчение устроялось, с полгода двигалось к Москве, пополнялось по пути толпами служилых людей, просивших принять их на земское жалованье.

Под Москвой стоял казацкий отряд кн. Трубецкого, остаток первого ополчения. Казаки были для земской дворянской рати страшнее самих поляков, и на предложение кн. Трубецкого она отвечала: «Отнюдь нам вместе с казаками не стаивать». Но скоро стало видно, что без поддержки казаков ничего не сделать, и в три месяца стоянки под Москвой без них ничего важного не было сделано. В рати кн. Пожарского числилось больше сорока начальных людей все с родовитыми служилыми именами, но только два человека сделали крупные дела, да и те были не служилые люди: это – монах А. Палицын и мясной торговец К. Минин. Первый по просьбе кн. Пожарского в решительную минуту уговорил казаков поддержать дворян, а второй выпросил у кн. Пожарского три-четыре роты и с ними сделал удачное нападение на малочисленный отряд гетмана Хоткевича, уже подбиравшегося к Кремлю со съестными припасами для голодавших там соотечичей. Смелый натиск Минина приободрил дворян-ополченцев, которые вынудили гетмана к отступлению, уже подготовленному казаками.

В октябре 1612 г. казаки же взяли приступом Китай-город. Но земское ополчение не решилось штурмовать Кремль; сидевшая там горсть поляков сдалась сама, доведенная голодом до людоедства. Казацкие же атаманы, а не московские воеводы отбили от Волоколамска короля Сигизмунда, направлявшегося к Москве, чтобы воротить ее в польские руки, и заставили его вернуться домой, Дворянское ополчение здесь еще раз показало в Смуту свою малопригодность к делу которое было его сословным ремеслом и государственной обязанностью.

ИЗБРАНИЕ МИХАИЛА. Вожди земского и казацкого ополчения князь Пожарский и Трубецкой разослали по всем городам государства повестки, призывавшие в столицу духовные власти и выборных людей из всех чинов для земского совета и государственного избрания.

В самом начале 1613 г. стали съезжаться в Москву выборные всей земли. Мы потом увидим, что это был первый бесспорно всесословный земский собор с участием посадских и даже сельских обывателей. Когда выборные съехались, был назначен трехдневный пост, которым представители Русской земли хотели очиститься от грехов Смуты перед совершением такого важного дела. По окончании поста начались совещания. Первый вопрос, поставленный на соборе, выбирать ли царя из иноземных королевских домов, решили отрицательно, приговорили: ни польского, ни шведского королевича, ни иных немецких вер и ни из каких неправославных государств на Московское государство не выбирать, как и «Маринкина сына».

Этот приговор разрушал замыслы сторонников королевича Владислава. Но выбрать и своего природного русского государя было нелегко. Памятники, близкие к тому времени, изображают ход этого дела на соборе не светлыми красками. Единомыслия не оказалось. Было большое волнение; каждый хотел по своей мысли делать, каждый говорил за своего; одни предлагали того, другие этого, все разноречили; придумывали, кого бы выбрать, перебирали великие роды, но ни на ком не могли согласиться и так потеряли немало дней.

Многие вельможи и даже невольможи подкупали избирателей, засылали с подарками и обещаниями. По избрании Михаила соборная депутация, просившая инокиню-мать благословить сына на царство, на упрек ее, что московские люди «измалодушествовались», отвечала, что теперь они «наказались», проучены, образумились и пришли в соединение. Соборные происки, козни и раздоры совсем не оправдывали благодушного уверения соборных послов.

Собор распался на партии между великородными искателями, из которых более поздние известия называют князей Голицына, Мстиславского, Воротынского, Трубецкого, Мих. Ф. Романова. Сам, скромный по отечеству и характеру, князь Пожарский тоже, говорили, искал престола и потратил немало денег на происки. Наиболее серьезный кандидат по способностям и знатности, кн. В.В. Голицын, был в польском плену, кн. Мстиславский отказывался; из остальных выбрать было некого. Московское государство выходило из страшной Смуты без героев; его выводили из беды добрые, но посредственные люди. Кн. Пожарский был не Борис Годунов, а Михаил Романов – не кн. Скопин-Шуйский. При недостатке настоящих сил дело решалось предрассудком и интригой.

В то время как собор разбивался на партии, не зная, кого выбрать, в него вдруг пошли одно за другим «писания», петиции за Михаила от дворян, больших купцов, от городов Северной земли и даже от казаков; последние и решили дело. Видя слабосилие дворянской рати, казаки буйствовали в освобожденной ими Москве, делали, что хотели, не стесняясь временным правительством Трубецкого, Пожарского и Минина. Но в деле царского избрания они заявили себя патриотами, решительно восстали против царя из чужеземцев, намечали, «примеривали» настоящих русских кандидатов, ребенка, сына вора тушинского, и Михаила Романова, отец которого Филарет был ставленник обоих самозванцев, получил сан митрополита от первого и провозглашен патриархом в подмосковном лагере второго.

Главная опора самозванства, казачество, естественно, хотело видеть на престоле московском или сына своего тушинского царя, или сына своего тушинского патриарха. Впрочем, сын вора был поставлен на конкурс несерьезно, больше из казацкого приличия, и казаки не настаивали на этом кандидате, когда земский собор отверг его. Сам по себе и Михаил, 16-летний мальчик, ничем не выдававшийся, мог иметь мало видов на престол, и, однако, на нем сошлись такие враждебные друг другу силы, как дворянство и казачество. Это неожиданное согласие отразилось и на соборе. В самый разгар борьбы партий какой-то дворянин из Галича, откуда производили первого самозванца, подал на соборе письменное мнение, в котором заявлял, что ближе всех по родству к прежним царям стоит М.Ф. Романов, а потому его и надобно выбрать в цари. Против Михаила были многие члены собора, хотя он давно считался кандидатом и на него указывал еще патриарх Гермоген, как на желательного преемника царя В. Шуйского.

Письменное мнение галицкого городского дворянина раздражило многих. Раздались сердитые голоса: кто принес такое писание, откуда? В это время из рядов выборных выделился донской атаман и, подошедши к столу, также положил на него писание. «Какое это писание ты подал, атаман?» – спросил его кн. Д. М. Пожарский. «О природном царе Михаиле Федоровиче», – отвечал атаман. Этот атаман будто бы и решил дело: «прочетше писание атаманское и бысть у всех согласен и единомыслен совет», – как пишет один бытописатель.

Михаила провозгласили царем. Но это было лишь предварительное избрание, только наметившее соборного кандидата. Окончательное решение предоставили непосредственно всей земле. Тайно разослали по городам верных людей выведать мнение народа, кого хотят государем на Московское государство. Народ оказался уже достаточно подготовленным. Посланные возвратились с донесением, что у всех людей, от мала и до велика, та же мысль: быть государем М. Ф. Романову, а опричь его никак никого на государство не хотеть. Это секретно-полицейское дознание, соединенное, может быть, с агитацией, стало для собора своего рода избирательным плебисцитом.

Г.И. Угрюмов. Призвание Михаила Федоровича Романова на царство 14 марта 1613 года. Около 1800 года

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru

В торжественный день, в неделю православия, первое воскресенье Великого поста, 21 февраля 1613 г., были назначены окончательные выборы. Каждый чин подавал особое письменное мнение, и во всех мнениях значилось одно имя – Михаила Федоровича. Тогда несколько духовных лиц вместе с боярином посланы были на Красную площадь, и не успели они с лобного места спросить собравшийся во множестве народ, кого хотят в царя, как все закричали: «Михаила Федоровича».

РОМАНОВЫ. Так соборное избрание Михаила было подготовлено и поддержано на соборе и в народе целым рядом вспомогательных средств: предвыборной агитацией с участием многочисленной родни Романовых, давлением казацкой силы, негласным дознанием в народе, выкриком столичной толпы на Красной площади. Но все эти избирательные приемы имели успех потому, что нашли опору в отношении общества к фамилии. Михаила вынесла не личная или агитационная, а фамильная популярность. Он принадлежал к боярской фамилии, едва ли не самой любимой тогда в московском обществе. Романовы – недавно обособившаяся ветвь старинного боярского рода Кошкиных.

Давно, еще при вел. кн. Иване Даниловиче Калите, выехал в Москву из «Прусские земли», как гласит родословная, знатный человек, которого в Москве прозвали Андреем Ивановичем Кобылой. Он стал видным боярином при московском дворе. От пятого сына его, Федора Кошки, и пошел «Кошкин род», как он зовется в наших летописях. Кошкины блистали при московском дворе в XIV и XV вв. Это была единственная нетитулованная боярская фамилия, которая не потонула в потоке новых титулованных слуг, нахлынувших к московскому двору с половины XV в.

Среди князей Шуйских, Воротыньских, Мстиславских Кошкины умели удержаться в первом ряду боярства. В начале XVI в. видное место при дворе занимал боярин Роман Юрьевич Захарьин, шедший от Кошкина внука Захария. Он и стал родоначальником новой ветви этой фамилии – Романовых.

Сын Романа Никита, родной брат царицы Анастасии, – единственный московский боярин XVI в., оставивший на себе добрую память в народе: его имя запомнила народная былина, изображая его в своих песнях о Грозном благодушным посредником между народом и сердитым царем. Из шести сыновей Никиты особенно выдавался старший, Федор.

Это был очень добрый и ласковый боярин, щеголь и очень любознательный человек. Англичанин Горсей, живший тогда в Москве, рассказывает в своих записках, что этот боярин непременно хотел выучиться по-латыни, и по его просьбе Горсей составил для него латинскую грамматику, написав в ней латинские слова русскими литерами. Популярность Романовых, приобретенная личными их качествами, несомненно, усилилась от гонения, какому они подверглись при подозрительном Годунове; А. Палицын даже ставит это гонение в число тех грехов, за которые Бог покарал землю Русскую Смутой.

Вражда с царем Василием и связи с Тушином доставили Романовым покровительство и второго Лжедмитрия и популярность в казацких таборах. Так двусмысленное поведение фамилии в смутные годы подготовило Михаилу двустороннюю поддержку, и в земстве и в казачестве. Но всего больше помогла Михаилу на соборных выборах родственная связь Романовых с прежней династией. В продолжение Смуты русский народ столько раз неудачно выбирал новых царей, и теперь только то избрание казалось ему прочно, которое падало на лицо, хотя как-нибудь связанное с прежним царским домом. В царя Михаила видели не соборного избранника, а племянника царя Федора, природного, наследственного царя.

Современный хронограф прямо говорит, что Михаила просили на царство «сродственного его ради союза царских искр». Недаром Авраамий Палицын зовет Михаила «избранным от Бога прежде его рождения», а дьяк И. Тимофеев в непрерывной цепи наследственных царей ставил Михаила прямо после Федора Ивановича, игнорируя и Годунова, и Шуйского, и всех самозванцев. И сам царь Михаил в своих грамотах обычно называл Грозного своим дедом.

Трудно сказать, насколько помог избранию Михаила ходивший тогда слух, будто царь Федор, умирая, устно завещал престол своему двоюродному брату Федору, отцу Михаила. Но бояр, руководивших выборами, должно было склонять в пользу Михаила еще одно удобство, к которому они не могли быть равнодушны. Есть известие, будто бы Ф. И. Шереметев писал в Польшу кн. Голицыну: «Миша-де Романов молод, разумом еще не дошел и нам будет поваден». Шереметев, конечно, знал, что престол не

Русь в «Бунташный век». Николай Михайлович Карамзин, Василий Осипович Ключевский karamzinnikolai.ru
лишит Михаила способности зреть и молодость его не будет перманентна. Но другие качества обещали показать, что племянник будет второй дядя, напоминая его умственной и физической хилостью, выйдет добрым, кротким царем, при котором не повторятся испытания, пережитые боярством в царствование Грозного и Бориса.

Хотели выбрать не способнейшего, а удобнейшего. Так явился родоначальник новой династии, положивший конец Смуте.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://karamzinnikolai.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!